BEN ELTON

“НОМЕР ОДИН”

БЕН ЭЛТОН

Девяносто пять тысяч претендентов — один победитель!

THE BEST OF ИНОСТРАНКА

«Номер один»
Бен Элтон

Аннотация
Бен Элтон. «Номер один»
Смотрите в следующем выпуске
Кельвин Симмс
Берилл Бленхейм
Второй парень
ЕКВ
Присцилла Бленхейм
Рождение звезды
Подсчет
Шайана
Эмма, а также «липучки», «выскочки» и «сморчки»
Грэм и Миллисент
«Четверка-Х»
В то же время годом ранее
Группа «Пероксид»
Королевская заявка
Берилл (ненадолго) спешит на помощь Присцилле
Друг и знакомый
Пожалуйста, не нужно больше мистера добряка

Мимолетное увлечение
Кто эта девушка?
Бирмингем
Правда, честно, насколько сильно ты этого ХОЧЕШЬ?
Снова подсчеты
Грэм и Милли на парковке
Заявление о цели
Гнев
«Пероксид» и Незабудка
Первый раз
I Will Survive
Не влюблена
И не влюблен
Организация подтяжки
Попытки сосредоточиться
Последний отбор
Безработная
Попытки сосредоточиться
Попытки переключиться
Ужин и непристойное предложение
Проверка реальности
Вокруг дивана психоаналитика
Семейная поездка
Все ради любви
«Шетландский туман» готовится зажечь в Данди

Встреча не начинается
Родни недоволен
Приступаем к работе
Спутниковая навигационная система
Саммит в вестибюле
Родни приходит на совещание
Виртуальный Карнеги-Холл и другие мечты
Принц поет короля
Привет, детка
Хочу быть гадким
Прослушивание: все замерло
Прослушивание: натаскивание Вики
Прослушивание: прибытие судей
Прослушивание: натаскивание множества «липучек»
Прослушивание: «When Irish Eyes Are Smiling»
Прослушивание: гадкие и угрюмые
Прослушивание: уничтожение Вики
Еще трое «сморчков»
Отставка
Слова любви
Трой учится читать
Поздравляю, вы в следующем туре: Квазар и «Четверка-Х»
Поздравляю, вы в следующем туре: Грэм и Миллисент

Поздравляю, вы в следующем туре: группа «Парень»
Поздравляю, вы в следующем туре: Иона
Осторожно, она не в себе
Он делает это для детей
Поздравляем, вы в следующем туре: Латиффа и Сьюки
Группа «Пероксид» встречает свою погибель
Челси приводит Шайану
Дальнейшие разочарования
Воссоединение мачехи и ребенка
Мнения о Шайане
Милый малыш
«Поп-школа»
«Поп-школа»: Синди и Шайана
«Поп-школа»: Грэм и Миллисент
«Поп-школа»: Иона
«Все ко мне домой»: Грэм и Миллисент
«Все ко мне домой»: ЕКВ
«Hell Hath No Fury»
Королевский переворот
Трагедия и фарс
Выходец из народа
Накануне финалов
Первая неделя
Вторая неделя

Третья неделя
Эмма и Шайана
Четвертая неделя
Пятая неделя
Поиски Шайаны
Шестая неделя
Седьмая неделя
Восьмая и девятая недели
Финал, часть первая
Финал, часть вторая
Она так сильно хотела этого
Смотрите в следующем выпуске

Аннотация

«Номер один» — крупнейшее шоу на Британском телевидении, а его задача — выбрать лучшего певца из девяноста пяти тысяч претендентов на это звание. По условиям конкурса победителя определяют трое судей и голосование зрителей, на самом же деле все здесь зависит от воли одного человека — продюсера Кельвина Симмса, одного из самых влиятельных людей на Британском телевидении. И на этот раз он решает, что победит… принц Уэльский.

Бен Элтон
«Номер один»

Посвящается девяноста пяти тысячам

Смотрите в следующем выпуске

Через несколько лет

Нация столько раз наблюдала за тем, как плачет Шайана. Столько раз слышала, как она дрожащим голосом пытается закончить предложение.

— Я так сильно хочу этого. Я правда, правда хочу этого так сильно. Это единственное, чего я хотела в жизни. С самого детства… Это моя… Это моя…

Шайана не могла *закончить*. Ей не хватало слов. Ее губа дрожала, ноздри раздувались, и влажная пленка застилала глаза. Веки болезненно сжимались и выдавили блестящую слезу.

Всего лишь одну слезу, но какую. Это была одна из самых заметных публично пролитых слез в истории. Едва ли за какой-то другой слезой следили так много и так часто. Снова и снова она дрожала на густо накрашенных нижних ресницах Шайаны, а затем соскальзывала и тяжело катилась по мягкой, теперь уже такой знакомой всей нации щеке, прокладывая себе дорогу поверх густого слоя румян, при помощи которых гример тщетно пытался скрыть крошечные изъяны на дрожа-

щем лице девушки.

Многие миллионы людей насладились этой сценой непосредственно перед последней рекламной паузой, а также перед предшествующей ей. Они видели ее в самом начале программы и во время анонсов на протяжении вечера. Те, у кого был доступ к цифровым каналам, могли наблюдать за слезой уже почти неделю, а ее фотографии появились в прессе. Также можно было скачать ее на сотовый телефон, зайдя на сайт шоу «Номер один» и кликнув на раздел «Лучшие моменты анонсов».

Но, несмотря на глобальную известность, пока что эта слеза оставалась слезой будущего, которую, как бесконечное количество раз повторяла Кили, ведущая шоу, предстояло увидеть «в следующем выпуске».

— Смотрите в следующем выпуске: Шайана на гране срыва.

— Смотрите в следующем выпуске: Шайана пытается справиться.

— Неужели мечта Шайаны превращается в кошмар? Все это и многое другое смотрите в следующем выпуске.

Итак, слеза дрожала. Неуверенная слеза, настоящая и всем знакомая, но все же — слеза

ожидания. Но наконец момент настал. Теперь это уже не была слеза из «следующего выпуска», она превратилась в реальную слезу, которая катилась своей дорогой. И в первый (но определенно не в последний) раз миллионы зрителей увидели, как она исчезла за прямоугольным белым накладным ногтем Шайаны, когда девушка уткнулась подбородком в изящное худенькое плечико Кили, не в состоянии подобрать подходящее моменту слово.

— Я так сильно хочу этого, — повторила она. — Я очень, очень хочу. Я так сильно хочу этого. Это единственное, чего я хотела в жизни. С самого детства… Это моя… Это моя…

Перед лицом последнего лингвистического препятствия Шайану переполнили эмоции, и она лишилась дара речи.

— Мечта? — проворковала Кили. — Это твоя мечта? Ты это пыталась нам сказать? Что это твоя мечта?

— Да, Кили, — шмыгнула носом Шайана. — Это именно то, что я хотела сказать. Что это моя мечта.

Загорелые, мускулистые и словно неживые руки обнимали Шайану за плечи. Слившись на секунду в объятиях, девушки представляли собой

резкий контраст: успешная девушка и девушка с мечтой. Шайана подняла руку (чтобы стереть знаменитую слезу) и попала в объятия Кили. Это выглядело не очень хорошо, потому что рука Шайаны на секунду угодила Кили под мышку, а зубы Кили сомкнулись вокруг крупной серьги Шайаны. Казалось, ни та ни другая не заметили этого неловкого момента, но в любом случае им было все равно. Эмоции разбушевались не на шутку. Обе находились на грани срыва.

— Вперед, малышка, — прошептала Кили. — Вперед, детка.

— Да, — шмыгнула носом Шайана, поднимая глаза туда, где светили бы звезды, не будь на дворе день и не находись она в помещении. — Господь дал мне эту возможность, и я надеру им зад!

Кельвин Симмс

Несколькими месяцами ранее один из тех задов, который Шайана собиралась надрать, дрожал от ярости. Тот, кому он принадлежал, Кельвин Симмс, с ужасом понял, что его, непревзойденного манипулятора, человека, который с первого взгляда знал о собеседнике больше, чем тот знал о себе, просто поимели. Кельвин всегда считал, что может читать любого человека как открытую книгу. Любого, как теперь оказалось, кроме женщины, на которой он женился.

— Развод? — пробормотал он.

— Ага-а, — протянула сексуальным, томным голосом с южным акцентом его прекрасная американская жена, ставшая таковой всего две недели назад. — Я-а хочу развода.

Они стояли в холле просторного особняка в Белгрейвии, в котором Кельвин собирался свить семейное гнездышко с Дакотой. Их окружали многочисленные чемоданы, все из одной коллекции. Два водителя, которые помогли занести вещи в дом, только что закрыли за собой парадную дверь. Не прошло еще и мгновения, как он

на руках перенес жену через порог. У него в кармане по-прежнему лежал заграничный паспорт, шея была намазана защитным кремом от загара, на нем все еще были шорты и сандалии, отчего он чувствовал себя особенно нелепо в свете шокирующего откровения, что медовый месяц определенно подошел к концу.

— Мы женаты всего две недели! — запротестовал он.

— Ну-у, поверь мне, дорогой, мне это показалось годом, — промурлыкала Дакота.

— Тогда какого черта было затевать медовый месяц? Почему ты не бросила меня при выходе из церкви?

— Нужно было все сделать как следует, дорогуша. Я-а ж не могла позволить, чтоб ты заявил, что я-а отказала тебе в близости, а судья б объявил, что наш брак недействителен.

Мысли в голове Кельвина посыпались и зазвенели, словно монеты из игрового автомата при крупном выигрыше. Так вот почему она так старалась! Кричала, визжала и призывала Господа Всемогущего дать ей сил. Она никогда так не кричала, когда они занимались любовью до свадьбы. Вообще-то раньше она довольно равнодушно относилась к сексу, и Кельвин, будучи мужчиной

занятым, всегда это ценил. Однако внезапно она ощутила потребность заявить всему миру о своих усилиях. Другие постояльцы гостиницы начали жаловаться, Кельвину пришлось выкупить все номера вокруг и компенсировать ущерб пожилой паре, которая утверждала, что всю ночь не сомкнула глаз. Он хотел провести медовый месяц в одном из своих многочисленных особняков, но Дакота настояла на том, чтобы они остановились в крупном отеле. Теперь он понял, зачем ей это было нужно.

— Кельвин, я-а уверена, что в Венеции все знают, как жа-адно ты использовал мое бедное слабое тело. Я-а была просто ребенком, милым невинным ребенком, а ты затрахал меня до полусмерти.

Кельвин изумленно смотрел на жену. Описать ее можно было по-разному, но слова «милый невинный ребенок» к ней никак не подходили. Тридцати четырех лет от роду, выше шести футов ростом, гламурная, умудренная опытом и, как оказалось, хитрая как змея. В аристократических семьях Конфедерации девушек готовят к борьбе с детства. В конце концов, прошло всего шесть поколений с тех пор, как их прапрапрапрабабушки столкнулись лицом к лицу с новым жестоким

миром, имея единственной защитой свою внешность и сильно развитый аристократизм.

— Я-а с тобой развожусь, милый, — мурлыкала Дакота. — И на развод я-а подаю в Городе ангелов, а это означает, что я-а получу половину.

Кельвин напряженно думал. Неужели это возможно? Они женаты две недели, ради всего святого. Половину? Не может быть.

— На каком основании? — спросил он.

— Умственная жесткость.

— Умственная жестокость! — взорвался Кельвин.

— Ага-а.

— Когда это я был к тебе жесток? — поинтересовался он.

— Никогда, дорогой, вот только ты мне до полусмерти надоел болтовней о том, какой ты умный, и все такое, — ухмыльнулась Дакота. — Мы это оба знаем. Но, к счастью для меня, никто больше этого не знает, и, поскольку у тебя репутация самого мерзкого, жестокого и безжалостного человека на телевидении, я-а не думаю, что суд придется долго убеждать, что ты относился к своей милой невинной жене так же, как к своим тупым конкурсантам.

Поняв, что до сих пор держит в руке одну из

сумок, Кельвин поставил ее на полированный мраморный пол.

— Может, пройдем в комнату, присядем? — предложил он.

— Не-а. Я-а уезжаю, меня ждет машина.

— Что? Прямо сейчас?

— Даже скорее, если получится.

— Ты спланировала все это с самого начала? — спросил Кельвин.

— Конечно.

— С самого начала? Три года назад?

— Ага-а.

— То есть ты вообще никогда меня не любила?

— Еще чего!

Кельвин вдруг ясно вспомнил период ухаживания. Бокал шампанского, пролитый на него на показе Версаче, благодаря которому он впервые заговорил с ней…

«Мне так жаль, боже! Я-а вас забрызгала? Какая ж я-а неловкая!»

Неужели она это подстроила? В то время она казалась обезоруживающе откровенной и честной, она так спокойно вытирала его салфеткой и, ничуть не смутившись, хихикала, как все аристократки с Юга, которых учат этому с колыбели. Такое невозможно сыграть. Однако выходило,

что все-таки сыграла.

— Ну а как насчет Бискайского залива? Ты и тогда меня не любила?

— Ты что, с ума сошел?

Закат в тот вечер был просто потрясающий, они оказались одни, и она сказала, что любит его. Именно тогда он сделал ей предложение.

— Пожалуйста, Кельвин, — сказала Дакота почти скучающим тоном. — Не стоит выглядеть таким разочарованным. В конце концов, дорогой, ты меня никогда не любил.

Вообще-то это была правда, хотя он не подозревал, что ей это известно. Он на самом деле никого и никогда не любил, но она ему ужасно нравилась.

— Ну конечно, я тебя любил! Зачем же я на тебе женился?

— По той же причине, по которой я-а вышла за тебя замуж, мой сладкий. Чтоб получить кое-что, чего у тебя не было. Ты хотел жену. Ты уже достаточно долго был холостяком. Ты хотел красивую жену. Чтоб детей иметь, на премьеры вместе ходить, чтоб твои родители были счастливы. Чтоб избавиться раз и навсегда от слухов о том, что ты голубой.

Кельвин слушал открыв рот. Она формулиро-

вала его мысли лучше, чем это удавалось ему самому. Все так и было: в сорок два года, помешанный на работе и лопающийся от богатства, он решил, что остроумная, шикарная, умная спутница детородного возраста удачно дополнит его тщательно спланированную жизнь. На церемонии бракосочетания, когда им читали отрывок из «Пророка» о двух столпах, Кельвин подумал, что эти строки пришлись к теме, ведь больше всего от своей спутницы жизни он ждал поддержки, которая даст ему возможность беспрепятственно продолжать завоевание мира. Теперь же оказалось, что вместо поддерживающего столпа он заполучил пушечное ядро, которое разрушило его жизнь до основания.

Воспоминания о свадьбе натолкнули его еще на одну мысль.

— Ты понимаешь, что журнал «Хелло!» потребует вернуть им деньги?

На лице Дакоты появилось выражение безграничного превосходства.

— Я-а всегда презирала твою банальность и нечистоплотность, Кельвин. Слава богу, мне больше не придется терпеть это. Увидимся в Калифорнии!

Красивая, статная «светловолосая бомба», как

отзывались о ней газетчики, повернулась на четырехдюймовых каблуках и положила ладонь на ручку двери.

— Ты не получишь половины! — крикнул Кельвин. — Даже в Калифорнии!

Дакота повернулась и снова взглянула на него:

— Я получу половину, Кельвин. Из меня сделали дурочку. Меня соблазнили твое очарование и мужественность. Меня соблазнил мужчина, грязный британец, который затем надругался надо мной и использовал меня неестественным образом.

— Ты ведь не заявишь такое?

— Заявлю, Кельвин, дорогой! Я-а скажу, что ты требовал от меня неестественных дел, а когда я-а отказалась, ты меня избил!

— Ты не можешь так поступить! Это будет твое слово против моего!

— Вот именно! Слово милой заплаканной баптистки с Юга против слова самого известного ублюдка в мире! Самодовольного, ухмыляющегося мистера Негодяя из самого крупного телешоу. Любой член жюри присяжных в Америке поверит, что ты пытался засунуть свою мерзкую английскую рапиру туда, куда ни одна христианская жена не позволит ее засунуть.

— Это возмутительно! Это грабеж, самый обыкновенный грабеж. Ты пытаешься меня ограбить.

— Ой, да ладно тебе, Кельвин, ты и сам вор. Не притворяйся, всем ведь известно, что «Номер один» — это тот же «Х-фактор», но с другими судьями. Более мерзкими судьями. Гораздо более мерзкими судьями. Ты украл эту идею! А теперь я обворую тебя.

Если Дакота хотела еще больше разозлить Кельвина, то ей это определенно удалось. Она попала в самое больное место, заговорила о единственной ложке дегтя в огромной бочке его славы и богатства. Всем было понятно, что идея шоу Кельвина «Номер один», самого последнего в серии невероятно популярных телевизионных программ, занимающихся поисками талантов, была почти без изменений позаимствована у предшествующих шоу. Кельвин никогда не отрицал этого, как и того, что свой имидж грубого, резкого английского судьи он позаимствовал у Саймона Ковелла. Не отрицал он и того, что превзошел сам себя, чтобы воссоздать элементы, сформировавшие успешную судейскую команду. Он отыскал помешанную на детях звезду реалити-ТВ, прославившуюся благодаря своей неблагополучной семье. Он нашел приятного

на вид профессионала из области поп-культуры, который искал возможности показаться на телевидении. Он усердно воссоздал все элементы, которые были так успешны в шоу «Х-фактор», и до того в этом преуспел, что шоу «Номер один» в конце концов затмило первоначальную модель. Именно это Кельвин никогда не уставал объяснять людям. Дело не в том, что он сделал что-то новое, он просто сделал это лучше.

— В конце концов, ничто не ново, — говорил Кельвин. — Я не содрал ничего, что не было бы содрано раньше. Шоу «Х-фактор» — это просто «Поп-идол», а «Поп-идол» — просто «Поп-звёзды», а это шоу, кстати, появилось в Новой Зеландии, а вообще все уходит корнями в «Новые лица» и «Новые возможности»…

— Да какая разница, Кельвин!

— Еще какая! Разница есть! Если хочешь, грабь меня, но я не позволю тебе меня оскорблять. Мое шоу так популярно потому, что я — лучший в своем деле! Почему больше не слышно о шоу «Х-фактор»? Из-за меня. Теперь я король, потому что я делаю все по-своему!

— Ладно. Значит, ты лучше предыдущего парня грубишь, издеваешься и выглядишь полным дерьмом перед камерами. Отлично, Кельвин,

поз-драв-ля-ю!

— Дело далеко не только в этом, и тебе это известно, — рявкнул Кельвин. — Я лучший в том, что делаю за кадром. У меня есть подход. Я понимаю процесс. Когда дело доходит до манипулирования публикой, я просто чертов Геббельс. Я делаю вымысел правдой. Никто не видит всего так, как вижу я.

— Геббельс, да?

— Да, Геббельс.

— Твоя мамочка, наверное, гордится тобой.

Дакота снова повернулась на каблуках, чтобы уйти, но Кельвин схватил ее за руку.

— Ладно, дорогуша! — сказал он. — А как тебе такая мысль? Ты хочешь половину всего, что я заработал?

— Да, Кельвин. Хочу и получу.

— А что, если я дам тебе возможность получить все?

Дакота оперлась на дверь:

— Слушаю…

— Ты говоришь, что шоу «Номер один» — просто сворованная идея. Что я просто очередной везучий хам-англичанин. А я говорю, что я вкладываю в шоу свой уникальный талант. Я говорю, что важно то, что я делаю за кадром…

— Я знаю, Кельвин. Ты никогда не устаешь говорить мне об этом.

— Ну так вот, сейчас мы проводим предварительный набор на новый сезон шоу «Номер один». Валяй, назови имя. Назови кого угодно, и я гарантирую, что этот человек победит в конкурсе. Если у меня получится, ты уходишь ни с чем. Если я проиграю, тебе достанется все.

Дакота задумалась; она была явно удивлена. Предложение было самонадеянное, куда более самонадеянное, чем она могла ожидать.

— Я могу выбрать кого угодно?

— Да, любого англичанина или ирландца… и не педофила. Даже я не смог бы раскрутить Гари Глиттера!

— Это твое единственное условие?

— Да. Назови любого, только не педофила, и в этом году он станет победителем шоу «Номер один».

— Должна сказать, такое предложение делает честь моему инстинкту игрока.

Семья Дакоты, помимо всего остального, занималась разведением лошадей, и дважды лошадь, названная в ее честь, выигрывала дерби в Кентукки.

— Хотя, конечно, я-а не могу позволить тебе

подобрать ему более слабых соперников.

— Что? Ты хочешь сказать, выбрать одиннадцать человек с еще меньшими шансами на победу, чем у твоего кандидата? Наверное, я мог бы это устроить, но шоу получилось бы поганое. Знаешь, в прошлом году шоу «Номер один» собрало аудиторию в восемь с половиной миллионов человек. Если в этот раз мы опустимся ниже восьми, хотя бы однажды, я проигрываю в любом случае.

— Ты готов рискнуть всем?

— Я ничем не рискую. Я знаю, что могу победить. Даю тебе день, чтобы назвать своего кандидата.

— Ладно. Пойдет. Я принимаю пари. И мне не нужен день, чтобы сделать выбор. Я уже все решила.

Берилл Бленхейм

— Ты хочешь сказать, что свинья не срет?

— Свинья не срет, Берилл, что еще я могу сказать?

— Нужно было взять одну из моих свиней.

— Мы подумали, что так будет больше шансов на хорошую кучу. В агентстве нам сказали, что ее накормили до отвала.

Берилл Бленхейм уже целую вечность стояла на неудобных золотых шпильках и в вечернем наряде от Стеллы Маккартни. Рядом с ней на антикварном журнальном столике лежала пара резиновых перчаток «Мэриголд» и освежитель воздуха «Спрей энд Вайп». Горячая вода в ведре постоянно остывала и уже сто раз приходилось подливать теплую. День перетек в вечер. Берилл вынуждена была отменить консультацию со своим пластическим хирургом, очень загруженным специалистом, у которого было полно других задниц, требовавших подтяжки, и на этой неделе ему было бы трудно попытаться засунуть ее зад еще раз на консультацию. А свинья все не срала.

— Дайте ей что-нибудь, чтобы она просралась.

— Давали. Не помогло.

— Арнольд, у меня есть личная жизнь!

— А у меня есть бригада, и, если свинья будет и дальше тянуть время, сверхурочные у нас получатся огромные.

Бригада, о которой он говорил, пыталась снять сцену для заключительного эпизода «Бленхеймов» в текущем сезоне, «реалити»-телешоу, повествующем о «реальных» трудностях и бедствиях неблагополучной семьи из мира шоубизнеса. Одной из самых популярных тем этого шоу оказалось непредсказуемое поведение многочисленных свиней, которых держит семейство, и при написании сценария заключительного эпизода все согласились, что куча дерьма должна стать главным поводом для смеха.

На производственном совещании все казалось прекрасным.

— Значит, Берилл вырядилась для того, чтобы ехать с Сиринити на бал выздоравливающих, так? — объяснял Арнольд. — Но новая свинья постоянно срет, и бедняжке Берилл приходится вставать на четвереньки в украшениях и вечернем наряде и убирать дерьмо, и когда она наконец садится в машину, чтобы ехать на бал, то замечает, что так и не сняла перчатки «Мэри-

голд»! А Сиринити говорит: «Боже мой, Берилл, люди подумают, что мы приехали чистить туалеты», — хотя, когда она это скажет, это будет гораздо смешнее.

— Думаешь, Сиринити удастся запомнить такой длинный текст? — поинтересовалась тогда Берилл.

Арнольд уверил ее, что будет еще смешнее, если она его не запомнит.

В соответствии со сценарием были спланированы съемки, хотя и не в день бала выздоравливающих. Ведь даже если бы Берилл Бленхейм лично убирала свой дом, она не стала бы делать это в тот день, когда все знаменитые жертвы из Лос-Анджелеса собирались вместе, чтобы отметить свою коллективную победу над собственноручно нанесенными травмами, приобретенными за десятилетия, когда они потакали сами себе во всем и без всяких ограничений. Берилл Бленхейм, бывшая наркоманка, бывшая алкоголичка, некогда страдавшая от обжорства и испытывавшая зависимость от секса, бывшая рок-звезда и, что самое главное, в прошлом мужчина, представала на этом великолепном вечере образцовой транссексуалкой.

План состоял в том, чтобы снять, как свинья

срет, а Берилл убирает дерьмо, неделей раньше, когда у Берилл было окно, а затем доснять, как Берилл выходит из дома в перчатках в день бала. План этот также давал жене Берилл — Сиринити — лишнюю неделю, чтобы выучить свою строчку.

И вот в назначенный день бригада собралась в особняке Бленхеймов, чтобы снимать сцену.

Три года назад, когда шоу только началось, съемочная группа проводила значительную часть времени с семьей, но по ходу дела планировать сцены и производить раскадровку становилось все легче, и в конце концов установился жесткий график, позволявший экономить как время, так и деньги.

— Я выделил на Флосси час, — сказал Арнольд, прибыв со своей бригадой на место. — У нас три камеры, поэтому ей нужно насрать только один раз, а мы используем три разных угла, чтобы получились три разных кучи. Берилл, тебя надо показать только в первой сцене, а вторые две кучи покажем крупным планом. Потом возьмем шоколадный пудинг, и ты его уберешь.

К сожалению, свинья отказывалась сотрудничать. Бригада и Берилл два с половиной часа следовали за маленьким толстеньким созданием,

бродившим по дому, но свинья так и не навалила кучу.

— Слушайте, у меня нет времени, — рявкнула в конце концов Берилл. — Придется взять уже отснятый материал, а потом отдельно снять, как я убираю пудинг.

Арнольд сомневался.

— Берилл, ты нужна в своем вечернем наряде только для того, чтобы привязать тебя к куче. Если придется снимать тебя и кучу отдельно, то сюжет не выйдет. Зрители стали слишком придирчивы. Помнишь, когда мы частями снимали то, как Сиринити храпит на протяжении семейной ссоры, которая продолжалась всю ночь, и забыли перевести время? «Вся ночь» на самом деле длилась пять минут, а эти кадры до сих пор висят в Интернете, и я выгляжу полным болваном.

— Но я ведь не могу стоять здесь весь день и ждать, пока свинья навалит кучу!

— Берилл, отснятый материал — это очень рискованный ход. Сама подумай, кадры, где свинья срет, можно встретить где угодно. Они стали классикой телевидения. Они у нас входят в подарочный набор DVD. Я сомневаюсь, что мы сможем опять их использовать.

— Я с самого начала знала, что нужно было брать собак, как делали это поганые Осборны.

— Пожалуйста, Берилл, ну что ты говоришь. Эти свиньи сделали тебя такой особенной. Они гораздо прикольней, и ДНК у них почти как у человека, а это делает убедительней твой образ отличной мамочки.

— Мне не нужно помогать быть отличной мамочкой. Я потрясающая мать. Я получала награды.

Берилл Бленхейм была ужасно чувствительной в этом вопросе. Сколько бы она ни работала над образом непревзойденной, идеальной и поистине современной матери, она была навек скомпрометирована тем фактом, что большую часть своей жизни была мужчиной. Ее отпрыски не были ей родными по крови, они были детьми Сиринити от первого брака. Когда Берилл познакомилась (познакомился) со своей женой, Сиринити была замужем за владельцем сети компаний по продаже жареных цыплят в Миссури, куда постоянно захаживал Бластер (в ту пору) Бленхейм, во время турне «Возрождение рока семидесятых» в Хартлэндсе. Сердце Бластера растаяло, когда он увидел силиконовые груди Сиринити, каждая размером с летающую тарелку, и узнал о способности (по

пьяни) пердеть мелодию «The Battle Hymn Of The Republic». Сиринити, со своей стороны, клюнула на английский акцент Бластера и тот факт, что он мог запихать в рот целого цыпленка с острым перцем. Они сбежали, и Сиринити быстренько получила развод, пригрозив мужу тем, что, если он доведет дело до суда, она признается в длительном романе с длиннорогим бизоном.

Бластер и Сиринити поженились в Лас-Вегасе в часовне «Лав ми тендер», и все годы, предшествующие смене пола, Бластер был любящим, хотя и пьющим, отчимом для близняшек Сиринити, которых они с Бластером переименовали в Присциллу и Лизу Мари. Сиринити удивилась, когда Бластер, пытаясь возродить интерес к своей затухающей карьере, объявил, что обожает женскую киску так сильно, что хочет и себе такую, но, будучи добродушна от природы и совершенно отупев от наркотиков и жареной пищи, она согласилась с новым порядком вещей. У Присциллы и Лизы Мари вдруг появилось две матери, и переживать им это пришлось на виду у всей нации, после того как Берилл (в прошлом Бластер), получив новую роль домохозяйки и матери и завидуя успеху остальных рок-матерей, решила привлечь всю семью в проект реалити-ТВ. Присцилла и

Лиза Мари оказались в уникальном положении, ведь, приходя в школу, они знали, что накануне вечером все их одноклассники смотрели, как их мачеха при помощи сосиски и двух молодых картофелин объясняет, как ей удаляли член.

— Забудь про свинью, — прорычала Берилл. — Наваляй пудинга, и я его найду. Потом засунь свинью за живую изгородь и сними, что она там вроде как прячется.

— Берилл, один раз прокатит, но три раза? Ты три раза убираешь пудинг, а мы ни разу не видим, как свинья срет? Это последняя серия сезона. Если мы принимаем на веру, что ты опоздала на грандиозный банкет, потому что тебе три раза пришлось убирать дерьмо за свиньей, то мы должны видеть тебя в кадре, где свинья срет.

— Но, Арнольд, она ведь не срет! — закричала Берилл, натягивая перчатки «Мэриголд». — А я записана к врачу. Так что клади сюда этот чертов пудинг, и я его уберу.

— По-моему, это кошмарный художественный компромисс, — запротестовал Арнольд.

— Делай, что говорю! — ответила Берилл, взяв ведро и освежитель воздуха «Спрей энд Вайп».

И в этот момент свинья насрала.

— Вот дерьмо, — сказал Арнольд.

— Снял? — спросила Берилл.

— Что значит — снял? Я стою перед камерой. Берилл, это реалити-шоу, режиссер не может оставаться в кадре.

— Не говори со мной таким тоном. Я продала сорок миллионов альбомов, когда была мужчиной!

Дело начало принимать дурной оборот, но в этот момент кинооператор обратил их внимание на то, что Флосси по-прежнему толчется возле кучи, наслаждаясь видом поднимающегося над ней пара, и, если Арнольд будет так добр и уйдет из кадра, а Берилл войдет в него, им все-таки удастся привязать звезду и свинью к куче дерьма.

— Отлично, — согласился Арнольд, поспешно спрятавшись за камерой. — Если у нас будешь ты, свинья и куча дерьма в одном кадре, то получится сюжет, даже если мы и не видели, как она срет. Так что отойди на два шага назад… Берилл не видно?

Кинооператор сказал, что не видно.

— Отлично, Берилл, — продолжил Арнольд. — Ты отходишь и кричишь: «Сиринити, я иду…», потом видишь свинью, а также большую кучу дерьма, ругаешь свинью и убираешь кучу.

Все прошло как по маслу. Свинья решила вдруг

сделать милость и встала задом к куче дерьма, как будто только что ее навалила, и затем, когда Берилл вошла в кадр, повернулась и принюхалась к куче с явным удовольствием на морде.

— Сиринити, я иду! — убедительно крикнула Берилл, как будто отзываясь на неслышимый в кадре сердитый голос. — Н*е* фига быть такой нетерпеливой! Ты ведь хочешь, чтобы я выглядела великолепно?

Затем она замерла и с ужасом взглянула на свинью:

— Флосси, ах ты, маленькая блохастая плутовка. Я тебя на ветчину порежу.

И затем с непритворным отвращением, ведь, в конце концов, это была куча настоящего дерьма, Берилл присела и убрала ее. После этого у нее хватило самообладания поворковать со свиньей своим знаменитым сексуальным голосом отличной мамочки:

— Я тебя прощаю, моя маленькая Флоссенька.

Когда съемка закончилась, раздались аплодисменты и радостные крики.

— А на следующей неделе мы наложим автомобильный гудок и снимем, как Сиринити тебя зовет, — сказал ликующий Арнольд.

Затем раздался тоненький голосок:

— Извините, но я не думаю, что мы сможем использовать эту сцену.

Голос принадлежал девушке-монтажеру.

— То есть как — не сможем использовать? — нетерпеливо крикнул Арнольд, потому что участь монтажеров заключалась в том, чтобы выводить режиссеров из себя, указывая на то, что якобы идеальные кадры нельзя использовать, потому что кто-то надел другую шляпу или вышел не в ту дверь.

— На Берилл были резиновые перчатки, когда она вошла в кадр, — грустно ответила девушка. — Я пыталась сказать, но камеру уже включили.

— Ну и в чем проблема? — спросил Арнольд. — Она ведь собиралась убирать дерьмо, верно? Ты хочешь, чтобы она это делала голыми руками?

— Нет, просто по сценарию Берилл собирается сесть в машину и обнаруживает кучу по дороге. Она даже кричит Сиринити, что уже идет. Зачем ей резиновые перчатки на балу выздоравливающих до того, как она видит, что свинья сходила в туалет на пол?

Последовала мрачная пауза, пока все прокручивали в голове сюжет, а затем вынуждены были признать, что девушка права.

— Черт, — сказала Берилл.

— Может, она еще раз насрет, — сказал Арнольд, но Флосси уже ушла.

В конце концов им пришлось согласиться на убийственный для Арнольда компромисс: снять все три сцены, где Берилл убирает дерьмо, используя шоколадный пудинг, причем без свиньи в кадре. После этого Берилл умчалась записываться к своему пластическому хирургу на другое время, а одна из ее горничных-мексиканок как следует убрала и шоколадный пудинг, и дерьмо.

Второй парень

— Морин, сообщения есть?

Появившись в своем офисе на Бервик-стрит, Родни Рут пытался говорить небрежно и спокойно. Словно ему не было никакого дела, есть сообщения или нет, какая разница, он ведь слишком крупная рыба, чтобы беспокоиться о том, хочет ли кто-нибудь с ним связаться. К сожалению, на самом деле все было не так. Родни не был занят, он не был востребован. Он знал это, и Морин это знала, но они никогда не признавались в этом друг другу. Это был скелет в шкафу в их профессиональных отношениях. Родни почти два часа завтракал в «Сохо-Хаусе», отложив свое прибытие в офис почти до половины одиннадцатого утра, в надежде, что к этому времени появится хоть что-нибудь интересное. Он съел целую порцию мяса по-английски, колбасу, бекон, кровяную колбасу, тосты и два яйца, набирая бесчисленные килограммы, которые едва ли мог себе позволить, и чего ради? Все впустую. Ничего не произошло.

— Привезли из химчистки твой вечерний ко-

стюм, — сказала преданная секретарша, пытаясь придать этой безобидной информации значимость и важность.

— Понятно. Хорошо. Очень хорошо. Отлично, — ответил Родни, словно состояние его костюма было частью более серьезного проекта и все шло по плану.

— И еще звонила Иона. Она хочет, чтобы ты ей перезвонил.

Лицо Родни потемнело. Если и было что-то хуже отсутствия сообщений, так это сообщение от Ионы. Ничто не возбуждает мужчину меньше, чем объект прошедшей страсти, особенно если учесть, сколько он ей наобещал и какая огромная ноша вины с ней связана. Родни начал серьезно сожалеть о своем романе с Ионой Камерон, который расцвел на глазах у всей страны, после того как группу Ионы, «Шетландский туман», с позором выгнали из прошлогоднего шоу «Номер один». Родни ненадолго влюбился в бледную молодую шотландку и, как и многие влюбленные мужчины до него, выставил себя идиотом. Окруженный розовой дымкой любви, он принародно объявил, что, несмотря на издевательское презрение Берилл и тренированное отсутствие интереса Кельвина, группа «Шетландский ту-

ман» непременно станет звездной и что он, Родни Рут, Свенгали[1] поп-музыки, непревзойденный знаток рок-н-ролла (как постоянно называла его Кили), поможет ей в этом. Сентиментальные заявления Родни в прямом эфире о его вере в талант «Шетландского тумана» сопровождались слегка смущающим восхищением Ионой.

— Иона потрясающая, потрясающая девушка, — говорил он со слезами на глазах. — И она заслуживает того, чтобы быть большой, большой звездой. Она будет большой, большой звездой. У нее должен быть контракт, она непременно получит контракт. Вся группа получит контракт, а Иона будет большой, большой звездой.

— И ты собираешься помочь им в этом, да, Родик? — поддразнил его Кельвин в проверенной временем добродушной манере подшучивания, принятой среди судей.

— Я помогу им в этом, — напыщенно ответил Родни. — Эти ребята заслуживают лучшего, нежели дали им ты и Берилл, и я им помогу.

Иона была в совершенном восторге от сентиментального внимания Родни к ней и, разумеется,

---

[1] Примечания: 1

Имеется в виду герой романа английского писателя Дж. Дюморье «Трильби» — гипнотизер, наделивший бедную девушку прекрасным голосом.

его страстной и всенародно известной привязанности к ее группе. В конце концов, Родни некогда был крупной звездой, половиной группы «Рут и Бранч», техно-попсовой группы начала восьмидесятых, которая создала внушительное количество хитов и однажды даже вошла в списки лучших групп в Штатах. Родни, по всеобщему признанию, был наименее звездным членом команды. В те дни техно-дуэты составлялись из одного инструменталиста-ботаника, который почти неподвижно стоял за разнообразными клавишными инструментами и иногда нажимал на клавишу, и яркого вокалиста-гомосексуалиста, который расхаживал по сцене в нарядах из хлорвинила и привлекал к себе все внимание. Родни, как сочинитель текстов, оказался за клавишными, в то время как Бранч, который на самом деле был гетеросексуалом и водителем грузовика из Аберистуита (которого Родни нашел через рекламу в газете «Тайм-аут»), натянул на себя розовые эластичные облегающие штаны.

Отсутствие известности, несмотря на то, что именно он создал группу, почти двадцать пять лет являлось для Родни источником невероятного раздражения, но все равно он некогда был своего рода звездой и написал несколько однотипных

хитов для различных мальчишеских групп, пока совершенно не канул в забвение в середине девяностых. Его карьера обрела второе дыхание, когда Кельвин пригласил его на роль судьи в шоу «Номер один». Кельвин надеялся найти настоящего поп-менеджера, который действительно помогал бы раскручивать артистов, но, к сожалению, все настоящие игроки в индустрии уже давно не удовлетворялись ролью второй скрипки в дуэте с харизматичным тираном, и Кельвину пришлось довольствоваться Родни.

Родни и Иона закрутили роман у всех на виду, и в первые несколько недель дело дошло даже до фотографии на обложке журнала «О'кей!», а в статье содержались серьезные намеки на последующее обручение. Однако пыл Родни скоро угас. В конце концов, кто такая эта Иона? Певичка без контракта, которая пытается прорваться в мир шоу-бизнеса и подрабатывает в магазине. Во время короткого взрыва известности, которая окружала группу «Шетландский туман» в качестве финалистов шоу, она казалась гламурной и свежей, настоящей звездой и подходящей спутницей для такого важного человека, как Родни. Но жизнь мимолетной звезды поистине коротка, и через несколько недель Родни обнаружил, что

общается с женщиной, которая ничего не добавляет к его имиджу, кроме самой себя, а от этого он очень быстро начал уставать. Помимо всего прочего, без постоянного внимания костюмеров и гримеров шоу «Номер один» она была вполовину менее симпатичной. Во время безумного финала шоу Родни видел объект своей страсти только тогда, когда Иона выступала со своим ансамблем или ее снимали для рекламы. Он влюбился именно в созданный телевидением образ. Бедная Иона выглядела по-другому, когда одевалась в спальне пентхауса Родни, в то время как он лежал на кровати и критически осматривал ее с высоты своего опыта. Родни вдруг заметил неидеальные ноги, слегка несимметричные груди и обвислый живот. Шотландский акцент, который он некоторое время находил таким музыкальным и очаровательным, подчеркивал слова, которые он не хотел слышать.

— Мои мама и папа приезжают в Лондон, мы можем их пригласить на ужин? Наша группа участвует в фестивале народной музыки в Айлее, все надеются, что ты сможешь туда приехать.

Чертов фестиваль народной музыки! Айлей находится в шестистах милях отсюда.

Любовь быстро умерла, и на ее место пришло

раздражение оттого, что эта довольно заурядная девчонка с заурядной жизнью и заурядной семьей проникла в его важное и занятое существование. Родни быстро пришел к выводу, что не хочет видеть ее ни в своей жизни, ни в своей постели. Она вдруг разочаровала его так же стремительно, как до этого очаровала. Поэтому он ее бросил.

— Наверное, мы на какое-то время потеряли голову, — сказал он ей. — Это было ошибкой.

Иона приняла эту новость с достоинством, хотя пришла в отчаяние, ведь она уже успела вообразить, что влюблена в него.

— Я ведь смогу тебя видеть? — спросила она. — Ты ведь будешь помогать нашей группе?

— Конечно, — уверил ее Родни. — Конечно, конечно, конечно. Ребята, я верю в вас… хотя в Айлей поехать не смогу.

Эта история случилась в прошлом году и теперь была для Родни источником глубокого смущения. Он ничего не сделал для группы «Шетландский туман», да и попытайся он что-нибудь сделать, вряд ли бы ему это удалось. В противовес мифу шоу «Номер один» Родни не был «создателем хитов», а придумать успех нельзя даже при всем желании. Время от времени Иона пыталась свя-

заться с ним — в конце концов, он по-прежнему формально являлся ее менеджером, как сам заявил в интервью журналу «О'кей!», — но Родни никогда не отвечал на ее звонки.

— Больше ничего? — беззаботно спросил он.

— Ну, — ответила Морин, — я получила электронное письмо из агентства, работающего с маркетинговой системой «Теско». Они хотят предложить вам поучаствовать в их рекламной кампании.

Родни засиял так, словно проглотил лампочку.

— «Теско»? Супермаркет?

— Да, но…

— Самая крупная сеть супермаркетов в Британии? Тридцать процентов розничных продаж в стране? Которая сейчас обдумывает нахальную атаку на главенство «Уол-Март» в США?

— Да, но…

— Господи боже мой, милая моя, почему ты раньше не сказала? Я с удовольствием поработаю с ними. Я именно тот, кто им нужен, меня любят, мне доверяют, я обыкновенный, и меня мгновенно узнают. Мы с «Теско» будем потрясающей командой…

— Родни, им нужен не только ты.

Лампочка внутри Родни тут же погасла. Ко-

нечно, ему стоило бы догадаться. Будь это действительно хорошие новости, Морин позвонила бы ему сразу же; вместо этого она прикрыла это сообщение новостью насчет его вечернего костюма и звонком от Ионы. А почему? Потому что Морин прекрасно понимала, что предложение, в котором нужен не только он, — это хуже, чем отсутствие предложений вовсе.

— Им нужны мы втроем? — сказал он, не в состоянии скрыть свое разочарование.

— Ну да, это их главное условие…

— Они хотят, чтобы я поговорил с Берилл и Кельвином?

— Они написали и им тоже, но…

— Не получили ответа и поэтому решили попробовать через меня?

— Вроде того… Думаю, если читать между строк, так оно и есть.

Почему? Родни просто не мог этого понять. Он — один из трех судей. У него столько же времени в эфире, как и у остальных двух, он участвует во всех рекламных клипах и пресс-релизах. Однако Берилл рекламирует все, от чистящих средств для туалетов до высокой моды, Кельвин слишком занят, но, возможно смог бы стать папой римским, приди ему это в голову, в то время как

он, Родни Рут, создатель хитов поп-культуры, Свенгали с Денмарк-стрит, не получает никаких предложений.

— Не удостаивай их ответом, — сказал Родни с максимальным достоинством. — Я буду в офисе.

ЕКВ

Наследник престола сидел в одиночестве за завтраком и размышлял над утренними газетами. Чтение угнетало. Он переживал один из очередных привычных для него периодов безумства СМИ. Раньше он думал, что когда-нибудь привыкнет к пренебрежительной жестокости, с которой в него швыряли самые невероятные обвинения, но наконец понял, что не привыкнет никогда.

Сегодняшний день должен был стать для него особенным и важным, потому что молодежная благотворительная организация, которой он посвящал значительную часть своей жизни, удостоилась награды ООН. Однако об этом волнующем событии не было сказано ничего, потому что в повестке дня самым главным событием оставался скандал с «драгоценными камнями короны». Рассерженный бывший подчиненный (уволенный за воровство чайных ложек) обвинял принца в том, что тот требовал от своего персонала помощи, когда его организм совершал естественные отправления. Более агрессивная желтая пресса, источая яд, рисовала злобные

картины: лакеи в ливреях стоят по стойке «смирно», в то время как нервные горничные бегают туда-сюда с шелковыми салфетками, на которых вышита монограмма принца.

— В следующий раз напишут, что я продаю билеты, — жаловался принц своей многострадальной аспидистре, — как Людовик Четырнадцатый.

Все знали, что принц разговаривает со своими растениями. Многие считали это доказательством граничащего с безумием чудачества, но на самом деле такое поведение было вызвано уверенностью в том, что аспидистра не продаст его первому же журналисту.

— Не обращай внимания, милый, — пробормотал он, играя роль растения.

— Не могу. Не могу, черт возьми, — ответил он самому себе.

Возможно, он смог бы посмеяться над туалетным безумием, но более мрачные обвинения, которые ему приходилось сносить, были выше его сил. Вдруг поползли слухи, что он замышляет убить свою мать, будучи не в состоянии больше ждать восшествия на трон.

— Если бы только люди знали, какой я на самом деле, — жаловался его королевское высочество, намазывая джем на очередной кусочек овсяного

хлеба, отрезанного от лично выпеченной им буханки, муку для которой он сделал из овса, выращенного в горшках на подоконнике своего шотландского поместья. — Если бы только они знали меня настоящего.

В эту минуту зазвонил телефон.

Присцилла Бленхейм

После консультации с лучшим специалистом по задницам в Западном Голливуде Берилл Бленхейм поспешила к гипермаркету «Вирджин» на Родео-драйв, где ее падчерица уже начала подписывать свои альбомы.

День обещал стать таким восхитительным для Присциллы Бленхейм! В конце концов, скольким семнадцатилетним девушкам удается выпустить собственный альбом? Сколько подростков имеют возможность стоять на личном подиуме в лучшем музыкальном магазине и наблюдать, как сотни других детей выкрикивают их имя и кидают им диски для подписи? Именно в таком положении находилась Присцилла. Конечно, было бы гораздо прикольнее, если бы из множества подписанных ею дисков было больше ее собственных дисков, а не дисков ее мачехи, выпущенных в те дни, когда та была мужчиной. И если бы стоящая в очереди молодежь покупала, чтобы получить ее подпись, диски, любые диски, а не протягивала смятые квитки из библиотеки, студенческие пропуска, коробки из «Бургер-Кин-

га» и кассовые чеки. Большинство стоящих были вовсе не фанатами, а обыкновенными любопытными покупателями, которые подошли к столику Присциллы просто потому, что в магазине находилась знаменитость.

Затем менеджер усугубил ситуацию, объявив, что Присцилла будет подписывать только экземпляры своего альбома. В ответ тут же раздались возмущенные вопли и свист. Толпа пришла в ярость. Это была не та Присцилла, которую они видели по телевизору. Присцилла должна быть одной из них, в сериале она играла роль рубящего правду в глаза подростка, еще не подкупленного реалиями жизни.

— Эй, Присцилла! — крикнул полный презрения голос. — Почему бы тебе не продавать автографы как какому-нибудь вонючему бейсболисту?

— Присцилла, разве твоя чертова мамочка дает тебе недостаточно хлеба? — крикнул другой голос.

Дети начали комкать в шарики обрывки бумаги, которые держали в руках, после чего швыряли их в нее и уходили.

— Зачем ты это сказал, придурок? — спросила Присцилла, поворачиваясь к злополучному

менеджеру.

Вообще-то он сказал это потому, что последние полчаса Присцилла не переставая ныла, что она подписывает одни автобусные билеты, но он не стал ей об этом напоминать. Вместо этого он крикнул расходившейся толпе:

— Присцилла с радостью подпишет все, что угодно.

К сожалению, эта очевидная капитуляция никого не удержала.

— Тогда подпиши вот это, сука! — крикнул один парень, стягивая штаны, и Присцилла увидела перед собой прыщавую подростковую задницу, на редкость мерзкую и с вызывающе раздвинутыми половинками. — Поцелуй мою шоколадную звездочку! — крикнул подросток через расставленные ноги, после чего подоспевшая охрана скрутила его и вышвырнула из магазина. Появление Берилл, которая застала это фиаско, положило конец смущению, и прославленные мать и дочь укрылись на складе, пока остатки толпы не рассосались.

— Пап, они меня освистали!

Присцилла знала, насколько Берилл ненавидела, когда ее называли папой.

— Не называй меня папой! Я мама. У меня есть

награды!

— Этот урод показал мне свой зад, — ответила Присцилла, чуть не плача. — И почти никто не купил альбомы.

— Дорогая, несколько штук все же продали. Я видела отчет.

— Восемь штук, мам! Мы продали восемь штук, а я проторчала здесь целый час, и две из восьми были девки-кассирши. И кстати, это так унизительно: в этом магазине работают человек тридцать молодых людей, и я здесь, подписываю альбомы, и почти никто из вонючего персонала не хочет купить мой диск.

Берилл повернулась к менеджеру магазина, который пытался укрыться за чашкой кофе и тарелкой с кексами.

— Какого хера персонал не подписал альбомы? — крикнула она ему в лицо. — Вы называетесь магазином звукозаписи! К вам пришла звезда, а никто из вашего паршивого персонала даже не заинтересовался. Что здесь происходит? Меня умоляли привезти Присциллу! Мы делаем поганой «Вирджин» одолжение!

Менеджеру ничего не оставалось, как начать тоскливо оправдываться.

— Я бы хотел получить автограф, — наконец

сказал он. — Я большой поклонник.

— Что? Такой большой поклонник, что не захотел получить автограф, пока моя мама не прижучила тебя? — сказала Присцилла. — Да пошел ты.

Позже, в лимузине, по дороге домой, разочарование Присциллы вылилось в слезы.

— Я посмешище, мама. Позорное посмешище.

— Но, дорогая, рок-н-ролл — трудная игра.

— Я не в рок-н-ролле. Чтобы быть в рок-н-ролле, нужно продавать альбомы, а не просто выпускать их. Ты ведь в этом своем шоу в Англии вроде как «наставница рока», королева рока, учитель, наставник хренов. Как насчет того, чтобы ради разнообразия поучить свою собственную дочь?

— Ой, Присцилла, успокойся.

На минуту Присцилла погрузилась в молчание. Трудно стать семнадцатилетней звездой и уже провалить карьеру.

— Мам? — наконец сказала она.

— Что?

— Ты думаешь, ребята не хотят покупать мой альбом, потому что я вроде как звезда реалити-ТВ или потому что я бездарь?

— Эй, ты бы не выпустила альбом, если бы не была звездой реалити-ТВ.

— Я не об этом. Ты думаешь, я бездарь?

— Что за глупый вопрос, Присцилла. Ты моя дочь, конечно, я не думаю, что ты бездарь.

— Я твоя падчерица; у меня нет твоего таланта, у меня есть только твоя фамилия. Мой настоящий отец жарил цыплят.

— Причем офигительных цыплят!

— Да ладно тебе, что ты думаешь обо мне как о певице? В смысле ты ведь мой продюсер, у тебя должно быть свое мнение. Я хорошо пою?

— Слушай, детка, я занимаюсь раскруткой. Это моя работа. Я тебя раскрутила. Что ты будешь дальше делать, зависит от тебя.

Рождение звезды

Кельвин отказался сообщить помощнику принца Уэльского о причине, по которой он желает видеть его королевское высочество. В другую эпоху подобное заявление явилось бы вопиющим нарушением протокола, и никакого приглашения он бы не получил. Однако теперь дела обстояли по-другому. Наследник престола не пользовался популярностью, он был несчастным объектом практически ежедневных опросов общественного мнения, призывающих его поступить по-честному и отвалить, открыв дорогу своему более телегеничному сыну. ЕКВ нуждался в друзьях, так же как его оригинальные английские розы (выращенные из семян восемнадцатого века, которые подарил ему банк семян Кью) нуждались в дожде. Особенно он нуждался в таком друге, как Кельвин Симмс, вероятно, самый популярный человек в стране, который при помощи интуиции уловил дух времени и превратил шоу «Номер один» в колосс телевещания, который стер в пыль шоу «Поп-идол», «Х-фактор», «Только танцы», «Звезды танцуют моррис» и прочие.

Кельвин, прекрасно отдавая себе отчет о своем положении в обществе и не имея иллюзий по поводу положения принца, был уверен, что его королевское высочество захочет увидеться с ним, и оказался прав.

— Привет, привет, привет, — сказал будущий король, вскакивая со стула у окна гостиной своего лондонского городского дома.

Принц уже давно перестал жить в Сент-Джеймсском дворце, в надежде, что если он будет жить в обычном доме, то пресса прекратит гудеть о том, как дорого он обходится казне. Конечно, пресса не успокоилась; она продолжала составлять список его расходов, словно это был исторический документ, повествующий о жизни императора Древнего Рима.

Только этим утром он обнаружил в газете свой скромный счет из рыбного магазина. «Сорок фунтов за рыбный ужин, сэр! — кричал заголовок. — Угадайте, кто любит УХУ пожирнее».

— Привет, привет, — продолжил принц. — Как мило с вашей стороны, что решили заглянуть ко мне. Вы издалека? На дорогах пробки? Не сомневаюсь. Вечно одно и то же, не так ли? Я говорил о том, как для наших городов необходим учет числа жителей. Конечно, ни к чему хорошему

это не привело. Никто не стал слушать. Опять этот старый чудак твердит о своем. Э-эх! Кому захочется быть принцем? Вам предложили чаю?

Разговор надолго прервался, пока принц пытался заставить кого-нибудь принести чай. Наконец ему это удалось, и появилась молодая девушка-стажер с подносом.

— Бывшая правонарушительница, — объяснил принц. — Одна из младшеньких в моей благотворительной организации, верно, Кира? Я считаю, что молодым нужно прививать ощущение цели. Вы согласны? Я уверен, что вам по работе приходится сталкиваться со множеством молодых людей. Печенье? Я пеку его сам из молодых подсолнечных семян и сахара-сырца. Представьте, люди считают меня ненормальным, но что ненормального в домашнем печенье? Кира, передай сюда, пожалуйста. Не волнуйтесь, она не из моих туалетных придворных. Ха-ха-ха! — разразился хохотом принц. — Хорошо иногда посмеяться, вы не находите? — Он вытянул из рукава носовой платок и промокнул глаза. — Иногда мне кажется, что если бы я не смеялся, то просто сошел бы с ума. Вам известно, что кое-кто пытается записывать мои телефонные разговоры, чтобы публиковать расшифровки? Вы можете себе

представить что-нибудь более отвратительное или низкое? Когда я учился в школе, подобное называли подслушиванием.

Кельвин понял, что не раскрыл рта с того момента, как вошел в комнату. Очевидно, принцу было привычно заполнять паузы в разговоре.

— Сэр, — сказал он.

— Да, мистер Ковелл?

— Хм, вообще-то моя фамилия Симмс, сэр. Кельвин Симмс. Ковелл — это другой парень. У него было шоу, похожее на мое. Теперь его больше нет. Мы лучше.

— Правда? Потрясающе. Вы молодец.

— С вашего позволения, ваше королевское высочество, я бы хотел объяснить причину, которая привела меня к вам.

Принц наклонился вперед и сосредоточился.

— Пожалуйста, называйте меня «сэр». Все так делают.

— Хорошо, сэр, надеюсь, вы не сочтете меня излишне прямолинейным, если я скажу, что, на мой взгляд, у вас проблемы с пиаром.

— Да. Да, полагаю, вы правы. Я только сегодня утром говорил об этом жене, когда мы очищали садик от слизней. Иногда создается впечатление, что каждый паразит в Британии имеет зуб на

вашего покорного слугу.

— Да, кажется, вы правы. Давайте начистоту: вас постоянно выставляют изнеженным дилетантом, который держит отдельного слугу, вытирающего ему зад, поглощает девяносто процентов налоговых поступлений в стране, съедает на завтрак свежую лису, размазывает свежую кровь по своим детям, а затем идет читать лекцию о том, что все здания, построенные позднее девятнадцатого века, просто хлам.

— Да, это я. Одному Богу известно, как я на все это нахожу время.

— Я думаю, сэр, вам пора меняться.

— Да, определенно. Но, мистер Симмс, как, простите за вопрос, это связано с вами?

— Я могу снова сделать вас популярным. Более известным, чем ваша бабушка. Я могу сделать вас звездой.

Добродушный настрой принца несколько изменился. Он не понаслышке знал о всевозможных ловушках. Он все еще не отошел после инцидента, когда принял в Сандринхеме далай-ламу, а потом оказалось, что это был завернутый в простыню диджей с «Радио-1».

— Это шутка, мистер Симмс? Возможно, вы проделываете со мной эту штуку со скрытой

камерой?

— Ничего подобного, сэр. Просто дело в том, что я хочу видеть вас победителем шоу «Номер один» следующего сезона.

— Господь мой всемогущий. Почему вы этого хотите?

— Потому что я монархист, сэр, — ответил Кельвин.

— Не может быть! Вы не шутите?

— Нет, сэр. Я испытываю глубокую и прочную преданность и любовь к великим устоям этой страны и прихожу в отчаяние при виде того, как они обесценились в глазах общества.

— Да уж, мы все в отчаянии!

— Более того, я нахожусь в уникальном положении и могу немного исправить ситуацию. Мое шоу обращено непосредственно к публике. В нем нет никакой предвзятости. Я зажигаю звезды. Настоящие звезды. Звезды в истинном понимании этого слова: любимцы публики. Я хочу сделать вас такой звездой.

— Вы хотите, чтобы я участвовал в прослушивании как певец?

— Именно.

— Но мне предстоит стать главой государства, мистер Симмс. Это высокая и серьезная долж-

ность.

— Сэр, ничего серьезного больше нет. Джордж Гэллоуэй, самый крупный миротворец, участвовал в шоу «Большой брат»! Лидера Консервативной партии приглашали принять участие в ток-шоу на тему, дрочил ли он в молодости на фотографии миссис Тэтчер! Политика потеряла всякую серьезность, повсюду сплошной шоубизнес. Цитаты из речей и броская реклама. Вы человек убеждений, и вы разочарованы, что вас никто не слушает…

— Не слушают, меня это с ума сводит…

— Знаете, сэр, мне тяжело говорить это вам, но людям не нужны убеждения, им нужны личности. Именно поэтому премьер-министр участвует в шоу «Парки».

— Вы видели его выступление? Мне показалось, у него хорошо получилось.

Кельвин не хотел обсуждать шоу «Паркинсон». Он был проницательным судьей человеческой природы и уже приближался к тому моменту, когда принц просто не сможет устоять.

— Сэр, ваша проблема заключается в том, что никто не знает, какой вы на самом деле.

На лице принца отразились удивление и радость.

— Господь мой всемогущий, — воскликнул он, — я только вчера говорил именно это моей любимой аспидистре. До чего же вы проницательны, мистер Симмс.

Кельвин улыбнулся. Он знал, что дело не в его проницательности. Он ни разу не встречал знаменитости, которая не жаловалась бы на то, что люди не знают, какая она на самом деле. Все, от ведущих прогноза погоды до рок-суперзвезд, начинали испытывать это ощущение в тот самый момент, когда о нем впервые сообщали или просто упоминали в СМИ. Они тут же чувствовали, что их образ недостаточно полный, и чем больше СМИ о них сообщали, тем больше они это чувствовали, и в результате вся их жизнь сводилась к страстному желанию, чтобы люди узнали, какие они на самом деле.

— Сэр, я предлагаю вам новую возможность, шанс обратиться к постоянной аудитории числом восемь с половиной миллионов человек. Подумайте об этом, восемь с половиной миллионов человек каждую неделю. Преимущественно молодежь, сэр, не забывайте об этом. Наша демография — это мечта любого принца или политика.

Кельвин знал, что если и есть слово, которое

наверняка отзовется в глубине души принца, то это слово «молодежь», огромная группа предположительно лишенных избирательного права, разочарованных, не имеющих жилья граждан, которых от остатков уважения к великим учреждениям государства отделяют уже два поколения.

— Но для этого мне придется петь, — ответил принц.

— А что тут плохого? Людям нравится петь. Кстати, вы хорошо поете?

Принц заколебался. Его поколение учили не хвастаться.

— Сэр, вы хорошо поете? — надавил Кельвин, почуяв слабость.

— Ну, признаюсь, мне говорили, что у меня приятный мягкий баритон. Но вы сами понимаете, хвастаться тут нечем.

— Ну, вот и отлично. Приходите и спойте на шоу «Номер один». У вас будет масса возможностей озвучить свои идеи, уж точно не меньше, чем в выпуске новостей. Все остальные кандидаты будут говорить, что они поют для своих матерей и детей, а вы скажете, что поете ради своих благотворительных проектов, или для жизнеспособных городов, или чтобы усилить

ответственность в вопросах почвы.

Кельвин чуть было не зашел слишком далеко.

— Вы ведь это говорите не серьезно, мистер Симмс, — запротестовал ЕКВ.

— Нет, серьезно. Вы один из немногих влиятельных людей, у кого по-прежнему есть совесть, выделяющая вас из толпы. Она поднимает вас над истеричной традиционной помешанностью на знаменитостях СМИ и позволяет говорить о важных вещах. Таких, как архитектура, почва, баранина, здоровые овощи, потерянное поколение, которое все больше отходит от общества и обращается к крэку и поножовщине. Вы — редкость, общественная фигура, имеющая настоящие убеждения!

— Боже, вы действительно так думаете? Это так мило.

— Конечно, это понятно всякому, если задуматься. Но никто и никогда не думает об этом. А почему?

— Потому что я надоедливый старый чудак?

— Нет!

— Нет?

— Нет! Дело в том, что назойливые СМИ и культ знаменитостей заглушили ваш голос.

— Знаете, я думаю, вы абсолютно правы.

— И я хочу вам сказать, что, если шоу-бизнес победил убеждения, разве не настало время убеждениям победить шоу-бизнес?

— Боже мой!

— Монархия в опасности, сэр! — Кельвин поднялся со стула, и чайная чашка задрожала на блюдце в его руке. — Она уничтожена теми же людьми, которых представляет! Пора обратиться к этим людям, сэр! Обратиться к ним и спасти драгоценные национальные учреждения от насмешек, до которых они позволили им скатиться!

— Появившись на национальном шоу поиска талантов?

— Да! Появившись на самом влиятельном, повсеместном и могущественном культурном мероприятии в стране. Да, сэр, с помощью вашей страстной приверженности к органическому фермерству, богатой клетчаткой диете и проблемам полной занятости молодежи, а также с вашим приятным мягким баритоном вы спасете монархию точно так же, как королева Бесс спасла ее в Тильбери. Сэр, это ваш долг!

— Мой долг?

— Да! Ваш долг!

— Выступить на шоу «Номер один»?

— Да, сэр! Вы нужны своей стране.

Его королевское высочество не ответил. Какое-то время он в молчании отхлебывал чай, пытаясь осознать масштаб предложения собеседника.

— Сэр, — сказал Кельвин с мрачной значительностью, — мы живем в мире постмодернизма. — Эту фразу Кельвин использовал постоянно и добивался невероятного эффекта, хоть и совершенно не понимал, что она значит.

Принц по-прежнему молчал.

— К тому же, — давил Кельвин, выкладывая на стол главный козырь, — люди снова вас полюбят.

Его королевское высочество взглянул на него:

— Вы… вы правда так думаете?

Кельвин изобразил усталый, но требовательный взгляд.

— Конечно, — ответил он тихо. — Все любят победителя шоу «Номер один».

— Победителя?

Кельвин чуть было не выложил слишком много правды.

— Ну, возможно, не победителя, сэр, это, конечно, предстоит решать зрителям, но, как самый главный судья талантов и личностей в стране, я убежден, что вы сможете продержаться очень

долго. По крайней мере, достаточно долго, чтобы люди смогли увидеть, какой вы на самом деле.

Принц снова погрузился в молчание и начал жевать печенье. Когда он снова заговорил, Кельвин понял, что он согласен.

— Я никогда не видел шоу «Номер один», — сказал он, — но я помню, что мои мальчишки смотрели «Х-фактор».

— Ну и?

— Кажется, там было целых семьдесят пять тысяч конкурсантов.

— У нас в прошлом сезоне было девяносто пять тысяч.

— В таком случае, мистер Симмс, простите мою глупость, но как вы собираетесь убедить людей в том, что, прослушав девяносто пять тысяч потенциальных звезд поп-музыки, вы выбрали вашего покорного слугу?

Кельвин искренне удивился. Он считал, что, раз уж принц Уэльский всю свою жизнь вращается во властных кругах, он мог бы быть немного проницательнее обычного дилетанта. У него могло быть капельку больше смекалки. Да хотя бы просто здравого смысла. Но, оказалось, он ошибался. Наследник престола по-прежнему верил в фею молочных зубов.

— Девяносто пять тысяч человек? — сказал Кельвин.

— Да.

— И вы думаете, мы всех прослушиваем?

— У меня было впечатление, что в этом-то и заключается смысл. Разве нет?

— Нет.

— Вы их не прослушиваете?

— Нет.

— О… кажется, я не вполне понимаю.

— Сэр. Пожалуйста. Просто посчитайте.

Подсчет

«Девяносто пять тысяч человек.

Трое судей.

Двенадцать финалистов.

И единственный „Номер один“!!»

Именно этим восторженным сообщением (сопровождающимся навязчивой, шумной музыкальной заставкой) предваряла каждый эпизод очаровательная Кили. Она снова и снова напоминала публике об огромном количестве желающих принять участие в шоу и трех безжалостных, несгибаемых арбитрах непревзойденного поп-масштаба, чьи задницы собирался надрать каждый кандидат в попытках дойти до финала.

«Девяносто пять тысяч человек.

Трое судей.

Двенадцать финалистов.

И единственный „Номер один“!!»

Кили выкрикивала эти фразы на фоне кадров с невероятно длинными эскалаторами, забитыми улыбающимися, жаждущими славы кандидатами. Она вопила в холлах центров досуга, забитых скандирующими толпами будущих звезд. Она

выкрикивала их, когда головокружительные вращающиеся камеры показывали сверху огромные толпы на парковках. Она произносила их снова и снова, пока бесконечные очереди мечтающих об успехе рвались вперед, туда, где их пересчитывали, выдавали им бейджики и регистрировали у длинных столов.

После всех этих толп показывали угрюмые и драматические кадры: камера скользила по трем мрачным, неулыбчивым лицам троих судей, одетых в черное, со сложенными на груди руками. Эти лица говорили: «Мы посмотрим на вас, мы будем судить вас справедливо, у вас будет шанс. Но не смейте играть с нами, потому что мы не потерпим никакого дерьма, и только лучшие и самые крутые выживут в беспощадном процессе отбора».

«Девяносто пять тысяч человек.

Трое судей».

В этом вкратце и заключалась суть шоу. Контраст, ясно и четко показанный самым тупым.

Девяносто пять тысяч алчущих славы кандидатов. Бурные и нудные. Гордые и нелепые. Трагические и одаренные. Красивые и обыкновенные. Хорошие. Плохие. И очень, очень уродливые. И затем — беспощадное политбюро поп-культуры.

Кельвин, Берилл и еще один парень, которые после изнурительной череды прослушиваний выберут двенадцать финалистов и представят их нации.

Все очень просто. И все — полнейшая неправда.

— Сэр, — объяснил Кельвин, — большая часть из этих девяноста пяти тысяч желающих славы конкурсантов отсеивается, когда ни меня, ни Берилл, ни Родни нет не то что в одной с ними комнате, но даже в той же стране.

— Правда? Это невероятно! Неужели я был ужасно наивен?

— Вы разве не читаете модных журналов?

— Я иногда нахожу их в туалете, когда мои мальчишки оставляют у себя на ночь подружек.

— Сэр, мне казалось, вы считаете себя близким к народу? Не важно, если бы вы их читали, вам было бы известно, что я полгода провожу в Лос-Анджелесе! Я там суперзвезда. Шоу «Номер один США» — самое крупное шоу в мире.

— Боже мой, вы просто молодец.

— Поэтому откуда же мне взять время, чтобы болтаться по провинции в Британии и оценивать степень звездности девяноста пяти тысяч ничтожеств?

— Ну, возможно, не вы, но…

— Может, вы думаете, это делают остальные двое? Берилл живет в Америке! Всем известно, что она управляет огромной развлекательной корпорацией семейства Бленхейм. Родни, конечно, тут рядом, но даже у него есть какая-то там жизнь. Как вы, как кто-нибудь вообще может думать, что мы трое в состоянии найти время и прослушать девяносто пять тысяч конкурсантов?

— Ну, наверное, я и не думал, что вы действительно прослушиваете всех их.

— Может, вы думаете, что мы вскрываем конверты? Может, вы думаете, что мы читаем девяносто пять тысяч заявок?

Кельвин протянул принцу копию бланка для конкурсанта шоу «Номер один». Это был тщательно продуманный документ, в соответствии с которым участник давал обязательство выполнять правила конкурса независимо от того, как часто они могут изменяться, а также никогда, под страхом уголовного преследования, не обсуждать ни одной стороны своего опыта с прессой.

— Все, кто заполняют эти бланки, — продолжил Кельвин, — делают это потому, что хотят доказать мне, Берилл и Родни, что в них есть то, что нужно для конкурса: полет, вспышка, молния,

которые выдернут их из банальной ничтожности их нынешнего существования и приблизят к мифической нирване, называемой «жизнью знаменитости». Они все думают, что у них есть шанс. Что как только они предстанут перед тремя известными судьями, у них появится настоящий шанс, пусть даже самый ничтожный, на то, чтобы их мечты воплотились в жизнь.

— Ну, в этом я не сомневаюсь.

— Но, сэр, им ведь не доведется предстать перед судьями, верно? По крайней мере, девяноста четырем тысячам — точно нет. Возможность того, что они действительно споют передо мной, Берилл и Родни, просто мизерная.

— Господь мой всемогущий, — сказал принц, искренне удивившись, — значит, это все ложь?

— Конечно, это не ложь, сэр! Это шоу-бизнес. Это развлечение. Мы никого не обманываем. Вся информация на виду, и, если люди захотят увидеть ее, им нужно будет просто посчитать. Девяносто пять тысяч конкурсантов. Трое судей. Как мы вообще можем прослушать хоть малую часть такого количества людей? Предположим, мы прослушиваем десять человек в час, это девять тысяч пятьсот часов. Допустим, мы работаем по десять часов в день, получится девятьсот

пятьдесят дней! Почти три года нам придется просидеть за столом и говорить бесконечному потоку идиотов: «Я думаю, вам нужно найти себе другую мечту», да и то если будем работать без перерывов.

— Полагаю, если задуматься, это и впрямь выглядит немного нереально, — согласился принц.

— Разумеется. Люди могут догадаться, если захотят. Им нужно просто посчитать. Но они не хотят считать, да и зачем? Это все равно что смотреть фильм, в котором им напоминают, что перед ними всего лишь актеры, читающие свои роли. У меня развлекательное шоу. Мои сотрудники отбирают самых интересных и забавных личностей, которые предстают перед судьями. Я не сомневаюсь, сэр, что вас они выберут, с моей помощью или без нее. И также не сомневаюсь, что вы дойдете до финала. Где будете вы и зрители. Ваши зрители. Ваш народ. Речь идет о душе нации, сэр. На дворе 1940 год, и варвары стоят у ворот. Британии нужен герой. Примете ли вы вызов, сэр? Станете ли вы этим героем?

Шайана

В сотый раз она начинала предложение заново.

Как это сделать? Как вложить в десять слов свои надежды, свои мечты? Свою жажду стать певицей.

«Я так сильно хочу этого», — написала она.

Прочитав эту фразу, она поняла, что получилось неубедительно. Кому какое дело, что она этого хочет? Все этого хотят. И это вполне естественно. Но хотят ли они этого так, как хочет она? Хотят ли они этого так сильно? Именно потому, что она так сильно хочет этого, они должны выбрать ее. Они просто обязаны увидеть ее яростное желание показать миру, что она не ничтожество, не посмешище, не пустое место. Именно это отличает ее от остальных. Именно поэтому она может стать звездой. Потому что ее работа будет наполнена страстью.

«Я так сильно хочу этого». Пять слов.

Оставалось написать еще пять. Возможно, написав их, она сможет все исправить. Придумает какое-то гениальное, зажигательное, соблазни-

тельное короткое предложение, которое скроет ее боль и покажет ее гениальной, зажигательной, соблазнительной молодой женщиной, которой она так хотела быть.

Вместо этого она снова написала: «Я так сильно хочу этого».

Теперь у нее было десять слов. Или скорее пять слов, написанных дважды.

Шайана потянулась за таблетками и проглотила три штуки. Пузырек был почти пуст, но она знала, что сможет достать еще. В ее жизни всегда присутствовали наркотики и алкоголь. Даже будучи маленькой девочкой, она не знала ни дня, когда эта горько-сладкая панацея не была неотъемлемой частью рациона ее семьи.

Таблетки помогли, но Шайане нужен был куда более сильный наркотик. Она была уверена, что если сможет состояться как певица, если станет звездой и спасется от полной унижений жизни, которая создала и определила ее путь, то ей больше не придется искать утешения и спасения в этих таблетках.

Она снова попыталась сосредоточить уставшие глаза на бланке заявки, словно надеясь найти вдохновение в холодных жестких правилах, которые она уже знала наизусть.

«Я так сильно хочу этого. Я так сильно хочу этого».

Шайана вдруг с испугом поняла, что написала эти слова на самом бланке. До этого момента она записывала свои мысли на большой пачке линованных листов формата А4, раньше служивших для домашней работы. Теперь же она связала себя обязательством.

Хотя, конечно, не безвозвратно. Она запросто могла скачать еще один бланк, да хоть сотню. Но не стала. Возможно, это был знак. Возможно, ей было суждено написать именно правду. Шайана взяла бланк заявки, внесла свои данные, поставила подпись, прикрепила фотографию и вложила все в конверт.

Эмма, а также «липучки», «выскочки» и «сморчки»

Ее конверт открыли через две недели в Лондоне, в офисе шоу «Номер один». Открыла его сотрудница по имени Эмма, отборщица. Эмма хорошо справлялась с обязанностями и была кандидатом на продвижение. В последний сезон трое из предложенных ею кандидатов дошли до финала, а это, несомненно, было мечтой любого члена команды. Отзывчивая от природы, Эмма всегда улавливала чужие волнения и мечты, понимая, когда люди несчастливы и нуждаются в поддержке. Это позволяло ей остро чуять жажду, являющуюся столь важным элементом успеха кандидата шоу «Номер один».

Бланк заявки Шайаны поразил Эмму. Конечно, все этого хотели, и фраза «Я так сильно хочу этого» стала своего рода мантрой, но написать ее дважды? Это было интересно; Эмма никогда не видела такого раньше. Это было так неизящно, так по-дилетантски и отдавало настоящим отчаянием, а Эмма знала, что Кельвин обожает настоящее отчаяние. Она взглянула на раздел, где

Шайану просили описать себя. Раздел представлял собой маленькую рамку с тремя строчками для заполнения, в общей сложности двенадцать дюймов свободного места. Обычно здесь умещалось много текста; большинство кандидатов умудрялись втиснуть сюда целых двадцать слов, а рекорд составлял сорок четыре.

Шайана написала всего три: «Я — это я».

Эмма посмотрела на фотографию, которая в соответствии с инструкцией была прикреплена в правом верхнем углу бланка. Напряженное, вызывающее доверие лицо, некрасивое, но достаточно привлекательное, своего рода простушка Джейн. Глаза у девушки были большие, и Эмма подумала, что она неестественно широко распахнула их. «Посмотрите на меня! — казалось, говорили эти глаза. — Разве вы не видите, что я так сильно хочу этого?»

— Думаю, нужно взглянуть на нее, — сказала Эмма, передавая бланк заявки через стол Тренту. Трент, главный отборщик шоу, принимал все конечные решения на стадии первоначального отбора и отчитывался непосредственно перед Кельвином.

«Липучки», «выскочки» и «сморчки» были теми тремя типами конкурсантов, которых отбирали

для шоу «Номер один».

— «Липучки» — это отчаявшиеся, — объяснял Трент в первый день, когда Эмма заняла новую должность.

— Разве они не все отчаявшиеся? — спросила тогда Эмма.

— Конечно нет. Они все полны надежды, но не все отчаявшиеся. Именно «липучки» — отчаявшиеся. У них достаточно таланта, чтобы полностью заблуждаться на свой счет… вообще-то иногда они умудряются заблуждаться, даже вообще не имея таланта, а это особенно классные сюжеты. Кельвин это обожает. «Липучки» плачут и умоляют. Господь дал им мечту, видите ли. Это ведь так важно. Лично я надеюсь, что если Бог и существует, то у него есть более важные дела, чем помогать барменше из Солихалла получить контракт.

— Значит, «липучки» — это женщины? — спросила Эмма.

— Обычно да, но встречаются и мужчины. Парни среднего возраста, которые желают для своих детей лучшей жизни. Певцы в клубах, которые отпахали свой срок, заработали положенное и хотят в последний раз попытаться поймать удачу за хвост. Ты достаточно легко сможешь

отличать их.

— А как насчет «выскочек»?

— «Выскочки» — это экстраверты. Выпендрежники. Разновидность невероятно самоуверенных лунатиков, чья непоколебимая вера в свои возможности очаровывать действительно делает их своего рода очаровательными, на манер камикадзе. Они говорят что-то вроде: «Эй, что плохого, если ты немного безумен?» Они строят из себя невесть что. Они флиртуют с Берилл. Они думают, что они сексуальны. Женщины-«выскочки» обычно толстушки, но их вполне устраивают их пышные формы, и они неизменно приходят на прослушивание полуголые.

— А «сморчки»?

— А-а, вот это настоящий прикол. Жизненная сила шоу «Номер один», самая его важная часть. Без «сморчков» наше шоу ничего бы не стоило.

— Ну и кто они такие?

— Жертвы, ненормальные, уродцы, до смешного близорукие, люди с волчьей пастью, страдающие ожирением, необразованные, эмоционально неуравновешенные, а также прыщавые ботаники. Самые неадекватные и уязвимые члены общества.

— Похоже на эксплуатацию, — сказала Эмма.

— Ха! — ухмыльнулся в ответ Трент. — Ну ты сказала! Думаешь, у нас благотворительная организация? Конечно, это эксплуатация. Это бизнес. «Макдоналдс» для чувств. Какой по-настоящему успешный бизнес не эксплуатирует своих потребителей, потакая их желаниям? Мы превратили всю страну в огромную средневековую деревню, где люди могут собраться на рыночной площади и посмеяться над идиотами.

— Над «сморчками».

— Именно. Время квазимодо. Они поют свои глупые песенки и пританцовывают, отчаянно желая услышать смех толпы, потому что это, по крайней мере, означает, что их хоть кто-то заметил.

— А что насчет певцов, разве их мы не ищем?

— Хороший вопрос.

— Ну да, это ведь конкурс музыкальных талантов.

— Да, многие ошибаются, думая так. На самом деле певцы — куда менее интересная группа. Тысячи певцов подают заявки, но мы выбираем для рассмотрения только несколько. Быть певцом, даже очень хорошим, недостаточно. Чтобы тебя расценивали как певца, нужно, чтобы ты подходил к одной из остальных категорий. Мы

принимаем «липучек», «выскочек» и «сморчков», которые не являются певцами, и тоже даем им возможность, они даже могут дойти до финала, но мы и рассматривать не станем певца, не являющегося к тому же «липучкой», «выскочкой» или «сморчком».

Этот разговор состоялся годом ранее. Теперь Эмма не хуже остальных отборщиков в команде шоу «Номер один» умела видеть искомые категории.

— Это девушка — «липучка», — сказал Трент, глядя на бланк заявки Шайаны. — Жаль, что она не слишком толстая. У нас по-прежнему маловато «студней».

Эмма поморщилась. «Студень» на жаргоне сотрудников значило «старые толстые дуры». Она так и не смогла привыкнуть к пренебрежительной жестокости, с которой ее коллеги обсуждали конкурсантов.

— Ты же знаешь, Кельвину нравятся потолще, — продолжил Трент. — Они более убедительны.

— У этой девушки глаза «липучки», — настаивала Эмма. — Они ей не один фунт прибавляют.

Трент пожал плечами, и на секунду бланк заявки Шайаны повис между горой отклоненных заявок и гораздо более тонкими стопками с по-

меткой «первое прослушивание». Наконец Трент принял решение, и заявка отправилась в стопку с пометкой «нытики».

Эмма открыла еще один конверт.

Две страшненькие девушки, которые думали, что они «не такие, как все». Недостаточно не такие, как все, и, недостаточно страшненькие. Не подходят.

Следующий конверт. Симпатичный черный юноша, который утверждал, что поет как Майкл Джексон. Не такой симпатичный, как остальные полдюжины черных юношей, которые утверждали, что поют как Майкл Джексон, и чьи заявки уже лежали в стопке «выскочек». Не подходит.

Еще один конверт. Сьюки. Обесцвеченные волосы. Силиконовые груди. Искусственный загар. Вместо юбки — крохотная тряпочка. «Ненавидит, когда ее судят по одной внешности». Эмма вгляделась в глянцевую фотографию. Под слоем макияжа, загаром и накладными ресницами Эмма увидела, что Сьюки выглядит усталой и озлобленной. К тому же она почти наверняка проститутка. «Сморчок» и «липучка», которая притворяется «выскочкой». Может получиться неплохой сюжет. Эмма передала бланк заявки Тренту.

— Слишком много «бобиков», — ответил он.

«Бобики» расшифровывалось как «блондинки с большими буферами».

— У нас прямо год шлюх-неудачниц, — посетовал он. — Они все думают, что Кельвину захочется их трахнуть.

— Ну да, мы ведь сами в прошлом сезоне толкнули эту мысль.

— И теперь нам приходится за это платить! Каждая свихнутая дура в Барнсли мечтает о жирном гонораре из «News of the world». Выкинь заявку.

Эмма вгляделась в глаза Сьюки. Она видела женщину на грани распада. Вся ее взрослая жизнь была построена на безвкусном гламуре и сексуальности, которую лет эдак через пять она не сможет больше выдерживать. Несомненно, Сьюки была привлекательной в школе, достаточно привлекательной, чтобы придумать себе мечту, которая разрушит ее жизнь: она может стать одной из девушек с обложки журналов.

«Ненавидит, когда ее судят по одной внешности».

«Неудивительно, — подумала Эмма, — особенно сегодня, ведь выглядишь ты как унылая застиранная старая кухонная тряпка».

Эмма уже собиралась выкинуть заявку, но затем, заметив, что Трент погружен в другую заявку, решила по наитию дать Сьюки шанс. Если она выступит на шоу в трехсекундном ролике в качестве «сморчка-выскочки», то, возможно, следующие пару месяцев сможет получать вдвое больше за услуги стриптизерши, и, видит бог, деньги ей точно не помешают. Эмма положила заявку Сьюки в стопку «выскочек» и взяла следующий конверт.

Внутри была еще одна заявка от очередной необъятных размеров матери шестерых детей из Вест-Индии с «заразительным смехом», которой друзья посоветовали написать заявку. Не подходит.

Следующие три конверта — все от студентов факультета театрального искусства. Не подходит. Не подходит. Не подходит. Еще семнадцать. Ни одна заявка не подходит. Все надежды, мечты, страстные мольбы отчаявшихся людей, которые умоляли, чтобы их спасли от их собственной столь ненавистной им жизни. Ни одна не подходит.

Эмма налила себе еще одну чашку кофе и подумала, не выйти ли на улицу покурить. Нужно работать сосредоточенно, нельзя позволить себе

отвлекаться, любой конверт может быть тем самым. Правило Кельвина гласило, что каждый конверт нужно открывать так, словно он первый.

Эмма вдруг поймала себя на том, что думает о Кельвине. Он был так умен. Конечно, он тоже это знал, но это ведь справедливо, все в рамках логики. Уверенность так сексуальна.

Эмма отхлебнула кофе, устало потянулась и взяла очередной конверт из стопки. Еще не дочитав до конца, она поняла, что Грэм и Миллисент получат приглашение на прослушивание. Эмма даже не сочла нужным показывать заявку Тренту, а сразу положила ее в стопку «нытиков». Сроки поджимали, а в команде были четкие правила, и Грэм из певческого дуэта Грэма и Миллисент определенно подходил им.

Грэм и Миллисент

— Ну, не буду вам мешать, — сказала мама Грэма, закрывая за собой дверь спальни. Это была спальня помешанного на музыке парня: вдоль стен стояли стопки дисков, на столе лежал работающий iPod, подсоединенный к двум огромным колонкам по обеим сторонам кровати. Еще здесь стояла полка с дисками и приличной коллекцией старомодных долгоиграющих пластинок, каждая тщательно подписана. Здесь были электрогитары, бонго, камертоны, iMac и стандартный набор «Pro Tools». Единственным отличием этой спальни от большинства спален музыкальных молодых людей, мечтающих о звездном небе поп-культуры, было полное отсутствие бардака. Комната была в идеальном порядке, каждая вещь лежала на своем месте, чтобы ее можно было легко найти. И на стенах ничего не было. Никаких плакатов, фотографий или рамочек с кусками кожи от барабана, подписанного членами групп тяжелого рока, вообще ничего.

Миллисент сидела рядом с Грэмом на кровати. На коленях у Грэма лежала акустическая гитара,

но Миллисент протянула руку, чтобы забрать ее.

— Ну же, — твердо сказала она. — Нужно петь без сопровождения, ты ведь знаешь.

— Но это так глупо, — ответил Грэм. — С гитарой у нас получается намного лучше.

— Грэм, правила для всех одинаковы. Ты ведь ненавидишь особое отношение.

— Я ненавижу его, только когда это просто уловка, — ответил он. — А вот схитрить я бы не прочь.

— Я им писала. Они ответили, что инструменты у нас будут потом, если мы пройдем первые этапы.

— Конечно, пройдем. Я хочу сказать, мы ведь круче всех? — задал Грэм риторический вопрос, означавший, что он совершенно уверен в собственных словах и что они действительно лучшие.

Миллисент взяла гитару, и в этот момент ее рука прикоснулась к его руке; на секунду между ними проскочила искра.

— Не стоит нам прогуливать колледж, знаешь ли, — сказала она.

— Милли, не каждый день проходишь прослушивание на шоу «Номер один», и в любом случае нам не понадобится диплом, когда мы станем

звездами, — ответил Грэм.

— Не нужно слишком на это рассчитывать, Грэм.

— Мы молодцы, Милли. Все это говорят.

— Да, и любой, кто идет на это шоу, говорит, что все вокруг утверждают, что он молодец. Ну же, я думала, мы будем репетировать.

Они запели, как всегда начав с песни «Just Like A Woman» Боба Дилана. Милли очень нравилось, когда Грэм пел с легкой хрипотцой, хотя она знала, что он делает это, потому что не может брать некоторые ноты. В их дуэте Милли пела лучше. Настоящей страстью Грэма были инструменты.

После «Just Like A Woman» они спели «This Land Is My Land» Вуди Гатри, после чего Грэм предложил выпить чаю.

— Грэм, мы спели всего две песни. Ты совсем не стараешься.

Грэм, казалось, действительно не был расположен петь. Его что-то тревожило.

— Милли?

— Да?

Последовала пауза. Видимо, вопрос, который хотел задать Грэм, давался ему нелегко.

— Как я выгляжу? — наконец спросил он.

Миллисент удивилась. Она знала Грэма много

лет, и раньше он никогда ее об этом не спрашивал.

— Как ты выглядишь? — повторила она, чувствуя себя глупо.

— Да. В смысле, я знаю, что у меня темные волосы, и мама говорит, что я симпатичный… что бы это ни означало, ведь все матери думают, что их сыновья симпатичные.

— Ну… ты симпатичный.

— Нет, это не ответ. Как я выгляжу?

Миллисент ужасно покраснела. Ей стало интересно, может ли Грэм понять, что она смущена; ей вдруг стало очень жарко, и она подумала, что он, должно быть, чувствует исходящее от нее тепло.

— Я не знаю, — сказала она. — Почему ты сейчас заговорил об этом? Мы должны репетировать.

— Ну, если мы хорошо выступим на прослушивании, меня увидят миллионы людей, правда? А я никогда не видел себя. Это ведь так странно. Я хочу знать, что они увидят.

— Грэм, это всего лишь прослушивание.

— Я знаю, как выглядишь ты, Милли.

— Правда? Ну и как же я выгляжу?

— Ты красивая.

Грэм потянулся и, найдя ее лицо, притянул его к себе. Поцелуй был очень длинный, как и все

первые поцелуи.

Для Грэма это был самый настоящий первый поцелуй, а не просто первый поцелуй с Миллисент, и, когда он водил языком у нее во рту, ему хотелось, чтобы это ощущение длилось вечно. Миллисент тоже полностью погрузилась в происходящее. У нее был кое-какой опыт, но едва ли достаточный, и они с Грэмом компенсировали напором и энергией отсутствие хорошего стиля и нежности.

Наконец, после того как Миллисент не разрешила Грэму засунуть руку себе под джемпер, они разомкнули губы.

— Твоя мама внизу, — прошептала она.

— Кому какое дело?

— Мне есть дело, Грэм. К тому же это… ну… Мне просто нужно перевести дух, вот.

— Как я выгляжу, Милли? — спросил он.

Во время длительного тесного общения темные очки с Грэма слетели, и теперь он смотрел на нее странными, темными невидящими провалами, которые Милли видела редко, но каждый раз чувствовала, что никогда к ним не привыкнет. Возможно приняв ее молчание за смущение или даже отвращение, Грэм начал ощупывать кровать в поисках очков.

— Не надевай их, Грэм. Только рок-звездам можно находиться в помещении в темных очках. А ты пока что не рок-звезда. Да, и, кстати… ты тоже красивый.

«Четверка-Х»

После Грэма и Миллисент Эмма открыла еще штук тридцать конвертов, прежде чем решила оставить «Четверку-Х».

Майкл, лидер «Четверки-Х», написал свое полное имя, как и положено. Майкл Роберт Харли. Девятнадцать лет.

Затем Майклу нужно было написать адрес. Он подумывал написать «до востребования», потому что почтальон не всегда доходил до конца коридора огромного малоэтажного дома в Бирмингеме, где он жил с матерью и сестрами. Район Майкла некогда назывался именем Анайрина Бевана, а затем носил имя Нельсона Манделы. Нынешнее название было Коллинбрук, в честь ручья, который некогда с журчанием тек по земле, где был построен район, а сейчас являлся частью канализационной системы под ним. Майкл называл это место адом.

Когда Майкл только подрастал, для мальчишки (особенно черного мальчишки) существовало только две реальные возможности покинуть Коллинбрук: совершить преступление (пре-

имущественно торговать наркотиками) или заниматься спортом. Теперь появилась третья возможность: шоу «Номер один». Майклу больше понравилась мысль собрать музыкальную группу из мальчишек, чем купить пистолет или стать боксером, и так появилась группа «Четверка-Х», которая поможет ему и его семье вырваться из ада.

Дебаты по поводу названия группы продолжались бесконечно долго, и ее участники по-прежнему не пришли к варианту, который нравился бы всем им. Проблема заключалась в том, что все называли их группой «Четверка-Икс», в то время как Майклу было очевидно, что их нужно называть «Четверка храбрых».

— Ну почему бы тогда так и не назвать ее — «Четверка храбрых»? — спрашивала мать Майкла.

— Потому что тогда люди не поймут прикола, — ответил Майкл. — Нас ведь четверо, и мы «Храбрые».

— Да, но если написать название с буквой «Х», получается не очень хорошо, да и вообще непонятно, о чем идет речь. Буква «Х» не обязательно означает «храбрый».

— Ну да, я знаю, мам, но «Х» выглядит кру-

то. Посмотри… — Майкл взял листок бумаги и написал «Четверка-Х», а рядом — «Четверка храбрых». — Ну же, посмотри, что круче выглядит?

— Люди не будут читать название группы, они будут его слышать, — заметила мама.

— Только не на этом бланке, мам. Они будут читать мою заявку, и мне нужно произвести на них самое хорошее впечатление.

Поэтому Майкл написал «Четверка-Х», и, когда Эмма послала юноше приглашение приехать в Бирмингем на прослушивание, она была убеждена, что в списке у нее значится группа под названием «Четверка-Икс».

Дальше в заявке нужно было описать себя или свою группу десятью словами. Майкл и остальные участники группы решили, что если перечислить десять прилагательных, а не писать обыкновенное предложение, то получится оригинально.

Они написали: «Обалденные, оттопыренные, офигенные, остервенелые, оттянутые, очаровательные, озабоченные, отвязные обормоты». Эмма прочитала множество таких определений, но не стала думать плохо о «Четверке-Х». Когда тысячам людей приходится отвечать на вопрос, используя всего десять слов, даже Шекспиру

трудно было бы придумать что-то оригинальное.

Последний вопрос звучал так: «Почему мы должны выбрать вас?» В ответ на это Майкл написал: «Это наша мечта. Это единственное, чего мы всегда хотели. Мы будем много работать. Мы будем учиться и расти. Мы заставим вас гордиться нами, и мы надерем вам зад!»

Это послание не отличалось от десятков тысяч других, ведь все конкурсанты выучили язык шоу «Номер один» во время предыдущих сезонов.

Промучившись так долго над названием группы, описанием и ответом на вопрос «Почему мы должны выбрать вас?», Майкл бы удивился, узнав, что единственным интересным местом в его заявке Эмма сочла адрес. Возможно, реши Майкл все-таки написать адрес почтового отделения, «Четверка-Х» никогда не получила бы приглашения. Эмма открыла конверты девятнадцати других совершенно одинаковых черных мальчишеских групп из Мидленда, и одна из них даже называлась «Четверка храбрых», но ни одна из них не была родом из такого печально известного, безнадежного места, как зона Коллинбрук. Это место было символом многочисленных ошибок, допущенных при планировании городов послевоенного периода, набитая битком

наркотиками военная зона, в которую боялись заходить даже полицейские. Эмма знала, какая пропасть разделяет существование, которое эти ребята ведут сейчас, и «жизнь звезд», о которой они мечтают, и что Кельвин определенно сочтет это классным сюжетом.

Эмма положила заявку группы «Четверка-Х» в папку «выскочек».

Как и автобусы, успешные заявки ходили группами, и в следующем конверте после «Четверки-Х» Эмма нашла заявку группы «Пероксид». Еще один подходящий сюжет, который Эмма тут же отправила в папку «выскочек», даже не прочитав заявку и не посоветовавшись с Трентом. Эмма ожидала появления группы «Пероксид»; в конце концов, именно она посоветовала им снова подать заявку.

В то же время годом ранее

История группы «Пероксид» началась годом ранее. Они были многообещающей группой, выбранной с трибун во время одного из прослушиваний на стадионе. Стадионы очень редко приносили плоды, поскольку практически невозможно составить какое-либо ценное мнение о ком бы то ни было, когда на земле толпятся двенадцать тысяч человек и каждый пытается привлечь к себе внимание. Стадионные дни были просто эффектным ходом, здесь можно было набрать максимальное количество кадров с огромными толпами для заставки программы и к тому же поддержать достоверность главной идеи шоу «Номер один», будто для конкурса прослушивались тысячи человек. Здесь все были равны, и каждый желающий мог прийти и постоять на трибунах, в то время как команды отборщиков бегали по рядам и подзывали всех, на кого падал глаз, просматривая максимальное количество людей по принципу конвейера, уделяя каждому от двадцати до тридцати секунд. Здесь приходилось принимать моментальные решения, к

тому же усталые и запыхавшиеся команды могли судить о конкурсантах только по внешности. Группа «Пероксид», две почти полностью обнаженные молодые блондинки, оказалась в числе выбранных и во время прослушивания перед тремя судьями показала себя на редкость хорошо. Оказалось, что невероятно глупые попытки казаться сексуальными были не единственным их отличием. Они действительно хорошо пели, и на них начали возлагать большие надежды.

Эмма до сих пор помнила проходившее год назад производственное совещание, на котором Кельвин озвучил свои планы на их счет.

— Мы их отсеем после первого тура, — объяснил он ко всеобщему удивлению. — Нужно смотреть на вещи в долгосрочной перспективе.

— Я думала, мы сможем довести их до финала, — заметила Берилл. — Я думала, они как раз твоего типа. Они поют не хуже половины других финалистов, они прикольные и офигенно отчаявшиеся. Что тебе еще нужно? Ты вообще видел, как они ревели, когда мы их взяли?

— Вот именно, это «суперлипучки», особенно младшая, — согласился Кельвин. — Они плачут даже лучше, чем поют. Если они так плачут, когда одерживают победу, представь себе, что

произойдет, когда они проиграют.

— Почему бы тогда не дать им разбег, чтобы они могли потерять намного больше? — настаивала Берилл. — Они миленькие девицы, и, если честно, у нас уже излишек «толстух» и «собак».

— Долгосрочная перспектива, дорогая, долгосрочная перспектива. Нужно спрашивать себя: в чем сюжет?

— Ну и в чем он?

— Ну, можно, конечно, дать этим пташкам разгон, как ты говоришь, и я не сомневаюсь, что сюжет из них выйдет неплохой.

— К тому же из-за столярных станков повылезают всякие их бывшие дружки-отморозки, готовые рассказать о невероятной ненасытности девчонок до мужиков и секс-марафонах по восемнадцать часов, — вставила Берилл.

— Все верно, Берилл, — ответил Кельвин. — Бери — не хочу, и я уверен, что вы все думаете, что нужно хвататься за них обеими руками. Но как вам такая мысль? Мы доведем их до первого тура, расхвалим, заявим что-то вроде «Вы лучшие из тех, кто входил сегодня в эту дверь» и «Хвала Господу за настоящие таланты». Затем, к всеобщему изумлению, мы почти моментально их отсеем, прямо после второго тура. Никто этого не ожида-

ет, и они — в последнюю очередь. Берилл в ужасе, девочки плачут, ты обнимаешь их, кричишь на меня, плещешь водой в Родни, но я непоколебим, а Родни, разумеется, голосует так же, как и я, потому что он всегда делает то, что ему велят. Шучу, Родни.

— Ха-ха, — ухмыльнулся Родни, словно острая шутка лучшего друга и коллеги — то, что он больше всего любит.

— За дверью в холле сидит Кили, — продолжил Кельвин, с энтузиазмом развивая тему, — истерия набирает обороты. Сердца группы «Пероксид» разбиты. Кили поверить не может, что их отсеяли, она хочет зайти в зал и сказать мне все, что она обо мне думает. Берилл к этому моменту грозится уволиться… Много кадров с Родни, который сидит с угрюмым видом, зная, что Берилл права, а он снова обосрался и принял неверное решение.

— Ха-ха, — с трудом выдавил из себя Родни.

— Даже я вдруг начинаю сомневаться, — продолжал Кельвин, распаляясь все больше. — Правильный ли выбор я сделал? Девочки определенно знают ответ на этот вопрос! Они идут в «Комнату гнева» и кричат в камеру, что все равно станут звездами, их груди вздымаются, тушь течет по лицу, серьги в пупках трясутся от эмоций.

«Подожди, Кельвин Симмс! — кричат они. — Мы взлетим до небес, и тогда ты обо всем пожалеешь». Мы мусолим эту тему целую неделю, снова и снова обсуждаем ее на «ITV2», пытаемся подтолкнуть газеты к идее проведения кампании «В защиту группы „Пероксид“». Включаем сюжет во всех подробностях в рождественский DVD… А потом, — победоносно ухмыльнулся Кельвин собственной гениальности, — мы приглашаем их поучаствовать в следующем году. Вот это сюжет что надо.

Группа «Пероксид»

Через десять месяцев после этого разговора родители Джорджи сидели в своей маленькой гостиной и слушали, как на втором этаже их дочь спускает воду в унитазе. Они не слышали, как ее тошнило, но только потому, что Джорджи всегда включала громкую музыку, перед тем как ее вырвет.

Все началось в тот момент, когда она ответила на телефонный звонок.

— Да, добрый день, мистер Костелло, это Эмма из шоу «Номер один», помните меня? Как поживает несравненная Джорджи, мы так любим Джорджи. Мы ее фанаты. Она дома?

Джорджи была младшей из двух членов группы «Пероксид», поп-дуэта, который она со своей подругой Мишель организовала в процессе посещения субботнего утреннего драмкружка и который в прошлом году триумфально прошел первый тур шоу «Номер один» и с шумом погорел во втором туре. Джорджи тогда было всего семнадцать, и ее отец считал, что она слишком мала, чтобы появляться на экране полуголой.

— Если это конкурс певцов, то почему бы вам не надеть что-нибудь на себя? — спросил он.

— Папа, шоу заключается в том, чтобы показать, что у нас есть то, что надо, — ответила Джорджи, стоя на ковре в гостиной практически в одном нижнем белье. — Кельвин всегда спрашивает… у вас есть то, что нам надо? Ну, у нас это есть.

Откровенные костюмы были идеей Мишель. В свои девятнадцать она была непререкаемым авторитетом в дуэте.

Родители Джорджи были абсолютно убеждены, что нарушение пищеварения у их дочери началось с этих костюмов. Мишель была прирожденной эксгибиционисткой, которая с радостью ходила бы в паб в облегающих шортах и лифчике; однако у Джорджи, по словам ее школьного куратора, были «трудности с оценкой своего тела». Она была стройной девушкой, которая, стоя перед зеркалом, видела в отражении толстушку. Все твердили, что она красивая, но Джорджи не могла убедить себя в том, что ее тело достаточно хорошо, чтобы демонстрировать его рядом с уверенной в себе полуобнаженной Мишель, и поэтому начала наказывать себя за несоответствие.

После внезапного и жестокого отсева груп-

пы «Пероксид» из шоу «Номер один» Джорджи убедила себя, что они провалились из-за ее недостаточной стройности. Чем больше люди выражали удивление тем, что девушкам не удалось подняться до стадии «поп-школы», тем глубже она убеждала себя в том, что это ее вина.

На протяжении многих недель после отсева родители Джорджи с отчаянием наблюдали за тем, как их красивая дочь ведет войну с собственным телом. Сначала они надеялись, что, когда печальная известность их истории утихнет, она сможет прийти в себя, но угасание интереса к ней СМИ только усилило ненависть Джорджи к самой себе. Комментарии прохожих на улице перешли от поддержки к жалости, потом к презрению и, наконец, к безразличию, и именно это последнее Джорджи переживала больнее всего. На какой-то момент ей почудилось, что она что-то значит, а затем оказалось, что это не так. И виновато в этом было ее предательское тело.

Потребовалось шесть месяцев усилий со стороны родителей, а также деньги на частную клинику, которую они с трудом могли себе позволить, чтобы приблизить Джорджи к миру нормальных людей, и теперь все началось заново.

— Привет, Джорджи! — щебетала Эмма. — Как

дела у группы «Пероксид»? Мы обожаем «Пероксид».

Им ничего не обещали. Эмма была очень осторожна и ничего не пообещала ни от своего лица, ни от лица своих работодателей, но она все же потихоньку подталкивала девушек к принятию решения. Она бросала тонкие намеки насчет того, что, по мнению сотрудников шоу, в прошлом году они стали свидетелями несправедливости и что девушки не должны позволить той истории сломить себя. Они ведь две сильные женщины и при желании смогут снова вступить в борьбу.

Мишель и Джорджи были в восторге. Мишель тут же отправилась в местный магазин «Энн Саммерс», чтобы почерпнуть идеи для новых костюмов, а Джорджи, чьи груди только недавно вернулись к нормальному размеру, а цикл месячных так и не восстановился, пошла прямиком в туалет и начала приводить себя в норму.

И теперь ее родители сидели и наблюдали за появлением старых признаков. Звуки рвоты, спускаемая вода, постоянный запах пасты изо рта дочери. Таким образом Джорджи пыталась контролировать ситуацию: если она больше ни на что не могла повлиять в своей жизни, то она хотя бы могла следить за собственным телом:

заставлять его сжиматься, поглощать самое себя, наказывать его за то, что в прошлом году оно оказалось не на высоте, и показывать, что случится, если это произойдет снова.

Королевская заявка

Триста конвертов, четыре чашки кофе и две сигареты отделяли Эмму от группы «Пероксид», и она чувствовала, что у нее голова идет кругом от обилия надежд и мечтаний, как вдруг она взяла конверт, который резко привел ее в чувство. Это была такая неожиданность, даже шок, причем для Эммы очень болезненный шок. На конверте стоял штамп Балморала, и маркировано оно было почтовым отделением Букингемского дворца. На конверте было тиснение в виде королевского герба.

Принц Уэльский подавал заявку на участие в шоу «Номер один».

Она просто глазам поверить не могла, когда увидела имя на бланке заявки и прочитала описание под ним. «Органический фермер. Занимаюсь благотворительностью. Наследник престола».

Эмме вдруг захотелось заплакать. Это было уже слишком. Конечно, она не была ярой монархисткой, но была искренне привязана к устоям, которые просуществовали много сотен лет и были во многом уникальны по своей сути. Когда Эмма

была маленькой девочкой, королева приезжала к ним в школу, и это был просто великолепный день. Все девочки несли цветы и чувствовали себя принцессами в присутствии настоящей королевы. Конечно, это было двадцать лет назад, и сегодня монархия уже не принадлежала к разряду сказочных понятий. И все же, живя в мире огромных силиконовых грудей, радикальной подтяжки лица и реалити-ТВ, Эмма продолжала уважать то, что олицетворяла собой королевская семья. А теперь… теперь принц Уэльский подавал заявку на участие в шоу «Номер один».

— Твою мать! — не удержалась она. — Боже мой!

— Что такое? — спросил Трент, и все сидящие вокруг большого, заваленного листами бумаги стола подняли головы.

— Ничего, — ответила Эмма.

Она моментально приняла решение. Она его отсеет. Она спасет принца от самого себя. Закрыв рукой конверт с монограммой, она небрежно бросила королевскую заявку в кучу отказов.

— Ничего особенного, — повторила она.

Но было поздно.

— Что ты увидела? — спросил Трент.

— Я же сказала: ничего.

— Тогда зачем орать «твою мать» и «Боже мой»? Ну же, Эмма, от кого была заявка? От твоей матери?

— Нет, это просто какая-то глупая шутка, кто-то пытается косить под принца Уэльского. Я выбросила бланк.

— Покажи мне конверт.

С деланым равнодушием, пожав плечами, Эмма передала ему конверт с тисненой геральдической лилией и королевской маркировкой. Трент внимательно изучил его.

— Черт, по-моему, он настоящий, — наконец сказал он.

— Ой, да ладно тебе… — начала Эмма.

— Потому что если это глупая шутка, то с нами шутит человек, у которого есть доступ в почтовое отделение Букингемского дворца, а зачем ему это нужно? Все равно надо выяснить. Дай мне номер офиса принца Уэльского.

Через пятнадцать минут история получила подтверждение. Его королевское высочество действительно решил попробовать поучаствовать в шоу «Номер один» и надеялся получить приглашение на прослушивание. Особый акцент был поставлен на его желании, чтобы к нему относились точно так же, как и ко всем остальным

кандидатам, в противном же случае он откажется от участия.

— Умный сукин сын! — воскликнул Трент.

— В каком смысле? — спросила Эмма. — Это просто смешно. Как он может быть поп-звездой?

— Это его последний шанс, верно? Парню так и так крышка, по данным опросов все как один требуют, чтобы он ушел и открыл дорогу следующему поколению. Поэтому что он делает? Он подает заявку, чтобы присоединиться к следующему поколению. Это такая наглость, что страшно делается! Умный, умный сукин сын.

Чем больше Эмма об этом думала, тем меньше ей хотелось принимать в этом участие. Она была из тех, кто ходит в музеи и на экскурсии в замки. Она была членом Национального траста и Исторического общества. Традиция и прошлое ведь что-то значат, не так ли? Хотя если наследник престола собирается появиться на шоу «Номер один», то, видимо, уже нет.

— Давай откажем ему, — сказала она, пытаясь говорить спокойно и небрежно.

— Что? — удивленно ответил Трент.

— Он ведь просто выставит себя еще большим чудаком.

— И?

— Ну… Я хочу сказать, может, мы тоже будем глупо выглядеть.

— Хм, я так не думаю, Эмма. Ты, кажется, не видишь перспективы. Это будет гениально. Твою мать. Он думает, что может использовать нас. Они все так думают, верно? Все отчаявшиеся кандидаты, которые идут на шоу «Знаменитый Большой брат», «Я знаменитость» и «Трахни меня, я известен», они все думают, что могут использовать процесс, чтобы получить то, что им нужно. Разве они еще не поняли? Разве они не помнят Джорджа Гэллоуэя? Мы сожрем их. Мы разжуем их, проглотим, и они выйдут через нашу жопу! Этот парень думает, что мы сделаем его популярным. Возможно, он думает, что это приблизит его к молодежи! Ну и удивится же он, когда Кельвин смонтирует его глупую королевскую задницу!

Берилл (ненадолго) спешит на помощь Присцилле

Берилл осторожно сидела на самом краешке заднего сиденья своего длинного черного «хаммера», без ремня безопасности, который не позволил бы ей сидеть так далеко от спинки сиденья. Разумеется, она нарушала государственный закон и рисковала быть остановленной и оштрафованной дорожной полицией Лос-Анджелеса, но Берилл принадлежала к эпохе рок-н-ролла и играла по собственным правилам. К тому же в «хаммере» были зеркальные стекла, и никто бы ее не заметил.

Берилл примостилась на краешке сиденья, потому что наконец-то смогла вместить свою задницу в плотное расписание своего хирурга, работающего со знаменитостями, где ее подвергли особенно беспощадной процедуре лифтинга, укрепляющей терапии и отсасывания жира. Хирург также включил в пакет услуг отбеливание анального отверстия, и щипало это дело чертовски сильно. Также хирург в очередной раз занялся ее искусственным влагалищем, над

которым работал с момента операции Берилл по смене пола. Сегодня он продолжил создание имитации клитора, который хирурги собрали из нервных окончаний, оставшихся от удаленного члена. Цель Берилл (как она призналась Опре), заключалась в том, чтобы когда-нибудь доставить себе удовольствие при помощи здоровенного черного фаллоимитатора.

— Честное слово, Опра, я не дрочила с тех пор, как поиграласъ со стариной Джоном Томасом в больнице, после чего его отрезали.

Однако такие маленькие радости Берилл впереди, а пока что ей не хотелось даже полным весом садиться на покрытый синяками и измученный зад. Дело не в том, что у нее был большой вес, поскольку в рамках безумия, касавшегося ее тела, Берилл глотала раз в неделю таблетку против накопления жира, которая всасывала почти все, что она ела до этого и выводила из организма, словно застрявшего в канализационной трубе тюленя.

Недавнее отсасывание жира из задницы и завязанные в узел нервные окончания, оставшиеся от члена, вместо клитора едва ли могут настроить человека на добродушный лад, но Берилл была бы в бешенстве даже без необходимости сидеть на отредактированной заднице. Во-первых,

Берилл застряла в пробке и, как большинство людей феноменального богатства и власти, никогда не могла понять, почему пробки на дорогах распространяются на нее в той же степени, что и на остальное человечество. Почему она должна сидеть в пробке? Все остальные аспекты ее существования были улучшены благодаря ее богатству, но поездка в город из аэропорта Лос-Анджелеса оставалась гнетущей уравниловкой. Это неправильно. Должен же быть выход? Но сколько бы Берилл ни барабанила пальцами по сиденью, ни ругалась в окно и ни ерзала на своей больной заднице по дорогой кожаной обивке, она ничего не могла придумать. Даже она не могла позволить себе построить частную дорогу от дома до аэропорта, и поэтому магистраль оставалась единственным вариантом.

И в этом заключалась вторая проблема. Почему она вообще оказалась на магистрали? Потому что она возвращалась в Великобританию, которую просто ненавидела. Именно из Великобритании она была родом (о чем никогда не уставала рассказывать), причем из глухого, очень глухого места. Из места, отстающего в развитии, с родины убогого и безобразно непрофессионального и невнимательного персонала.

— Ну и зачем ты туда едешь? — пробормотала ее жена Сиринити своими невероятно раздутыми, словно автомобильные покрышки, губами, прощаясь тем утром с Беррил на мраморных ступенях их особняка.

Это был хороший вопрос. Зачем возвращаться и работать в паршивой старой Британии, когда у тебя состоявшаяся карьера и огромный дом в залитой солнцем Калифорнии?

Глубоко в душе, прямо над таблеткой от жира и за силиконовыми грудями, Беррил знала причину. Тщеславие, мстительное тщеславие. Пришло время мстить. Она хотела, чтобы все унылые, безвкусные постоянные жители темного маленького острова, откуда она была родом, увидели, в какую важную шишку она превратилась. Все люди, которые, по ее мнению, обделали ее, кого она обделала в ответ, должны заплатить за все. Вот почему она возвращалась в Британию: несмотря на всю свою ненависть к этой стране, ни в одном другом месте собственный успех не был для нее так важен.

К несчастью для Беррил, ей предстояло пропустить свой рейс, и если она пребывала в плохом настроении по пути к аэропорту, то оно, можно сказать, было просто радужным по сравнению

с тем, что она почувствовала после сообщения о необходимости срочно вернуться в Беверли-Хиллс. Звонок поступил именно тогда, когда Берилл наконец начала расслабляться и мечтать о джине с тоником в ВИП-зоне аэропорта.

Ей позвонил Клод, ее личный помощник.

— Боюсь, миссис Бленхейм, у меня плохие новости. Присциллу сняли на камеру, когда она покупала кокс.

— Черт, — выругалась Берилл. — Как идут дела?

— Не очень хорошо. Канал «Фокс» пытается быть милым…

— Разумеется, пытается. У нас с ними контракт. Наверное, все остальные просто беспощадны.

— Вроде того, — ответил Клод, пытаясь передать по сотовой связи гримасу сожаления. — Она говорит, что кокс помог бы ей справиться с болью в силиконовых грудях.

— У Присциллы новые груди?

— Ага.

— Как они выглядят?

— Ну… большие.

— Вульгарно большие?

— Вроде того.

Берилл вошла в список любимых сайтов в

автомобильном компьютере и нажала на сайт Присциллы. И действительно, она увидела свою падчерицу, отягощенную двумя огромными силиконовыми грудями.

— Черт. Они просто как у Памеллы.

— Да уж.

— Это она в мамочку. Сиринити делает себе новые титьки так же часто, как девчонки покупают новые лифчики… Вообще-то, знаешь, выглядят они нормально. Вульгарные, но панковые. Как у Кортни Лав или вроде того. Я всегда говорю: хочешь новые титьки, делай офигенные титьки. По себе знаю. Как только они ей надоедят, она от них избавится.

— А как поступим с делом о покупке наркотиков?

Берилл уже совершенно забыла об этом дополнительном осложнении в своей жизни.

— Вот дура. Если ей нужны наркотики, почему она не попросила их у своей чертовой мамаши! Хуан! — крикнула Берилл, постучав в стеклянную перегородку, отделяющую ее от водителя. — Поворачивай обратно!

Если что и наполняло сердце Берилл гордостью за роль матери, так это способность улаживать семейные неприятности. Возможно, не такие

повседневные неприятности, как текущие краны, укусы пчел и расстройство желудка. В этих случаях она звонила в офис и просила вызвать сантехника или отдавала детей кому-нибудь из персонала. Но в плане настоящих семейных неприятностей, например, когда одну из ее падчериц ловят при покупке наркотиков после неудачной операции у пластического хирурга, а потом девушка оказывается в водовороте безумства СМИ, угрожающем захлестнуть весь семейный бизнес, Берилл была мамой на миллион.

— Где она?

— В участке.

— Ее арестовали?

— Может, только чуть-чуть.

— В каком участке?

— В Беверли-Хиллс.

Берилл вздохнула с облегчением. Покупка наркотиков в Беверли-Хиллс — это совсем не то же самое, что покупка наркотиков в Саут-Сентрал.

— Фрэнк думает, что дело закончится предупреждением, грозящим общественными работами, — продолжил Клод. Фрэнк был семейным адвокатом. — Я позвонил ему в первую очередь. Он сейчас с ней.

— Клод, ты просто умница. Позвони ему еще раз, скажи, чтобы Присцилла не уезжала, пока я не приеду за ней. Ее мамочка должна быть рядом.

— Разумеется, миссис Бленхейм.

Берилл снова окликнула водителя. На самом деле необходимости кричать не было, потому что «хаммер» был оснащен интеркомом, но Берилл от природы была склонна к показным проявлениям властности.

— Хуан, сонная черепаха! За сколько довезешь до Беверли-Хиллс, если рискнешь правами?

— Назад дорога чистая, миссис Бленхейм, поэтому за сорок пять минут максимум.

Берилл посмотрела на часы. Было 11.03.

— Ладно, тогда не торопись особо, я хочу подъехать к полицейскому участку ровно через час.

— В 12.03. Понятно.

Берилл вернулась к разговору с ассистентом.

— Клод, позвони на телевидение. Скажи, что я отменила поездку в Великобританию, чтобы лично забрать Присциллу. Я прибуду в участок в 12.03.

— Понял, миссис Бленхейм.

Клод понял, что Берилл хотелось быть уверенной в том, что готовность, с которой она

распахнула свои материнские объятия и кинулась за непутевой дочерью, будет главным событием дня в экстренном выпуске новостей, оставив позади все остальные.

— Потом позвони в клинику Бетти Форд, зарезервируй место для Присциллы с сегодняшнего дня, а потом сделай заявление от моего имени, что Присцилла активно ищет помощи, потому что на нее надавили СМИ и у нее низкая самооценка. После этого позвони в офис Ларри Кинга и запиши меня и Сиринити на сегодняшнее шоу. Они обязаны выкинуть кого-нибудь ради нас, особенно после того, как Присциллу арестовали.

— Все понял. Будет сделано.

Все прошло как по маслу, и ровно через час Берилл Бленхейм встретилась со своей заблудшей дочерью на ступеньках полицейского участка Беверли-Хиллс на глазах несметной толпы журналистов, которые двадцать лет назад собрались бы в таком составе только для встречи с президентом.

— Мы попали в эту историю как семья, и мы пройдем через трудности вместе, — мрачно заявила Берилл, прячась под темными очками. — Присцилла полностью понимает необходимость помощи, чтобы разобраться с проблемами и пре-

одолеть их. Она просит помощи, и найдет ее. В завершение я хочу поблагодарить замечательную полицию Лос-Анджелеса и всех остальных за поддержку, которую мы получили в это трудное для нас время.

Отряд охранников, которых Клод отправил на место событий, удерживал прессу, пока мать и дочь забирались в длинный черный «хаммер». Присцилла была недовольна.

— Ты мог бы разрешить и мне что-нибудь сказать, папа, — проворчала она.

— Мама!

— В конце концов, это меня арестовали, черт возьми!

— Ой, заткнись, ладно? Ты сегодня и так уже дел натворила, и вообще, что это за прикол с новыми титьками?

— По крайней мере, я не сделала себе новый член.

— Я транссексуалка. А ты просто долбаный подросток.

— Мне нужно было что-нибудь сделать, чтобы вернуть себе уверенность после провала альбома.

— Если ты после каждого провалившегося альбома будешь делать операцию, то в конце концов

титьки у тебя будут из китовой спермы.

Берилл прокрутила станции радионовостей. Все говорили о них.

«Присцилла Бленхейм, падчерица легендарной сатанинской рок-звезды и транссексуалки Берилл, в прошлом Бластера, Бленхейм, а также звезда хита студии „Фокс“ реалити-шоу „Бленхеймы“, сделанного в стиле сериала „Осборны“…»

— В стиле сериала «Осборны», — взвизгнула Берилл. — Да мы срем на всех этих дилетантов. Они не знают, что такое неблагополучная семья!

— Да ладно, мам. Мы ж сперли их идею.

— Что? Как будто есть что-то новое в том, чтобы дрочить с экрана! Думаешь, есть что-то оригинальное в том, чтобы превращать свою жизнь в шоу? Разве Джессика Симпсон украла идею у сериала «Осборны»? А Томми Ли? А Бритни? Все выставляют свои жизни на ТВ, детка. Мы совершенно не похожи на Осборнов.

— Ну да, мам, может, ты и права. Хотя бы потому, что Осборны пережили это, они любили друг друга, они остались вместе. А я разведусь с тобой при первой же возможности.

Радиорепортажи продолжали выплескивать плохие новости.

— Присцилла Бленхейм заснята на камеру,

когда она в открытую покупала…

— Ну ты и дура, Присцилла, — резко бросила Берилл.

— Да ладно, мам. Одна доза кокса. Что за шумиха? Тебе твои парни в группе явно не одну полоску в задницу задували.

— Послушай-ка меня! Во-первых, в восьмидесятых все было по-другому. Во-вторых, когда я была мужчиной, никто не ожидал от меня поступков истинной леди. А в-третьих, что самое важное, ты член семьи. У тебя есть обязанности.

— Я просто поверить не могу, что ты пытаешься надрать мне жопу, папа!

— Мама!

— Вы с мамой собираетесь каждую неделю и говорите о том, сколько дерьма вы настрогали, и не смей говорить мне, что ты никогда не покупала кокс у дилера с улицы.

— Одно дело покупать на улице кокс, а другое — попасться на камеру во время покупки.

— Все, что я делаю, попадает на камеру. Может, ты забыла?

— Не нужно умничать. Нос еще не дорос дерзить.

— Ну да, можно подумать, я не могу подать на твою сраную жопу в суд.

— Не говори о моей жопе, ей и так недавно досталось, а теперь ты меня еще и в это дерьмо впутываешь. Я работаю! Я должна была лететь в Англию.

— Никто не просил тебя приезжать за мной.

— Думаешь, я могла позволить тебе самой с этим разбираться?

— Мама же здесь.

— Ага. Это было бы круто. Она бы ходила и рассказывала о том, что по вагону кокса в день в течение тридцати лет не причинили ей вреда! Это был бы кошмар. У нас впереди новый сезон!

— Все принимают наркотики.

— Вот именно, Присцилла! Кокаин в городе достать не проблема, но ты все-таки решила купить его у какого-то засранца на парковке.

— Я хотела понять, каково быть нормальным ребенком.

— Ага, очень смешно. Вот что я скажу тебе. Ты сейчас же отправляешься в клинику, и проведешь там целых две недели, и будешь общаться с собой, расти, учиться, выздоравливать и бороться со своими проблемами.

— Две недели! Но, папа!

— МАМА! Сделай милость, имей уважение к моей смене пола.

— Ладно, мама. Но я не вернусь в клинику. Я только что оттуда вышла.

— Нет, вернешься… А когда выйдешь, сразу отправишься работать волонтером с умственно отсталыми детьми по молодежной программе!

— Мама!

— Присцилла, тебя арестовали. Копы должны решить, заводить ли дело. Тебя могли отправить в колонию! Разве я тебе только что не напомнила, что у нас впереди новый сезон?

— Ты меня вытащишь. Фрэнк меня вытащит.

— Но только с твоей помощью, крошка. Ты отмотаешь срок, причем с удовольствием, и будешь благодарить свою счастливую звезду, что ты у Бетти Форд пьешь морковный сок и наслаждаешься массажем шиацу, а не сидишь в тюрьме, глядя, как огромная лесбиянка, которая мотает пожизненный срок за то, что отрезала члены у своих хахалей, жует твою булочку.

— Это просто нелепо.

Поместив очень злую и недовольную Присциллу в клинику Бетти Форд, Берилл вернулась в Лос-Анджелес, чтобы начать разбираться с отрицательной реакцией СМИ. Такого она не ожидала, потому что Бленхеймы сделали карьеру исключительно благодаря своей проблемности.

И Сиринити и Берилл открыто признавались в десятилетиях алкогольной и наркозависимости, а дети не делали секрета из своего бессмысленного, гадкого существования.

Именно поэтому люди их и любили.

— Полагаю, все дело в детях и наркотиках, — сказал Ларри Кинг, когда Берилл с Сиринити появились вечером на его кабельном чат-шоу. — Знаешь, Присцилла очень молода и…

— Слушай, Ларри, — сказала заплаканная Берилл, — с меня достаточно, с меня правда достаточно. Мы не заслуживаем этого, и мы не обязаны это терпеть. Ну какой нормальной семье не приходится иметь дело с подобным дерьмом? Но к их дочерям не относятся как к преступницам. И не забывай, Ларри, мы нормальная семья, четыре человека, которые любят друг друга и очень стараются переживать вместе все дерьмо, которое переживают семьи, и мы становимся сильнее и лучше, мы поможем Присцилле, мы научимся, мы будем расти и лечиться вместе. А пока что я обращаюсь к СМИ с просьбой сбавить обороты и дать нам немного свободы. Присцилла просто ребенок, ради всего святого. А я просто мать. И Сиринити просто мать. Мы не идеальны… да и кто идеален? Но у нас есть право на личную

жизнь, как и у всех остальных. Не забывайте, Присцилла к тому же пытается привыкнуть к новым грудям. Период, когда у девочки-подростка начинают формироваться груди, всегда дается нелегко, а наша дочь вынуждена переживать это второй раз.

Ларри выглядел так, словно сейчас заплачет. Он повернулся к камерам.

— Ну так что, ребята? — сказал он, твердо глядя в объектив. — У каждого из вас есть дети. Вы знаете, как это бывает. Дети совершают глупости, а маме с папой приходится приводить их в чувство. Я призываю вас дать Берилл и Сиринити вздохнуть свободно. Давайте сбавим обороты и позволим этим людям учиться, лечиться и расти!

На этом передача завершилась, и начался повторный показ сериала «Бленхеймы», начинавшегося в десять вечера по будням.

Друг и знакомый

В тот вечер, когда Берилл наконец прилетела в Великобританию, Родни тоже вернулся в Лондон из Португалии, где целый месяц играл в гольф. На следующий день всем трем судьям предстояло собраться для обсуждения плана нового сезона шоу «Номер один», и поэтому, впервые с окончания предыдущего сезона, они находились не просто в одной стране, но и в одном городе. В то время как Берилл моталась по студиям и пыталась минимизировать негативные последствия случившегося, Родни ужинал с Кельвином. Ужин был организован по настоянию Родни.

— Я просто хочу обсудить кое-какие условия нового сезона, — сказал он по телефону.

— Какие условия? — спросил Кельвин, когда уже был вынужден ответить на звонок Родни и теперь пытался придумать, как бы избежать встречи с ним.

— Условия нового сезона.

— Но с прошлого сезона ничего не изменилось.

— Может, так оно и есть, но в любом случае я хотел бы их обсудить.

В конце концов даже легендарной толстокожести Кельвина оказалось недостаточно для того, чтобы противостоять тоскливым мольбам Родни. Ему пришлось пожертвовать драгоценным вечером, который он надеялся провести со своим поставщиком вин за выбором сортов для огромного погреба, построенного в его имении в Сассексе, и провести вечер с коллегой по судейству.

— Рад встрече, друг, — сказал Родни, когда Кельвин с большим опозданием поспешно вошел в ресторан.

— Мой водитель не мог найти это место, — раздраженно ответил Кельвин. — А как, кстати, его нашел ты?

— О, я всегда прихожу сюда. Мой маленький секрет. Чтобы избежать суеты со СМИ. Я говорю: если ты не можешь найти это место, то и пресса его не найдет, верно?

У Родни имелись веские личные причины на то, чтобы заказать столик в неизвестном маленьком ресторанчике в Сохо. У него было достаточно опыта появлений перед толпой журналистов с Кельвином, во время которых его практически полностью игнорировали и даже отпихивали в сторону, чтобы добраться до его всемирно извест-

ного коллеги. Он не собирался терпеть подобное еще раз, заказав столик в «Нобу» или «Айви».

— Ладно, проехали, — ответил Кельвин. — Давай закажем, а то перед завтрашней встречей работы выше крыши.

— Конечно, конечно. И у меня тоже столько дел, столько всего происходит.

Кельвин взял меню и начал изучать его. Родни, приехав, в отличие от Кельвина, гораздо раньше назначенного срока, успел изучить меню раз двадцать или тридцать и поэтому уже решил, что заказать. Теперь ему пришлось ждать, пока Кельвин очень тщательно изучит все блюда, а затем приступит к переговорам с официанткой. По мнению Кельвина, все было лучше, чем разговаривать с Родни.

— Я бы хотел заказать блюдо не из меню, — сказал он.

— Хм. Не из меню?

— Попросите повара приготовить мне устриц.

— У нас есть устрицы «Килпатрик».

— Да, я вижу. Я хочу заказать их без всего с кусочком лимона и капелькой соуса табаско. Хорошо?

Конечно, это было совсем не хорошо, в конце концов, он находился в Англии. За долгое время

проживания в Лос-Анджелесе Кельвин приобрел привычку сильных мира сего заказывать не из меню, и, наряду со многими другими экспатриантами, по возвращении никак не мог привыкнуть к мучительной медлительности, с которой британцы перенимали американские привычки и манеры.

— У нас есть устрицы «Килпатрик», — повторила официантка. — Очень вкусные. Повар подает их с жареным беконом, шнитт-луком и вустерским соусом.

— Дорогуша, мне известно, что такое устрицы «Килпатрик».

— Ну… Вы закажете их?

— Я бы хотел заказать устрицы без «Килпатрика».

— Хм…

— Послушай, милая, вот что нужно сделать повару. Повар берет устрицы, повар не добавляет бекон, повар не добавляет шнитт-лук, повар не добавляет вустерский соус и отправляет блюдо мне. Тем временем ты, милочка, бежишь в бар и берешь половинку лимона и соус табаско. Пойдет?

Бедняжке не платили за то, чтобы действовать на свое усмотрение; у нее перед глазами стояла

компьютерная система расчета, в которой были заложены названия блюд и цены и которую предстояло каким-то образом перепрограммировать.

— Думаю, сэр, вам придется заплатить как за устрицы «Килпатрик». В смысле, мы не сможем вычесть цену бекона из общей цены.

— Ничего страшного, — сказал Кельвин. Казалось, он считал, что если он в состоянии позволить себе купить весь ресторан, то он может вести себя так, как будто он его действительно купил.

Минуты шли, Родни ерзал от нетерпения, а Кельвин медленно, но верно выбирал себе основное блюдо, а затем, подозвав официанта из бара, настоял на обсуждении с ним достоинств почти каждого сорта вина в меню, включая глинтвейн. Однако наконец даже невероятное умение Кельвина тянуть время истощилось, и ему пришлось спросить, зачем Родни позвал его.

Родни глубоко вздохнул и приготовился высказать доводы, которые он так часто повторял про себя.

В эту минуту у Кельвина зазвонил телефон.

— Извини, Родни, ему лучше ответить, — сказал Кельвин, даже не пытаясь скрыть тот факт, что он еще не посмотрел, кто именно ему звонит.

Родни пришел к выводу, что Кельвин был готов поговорить с кем угодно, только не с ним. Однако напряжение, проскользнувшее на лице Кельвина при взгляде на свою «Нокию», показало, что тот пожалел о решении ответить на звонок.

— Черт, — сказал он, — это Кристиан.

— А-а, — понимающе кивнул Родни. Он прекрасно знал, почему Кельвин хотел бы избежать разговора с Кристианом, эта новость заняла весь раздел «Странности» в утреннем выпуске «Сан». Контракт Кристиана было решено не продлевать.

— Привет, Крис, — сказал Кельвин, поморщившись, но пытаясь говорить непринужденно, словно это самый обычный звонок. Возможно, Кельвин и создал себе репутацию безжалостного ротвейлера, телевизионного Ричарда Третьего, человека, по сравнению с которым Саймон Ковелл казался просто пушистым котенком, но это было не так. Он определенно был крут и ужасно испорчен властью, но по-прежнему обладал чувством юмора и не любил конфликтов. Ему не нравилось сообщать абсолютно нормальному парню, что его мечте пришел конец, окончательный и необратимый.

Родни тоже стало грустно, потому что Кристи-

ан и ему нравился. С другой стороны, он ужасно разозлился. Он завладел вниманием Кельвина, тот попросил его сказать, что у него на уме, и теперь он, Родни, важнейшая личность в индустрии, настоящий игрок, вынужден топтаться на заднем плане и потягивать свой «кампари», в то время как Кельвин тратил время на разговоры с тем, чей второй (и последний) альбом застрял на сорок восьмом месте.

— Да, Кристиан, это правда. Контракт мы не возобновляем, — говорил Кельвин. — Конечно, я сам собирался тебе позвонить, понятия не имею, откуда у «Сан» эта информация… Кристиан, пожалуйста, не говори так. Да, альбом провалился, но никто ведь не умер.

Но на самом деле это было не так. Кристиан Эпплярд, поп-звезда, покинул этот мир, и останки его представляли собой жалкое зрелище. Кристиан Эпплярд, неудачник, проигравший, посмешище. Расстояние между славой и печальной известностью, между лестью и осмеянием нельзя измерить в футах и дюймах; все меняется в одно мгновение, когда вдруг меняется сознание зрителей. Толпы коварны так, как не может быть коварен ни один отдельно взятый человек. У личности есть сознание, в то время как толпа может

позволить себе следовать самым низким, самым примитивным инстинктам, и эти инстинкты говорили сейчас одно: пятнадцать минут славы Кристиана закончились раз и навсегда.

— Да ну их на хер, — говорил Кельвин. — Ну да, какие-то строители над тобой посмеялись. Ну и что с того? Разве их альбом когда-нибудь был на первой строчке хит-парада? А твой был, дружище. И этого у тебя не отнять.

Да, этого у него и правда было, не отнять, и даже сам Кристиан не мог бы сделать этого, хотя ему этого уже очень скоро захочется.

— Слушай, Кристиан, дружище, — продолжил Кельвин. — Ты классно повеселился, мы все классно повеселились, но ты же знаешь, вечеринки заканчиваются… Брэд по-прежнему продает альбомы, Кристиан, а ты нет, поэтому у него есть контракт. Таковы правила бизнеса.

Два года назад Брэдли Вайн занял второе место в самом первом сезоне шоу «Номер один», в котором Кристиан вышел победителем. Очевидно, у него, в отличие от Кристиана, дела по-прежнему шли неплохо.

— Мамочки его любят, что тебе еще сказать? — объяснил Кельвин. — У тебя были детки, а у него мамочки. Мамочки более верные, чем детки,

такова жизнь.

Кельвин посмотрел на часы. Не нужно было говорить с ним. Не нужно было вообще давать этому парню свой номер, но в первый раз все кажется таким особенным. Они все ощущали себя командой, и судьи, и конкурсанты. Даже Кельвин немного увлекся. На секунду даже он поверил, что создает что-то настоящее.

— Слушай, Кристиан, мне пора. Да, мы еще поговорим… Не знаю когда, но поговорим. — Кельвин нажал красную кнопку и положил телефон на стол.

— Хочет знать, почему ты его опустил? — спросил Родни.

— Я его не опускал, это сделала публика, — ответил Кельвин.

— Ну… — произнес Родни, которому не терпелось вернуться к прерванному разговору.

Телефон Кельвина снова зазвонил. Они оба посмотрели на дисплей и увидели имя «Кристиан». Кельвин не ответил.

— Ну, так о чем ты говорил? — спросил Кельвин. — Что ты там хотел обсудить?

Но Кельвин все еще не слушал, потому что, когда положенные четыре звонка отыграли, он взял телефон, вошел в список контактов и про-

крутил его до буквы «К». Кристиан находился между Кристиной Алигерой и Кристианом (из «Колдплей»), в двух шагах от Криса Эванса. Очень достойная компания, и год назад Кристиан Эпплярд надеялся примкнуть к ней, но теперь эти надежды в прошлом. Кельвин нажал «удалить», пробел между Кристиной Алигерой и Кристианом (из «Колдплей») исчез, и Кристиана Эпплярда не стало.

Пожалуйста, не нужно больше мистера добряка

Наконец Родни смог высказать свои мысли.

— Я чувствую, что зрителям нужно показать больше меня настоящего, — сказал он.

— Настоящего тебя? — спросил Кельвин.

— Да. Думаю, они к этому готовы.

— Готовы?

— Да.

— К тебе настоящему?

— Верно. Я получаю много сообщений. Ну, в смысле отзывов.

— В которых тебя просят показать настоящего тебя?

— Ну, в общем, да. В смысле, люди говорят, что хотят увидеть меня, очень, очень… чтоб им показали, показали им настоящего…

— Настоящего тебя.

— Да.

Кельвин выдавил половинку лимона на устрицы.

— Ой… Прости, дружище. Никогда не знаю, куда стрельнет.

— Все в порядке, — сказал Родни, стирая лимонный сок с глаза.

Кельвин прожевал устрицу и сделал большой глоток вина, давая возможность Родни поварится в собственном соку.

— Итак, Родни, — наконец сказал он. — Какой же части настоящего тебя, по-твоему, недостает зрителям?

— Крутого парня. Крепкого, режущего правду в глаза крутого парня с острыми как бритва критическими замечаниями.

— Ух ты. Серьезный замах.

— Я чувствую, что стал никаким.

— Стал никаким?

Что бы ни подразумевал Кельвин, сделав акцент на слове «стал», Родни решил не обращать внимания.

— Да, я ведь всегда такой добрый. Думаю, это становится скучно, — сказал он, развивая свои доводы.

— Разве плохо быть добрым?

— Ну, Кельвин, тебе ли говорить, учитывая твой всемирно известный образ мистера негодяя.

— Знаешь, хороший полицейский, плохой полицейский, и Берилл в серединке. Это классическая модель судейства. Она прокатила в шоу

«Поп-идол», в «Американском идоле» и «Х-факторе», и у нас прокатывает.

— Я смотрел старые выпуски. В других шоу акцент немного менялся. Луи Уолш в «Х-факторе» изредка становился плохим парнем. Они целый эпизод вокруг этого построили.

— Это было до того, как формула сложилась раз и навсегда. Мы сложили ее. Мы не делаем отступлений. Именно поэтому сейчас мы на первом месте.

— Ну, все равно. Я не думаю, что у нас получается — ты, я и Берилл в серединке. Мне кажется, у нас получается — ты и Берилл, а я на заднем плане.

— Понятно. — Минуту Кельвин сосредоточенно жевал. — И ты думаешь, ответ в том, что ты должен стать негодяем?

— Ну, иногда. В смысле, в прошлом сезоне я почти всегда был добрым. Я просто хочу внести немного разнообразия, ну, знаешь, удивить людей. Встряхнуть публику.

— Думаешь, у тебя получится?

— Конечно получится. Я творческая личность, я песенник, я писал тексты песен. Я отлично управляюсь со словами.

— Я помню. «Секс-машина. Секс-машина.

Субботним вечером. О да. О детка. А-а, детка. Субботним вечером».

— Вот именно. Четвертый номер в Бельгии. Я умею это, Кельвин, правда, и я хочу больше критиковать. Я даже записал несколько фраз. Мне очень нравится… «Будь ты еще дубовее, дорогой, тебя можно было бы использовать вместо журнального столика».

Последовала пауза. Кельвин посмотрел на Родни ничего не выражающими глазами.

— Не понял? — наконец сказал он.

— Что?

— Я не понял, что ты хочешь сказать, то есть как это использовать меня вместо журнального столика?

— Не тебя.

— Ты только что сказал, что меня можно использовать вместо журнального столика.

— Не тебя.

— А кого?

— Одного из конкурсантов.

— Кого именно?

— Любого конкурсанта, гипотетического конкурсанта. Это один из примеров моей резкой критики.

— Где?

— «Если бы ты был дубовее, тебя можно было бы использовать вместо журнального столика». Дубовее. Дубово петь. Это шутка.

Кельвин помолчал, очевидно прокручивая идею в голове.

— А-а, понятно, — наконец сказал он. — Ну, удачи, приятель.

— Хм, спасибо.

Ужинали они в молчании, и Родни всю дорогу пытался понять, удалось ли ему продвинуть свою идею. Кельвин решил сменить тему. Он не собирался говорить за ужином о своих планах на бывшую подружку Родни, но поскольку ничего лучшего не придумал, то решил сказать сейчас.

— Кстати, я возвращаю Иону.

Родни поперхнулся вином.

— Пожалуйста, не говори, что ты удивлен.

Для Кельвина это был самый очевидный ход на свете. Столько драмы, столько напряжения. Столкновение будет мучительно болезненным.

— Ты ведь понимаешь, что я должен это сделать, не так ли, Родик? В смысле, вы были парочкой, а потом ты ее бросил и все такое. Великолепный сюжет. Она возвращается на прослушивание и снова оказывается перед человеком, с которым раньше спала. Просто потрясающе. К тому же не

стоит забывать, что ей нужно вернуться и пройти прослушивание, ведь в прошлом году она никуда не продвинулась. Нет, Родик, здесь тебя с крючка отпускать нельзя. Только не после всех твоих обещаний.

По выражению лица Родни Кельвин понял, что тот прекрасно понимает, куда он клонит. В конце концов, Кельвин и Берилл жестко опустили Иону вместе с ее группой, в то время как Родни перед всеми зрителями объявил, что собирается сделать из них звезд. Возвращение Ионы на прослушивание в шоу «Номер один» продемонстрирует, что Родни не сделал ее звездой.

— Кельвин, — запинаясь, произнес Родни. — Мне бы очень не хотелось, чтобы ты…

— Ой, Родни, да ладно тебе. Ну да, мы с Берилл тебя немного подразним, ну и что такого? Одной из постоянных тем шоу «Номер один» являются невыполненные обещания и безумные предсказания. Каждую неделю кто-нибудь мрачно сообщает какому-нибудь невинному конкурсанту с выпученными глазами, что тот сможет продать множество записей, и зрителям наплевать, что большинству из них это не удается. Вот что я скажу, дружище. Подумай: ты хочешь быть гадким, тогда как тебе такая мысль: мы ее воз-

вращаем, а ты говоришь, чтобы она избавилась от своей паршивой группы. Жуткая драма, и ты будешь выглядеть очень круто.

Кельвин смотрел на Родни, пока тот обдумывал эту мысль.

— Да. Думаю, ты прав, — наконец сказал он.

— Это моя работа.

— То есть я несгибаемый профессионал. Предположим, между нами что-то было, но это в прошлом…

— Двигайся дальше, детка. Я уже все забыл.

— Точно. Двигайся дальше.

— Иди вперед.

— Нельзя строить будущее, если живешь прошлым.

— Ни за что.

Родни все больше воодушевлялся.

— Значит, если она вернется одна, мы дадим ей еще одну возможность?

— Вот именно, и ты можешь показать, насколько ты крут, когда устроишь своей бывшей подружке, с которой ты в прошлом году был почти помолвлен, очень, очень тяжелую жизнь.

На лице Родни вновь отразились сомнения.

— Очень, очень тяжелую жизнь? — нервно переспросил он.

— Отличный сюжет, Родик. Отличный сюжет.

Мимолетное увлечение

На следующее утро Кельвин, Родни и Берилл сидели плечом к плечу в заднем отсеке частного самолета, кружащего высоко над Бриз-Нортоном. Они сидели так близко друг к другу, потому что передний отсек самолета занимала съемочная группа, состоявшая из оператора, звукооператора, девушки-монтажера, костюмерши, гримерши и режиссера. Трент и Эмма, главные отборщики, тоже были здесь, ведь именно их работа заключалась в том, чтобы собрать воедино отснятый за день материал. Они выкрикивали последовательность «перелетов», честные, драматичные кадры которых показывали трех судей, усердно рыскающих по стране день за днем, неделю за неделей, в поисках потенциальных победителей шоу «Номер один», несформировавшихся молодых талантов, которых они станут наставлять и превратят в суперзвезд.

Они находились в воздухе уже около девяноста минут, и, хотя их самолет ни разу не удалился больше чем на двадцать миль от Бриз-Нортона, они уже посетили Глазго и Ньюкасл и сейчас как

раз вылетали из Манчестера.

— Отлично, — крикнул Трент из окружавших его кабелей, планшетов, ноутбуков и костюмов. — Мы вылетаем из Манчестера и направляемся в Бирмингем. Вы можете пересесть? Берилл и Родни меняются местами.

— Зачем нужно пересаживаться? — пожаловалась Берилл, потому что самолет был маленький, двигаться в нем было неудобно, и трем судьям приходилось слишком сильно прижиматься друг к другу, пересаживаясь то туда, то сюда.

— Потому что это другой день, Берилл.

— Это мне известно, Трент. Представь себе, я знакома с телевизионными трюками.

— Да, конечно, Берилл, я…

— У тебя есть «Эмми»? Не думаю, угадала? А у меня есть «Эмми», даже две чертовы «Эмми», дорогуша, поэтому не нужно говорить со мной о том, как снимать сюжеты.

Эмма грустно улыбнулась звукооператору, с которым делила крошечный туалет самолета. Он улыбнулся в ответ. Вся бригада ненавидела Берилл. Они ненавидели ее не за то, что она была высокомерной, властной сукой, хотя и это было правдой. К этому они привыкли и мирились с тем, за что им платили деньги. Они ненавидели

ее за то, что она притворялась, что она такая ненастоящая. Когда ей было нужно, она со всеми дружила, была обыкновенной девчонкой, никаких ужимок, никакой снисходительности, просто старая добрая душевная Берилл. Но упаси Господь перейти ей дорогу, или просто попасть под горячую руку, или на секунду забыть, что она — императрица популярной, мать ее, культуры и любимица зрителей. А больше всего работающих с ней людей бесило то, что она искренне верила в широко распространенную концепцию, будто она — плод собственных незаурядных талантов и звездная личность. Она думала, что публика верит в то, что она сексуальная женщина, отличная мамочка, заботливая, игривая, эмоциональная, честная, чувствительная, строгая, но справедливая и совершенно приземленная, потому что у нее есть все эти качества, в то время как Эмма, которая провела много, очень много изматывающих дней в монтажной, выбирая по секундам кадры, в которых Берилл выглядела просто изумительно, знала, что «старая добрая Берилл» — это результат работы бригады монтажеров и режиссеров. Будь они в Америке на съемках шоу «Бленхеймы» или в крошечном туалете на частном самолете над Бриз-Нортоном,

именно съемочная группа создавала Берилл Бленхейм. Возможно, именно поэтому она относилась к ним с таким презрением.

— Я просто понять не могу, почему из-за того, что сейчас другой день, мы должны сидеть на других местах, — канючила Берилл, пока гримерша и парикмахер вносили тщательно продуманные легкие изменения, призванные создать эффект хода времени. — Я постоянно летаю на этих чертовых самолетах, и не думаю, ой, наверное, мне нужно сейчас сесть не там, где вчера.

— Да, — добавил Родни. — Мне кажется, мы уже нашли подходящие места. Знаете, вроде как застолбили свое небольшое личное пространство.

— Да, но нам нужно показать зрителям, что сейчас другой день, — спорил Трент, напряженно глядя на часы.

— Именно для этого и меняют костюмы, дорогуша, — ответила Берилл. — Я поменяла пиджак, это другой день. Мне не нужно пересаживаться. Никуда я, мать вашу, не пойду.

Трент послал призывный взгляд Кельвину, но тот смотрел в окно и не заметил его.

— Кельвин, — сказал Трент. — Берилл не хочет пересаживаться для полета в Бирмингем.

Кельвин неохотно повернулся к нему.

— Берилл, дорогая, в чем дело? — спросил он.

— Каждый раз, когда мы снимаем другой день, этот придурок заставляет нас меняться местами. Зачем нам всегда садиться на другое место?

— Не всегда на другое место, Берилл, — заспорил Трент. — У нас всего шесть мест, а вы «посещаете» пять городов, поэтому комбинации получаются…

— Я разговариваю с Кельвином.

— Знаешь, дорогая, — улыбнулся Кельвин, — дело вот в чем. Сегодняшние съемки включают довольно много тщательно спланированных деталей, и мы пытаемся воссоздать не просто впечатление, что мы втроем целыми месяцами ездим по стране в поисках талантов. Например, во время прослушиваний в Манчестере вы с Родни поругались, потому что Родни ужасно обошелся с бездарной малышкой…

— Я буду ужасно с кем-то обходиться? — спросил Родни, тут же обрадовавшись.

— Да, Родни, будешь. Можешь использовать эту свою критику «острый, как журнальный столик», если хочешь.

— Дубовый.

— Не важно.

— Да, конечно. Это превосходно.

— Так что ты хочешь сказать, Кельвин? — резко бросила Берилл.

— Ну, дорогая, когда мы покидаем Манчестер, ты по-прежнему злая и грустная. Твои материнские инстинкты страдают оттого, как эту молоденькую разочаровавшуюся милашку оскорбил старый самодовольный дурак Родни.

— Самодовольный? — спросил Родни.

— Остроумный, — поправился Кельвин. — И ты, Берилл, сидишь отдельно в последнем ряду самолета в глубокой задумчивости. Тебе больше не нравится эта работа, и ты даже подумываешь об увольнении. Поэтому Трент хочет, чтобы ты сидела там, где Родни сидел по пути в Манчестер.

— А почему я сижу один по пути в Манчестер? — спросил Родни, преисполнившись подозрений.

— Потому что Берилл плеснула в тебя водой в Ньюкасле.

— О нет, Кельвин! Мы же говорили… — запротестовал Родни.

— Это ты говорил, Родни.

— Да! Я сказал, что не хочу, чтобы в этом году Берилл плескала в меня водой.

— Это тема, Родни, зрители ее ждут.

— Ненавижу ее, — простонала Берилл. — В «Х-факторе» это делала та баба из семейства

Осборн.

— А если трюк срабатывает, дорогая, — нежно сказал Кельвин, — то его стоит перенять. Старое правило шоу-бизнеса.

— Думаю, лучше дать ему в челюсть. Знаешь, вроде из меня проглядывает немного старый Бластер.

— Может быть, в следующем сезоне, дорогая. Я не хочу дразнить зрителей твоей мужской стороной, пока у тебя на лице окончательно не перестанет лезть щетина.

— Да пошел ты. Спорю, Мадонна бреет усы чаще, чем я.

После того как ей объяснили график работ, Берилл согласилась поменяться местами с Родни, и бригада сняла то, как она со свежей прической и макияжем угрюмо смотрит в окно.

— Попытайся выглядеть так, как будто подумываешь об увольнении, — велел Кельвин.

— Это нетрудно, приятель, — сказала Берилл, думая, что прозвучало это резко и остроумно, и не подозревая, что все присутствующие на борту уже давно усвоили, что она скорее умрет, чем уйдет с этой превосходной работы, которая столько ей дала.

Как только сюжет был отснят, парикмахер и

гримерша снова подправили внешний вид Берилл, а камера переключилась на Кельвина и Родни, которые сидели рядом за двойным столиком.

— Эй, какой следующий сюжет? — крикнул Кельвин.

— Вы с Родни глядите друг на друга, как драчливые мальчишки, потому что ты обидел Берилл, — крикнула в ответ Эмма, потеснив специалиста по звукозаписи и высунув голову из-за дверки туалета.

— Спасибо, милая, — ответил Кельвин и улыбнулся, глядя прямо на нее.

Эмма покраснела. Отвернулась в смущении и уронила ручку. Нагнулась, чтобы ее поднять, в этот момент с ее носа упали очки, а зад уперся в стоящего в туалете звукорежиссера.

— Осторожно, Эмма, — недовольно сказал он. — Ты своей задницей чуть последний сюжет не стерла.

Эмма быстро выпрямилась, ударилась головой о дверной проем туалетной кабинки, вскрикнула и уронила планшет.

— Осторожно, милая, — улыбнулся Кельвин. — Сосредоточься.

Эмма покраснела еще сильнее.

— Все в порядке. Нормально. Извини, Кельвин, — сказала она и тут же вскрикнула: «ЧЕРТ!» Она наступила на свои очки.

— Что?

— Ничего.

— Пожалуйста, мать вашу, давайте уже двигаться дальше, — сварливо сказала Берилл.

— Да, конечно, Берилл, — ответила Эмма, очевидно пытаясь вспомнить, что у них дальше по плану.

— Мы с Родни выглядим как драчливые мальчишки, — сказал Кельвин, снова улыбнувшись Эмме.

— Да, спасибо, я помню, — с благодарностью ответила Эмма, улыбнувшись в ответ.

— И после этого с вылетом из Манчестера у нас все? — спросил Трент.

Эмма собралась и взглянула на свои записи.

— Нет, Трент, — ответила она. — Нам нужен сюжет, где Родни говорит по телефону.

— Родни говорит по телефону? — спросил Родни.

— Да, Родни, — объяснил Кельвин. — Отличный прикол, старая идея из шоу «Х-фактор», ее с тех пор никто не использовал, да и получится у нас намного лучше. Очень много эфирного вре-

мени для тебя.

— Отлично, и в чем прикол?

— Ну, в Бирмингеме к нам приходит безнадежная старая «выскочка», которая ужасно поет, и лицо у нее как аппендикс, но бездна самомнения… Ну, просто прикол, в стиле «Мои друзья думают, что я прямо как Тина Тернер» и все такое.

— Ну-у, — сказал Родни, снова став подозрительным. — И кто эта женщина?

— Мы пока не знаем, но кого-нибудь подберем.

— Да, Кельвин, мы в конвертах человек двадцать нашли, — уверил его Трент. — Выбирай — не хочу. Эмма найдет то, что нужно для предварительного отбора, не так ли, дорогая?

— Конечно, — сказала Эмма, снова высунув голову из туалетного пространства, очевидно не слишком довольная покровительственным тоном Трента.

— Молодчина, — сказал Кельвин, подмигнув ей.

Возможно, Эмме покровительственный тон Кельвина тоже не понравился, но по какой-то причине она покраснела.

— Ну и что же это за прикол с телефонным звонком? — снова спросил Родни.

— Ну, мы с Берилл взглянули на эту старую повариху-неудачницу и сказали «нет», а ты решил, что у нее есть потенциал. Я, конечно, поражен и говорю: «Родни, ты ведь не можешь говорить серьезно!», а Берилл смеется над собой.

— Потому что эта женщина безнадежная старая «выскочка», которая ужасно поет и у которой лицо как аппендикс и раздражающий смех?

— Именно.

— И почему я решил, что у нее есть потенциал?

— Чтобы получился прикол.

— Какой прикол?

— Вот об этом я и говорю. Мы не можем поверить, что ты считаешь, будто она подойдет нам, но чем больше мы смеемся, тем сильнее ты настаиваешь на том, что она — ураган, и в конце концов я поворачиваюсь к «выскочке» и даю ей твой номер телефона.

— Мой номер телефона?

— Да, я говорю, что, поскольку ты так в нее веришь, она должна позвонить тебе и попытаться стать поп-певицей.

— Мой номер телефона?

— Ну, Родни, конечно, не твой настоящий номер. Мы дадим тебе телефон, и в течение недели

он будет время от времени звонить, и она будет спрашивать тебя, когда ты сделаешь из нее звезду.

— Значит, это прикол нацелен на меня?

— Ну да, думаю, в какой-то степени ты прав, но ты только подумай, полно эфирного времени, и вообще, давай не будем занудствовать. Это же прикол.

Родни хотел отказаться. Он так хотел послать Кельвина куда подальше. Но он знал, что сделает Кельвин. Кельвин сделает то, что он всегда делал, когда люди, с которыми он работал, пытались сказать «нет» или просили слишком много денег. Он их увольнял. Где были судьи, которые работали с Кельвином на других проектах, предшествующих шоу «Номер один», «Поп и мелкие знаменитости» и «Рок-н-ролл зажигает»? Они исчезли, вернулись на радио или в печать. Что случилось с ведущей, которая была в шоу до Кили? Он уволил ее, не больше и не меньше, и теперь она вела реалити-шоу на цифровых каналах.

— Ладно, — сказал Родни, пытаясь притвориться, что прикол ему понравился. — Давайте.

— Молодчина! — ответил Кельвин. — Трент, что у нас там дальше? Нет, Эмма, ты читаешь «выскочек», ты скажи.

И снова, выглянув из-за двери туалета, Эмма натолкнулась на взгляд Кельвина. Он улыбнулся особенной мимолетной улыбкой и кивнул, чтобы она продолжала.

— Дальше запись третьего эпизода, — сказала Эмма. — Вы улетели из Манчестера, и Берилл злится, потому что считает, что вы грубо обошлись с шестнадцатилетней девочкой.

— Да, да, Эмма, это мы уже проходили, — довольно сварливо сказал Трент, немного расстроенный тем, что Кельвин проявлял благосклонность к его подчиненной. — Авиатопливо стоит недешево.

— Да, — торопливо ответила Эмма, взглянув на записи. — После этого Родни и Кельвин обмениваются веселыми, но виноватыми взглядами…

— Это тоже отсняли. Эмма, пожалуйста, давай уже дальше, — резко бросил Трент.

Эмма снова смутилась и рискнула взглянуть на Кельвина, словно обращаясь к нему за помощью. Затем ее лицо стало строгим, словно она рассердилась на себя за проявление слабости. Но если она рассчитывала на сочувствие, то была разочарована, потому что Кельвин просто вопросительно приподнял брови.

— Да, потом у Родни звонит телефон, — поспешно сказала она. — Он берет трубку, и, когда

Кельвин и Берилл слышат, как он приветствует «выскочку», они начинают хохотать…

— А-а! — энергично вклинился Родни. — Как мы это сделаем? Мы ведь еще не знаем, как ее зовут.

Эмма снова сверилась с записями.

— На прослушивании Кельвин назовет ее Тиной Лайт, и именно так она и представится.

— Мы будем ее готовить?

— Ну да… разумеется, — ответила Эмма, занервничав оттого, что ей приходилось все разжевывать одному из знаменитых судей. — Как обычно.

— Пожалуйста, можем мы двигаться дальше? — крикнула Берилл. — Мне вечером нужно лететь в Лос-Анджелес. Моя падчерица сейчас в реабилитационном центре и пытается привыкнуть к новым огромным грудям, если это кому-нибудь интересно.

Таким образом, хронология была выстроена. Эмма дала Родни сотовый телефон, такой же, как и его собственный, и набрала номер. Он зазвонил, Родни как раз собирался взять трубку, но в последний момент засомневался.

— Подождите. Телефон ведь должен быть выключен, верно? В смысле, мы в самолете, это безответственно… Если подумать, и у тебя

телефон должен быть выключен. Мы можем разбиться.

— Пожалуйста, Родни, — сказал Кельвин. — Я думал, ты хотел быть более крутым в этом сезоне? Разве не выключать телефон во время полета — это не круто? Вроде как играть по собственным правилам?

— Ты думаешь, я от этого буду выглядеть круто?

— Конечно, как гадкий мальчишка, нарушитель правил.

— Ну, тогда ладно… Но я не хочу этого делать на самом деле… В смысле, я не возражаю против того, чтобы притвориться, будто мой телефон звонит, но я не хочу, чтобы он действительно звонил. Это опасно.

— Ты хочешь, чтобы Эмма выключила свой телефон и изобразила звонок?

— Да, конечно. Эти правила не просто так придуманы. Разве ты не слушаешь объявления о безопасности? Сотовые телефоны могут помешать работе навигационной системы самолета.

— Да, да, да. Ты абсолютно прав, — ответил Кельвин. — Эмма, пожалуйста, изобрази звонок.

В этот момент у Берилл зазвонил сотовый телефон.

— Придется ответить, это мой американский агент.

— Берилл, это опасно.

— Отвали, Родни.

Следующие несколько минут всем пришлось сидеть и слушать, как Берилл говорит со своим агентом насчет нового сезона «Бленхеймов», начало которого Берилл стремилась отложить, потому что планировала очередную операцию на клиторе, который ей делали из остатков пениса.

— И скажи им, чтобы ботокс делали пожиже, — приказала она. — У меня после последних уколов лицо не двигалось.

Когда разговор наконец закончился, бригада снова вернулась к работе.

— Дзинь-дзинь. Дзинь-дзинь, — сказала Эмма.

Родни изобразил удивление.

— Кажется, его следовало бы выключить, — сказал он, играя свою роль. — Но какого черта, я живу по своим правилам. Живи быстро и оставь после себя прекрасное тело, да?

— Дзинь-дзинь. Дзинь-дзинь, — настойчиво повторила Эмма, прекрасно зная, что в финальном монтаже на реплику Родни по поводу его крутости не останется времени.

Родни сделал вид, что ответил на звонок.

— Да?

— Привет, это Родни Рут? — спросила Эмма из туалетной кабинки совершенно деревянным и невыразительным голосом, желая дать понять окружающим, что не намерена даже пытаться вживаться в роль персонажа.

— Да, это Родни.

— Это Тина Лайт, дорогой. Ха-ха. Ха-ха. Кельвин сказал, что я должна тебе позвонить. Ха-ха.

— А, здравствуй, Тина Лайт, — ответил Родни, а Кельвин и Берилл сделали вид, будто давятся от смеха. Трент хотел, чтобы они оба подавились напитками, но Берилл побоялась за свой блеск для губ, поэтому водой прыснул только Кельвин.

— Что я могу для тебя сделать? — спросил Родни, храбро импровизируя.

— Ну, дорогой, ха-ха. Ха-ха, — деревянным голосом ответила Эмма. — Может, тебе стоит подумать, что я могу сделать для тебя, ха-ха. Ха-ха. Потому что, если ты сделаешь меня звездой, как и обещал, ты это узнаешь! Это точно! Ха-ха. Ха-ха!

— Да, слушай, Тина, я был ужасно рад поговорить с тобой. А теперь мне нужно спешить, спасибо за звонок. Пока. — Родни сделал вид, что сбросил вызов.

— Ну вот, — сказал Кельвин, оставаясь по-

прежнему в кадре. — Ты ведь говорил, что не выключать телефон во время полета опасно!

— Отличная концовка, Кельвин, — ахнул Трент. — Все довольны?

Убедившись, что сюжет отснят, они двинулись дальше. Берилл исчезла за пальто, чтобы снова переодеться, мужчины надели другие рубашки. Поменявшись местами, они угрюмо глядели друг на друга, угрюмо глядели из окон и сидели все вместе, показывая, какие они на самом деле отличные товарищи.

Наконец у Трента и Эммы не осталось больше ни одной строчки в сценарии.

— Мы закончили, босс, — объявил Трент.

— Наконец-то, — сказала Берилл. — Эта штука может доставить нас прямо в Хитроу?

— Еще один сюжет, — потребовал Кельвин. — Новый.

— Какой, шеф? — спросил Трент.

— Отлет из Глазго. Родни сидит один.

— Отлично, шеф, — ответил Трент. — Какая история? Какие комментарии?

— Не важно. Начинаем снимать.

Родни послушно сел туда, где, по сведениям Эммы, он сидел при вылете из Глазго, и на него нацелилась камера.

— Отлично, — сказал Кельвин. — Итак, Родни, мы хотим, чтобы ты выглядел немного напряженным, немного шокированным, ладно?

Родни точно знал, чем он должен быть шокирован.

— Кельвин, — сказал он, пытаясь говорить спокойно, — знаешь что, друг? Я думал об этом, и я не уверен, что это хорошая мысль.

— Слушай, возможно, мы даже не станем это использовать, приятель. Я просто хочу, чтобы сюжет отсняли.

— Да в чем дело? — грубо спросила Берилл. — Мне показалось, что мы закончили?

— Очередная маленькая коварная мысль Кельвина, — сказал Родни, по-прежнему пытаясь говорить легкомысленным тоном, но явно слегка расстроенный. — Он хочет вернуть Иону.

— Нет! — ахнула Берилл. — Только не Иону из кошмарной группы «Шетландский туман», которую ты трахал?

— Да, хотя мне казалось, что она…

— А когда натрахался, послал ее на хер!

— Знаешь, наши отношения закончились по взаимному…

— Те ребята, которым ты при всех зрителях обещал звездное будущее и что ты им его лично

устроишь?

— Ну да, я…

Берилл расхохоталась.

— Кельвин, это гениально. Одна из твоих лучших идей.

— Ну да, мне тоже показалось, что у сюжета есть потенциал, — согласился Кельвин с улыбкой.

— Потенциал! Не то слово. Послушай, Родни, ты сам вырыл себе яму. Не говоря уже о том, что ты трахал этого бедненького шотландского «сморчка», а потом бросил ее, ты сказал, что сделаешь ее паршивую группу звездной, — и не сделал. Ты всегда говоришь какому-нибудь ничтожеству, что оно может стать звездой, и оно никогда ею не становится. Пора уже тебе объясниться.

Родни сидел закусив губу, его взгляд был одновременно бешеным и растерянным.

Кельвин подмигнул оператору, который точно понял, что от него ожидается, и настроил камеру, чтобы снять Родни крупным планом.

— Есть? — спросил Кельвин вполголоса.

— Есть, — ответил оператор.

— Ладно, Трент, — сказал Кельвин. — Мы закончили, давайте отвезем Берилл в Хитроу.

Родни удивился.

— А сюжет мы что, снимать не будем? — спро-

сил он с облегчением.

— Нет, не волнуйся об этом.

Кто эта девушка?

Трент возвращался в Лондон в огромном «роллс-ройсе» Кельвина. Выезжая с парковки, они миновали автобус, в который готовилась сесть Эмма со своей бригадой. Девушка стояла у передней двери, пытаясь справиться с огромной сумкой, набитой различными рабочими папками, и на носу у нее были разбитые очки. Порывы ветра очень симпатично развевали ее волосы.

— Эта девушка, — сказал Кельвин, глядя на нее через тонированное стекло. — Блондинка, которая сидела в туалете. Я помню ее с прошлого сезона. Она хорошо работала, верно?

— Точно, босс, — ответил Трент. — Отличная малышка. Угадала нескольких финалистов. Мы сделали ее старшей в группе.

Машина проехала мимо, Кельвин молча осмотрел девушку. Он не знал, зачем он спросил об Эмме; на него работало огромное количество симпатичных девушек, и он никогда ни об одной из них не спрашивал. Эмма была даже не в его вкусе. Слишком маленькая. Его уже почти бывшая жена была шесть футов четыре дюйма ростом.

— Ее зовут Эмма, — продолжил Трент после паузы. — Эмма Ли-Муррей. Вы ею довольны? Может, она сегодня напортачила? Вы хотите, чтобы я что-то ей передал?

— Нет. Ничего. Проехали.

Теперь он все вспомнил. Она привлекла его внимание ближе к концу прошлого сезона, когда работала над финалом в студии. Они виделись всего несколько раз, но он вспомнил, что заметил ее. Она была очень… очень…

Откинувшись на сиденье, Кельвин задумался над тем, какой именно она была. Почему он тогда заметил ее? Почему он думает о ней сейчас? Какой она была…

Может быть, «милой»?

Кельвин подумал, что угадал. Девушка была милой.

Он заметил, что она была мила с группой. Он заметил, что она была мила с конкурсантами. Не профессионально мила. Не мила в смысле «мне нужно, чтобы вы сделали то, что я вам скажу, поэтому я буду с вами мила», а по-настоящему мила. Видит бог, он даже заметил, что она была мила со зрителями в студии, а это трудно сделать в полной неразберихе финала, когда тебя окружают пятьсот ненормальных болельщиков,

доведенных до состояния зрителей, наблюдающих за гладиаторскими боями.

Она даже с ним была странно мила.

Не то чтобы у самого занятого и самого успешного мужчины шоу-бизнеса и одной из его армии подчиненных было много возможностей для обмена любезностями, но все же он вспомнил, что чувствовал ее тепло. Она была честной, что он ценил, и улыбка у нее была настоящая.

Да, он определенно заметил ее тогда. И сейчас — снова.

Странно все это. Он ни разу не думал о ней за последние девять месяцев. Да и когда ему было о ней думать? Он сделал целый сезон шоу «Номер один в США», одновременно разрабатывая огромное количество новых элементов своей всемирной индустрии развлечений. И даже женился. И все же теперь он снова заметил ее.

Конечно, она была симпатичной, даже скорее симпатичненькой. Но определенно не в его вкусе.

Совсем не в его вкусе. Она была слишком… милой.

Бирмингем

— Мы начинаем эпизод второй, в котором поиски завели наших неустрашимых судей в Бирмингем, где собрались огромные толпы жаждущих славы.

Что бы ни утверждала Кили восторженным голосом перед началом второго эпизода, в тот день, когда в Бирмингеме собрались огромные толпы, наших трех неустрашимых судей даже близко не было. Все должно было выглядеть так, словно они находились в Бирмингеме в тот самый день, что и толпы жаждущих славы, потому что сюжет с толпой пойдет в эфир перед сюжетом, отснятым в частном самолете, где Кельвин, Берилл и Родни сидят с угрюмыми лицами высоко над Бриз-Нортоном.

Но не все здесь было обманом. Как Эмма часто повторяла своим друзьям, которые упрекали ее за это, на самом деле это никакой не обман, трое неустрашимых судей действительно рано или поздно приедут в Бирмингем, в другой день, гораздо позже, когда «толпы» сократятся до управляемых нескольких дюжин людей. Но

они приедут. И, разумеется, добираться они туда будут отдельно, на машинах, из Лондона.

Шайана пришла за час до назначенного времени и стояла в очереди еще два часа, и все это время ее и всех окружающих ее людей заставляли улыбаться и махать руками перед вездесущими камерами. Шайана послушно делала то, что ей говорили, но на самом деле ей не было так весело, как она изображала. В конце концов, она была серьезной певицей, не похожей на всех остальных дураков и клоунов.

Когда Шайана наконец добралась до регистрационного столика, ее попросили присоединиться к группе примерно из шестидесяти человек, которых отделили от основной толпы.

Пожилой мужчина, сидевший рядом с ней, повернулся и улыбнулся.

— Привет, — сказал принц, протягивая Шайане руку. — Как дела?

«Удивившись», когда до него дошла потрясающая новость, что наследник престола подал заявку на участие в шоу, Кельвин дал Тренту и его бригаде строжайшие указания относиться на ранних прослушиваниях к его королевскому высочеству так же, как и ко всем остальным конкурсантам. Кельвин знал, что ему предсто-

ит очень трудная работа и что если он хочет превратить любимого мальчика для битья всей нации в поп-звезду номер один, то лучше всего с самого начала дать понять, что принцу не видать никакого снисхождения. Принц и сам очень ясно выразился на этот счет.

— Если я играю, то я играю честно, — сказал он. — Правила Дартмута. Когда я вступил в военно-морской флот, то не ощущал никакого особого отношения, и именно по этим правилам хочу играть и здесь.

— Но разве его появление не вызовет жуткого ажиотажа? — спросил Трент Кельвина.

— Если честно, я так не думаю. Все конкурсанты на прослушиваниях сосредоточены только на одном: на себе. Никто другой их не интересует. Зачем им обращать внимание на какого-то унылого старика в твидовом пиджаке? В конце концов, он явно не будет единственным эксцентричным старичком в зале, правда? Если его и заметят, то что все подумают? Они подумают, что этот парень немного похож на принца Уэльского. Они ведь не подумают, что это и есть важная шишка, верно? Только если мы не начнем устраивать вокруг него шумиху, а мы ее устраивать не начнем. Сколько в прошлом году у нас было двойников

Дэвида Бэкхема?

— Восемь. И одиннадцать Пошей.

— И некоторые были очень даже хороши, правда? Но никто не подумал, что это они.

— Нет.

— И мы говорим о серьезных знаменитостях. А не о каком-то паршивом принце. Пусть приходит, обращайся с ним как ко всеми остальными, а там посмотрим, как дела пойдут, ладно?

Принцу Уэльскому отправили приглашение прибыть в Зал E3 Национального выставочного центра в Бирмингеме. В приглашении было сказано, что он должен быть готов спеть без сопровождения один куплет и припев песни по своему выбору. Поэтому принц перенес посещения двух начальных школ, полкового ужина и мечети, и прослушивание вошло в «придворный циркуляр» с пометкой «культурное мероприятие».

Он прибыл в назначенное утро в первом из двух черных «даймлеров». Многие из собравшихся повернулись посмотреть, но только потому, что они вообразили на минутку, что прибыл сам Кельвин Симмс. Когда из машины вышел всего лишь сутулый, важный мужчина в длинном старомодном плаще, интерес был потерян. Един-

ственной отличительной чертой этого человека было то, что, пока он нервно шел по забитому народом холлу, его сопровождали двое деловых мужчин в дешевых костюмах, оттопыривающихся у подмышек.

— Смотрите, старая мальчишеская группа, — пошутил кто-то, когда их направили прямо туда, где уже сидела Шайана.

— Привет, — ответила Шайана на приветствие принца, едва взглянув на него. Она не хотела ни с кем говорить. Сегодня ее интересовала она сама, и только она.

Ей нужно было оставаться сосредоточенной, потому что она так сильно хотела этого.

— Какую песню вы приготовили? — спросил принц. — Я пою «Jerusalem», и надеюсь, это никого не оскорбит. Люди часто ошибаются, думая, что это социалистическая песня, но я не согласен. Я совершенно уверен, что, когда Блейк записывал свои ужасные строки, он имел в виду гуманизм. Это песня о любви гражданина к своей родине, и я серьезно считаю, что это важно. Вы согласны?

Шайана, как и многие из собравшихся в Бирмингеме конкурсантов, выбрала в тот день «The Greatest Love Of All», песню о любви к самому себе.

Номер принца, 8900, был написан фломастером на большой белой бирке у него на груди. Номер Шайаны был 16 367. Несмотря на то что в холле присутствовало едва ли пятьсот кандидатов, все числа на бирках состояли по крайней мере из четырех цифр, а в основном из пяти.

— Я не число! — громко пошутил принц, оглядывая толпу дружелюбным взглядом. — Я живой человек.

Ни Шайана, ни остальные сидящие рядом не обратили на него внимания. Все были погружены в себя, прокручивали в голове куплеты и припевы, которые могли навсегда изменить их жизни.

Дальнейшие попытки принца объединиться с будущими подданными провалились, когда уже знакомый голос пронесся по залу.

— Отлично, ребята! Это снова Гэри! — крикнул голос в микрофон. — Скажите: «Привет, Гэри!»

— Привет, Гэри! — без особого воодушевления откликнулась толпа.

— О боже, неужели опять этот дурак, — пробормотал принц. — Вот уж действительно отменный шут.

— Скажите: «Привет, Бэри!» — крикнул второй голос.

— Привет, Бэри! — отозвалась толпа.

— Да ЧТО ЭТО с вами? — крикнул Гэри. — Это было УЖАСНО! Скажите: «Привет, Гэри и Бэри!»

Толпа послушно повторила за ними, на этот раз с чуть большим воодушевлением:

— Привет, Гэри и Бэри!

На самом деле Гэри и Бэри не только принцу надоели до чертиков; они надоели всем. Их работа заключалась в том, чтобы уговаривать собравшихся дать съемочной группе возможность снимать взволнованную толпу, а потом использовать эти кадры в коллаже первых кадров ролика программы.

«Девяносто пять тысяч человек. Трое судей. Двенадцать финалистов. Всего один „Номер один“».

Кто-то должен был заставлять эти толпы орать, а также хлопать и махать руками, и эту должность получили Гэри и Бэри, двое бывших студентов театрального факультета, мечтающих работать комедийными артистами.

— Отлично, народ, послушайте меня! Если вы хотите быть «Номером один», то вам нужно ВЕСТИ СЕБЯ как «Номер один»! Вам нужно жить этим, дышать этим, ДЕЛАТЬ это, и начинать нужно сейчас. Кельвин смотрит на вас! Он Темный Лорд рока и он все видит! Поэтому вы должны вложить в это дело всю душу! Посмотрим, как вы

скажете «ЙЕ-Е!».

— Йе-е! — сказали все, кроме принца.

— Не буду я этого делать, — пробормотал он. — Здесь не коммунистическая Россия, черт возьми.

— Посмотрим, как вы скажете «О ЙЕ-Е!».

— О ЙЕ-Е!

Весь день Гэри и Бэри работали с толпой, собирали людей в группы, чтобы выкрикивать название шоу, заставляли их всех вместе ходить по залу, махать руками, прыгать, танцевать твист перед огромными баннерами с логотипом шоу «Номер один». Они заставляли их делать все возможное, чтобы создать впечатление у зрителей, будто вовсе не пятьсот человек болтаются по пустому залу как неприкаянные, а огромная толпа народа отлично развлекается и счастливо проживает каждую минуту пребывания на шоу «Номер один». В тот раз, когда Гэри и Бэри прервали попытки принца подружиться с Шайаной, они пытались научить толпу трудной задаче телодвижениями показать буквы, из которых состоит слово «НОМЕР». Буква «Р» была простой, «О» тоже вполне выполнимой, но изобразить «Н» было трудно, а «Е» и «М» практически невозможно.

— Сложите букву «Е» из пальцев! — приказал Гэри. — Да, вот так, три пальца на одной руке и

один на другой.

— А потом мы все покажем указательный палец, что будет означать «один», — добавил Бэри.

— Да, именно так! — крикнул Гэри. — Мы все покажем «НОМЕР», а потом одии-иин! Поехали!

На планерке накануне вечером проходило обсуждение того, как заставить толпу показать указательный палец. В конце концов бригада пришла к выводу, что участники должны будут подпрыгивать и дружно тыкать двумя указательными пальцами в воздух, и, хотя все знали, что это означает не «один», а «вверх», проблема заключалась в том, что показать «один» было сложно, да и вообще вряд ли это хорошо бы смотрелось на экране.

— НОМЕР одии-иин! — подхватила толпа, подпрыгивая и тыча поднятыми пальцами вверх.

— Спасибо, вы молодцы! — крикнул Бэри.

— Очень даже молодцы, — согласился Гэри. — Давайте сделаем это еще разок!

Они сделали это четыре раза, после чего толпа перестала прыгать, размахивать пальцами и все вернулись на свои места в очереди.

Затем две съемочные бригады, снимавшие толпу, приблизились к маленькой отдельной группе людей, в которой находились Шайана и

принц. Эмма тоже подошла к ним. В руке у нее был планшет, и выглядела она немного озабоченной. Трент, сидевший на парковке в фургоне видеоинженера, только что крикнул ей, что они опаздывают уже на час.

— Могу я увидеть Квазара? — крикнула Эмма.

Накачанный, уверенный на вид мужчина подскочил со своего места за Шайаной.

— Ну, привет, де-точ-ка! — сказал он, схватившись за промежность и рывком выставив вперед низ живота. — Ты можешь увидеть Квазара в любой момент, принцесса, ты поняла, о чем я?

Квазар говорил с непонятным евро-американским акцентом, бытовавшим где-то между Марокко и районом Саут-Сентрал Лос-Анджелеса.

— Мы бы хотели, чтобы вы сказали несколько слов в камеру.

— Тогда Квазар готов зажечь!

— Отлично, — сказал Эмма, слабо улыбнувшись, — именно это мы и любим слышать.

Квазар выскочил вперед. Он был одет в черные облегающие джинсы, ботинки из змеиной кожи на каблуке и красную шелковую рубашку, расстегнутую чуть не до пупка. Эмма, за которой перемещалась съемочная бригада, отвела Квааза-

ра в очередь и поставила напротив толпы.

— Почему ты выбрала его? — заверещали несколько девчонок. — Мы еще не прошли прослушивание.

— Девушки, у вас еще будет такая возможность, — крикнула Эмма с преувеличенной радостью. Но она знала, что почти наверняка такой возможности у них не будет. Большинство настоящих перспективных «липучек», «выскочек» и «сморчков» уже были отобраны по заявкам или лично сотрудниками шоу, которые ходили среди толп. Все остальные во избежание бунта получат примерно тридцать секунд славы, но шансы на то, что кто-нибудь из них на этой стадии покажет себя достаточно сильным ботаником, уродливым, отчаянным, распущенным, высокомерным, эмоционально или умственно нестабильным (или даже, но очень редко, талантливым), чтобы попасть на конкурс, были не велики. Национальный выставочный центр сдавал свои залы в аренду не задешево, и у Эммы и остальных членов производственной бригады, работающих под огромным давлением, был всего один день на то, чтобы прошерстить всю толпу, одновременно пытаясь отснять как можно больше «неожиданных гостей» и просто подходящих

кадров.

День у Эммы выдался очень трудный, а Квазар тем временем наслаждался своим днем и определенно не собирался позволить ворчливому негодованию собравшихся вокруг него конкурсантов испортить ему настроение.

— Как дела, детка? — крикнул он Эмме, поигрывая надутыми мышцами.

— Как ты себя чувствуешь? — крикнула в ответ Эмма из-за камеры.

— Я чувствую себя отменно! — сказал Квазар. — Потому что я чудак!

— Ты лучший, Квазар?! — крикнула Эмма. — Скажи нам, что ты здесь самый лучший.

— Я здесь самый лучший! — послушно ответил Квазар.

— Скажи нам это еще раз, — крикнула Эмма, — но погромче!

— Я здесь самый лучший! — заорал Квазар.

— Ты можешь немного подвигаться для нас? Ну, схватиться за штаны или что-нибудь в этом роде?

— Не вопрос, детка! — крикнул Квазар и снова заявил, что он здесь самый лучший, но в этот раз к тому же схватившись за промежность, крутнувшись вокруг себя, а затем сев на шпагат.

— Просто отпад, Квазар! — крикнула Эмма. — Скажи Кельвину, что ты надерешь ему зад!

Квазара не нужно было уговаривать. Он сделал шаг вперед, расстегнул рубашку донизу, ткнул пальцем в объектив и сказал:

— Кельвин Симмс, Квазар надерет тебе зад!

— Это было великолепно, Квазар, — уверила его Эмма, прежде чем проводить обратно на его место. — Удачи тебе.

Пальцы Эммы мяли пачку «Мальборо лайт», лежавшую в верхнем кармане модных джинсов с заниженной талией. Ей еще очень не скоро удастся найти минутку, чтобы перекурить, а работа просто выматывала. Собрав в кулак всю волю, она снова натянула на лицо застывшую улыбку и посмотрела на планшет.

— Шайана? — позвала она.

Шайана нервно отозвалась.

Эмма взглянула на нее и вспомнила ее заявку. Эмма не всегда помнила заявки, которые откладывала для прослушивания, но она запомнила Шайану. «Я это я», — написала девушка.

И это была правда.

Во времена обучения в университете Эмма на добровольной основе подрабатывала в студенческом профсоюзе, консультируя жертв. Ее нервная

работа заключалась в том, чтобы выслушивать излияния жертв нападений, квартирных краж, преследования и иногда даже изнасилования. Эмма в свое время смотрела в глаза многим жертвам и знала все признаки. Но во время работы консультантом Эмма работала с жертвами после происшествий. Однако Шайана уже выглядела как жертва, хотя пока что ничего не случилось. Перед Эммой была жертва, ожидающая нападения.

Эмма почувствовала себя разбойницей, но что она могла поделать? Шайана была просто золотом для телевидения. Она хотела этого так сильно. Так сильно, что написала это дважды.

С трудом переведя дыхание, и снова нащупав спасительную пачку сигарет, прижатую к покрытому искусственным загаром бедру, Эмма отвела Шайану в сторонку.

Правда, честно, насколько сильно ты этого ХОЧЕШЬ?

— И снова в зале ожидания, — скажет на следующий день роскошная Кили, прибывшая на съемки своего сюжета, — все жаждущие славы приготовили песню, и боже мой! Ничто не может помешать им спеть ее!

Шайана, которую поместили в другую группу жаждущих славы, по просьбе Эммы спела «I Am Woman». Когда она закончила, стоящие вокруг нее люди по просьбе сотрудников шоу зааплодировали.

Когда тщательно спланированное импровизированное представление было окончено, Эмма снова заняла место за камерой, чтобы выкрикивать вопросы.

— Шайана, как много это значит для тебя? — спросила она.

— Эмма, для меня это самое важное событие, — ответила Шайана.

— Без «Эммы», Шайана. Не говори «Эмма».

— А почему?

— Потому что меня здесь нет.

На лице Шайаны отразилась тень сомнения.

— Я не понимаю.

— Меня здесь нет. Здесь Кили.

— Кили здесь?

Стоящих вокруг людей охватило внезапное возбуждение. Кили здесь? Настоящая прекрасная блондинка Кили с телевидения? Пока что толпа была жестоко разочарована, не увидев никого из шоу, даже Родни, а теперь вдруг оказалось, что в здании находится роскошная ведущая.

— Кили здесь!! — Слух за одну секунду облетел весь Зал Е3.

— Нет! — крикнула Эмма. — Кили здесь нет.

— А ты сказала, что есть! — крикнул в ответ злой голос.

— Да, — согласилась Шайана, — ты мне это сказала.

— Слушай, я просто хочу сказать, что на настоящем шоу вопросы буду задавать не я. Их будет задавать Кили.

— Значит, она здесь?

— НЕТ! Нет, ее здесь нет… Просто мы запишем ее позже и… — Трент снова закричал ей в наушник, что время заканчивается. — Слушай, Шайана, просто говори то, что я тебя прошу говорить, ладно? Просто повторяй за мной.

— Конечно.

— Хорошо. Поехали… «Я так сильно хочу этого».

— Я так сильно хочу этого.

— Громче. «Я так СИЛЬНО хочу этого!»

— Я так СИЛЬНО хочу этого!

— Отлично. Теперь своими словами. Ну же, скажи, скажи мне то, что думаешь. Не забывай, сколько внимания судьи уделяют страсти и настойчивости, давай же, правда, честно, скажи, как сильно ты этого ХОЧЕШЬ?

И Шайана рассказала миру, как сильно она этого хочет. Что это единственное, чего она хочет в жизни. Что Господь создал ее для этого и что это самое важное для нее. Самое-самое важное. Это ее мечта. Шайану не нужно было долго уговаривать. С легкой подачи Эммы на ее глазах показались слезы.

— Все думают, что я никто, — сказала Шайана. — И я собираюсь доказать им, что я личность.

— Да. Да, я уверена, что ты личность, Шайана, — сказала Эмма, крепко держась одной рукой за пачку сигарет на бедре, словно боясь, что если отпустит ее, то может сорваться и крикнуть: «Нет, ты не личность, Шайана, ты нисколько, нисколько не личность, с твоими полными отчаяния

глазами и неплохим голосом. Ты не личность, ты такая же, как все. Поэтому беги, детка! Беги, пока мы не разбили тебе сердце».

Снова подсчеты

Квазар присел рядом с принцем на то место, где раньше сидела Шайана.

— Квазар, чувак, — радостно представился Квазар.

— Принц Уэльский, — ответил его королевское высочество.

— Надо же, принц Уэльский. Круто! Значит, ты из Уэльса?

— Ну, вообще-то нет, нет… не обязательно быть из Уэльса, чтобы быть принцем Уэльским. Разве это не поразительно? Так же, как и то, что моя мать — королева Австралии. Я всегда смеюсь, когда думаю об этом, потому что она совершенно не похожа ни на одного из австралийцев, каких я когда-либо встречал. Очень милые люди, слов нет. Такие простые. Вам так не кажется?

Квазар широко улыбнулся.

— О, чувак, я врубился, — сказал он. — Ты тут лепишь эту мульку насчет двойников. Круто! Отпад! Вот это да! Ты из агентства, чувак?

— Ну, нет, я так не думаю. Я вроде как сам сюда пришел.

— Чувак, да ты спятил! В этом бизнесе двойников полно бабла, и вечеринки, и «поющие телеграммы». У меня есть девка, которая как Дженифер Лопес, вааще не похожа, тока титьки такие же здоровые, так у нее все равно бабла как грязи!

Принц, очевидно, понятия не имел о том, о чем говорил его собеседник, но десятилетия опыта одностороннего общения, во время которого он улыбался и кивал, научили его менять тактику, а не углубляться в суть дела.

— Просто необходимо быть предельно осторожным, — часто повторял он жене. — Стоит только заговорить о полимерах или спросить, что такое этот хип-хоп, и разговор не закончится целую вечность.

Принц огляделся, прежде чем заметить:

— Вы устроили отличное шоу перед камерами, молодой человек.

— Ну, нужно ж шевелиться, чувак, верно? — ответил Квазар, широко ухмыльнувшись. — Думаю, мы уже тут, в смысле, мы ведь прошли, а это нелегко. Ты врубаешься, о чем я?

— Хм, не вполне, нет.

— Они нас снимают, да? Типа, ну, знаешь, наш первый день и все такое.

— Да? — спросил принц. — Но это ведь и явля-

ется целью работы, снять процесс отбора, — или, возможно, я чего-то не понимаю.

— Чувак, ты только прикинь. Нас ведь сотни, да? И мы здесь все на прослушивание собрались, да? Но они снимают только нескольких человек из очереди, да?

На расстоянии нескольких метров от себя они увидели Шайану. Ее поставили перед небольшой группой конкурсантов, и на этот раз она пела «Will You Love Me Tomorrow», а стоящие вокруг нее дружелюбно аплодировали ей в соответствии с инструкцией.

— Вероятно, это неизбежно, что они смогут снять только нескольких из нас, мистер Квазар, — вежливо заметил принц. — Они не смогут ведь снять всех, здесь должно быть сотен пять человек. Можно предположить, что они снимают, сколько хватает времени.

— Ты свихнулся, чувак! Ты о чем базаришь? — ухмыльнулся. Квазар. — Ты чё, шоу не видел?

— Хм, ну, вообще-то нет… Я думал, у меня есть диск, но оказалось, что это шоу «Х-фактор».

— Ты где был, чувак! То шоу так устарело! Шоу «Номер один» такое крутое, а ты его не видел?

— Я знаю, это ужасно с моей стороны, верно? Я такой болван. Очевидно, его повторяли на «ЮК

Голд». Я попросил своего личного помощника записать один эпизод, но он не лучше меня разобрался с нашей системой «Скай Плюс», а от моей благоверной тоже толку нет, она говорит, будь ее воля, она завтра же запретила бы телевидение.

— Ну, если ты его не видел, чувак, тебе стоит знать, что всех, кто проходит до «поп-школы», показывают в очереди! Мы видим их с самого начала. Типа как в прошлом году, парень, который выиграл в финале, мать его, был на первом шоу! Он был в толпе и говорил, что собирается надрать Кельвину зад, правильно? Хотя всего лишь стоял в очереди на первое прослушивание!

— Хм… Не уверен, что я вполне понимаю вашу мысль, мистер Квазар. Хотя мысль ли это? В смысле, какое значение, есть ли она вообще…

— Это и есть мысль, чувак! Они снимают не всех в толпе, врубился? Они даже не выбирают каждого пятидесятого. Да и как это сделать, чувак? Мы бы здесь сидели до самой смерти! Но, когда Кельвин и Берилл и этот другой чувак выбирают людей, которые пройдут в следующий тур, этих ребят уже видели в очереди, так? Они в кадре с того момента, как на парковку въезжают! В самый первый день! Подумай об этом, чувак. Откуда им знать, что их нужно снимать, если они их уже не

выбрали? Нас выбрали! Мы отлично выглядим!

Принц Уэльский получил дорогое образование в частной школе, а затем учился в Кембридже, а Квазар бросил школу в шестнадцать, не доучившись до аттестата, чтобы стать исполнителем экзотических танцев. Но именно Квазар сумел все подсчитать.

Грэм и Милли на парковке

— Дорога к славе не бывает легкой. Но для некоторых она гораздо труднее, чем для остальных. Грэм и Милли — двое молодых певцов, у которых есть мечта. Ничего в этом нет особенного, можете сказать вы, но есть одно но. Грэм слеп от рождения.

Именно это будет говорить Кили через несколько месяцев и в нескольких сотнях миль отсюда по магистрали М6, в студии звукозаписи в Сохо, озвучивая истории для третьего эпизода.

А тем временем сопутствующие кадры еще предстояло отснять, и это было делом Эммы и ее маленькой бригады. Поставив галочку напротив имени Шайаны на планшете, она забрала Грэма и Миллисент из той группы, где сидели принц, Шайана и Квазар, и попросила их вернуться на парковку.

— Зачем? — спросил Грэм.

— Мы бы хотели снять то, как вы подъезжаете.

— Но мы уже приехали. Мы здесь уже три часа.

— Я знаю, но мы этого не видели… В смысле, не присутствовали, — сказала Эмма, вдруг испытав

смущение, присущее некоторым зрячим людям, которые используют слово «видеть» в разговоре со слепыми.

Грэм и Миллисент послушно вернулись с Эммой и ее съемочной бригадой на парковку перед выставочным центром. Оказавшись на улице, Эмма тут же вытащила пачку сигарет, чуть не оторвав в спешке крышку. Вся бригада занималась тем же; работа у них была ужасно нервная.

— Отлично, — сказала Эмма, пытаясь говорить и вдыхать дым одновременно. — Мы бы очень хотели увидеть, как Миллисент ведет Грэма между припаркованными машинами, и они встают в хвост очереди.

— Какой очереди? — спросила Милли.

Эмма была так увлечена тем, чтобы зажечь свою «Мальборо», что не заметила, что на парковке к тому моменту почти никого не осталось.

— Где очередь? — спросила она свою коллегу, Челси.

— Внутри, — ответила Челси. — Мы загнали всех внутрь.

— Ну так выгоните обратно! — потребовала Эмма. Она не была от природы командиром или требовательным человеком, но Челси (новенькая девушка) вела себя довольно высокомерно.

Эмму раздражало, что та, казалось, не понимает срочности их работы. — Они не могут приехать на пустую парковку, верно? Они должны встать в очередь! Ты что, программу не смотрела?

— Смотрела, Эмма, — ответила Челси. — И поэтому я хотела снять их, когда они действительно подъезжали и у входа стояла очередь, в которую они могли бы встать, но ты в это время непонятно где курила.

Челси развернулась на каблуках, чтобы у Эммы при всем желании не было возможности ответить. Вскоре после этого вернулся младший отборщик, ведя человек тридцать недовольных конкурсантов. Эмма взглянула на них и сразу же послала за Гэри и Бэри.

— Вам придется снова поработать с ними, — сказала она двум будущим комедиантам. — Эта группа выглядит так, как будто пришла на казнь.

Оставив Гэри и Бэри внушать толпе, что Кельвин на них смотрит, что настоящий «Номер один» никогда не дремлет и что они должны рассматривать это как еще одну возможность засветиться перед камерами, Эмма отвела Грэма и Миллисент к дальней стороне парковки.

— Отлично, Миллисент, — объяснила Эмма. —

Значит, вы только что приехали…

— Но это не наша машина, — перебила ее Миллисент. — Мы припарковались в зоне для инвалидов прямо перед входом в здание.

— И вошли прямо внутрь, — добавил Грэм.

— Да, да, — сказала Эмма, пытаясь сохранять терпение. — Но не нужно так зацикливаться на мелочах. Мы здесь для того, чтобы продемонстрировать куда более важную правду: твою слепоту, верно? Вообще-то можно снять зону для инвалидов и машину…

— Мою машину? — спросила Миллисент.

— Это не важно, — едва сдержалась Эмма. — Просто нужно показать, что зона для инвалидов всегда полна, когда речь заходит о настоящем таланте.

— Но это неправда, там никого не было и мы там припарковались!

— Я ЗНАЮ! — сказала Эмма, на этот раз даже не пытаясь скрыть своего раздражения. — Слушайте, забудем о машине, ладно? Это была просто мысль. Подожди нашего сигнала, а потом пойдешь с Грэмом к очереди. Сможешь?

— Да, конечно.

Бригада удалилась, чтобы установить камеру. Эмма крикнула «Мотор!» и почти сразу же

«Стоп!».

— Миллисент, — сказала она, — как ты думаешь, ты смогла бы вести Грэма?

— Что, за руку?

— Да.

— У меня есть палка! — крикнул Грэм. — И я слышу Милли. Меня не нужно вести.

— Да, но… ну, так будет… так будет лучше.

В конце концов желание угодить людям с телевидения пересилило уязвленную гордость Грэма, и он позволил Милли провести себя через парковку и встать в хвост «очереди», которую Гэри и Бэри тщательно разместили перед входом в здание и каким-то чудом убедили выглядеть жизнерадостно.

Когда сюжет был отснят, Эмма прислонилась к машине и прикурила еще одну сигарету.

— Еще работать и работать, — сказала Челси.

— Да. Я знаю.

— Наверное, лучше двигаться дальше?

Эмма не пошевелилась. На секунду она закрыла глаза и глубоко затянулась.

— Ты видела эту девушку, Шайану? — спросила она наконец.

— Да, конечно, — ответила Челси. — Совершенно ненормальная.

— Тебе не показалось, что она была слишком напряжена? Так, что страшно делается?

— Не думала, что на шоу «Номер один» есть такие понятия.

— Да, — ответила Эмма, засмеявшись излишне громко. — Думаю, если она покончит с собой, при монтаже мы это вырежем.

— Глупости, Кельвин включит это в ролик.

Заявление о цели

Дальше наступил момент, которого Эмма боялась больше всего. Пришло ее время сыграть свою роль в унижении приличного и трудолюбивого пожилого человека, которому просто выпала участь быть наследником престола.

— Уэльс! — крикнула она, следуя инструкциям Кельвина, предписывавшими относиться к знаменитому конкурсанту так же, как ко всем остальным.

— Добрый день, юная леди, — сказал мягкий голос прямо у ее локтя. — Уэльс здесь, прибыл для прохождения службы. Все в порядке.

Эмма глазам своим не поверила. Он был всего в нескольких метрах от нее, а она его даже не заметила. Среди окруживших его бурлящих, требующих внимания личностей он просто стал невидимым, а его детективы и подавно.

Эмма сделала реверанс. Она не собиралась делать этого, и сама от себя такого не ожидала. В конце концов, она не делала реверанса перед другими участниками и должна была относиться ко всем одинаково, но она просто не могла

удержаться. Черт возьми, перед ней был принц Уэльский! По крайней мере, для нее этот человек кое-что значил. Несмотря на бесконечные унижения, постоянное попрание достоинства и авторитета, на комический анахронизм во всем, что касалось его внешности и окружения, ведомства, он кое-что значил. Не столько он сам, сколько его положение. Он был историей. Его семья олицетворяла собой нацию. Центр всеобщего внимания, уходящий в глубь тысячелетий.

Эмме это было небезразлично. Несмотря на жизнь в мире, где все, что не было красиво или модно, казалось бесполезным, Эмма считала этого человека важным. Она хотела проявить к нему уважение. Конечно, именно в этом и был смысл его появления. С ее точки зрения, если хочешь получить принца Уэльского, играй по правилам и делай реверанс. Или потрать общественные деньги на что-нибудь другое.

Этот человек был наследником престола.

И к тому же он казался нелепым и наивным претендентом на титул медиазнаменитости, а она — Мефистофелем, который скоро выставит на посмешище его наивную, ужасно скомпрометированную задницу.

— Хм, привет, здравствуйте, хм, сэр… Я Эмма.

— Здравствуйте, Эмма. Мне так приятно с вами познакомиться. Как ваши дела? Все хорошо?

— Да. Да, сэр. Все в порядке. Для меня… для меня честь познакомиться с вами, хм… мистер Уэльс. И видеть вас здесь.

— Ой, ну что вы, я буду просто счастлив, если смогу внести свой вклад.

— Ну… мы бы хотели записать несколько слов на камеру, пожалуйста.

— Конечно. Конечно. Несомненно. Где бы вы хотели записать меня? — ответил он с извиняющимся смешком. — В конце концов, никто никогда не обвинял старого чудака в излишней скромности, если речь идет о собственном мнении, верно? Некоторые считают, что мне стоило бы заткнуться.

— Хм, сюда, сэр, — сказала Эмма.

Все вместе: съемочная бригада, Эмма, принц и детективы — прошли к той части толпы, которую Гэри и Бэри собрали для того, чтобы среди нее «обнаружить» его королевское высочество.

— Я однажды слышала вашу речь, сэр, — сказала Эмма. Она не собиралась говорить этого, но не смогла удержаться.

— Полагаю, это было ужасно. Я прав? Я все перепутал?

— Это была церемония по случаю Дня холокоста. Вы говорили о необходимости большего понимания и объединения многонациональных обществ.

— Это совершенно очевидно, но, как мне кажется, заслуживает упоминания.

— Бы говорили очень вдохновенно.

— Правда? Спасибо. Я очень стараюсь, — ответил принц, очевидно придя в восторг.

— Вы всегда поражали меня своей принципиальностью, сэр.

— Ну, повторюсь, я очень стараюсь.

— Сэр… можно задать вам вопрос?

— Да, да, конечно.

— Что вы здесь делаете?

— Ну, это очень просто. Я хочу, чтобы у людей появилась возможность увидеть, какой я на самом деле!

Сердце Эммы было разбито. Ей захотелось плакать. Как он мог быть таким наивным? Как человек, который был знаком и общался со всеми на свете, мог совершать такую глупую ошибку? Конечно, все ее совершали, все, великие и никчемные, богатые и бедные. От «Большого брата» до «Политиков в джунглях» все думали, что если им удастся предстать перед камерами, то они

смогут показать людям, какие они на самом деле. Неужели они ничему не научились, смотря те самые шоу, на которые мечтали попасть? Разве они не видели, что между ними и зрителем, на которого они желали произвести впечатление, стоял монтаж? И монтаж сделает из них то, что захочет. Он не обязательно будет жестким, он с легкостью создаст как героя, так и злодея, но чего он никогда не покажет, так это истинного лица человека.

Они подошли к указанному месту, и принц Уэльский, не в состоянии подавить развитые за десятилетия общественной жизни инстинкты, обратился с приветствием к группе собравшихся здесь людей.

— Добрый день… здравствуйте… привет, — сказал он, подойдя к людям с выражением восхищенного внимания. — Как дела? Вы считаете, сегодня будет дождь? Должен сказать, я и не представлял, что этот зал такой огромный, а вы?

— Сэр, в смысле, хм, ваше королевское… хм, мистер Уэльс?

Всех насмешило смущение Эммы, включая принца. Толпу, несомненно, развеселили ее попытки придумать, как обратиться к человеку, который, очевидно, был двойником, и при этом

отличным двойником.

— Возможно, вы могли бы поговорить с нами? — продолжила Эмма.

— Да, да, конечно, — ответил принц, извинившись перед окружавшей его толпой. — Извините, боюсь, мне придется поговорить с этой леди и ее камерой. Я так рад познакомиться с вами. Вы все просто великолепны.

Из нагрудного кармана своего жилета ЕКВ достал несколько исписанных листков. Сначала он заговорил об «беззастенчиво оклеветанной» культуре знаменитостей и о необходимости для лидеров сообщества и политиков скорее принимать эти ценности, чем презирать их.

— Канут не мог повернуть реки вспять, и мы не сможем, — твердо заявил он. — Если мы не можем идти вслед за молодежью, если мы не можем обратиться к ним на языке, который они понимают, и предложить темы, которые их интересуют, мы рискуем отстать от жизни. Я полагаю, что дети — это наше будущее.

На мгновение Эмма с ужасом подумала, что принц Уэльский сейчас запоет «The Greatest Love Of All», но его королевское высочество не подозревал, что цитирует строку из любимой песни шоу «Номер один».

— Молодежь интеллектуально и политически откололась, — продолжил принц. — Традиционные новости и программы о последних событиях не доходят до них, потому что они их не смотрят. Это не их ошибка: ответственность лежит на вещательных станциях, политиках и людях вроде меня, наделенных привилегией власти. Наша обязанность состоит в том, чтобы найти возможность снова присоединиться к потерянному поколению.

— Я не верю, что молодежь глупа, — продолжил принц. — Также я не верю, что они поверхностные, помешанные на себе люди, которые интересуются только славой и модой. Они — самая суть этой страны, и их нужно воспринимать всерьез. Я с нетерпением жду знакомства и бесед с максимально возможным количеством конкурсантов. Я уверен, что смогу научиться у них чему-то, и также надеюсь, что, возможно, они чему-то научатся у меня. Я думаю, что большинство из них не задумывается о возможности выбора органических продуктов во время составления списка покупок, и вряд ли многие из них осознают чрезвычайно срочную необходимость сохранять наши исторические здания и учитывать количество жителей при планировании

городов. Возможно, они даже не знают о целительной силе травяных настоев или о том, что во многих наших трущобах у молодых чернокожих юношей столько же шансов оказаться в тюрьме, как и найти себе работу. Этим я могу поделиться с ними, а они, в свою очередь, смогут поделиться своим знанием и опытом со мной. В заключение, я должен сказать, что осознаю тот факт, что это шоу развлекательное, и ничего против этого не имею. Конечно, я наследник престола, но к тому же я обожаю повеселиться и с нетерпением жду того, чтобы, как говорят, потрясти окороками и оторваться по полной.

— Все было великолепно! — крикнула Эмма. — Спасибо, это было гениально.

Она поняла, что он говорил серьезно. Он искренне верил в то, что говорил, а также в то, что значительная часть его трех- или четырехминутной речи войдет в программу. Как он мог быть таким глупцом? Эмма точно знала, какая часть его тщательно подготовленного заявления переживет монтаж. Последнее предложение: «Конечно, я наследник престола, но к тому же я обожаю повеселиться и с нетерпением жду того, чтобы, как это говорят, потрясти окороками и оторваться по полной».

Лучшего сюжета просто не бывает. Эмма достаточно знала Кельвина и не сомневалась, что в последующие недели зрители будут наблюдать за тем, как принц Уэльский произносит эту нелепую фразу много, много раз. На самом деле ей казалось, что, возможно, она ляжет в основу роликов, предвосхищающих следующий сезон.

Гнев

Эмма вернула принца на место, чувствуя себя гнусной и подлой, и настроение у нее не улучшилось, когда появилась Челси с новостью, что группа «Гнев» уже готова к съемкам.

— С чего начнем? — спросила Челси. — С «липучек», «выскочек» или «сморчков»?

Эмма тяжело вздохнула и снова нащупала в кармане спасительную пачку сигарет. Работа с группой «Гнев», как у них это называлось, была трудной и эмоционально изматывающей.

— Я ненавижу это делать, — сказала Эмма.

— Лучшие кадры, — ответила Челси. — Нужно рассматривать их как дичь. К тому же это то, чего они хотят. Они пришли сюда, чтобы попасть в эфир. Жалеть нужно тех, кого мы не выбрали.

— Они пришли сюда, чтобы петь, — ответила Эмма. — А группа «Гнев» не поет.

— Они пришли, чтобы попасть в эфир, и те, кого мы выбрали, в него попадут.

Группа «Гнев» действительно была последней возможностью для отвергнутых участников показаться перед всей нацией. Здесь показывали

забавных персонажей, однодневок, при их помощи сооружался каркас шоу. Все, показавшие настоящий талант «липучки», «выскочки» или «сморчка» (или даже певца), были уже отобраны для прослушивания и отправлены к предварительно набранной группе, которую наметили для более детальной эксплуатации перед тремя судьями.

— У меня есть минутка, чтоб покурить? — спросила Эмма.

— Я могу сделать это сама, если хочешь, — ответила Челси.

Эмма на это не купилась. Возможно, ее работа все сильнее выматывала ее, но это по-прежнему была ее работа, она была старшим отборщиком, а Челси — новичком.

— Нет, давай начинать.

Отбор группы «Гнев» был трудной работой. Было нелегко отобрать самых низкорослых, толстых, уродливых людей в толпе и убедить их, что они действительно хотят объявить миру, что Кельвин Симмс упустил свою возможность обнаружить в них нового Робби Уильямса. Однако именно в этом и заключался классический отбор группы «Гнев». Сотрудники отлавливали растущее число отвергнутых кандидатов, выискивая

личностей, которые не только выглядели наиболее жалко, но к тому же были способны выдать пару забавных предложений, которые выставят их ненормальными и глупыми. Этих избранных вели в «Комнату гнева» и уговаривали выставить себя идиотами.

Важным моментом в этом деле было заручиться доверием жертвы. Сотрудник по отбору группы «Гнев» должен был моментально установить эмоциональную связь с добычей, убедить несчастных в том, что чувствует их боль и сопереживает их ярости. Возможно, именно эту часть работы так ненавидела Эмма и так любила Челси, видевшая в этом забавную игру, вызов и уже весьма в ней преуспевшая. Челси испытывала настоящее наслаждение, убеждая женщин-лилипутов среднего возраста, что им стоит заявить, что они — этакая смесь между Джордан и Николь Кидман. Она сновала между отвергнутыми, быстро оценивала их потенциал, а затем наносила удар.

— Что ты чувствуешь сейчас, детка? — спрашивала Челси, обнимая жертву за плечи. — Ты чувствуешь себя опустошенной? Злой? Использованной? Спорю, так оно и есть, детка, я права? И я не удивлена, я слушала под дверью, и мне

показалось, что ты пела просто гениально. Я поверить не могу, что тебя вышвырнули, настолько ты лучше остальных. Почему бы тебе не пройти со мной в «Комнату гнева», где ты сможешь сказать Кельвину Симмсу все, что думаешь о его вонючем шоу?

Тот, кто ругался и сетовал на то, что его таланта не увидели, попадал в группу «выскочек», тот, кто плакал, взывал к Богу и говорил о том, как много он работал, зачислялся в «липучки», а старые, глупые, уродливые, физически и умственно отсталые составляли группу «сморчков».

Эмма и Челси отправились к «Комнате гнева».

— Давай сначала покончим с «липучками», — вздохнула Эмма. — Я всегда чувствую себя такой подлой.

Итак, они с Челси заняли комнату, в которую к ним по одному заводили «липучек».

— Ничего не получилось, верно? — сочувственно вздыхала Эмма.

— Мечта разбита, — шептала Челси. — Ты отправишься домой ни с чем.

— Как ты себя чувствуешь? — ворковала Эмма. — Должно быть, ты расстроена, должно быть, ты хочешь лечь и расплакаться.

— Почему бы тебе не сказать нам, что Господь

дал тебе дар, а Кельвин швырнул его обратно в лицо Господу?

Если им везло, человек, который многие месяцы мечтал о звездной славе, начинал плакать и выть и заполнял очередную графу в будущем списке поверженных неудачников.

Следом шли «выскочки».

— Ты думаешь, у тебя есть то, что нам нужно?

— Да, я думаю, у меня есть все, что нужно.

— Ты мог бы стать звездой, детка?

— Да. Да, я мог бы, я мог бы стать звездой!

И «сморчки».

— Ты думаешь, ты сексуальный?

— Да.

— Не говори просто «да», скажи все целиком, скажи миру: «Я думаю, что я сексуальный».

— Я думаю, что я сексуальный.

— Повторяй за мной: «Кельвин Симмс, я грубый, нахальный, твердый как скала настоящий мужик, и я собираюсь потрясти мир с твоей помощью или без нее!»

Иногда Эмма и Челси мошенничали, выуживая из своих жертв слова, которые после монтажа звучали совершенно иначе. Это называлось «колбасной нарезкой».

«Я не утверждаю, что я — следующий Элвис»

можно было легко сократить до фразы: «Я — следующий Элвис».

В конце концов, все кандидаты подписали бланк заявки, в котором говорилось, что они согласны следовать всем условиям конкурса, как бы продюсеры их ни меняли, «включая изменения в речи», и это было прописано совершенно четко. Продюсеры могли делать все, что пожелают, и Эмме от этого было ужасно неудобно, почти стыдно.

— Ты выбрала не ту работу, детка, — сказала Челси с преувеличенным сочувствием. — Пойми одно: что бы мы ни делали с этими людьми и как бы ни искажали их слова, они все равно попадают в эфир, а это всегда лучше, чем вообще не попасть туда. Невзирая ни на что.

Эмма не была в этом так уж уверена.

«Пероксид» и Незабудка

Эмма взглянула на часы. День подходил к концу, а у нее по-прежнему оставались три неотснятые «истории». Более того, они все требовали толп народа, но толпы редели. Люди уходили, и кто мог их винить? Великий день, о котором они мечтали столько недель, неизбежно подходил к концу и оказался ужасным разочарованием. Они проторчали здесь столько часов, им приказывали делать то и это, а в награду они получили минуту или около того внимания каких-то скучающих неизвестных личностей. Какая-то роскошная деваха слушала, как они пели свою песню, благодарила их, иногда записывала кое-что и запросто посылала на хер. Не было ни Кельвина, ни Берилл, ни даже Родни. Ни малейшей возможности заявить об уверенности в себе или поспорить с судьями, ничего. Да, надежда была еще жива, ведь их же просили остаться и подождать, но наиболее сообразительные среди присутствующих начинали замечать, что тех, кого видели в массовке, едва ли видели потом. Они сидели, стояли, ходили туда-сюда, и изредка Гэри и Бэри

просили их покричать, поаплодировать или издать восторженный вопль. День определенно терял свою привлекательность. Пара студентов, одетых как Дэнни и Сэнди из «Бриолина» (в части, где они поют «The One That I Want»), уже начали писать статью в газету своего колледжа о том, что их использовали. Именно в это время Трент произнес маленькую речь, мягко, но решительно напомнив всем о части «Сроки и условия» соглашения, которое они все подписали.

— Народ, послушайте! — сказал Трент. — Вы все любите шоу «Номер один», потому что иначе вас бы здесь не было. Вы знаете, что мы — грандиозное развлекательное шоу и каждый год воплощаем в жизнь мечты. Однако, как и в любом телешоу, не все, что вы видите на экранах, буквально отражает то, что происходит на самом деле. Это называется шоу-бизнес. И чего нам точно не надо, так это ворчунов и брюзжалок, желающих испортить нам парад, ясно? У каждого фокусника есть свои приемы, и у нас в запасе тоже есть несколько трюков, но это не делает наше шоу менее правдивым или реальным. Мы ДЕЙСТВИТЕЛЬНО зажигаем звезды. Мы ДЕЙСТВИТЕЛЬНО находим таланты, и, если в этом году это не вы, слушайте, смотрите шоу,

наслаждайтесь мечтой, и удачи в следующем году. И всегда помните, что подписанный вами договор является юридическим документом. Любой, кто нарушит его условия, нарушит закон, и, поверьте мне, вся мощь закона обрушится на такого человека. Кельвин Симмс отнимет у вас дом! Он разорит вас! Он отправит вас за решетку! Перечитайте договор, прежде чем уходить. Не забудьте, что вы не можете обсуждать ни одну деталь происходящего сегодня ни с одним человеком. Понятно? Это все. Сейчас подадут кофе и печенье, наслаждайтесь остатком дня.

Эмма всегда думала, что Трент немного перегибал палку, говоря, что Кельвин отправит кого-то за решетку. Ей казалось, что Кельвин не стал бы утруждаться до такой степени.

Прибежала Челси.

— Мы готовы к группе «Пероксид». Они здесь?

— Группа «Пероксид», пожалуйста! — крикнула Эмма. — Мне нужны Джорджи и Мишель.

— А тем временем в зале ожидания, — объяснит Кили во время монтажа эпизода, — неожиданно обнаружились две наши старые знакомые. Кто забудет Джорджи и Мишель, более известных как группа «Пероксид»!

Правда же заключалась в том, что тем време-

нем в туалете одна из двух старых знакомых блевала. Другая же стояла у двери и махала Эмме рукой.

— Она так нервничает, — сказала старшая участница группы «Пероксид», когда Эмма подошла к ним со своей съемочной бригадой. — Ну же, Джорджи. Эмма хочет снять о нас сюжет.

Будучи бывалой участницей шоу «Номер один», Мишель четко понимала, что от нее ожидается. Ей также было известно, насколько жесткий график у съемочной группы, и она ужасно не хотела упустить свой шанс.

— Всего одну минуточку! — крикнула Джорджи из кабинки резким дребезжащим голосом.

Эмма передала новость Тренту, сидевшему в фургоне видеоинженера.

— Двигай к Незабудке, — рявкнул в ответ Трент. — Попробуем снять этих шлюшек попозже.

Эмма каждый раз морщилась от такого пренебрежительного отношения к конкурсантам своих коллег, хотя, глядя на Мишель, она не могла отрицать, что слово «шлюшка» как нельзя лучше подходило для ее описания. На девушке были только прозрачное боди, шпильки, кружевные трусики и лифчик. Единственной уступкой, на

которую она пошла в отношении костюма, был короткий и совершенно прозрачный повязанный на бедрах саронг. У нее было пальто, но она держала его в руках, сочтя, что если и выставлять себя напоказ, то уж все время.

— Мы вернемся к вам, — сказала Эмма Мишель, а затем крикнула: — Мне нужна Незабудка Рочестер!

Повернувшись на каблуках, Мишель из группы «Пероксид» исчезла в туалете, издавая кровожадные вопли и приказывая своей младшей коллеге вытащить чертовы пальцы изо рта и не блевать на саронг, потому что серебристое сияние определенно не выдержит желудочного сока.

— Тем временем в Бирмингеме, — объяснит позднее Кили, — жизнь Незабудки, поющей уборщицы, которая понятия не имела о том, что в выставочном центре проходит прослушивание, но, узнав, решила поучаствовать, может очень резко измениться…

Да, Незабудка действительно была уборщицей, но не в выставочном центре. Она работала чуть подальше, в симфоническом зале Бирмингема, но, когда поступила ее заявка, Трент решил, что такую возможность упускать нельзя.

— Мы ведь на самом деле не врем, — сказал

он тогда Эмме. — Она уборщица, и она не знала, где будет проводиться прослушивание. Тот факт, что она пришла в нейлоновом халате, с половой тряпкой и ведром, — это ее дело, а если зрители предположат, что она убирает в выставочном центре, то это их дело.

Поэтому Эмма послушно отсняла сюжет с Незабудкой, огромной веселой женщиной, которая стояла рядом с половой тряпкой и ведром и визжала от смеха в конце каждого предложения.

— Да, я просто уборщица, — хихикала она. — Но под моим халатом может скрываться звезда! Поэтому, когда я увидела, что шоу «Номер один» проводит прослушивание, я подумала, почему бы и нет. Теперь я собираюсь отложить половую тряпку и пойти туда.

Вообще-то Незабудку отобрали раньше, и оказалось, что у нее довольно неплохой голос, и этот факт плюс ее «история» гарантировали ей прослушивание перед настоящими судьями.

Разобравшись с Незабудкой, Эмма вернулась к женскому туалету, откуда только что появилась Джорджи. Она изменилась с прошлого года, подумала Эмма, выглядит более изможденной, и скулы выдаются сильнее. С другой стороны, она стала на год старше, а в этом возрасте девушки

сильно меняются.

— Привет, девчонки! — сказала Эмма. — Времени у нас немного, так что давайте сразу в очередь.

Эмма провела двух девушек туда, где Гэри и Бэри с некоторым трудом удалось собрать маленькую группу «конкурсантов», которым пообещали наборы товаров с логотипом шоу.

Поставив девушек в центр группы, Эмма приготовилась к съемкам.

— Подождите! — крикнула Мишель. — Джорджи, сними пальто.

Джорджи сняла пальто, и Эмма не сдержала крика. Она была такой худой. В ее лифчике определенно были подушечки, а ребра торчали все до одного. Ключицы выпирали, а бедра, на которых висел блестящий серебристый саронг, превратились в две тонкие дощечки.

— Эй, ну и ну! — услышала она крик Трента по радио. — Господи, она выглядит потрясающе! — Взглянув на телемонитор у себя в руке, Эмма вынуждена была признать, что Джорджи действительно отлично смотрелась на экране. Камера всегда добавляет несколько фунтов, и по стандартам, которые применяются в наши дни к молодым девушкам в шоу-бизнесе, Джорджи

подходила идеально. Но в жизни, стоя всего в десяти футах от Эммы, почти обнаженная восемнадцатилетняя девушка без единой унции жира вызывала тревогу. Эмма снова почувствовала, что смотрит на жертву, но, в отличие от Шайаны, это была жертва, насилие над которой уже началось. Джорджи издевалась сама над собой.

Первый раз

По дороге домой в Лемингтон-Спа Миллисент и Грэм пытались преодолеть охватившее обоих чувство неудовлетворенности.

— Думаю, глупо было надеяться, что мы с первой же секунды окажемся перед Кельвином и Берилл, — сказал Грэм.

— Ничего не глупо. Именно такое ощущение они и создают, — угрюмо ответила Миллисент.

— Да, но, если задуматься, этого не может быть, — сказал Грэм. — Я хочу сказать, нужно ведь просто подсчитать.

Разговор ненадолго затих. Грэм включил радио, прокрутил несколько радиостанций и снова выключил его.

— Милли, — сказал он, — давай снимем номер.

— Господи, Грэм! — вскрикнула Миллисент и почувствовала, что краснеет. Она не знала, как хотела бы ответить на это предложение, но явно не завопить «Господи, Грэм!». Но она ужасно удивилась. На самом деле ни он, ни она ни разу не говорили о том первом поцелуе. Оба хотели поговорить об этом, но во время следующей встречи

так и не получилось, поэтому возможность была упущена. Дни проходили, и им было все труднее и труднее придумать способ поднять эту тему, и в конце концов оба начали задумываться, а был ли этот поцелуй вообще.

— Потому что когда мы поцеловались… — продолжил Грэм. — Мы ведь целовались, да? Я это не придумал?

— Нет, Грэм, — сказала Миллисент. — Мы точно целовались.

— Ну, когда мы поцеловались, мне это понравилось… и мне показалось, что тебе тоже. Тебе понравилось?

— Да. Понравилось.

Разговор снова замер. Грэм не мог придумать, что бы еще добавить, а Миллисент не знала, что сказать в ответ. Через некоторое время Грэм почувствовал, что машина притормозила и съехала с дороги.

— Мы на заправке, — сказала Милли. — Думаю, у них в туалетах есть автоматы. Обычно они там стоят. У тебя есть монеты в один фунт?

Грэм пошарил по карманам и, найдя мелочь, нащупал протянутую руку Миллисент. Их пальцы соприкоснулись, и в следующий момент Миллисент вышла из машины.

Когда она вернулась, они поехали дальше в молчании, пока машина снова не затормозила.

— «Берлога», — услышал он ее голос. — Не очень романтично.

— Мы сами создаем свою романтику, — ответил он, и они засмеялись.

Они прошли внутрь, сняли комнату, купили в автомате две бутылки бакарди и колы и прошли наверх.

Позже, умиротворенно лежа рядом, они снова заговорили о прослушивании.

— Если бы мне только позволили сыграть на гитаре, — сказал Грэм. — Ты знаешь, я не умею петь.

— Не позволят, по крайней мере до следующих туров. Нужно просто продержаться до них. Ты неплохо поешь.

— Ты тащишь меня, мы оба это знаем. Я ведь музыкант, сочиняю песни.

— Да, и если нам удастся продержаться в начале, то, может быть, люди услышат их.

— Это ты певица. Тебе нужно было участвовать одной.

— Грэм, я хочу только с тобой.

— А что, если нас попытаются разбить? Они иногда делают так, когда думают, что один из

группы поет лучше другого.

— Грэм, я никогда не брошу тебя…

— Но почему? Подумай, если стоял бы выбор: либо один из нас, либо никто. Ты отличная певица, ты любишь петь.

— Потому что… потому что я люблю тебя.

Вот, она это сказала. Наконец она это сказала.

— Я тоже люблю тебя, — ответил Грэм и снова потянулся к ней.

I Will Survive[2]

Берилл и Сиринити работали над сюжетами для нового сезона «Бленхеймов».

— Как насчет того, чтобы купить газонокосилку? — предложила Берилл.

— Но, дорогая, разве у нас нет газонокосилки? — пробормотала в ответ Сиринити, приоткрывая огромные надутые губы, словно две покрашенные заслонки дымохода. — Разве не ею Хуан стрижет газоны?

Берилл снова попыталась объяснить своей жене реальность реалити-ТВ.

— Детка, я знаю, что у нас есть газонокосилка, которой Хуан стрижет газоны, — мягко сказала она, помогая Сиринити открыть банку с диетической колой, которую та последние несколько минут пыталась открыть с помощью накладных ногтей. — Но в шоу у нас ведь нет Хуана, верно? У нас вообще нет слуг, потому что мы старая добрая обычная семья, верно? Поэтому, детка, кто, по-твоему, стрижет газоны?

— Хм…

---

[2] Примечания: 2
Я выживу *(англ.)*.

— Детка, ты стрижешь газоны.

— Я никогда в жизни не стригла чертовы газоны, ягодка моя. Я даже ноги не брею!

— Вот именно. И поэтому получится ужасно смешно, когда мы решим, что газон нужно подстричь, и посадим тебя на газонокосилку, а ты задавишь собаку и заедешь в бассейн!

Сиринити просунула соломинку между полуживыми губами, задумчиво потягивая колу.

— Ладно, дорогая. Как скажешь, так и будет.

В этот момент их разговор прервала мелодия «I Will Survive» Глории Гейнор.

Звонил телефон Берилл.

Берилл любила мелодию «I Will Survive» и верила, что именно она лучше всего выражает ее сущность, причем всего в трех словах. Она хотела попросить написать их на своем надгробии, но Присцилла заметила, что это будет выглядеть несколько противоречиво.

И все же «I Will Survive» была лозунгом Берилл и ее мелодией в телефоне, потому что Берилл Бленхейм видела в себе борца, преодолевающего любые трудности, воина, мученицу перед лицом того дерьма, которое случается в ее жизни. Она никогда не уставала убеждать людей в том, как тяжело ей приходилось, что она сносила удары,

тяжелые удары. Дерьмо, с которым она была вынуждена иметь дело, подкосило бы слабых женщин. Оно бы уничтожило кого угодно. Но Берилл Бленхейм не относила себя ни к слабым женщинам, ни к кому угодно.

«Я сильная женщина, и я выжила», — гласила первая строчка ее знаменитой автобиографии. — «Я даже выжила в теле мужчины».

Тот факт, что она была невероятно богата и всю свою жизнь ни в чем не знала недостатка, только добавлял загадочности ее знаменитой выносливости. До Берилл, равно как и до ее многочисленных собеседников, кивавших с пониманием, когда она с подлинной искренностью перечисляла события своей тяжелой жизни бизнес-леди и работающей мамочки, никогда не доходило, что большую часть дерьма она создавала сама своей жадностью, завистливостью, тщеславием, гедонизмом и агрессивной саморекламой. Все вокруг просто принимали на веру то, что образование Берилл в «Университете жестоких ударов» лишь усугублялось безумством и жутким дерьмом, которые неизменно сопутствуют богатству, власти и славе. Именно они и создали жесткую дамочку с огромным сердцем, которую так сильно любил весь мир.

Берилл достала «I Will Survive» из недр своей сумочки, которая стоила бы ей две тысячи фунтов, не получи она ее бесплатно как сувенир на вечеринке Элтона Джона после вручения «Оскара».

— Это Присцилла, — сказала Берилл, взглянув на дисплей телефона.

Берилл воткнула в ухо Bluetooth.

— Мам, сука ты чертова! — крикнула дочь из телефона, даже не дав Берилл возможности поздороваться. — Мы на сорок восьмом месте, а ты клялась, что на одних предварительных заказах пробьемся в первые сорок!

— Какого хера у тебя телефон? Тебе нельзя пользоваться телефоном!

— Я выписалась оттуда на хер. Мам, альбому хана. Я хочу сдохнуть!

— Ты выписалась?

— Я только что сказала, что мой альбом…

— Присцилла, тебе грозит срок за наркотики! Я сказала СМИ, что ты работаешь над своей проблемой! Занимаешься этим вопросом!

— Мам, черт возьми, это было шесть дней назад! Ты думаешь, кто-нибудь об этом помнит? Все в прошлом. Хочешь знать, что сегодня на первой полосе? Очередной вонючий певец-металлист, который продает запись того, как Пэрис Хилтон

сосет его член. Мир не стоит на месте.

— Надеюсь, что ты права, потому что на носу новый сезон, и ты в нем участвуешь, а в государственных исправительных учреждениях съемки запрещены.

— Мам, послушай меня. Ты что, не поняла? — Голос Присциллы вдруг стал менее резким, менее уверенным. — Мой альбом провалился на хер. Я просто неудачница.

Контраст между акцентами двух женщин был поразителен: бродяга из Суиндона и лос-анджелесская принцесса. Никто бы не принял их за членов одной семьи, если бы Берилл не устроила так, чтобы их личная жизнь транслировалась в еженедельных выпусках на канале «Фокс».

— Ты не неудачница, дорогая, — проворковала Берилл.

— Неудачница. Неудачница. Я плохо пою. У меня нет таланта.

— Конечно, у тебя есть талант, дорогая. Ты большая звезда. Господи, тебе нужно благодарить Бога за все, что у тебя есть. На обложках скольких журналов ты побывала, юная леди?

— Мам, ты думаешь, я хорошо пою?

— Ну конечно, дорогая. Я ведь одна из твоих матерей.

— Нет, правда?

— Да, да, да, дорогая. Ты хорошо поешь. Ты хорошо поешь. Ты хорошо поешь. Что же касается альбома, да, ему крышка, мне очень жаль, но это не конец света…

— Но я типа так расстроена.

— Не стоит, дорогая, не расстраивайся. Мы его раскрутим, купим пятьдесят штук в Албании, сделаем тебя номером один и скажем, что в Европе ты лучше всех. Ладно, ты записала меня к своему лондонскому хирургу?

— Да записала, записала. Он со всеми работает, он лучший.

— Хорошо, потому что я хочу отправиться к нему сразу же после финала шоу «Номер один», перед тем как мы начнем съемки «Бленхеймов».

— «Фокс» согласился отложить начало съемок?

— Согласится. Я с ними работаю.

— Мам? — Голос Присциллы снова смягчился, и резкий акцент не смог скрыть жалостного тона. — Ты правда думаешь, что я хорошо пою?

Не влюблена

После Бирмингема Эмма, Челси, Трент и съемочная группа посетили Глазго, Ньюкасл, Манчестер, Дублин, Белфаст, Бристоль и Лондон, сокращая тысячные толпы, отобранные из многотысячных толп отправивших заявки или посетивших дни массовых прослушиваний, до тех немногих, кого они предложат Кельвину для дальнейшего отбора.

Вечером перед последним запланированным отбором Эмма отправилась поужинать с друзьями. Она собиралась остаться дома и изучить свои заметки по персонажам, но ей был необходим перерыв. Процесс отбора был настолько истощающий, намного хуже, чем в прошлом году, и иногда пиво и курица в соусе тикка масала были единственным средством, с помощью которого она могла восстановить силы.

— Я думаю, дело в том, что я гораздо лучше стала понимать принцип работы шоу, — объясняла она. — Я знаю, во что эти люди впутываются.

— Мне казалось, что от этого должно стать легче, — ответила ее подруга Мэл. — Ты ведь сама

говорила: предупрежден, значит, вооружен. Я точно помню, как девушка, которая выглядела точно так же, как ты, и сидела на том же самом стуле четыре месяца назад, клялась, что в этот раз она останется равнодушной и не позволит загнать себя в водоворот эмоций.

— Знаю, знаю, — несчастным тоном ответила Эмма. — Но это сложно. Есть одна девушка, Шайана, она так напряжена…

— Господи, откуда они берут эти имена? — вмешался Том, друг Мэл. — В смысле, откуда их матери знают, как их называть? Такое ощущение, что, когда они рождаются, все говорят: через двадцать лет или около того она решит выставить себя полной дурой на шоу «Номер один». Поэтому давайте дадим ей самое дурацкое имя.

— И еще есть девушка, которая участвовала в шоу в прошлом году, и у нее анорексия, по крайней мере, мне так кажется.

— Слушай, Эм, — сказал Том, — ты говорила, что это шоу уродцев. Тебе сказали об этом, когда ты только начала работать. «Липучки», «выскочки» и «сморчки»…

— И иногда певцы, — запротестовала Эмма. — Там не все уродцы.

— Ну, конечно, начинай защищать. Всегда с

тобой одно и то же.

Эмме с легкостью удавалось критиковать ситуацию на работе и одновременно вставать на защиту шоу, когда другие с ней соглашались.

— Некоторые люди действительно получают все и сразу, — сказала она. — Победитель прошлого года продал множество записей, а трое или четверо финалистов поют профессионально.

— Где?

— Ну, не знаю, в гостиницах, в круизах. По-моему, это хорошо. У нас есть слепой мальчик, который просто помешан на музыке. Я думаю, что шоу «Номер один» одно из немногих мест, где его беда может сыграть ему на руку.

— Эмма, послушай, что ты говоришь? — запротестовал Том.

— Давайте сменим тему, — предложила Мэл, слышавшая такие разговоры и раньше.

— Нет! — настаивал Том. — Эмма фактически утверждает, что поскольку ее поганое шоу будет эксплуатировать слепоту этого парня, то они делают ему одолжение!

— А что, разве не так? — бросила в ответ Эмма. — Конечно, Кельвин заинтересован в живом человеческом участии, ну и что с того? Мальчик ведь все равно будет петь, его все равно услышат.

Я уверена, что его слепота постоянно мешает ему пробиваться вперед, и Грэм должен быть в восторге оттого, что его хоть кто-то эксплуатирует. Да, мы смеемся над неудачниками, мы играем на человеческих чувствах, но мы единственное шоу на телевидении, где у неудачника есть хоть полшанса. А что ты, Том, сделал для того, чтобы подарить шанс какому-нибудь бедолаге?

— Ой, Эмма, извини, я понятия не имел, что Кельвин Симмс занимается благотворительностью. А я-то думал, он циничный манипулятор и гребущий деньги лопатой кусок дерьма. Что же ты мне сразу не сказала.

Эмма ощетинилась еще сильнее.

— Боже! Ну почему все, кого я знаю, так ненавидят Кельвина?

— Да ладно тебе, Эм, — сказала Мэл. — Ты сама говорила, что он тиран.

— Он играет роль тирана. Но я не знаю, таков ли он на самом деле.

В ответ на это Том только пожал плечами и заказал еще одну хрустящую лепешку.

— Дело в том, что он эстрадник. Актер, который устраивает представления. И он это обожает. Именно в этом все и дело, он любит поп-культуру и телевидение, и он любит… он любит развлекать.

И он чертовски хорошо это делает, и поэтому он такой популярный, и поэтому все так ему завидуют и так злятся.

— Да-а, — сказала Мэл после недолгого молчания. — Кажется, мы сегодня в настроении защищать мистера Симмса, верно?

— Нет, просто…

— Что просто?

Эмма не ответила, сосредоточившись вместо этого на еде. Ее молчания было достаточно.

— Боже мой! — воскликнула ее подруга. — Я так и думала. Ты втрескалась в мерзавца Кельвина Симмса!

— Неправда. Не говори ерунды.

— Эмма, — сказал Том, — ты не можешь влюбиться в Кельвина Симмса!

— Я не влюбилась!

— Дело опять в отце.

— Том! Отвали. — Эмма закурила, несмотря на то что остальные еще не доели. — Каждый раз, когда я проявляю интерес к мужчине, ты за каким-то хреном вспоминаешь моего отца.

— Потому что ты всегда проявляешь интерес к высокомерным ублюдкам среднего возраста.

— Может, не стоит об этом? — попросила Мэл. Но они уже развивали тему.

— Том, разве ты не понимаешь? Отец ушел от нас. Он бросил меня и маму. Я ненавижу его за это. Последнее, что мне нужно, — это попытаться заменить его!

Том поднял брови, а Эмма яростно затянулась сигаретой.

— Ты все настолько глупо упрощаешь, — сказала она наконец. — Фрейд для пятилеток, твою мать.

И не влюблен

— Никто его не заметил, — протянула Дакота, слегка приоткрыв изысканно накрашенные губы, которые лениво мусолили соленый краешек ее «Маргариты». — Признаюсь, я-а ужасно удивлена!

Они с Кельвином проводили саммит по разрыву отношений. Он проходил на Сардинии, на собственной лодке, дворце развлечений длиной в семьдесят футов с десятью палубами, с джакузи и баром на носу. Дакота Симмс даже не скрывала, что не может дождаться возможности заполучить ее в ту самую секунду, когда Кельвину не удастся выполнить свою миссию по превращению выбранного ею кандидата в победителя шоу «Номер один».

— Пока что все, кто видел его, думали, что он двойник. Это поразительно, он до того непритязательный человек, что, когда помещаешь его в толпу ненормальных, жаждущих славы людей, он просто оказывается на заднем плане.

Сверкающие, холодные словно лед глаза Дакоты, сузившись, смотрели подозрительно.

— Эй, если ты выставишь его двойником, то пари отменяется. Я-а сказала, что хочу, чтобы победил принц Уэльский, а не парень, который притворяется принцем Уэльским, даже если он на самом деле принц Уэльский. Надеюсь, дорогой, что я-а говорю понятно, потому что наша договоренность носит очень, очень деликатный характер.

— Дакота, я помню, о чем мы договаривались. Не волнуйся, как только шоу пойдет в эфир, весь мир узнает о том, как низко пали слава и положение в стремлении соответствовать стандартам знаменитостей.

— А потом ты продуешь, Кельвин, потому что все ненавидят этого чертова урода, этого зануду. Ты видел сегодняшние газеты? Должна сказать, я-а была потрясена.

Газеты в тот день действительно представляли собой крайне неприятное чтение для осажденного наследника. В ходе последних королевских «откровений» неназванный «приближенный» к принцу информатор заявил, что смерть королевы-матери в возрасте ста одного года не была вызвана естественными причинами, как полагалось ранее, а что принц хитро отравил ее органическими фисташками «Герцогские ори-

гинальные» и печеньем с мускатным орехом. Газеты также цитировали обитателей дворца, которые утверждали, что мрачное и меланхоличное настроение принца в последнее время вызвано неослабевающим чувством вины из-за убийства его горячо любимой бабушки, которая пала жертвой вместо мамаши. Также появились истории, в которых говорилось, что он тратит бессчетные тысячи фунтов общественных денег на установку обогревающей системы в своей меховой сумке, чтобы иметь возможность носить традиционный килт без риска отморозить свои драгоценные королевские причиндалы.

— Я прекрасно осознаю глубины, до которых рухнули акции его королевского высочества, — ответил Кельвин. — Но я принимаю твой вызов и собираюсь довести игру до конца.

— Да, уж лучше постарайся, потому что на кону стоит все, детка, и я-а собираюсь это все получить.

Кельвин смотрел на свою красивую уже почти бывшую жену и удивлялся, как он мог быть настолько глуп, чтобы жениться на ней. Все в ней, что казалось таким правильным, когда он делал ей предложение, теперь казалось совершенно неправильным. Ее опытность оказалась

самым обыкновенным цинизмом, ее любовь к роскоши — просто жадностью, остроумие и ум — низкой, подлой хитростью, и даже ее гламурная красота теперь уподобилась уродливому червю, наживке на стальном крючке ее души.

Почему он не выбрал настоящую девушку? Милую, симпатичную. Честную. Такую как… как…

Как странно, подумал он… Почему он вспомнил о ней?

— О чем ты думаешь, дорогой? — спросила Дакота.

— Ни о чем, — быстро ответил Кельвин, удивленный и рассерженный на себя за то, о чем он действительно думал. Кельвину не нравилось отвлекаться; превыше всего он ценил в себе собранность и умение контролировать ситуацию.

— Ну тогда, Кельвин, я думаю, тебе не стоит сидеть здесь с таким видом, словно ты проглотил навозного жука. Если мы больше не близки, это не мешает нам вести себя цивилизованно.

Кельвин вдруг разозлился. Точнее, впал в ярость. Возможно, это мысли о другой девушке заставили его так разозлиться на Дакоту.

— Ой, да пошла ты на хер со своей притворной миной и грацией! — бросил он. — Ты не леди, Дакота, ты лживая подлая шлюха.

— Да-а, Кельвин, — протянула Дакота из-за бокала, — может, так оно и есть, и если я-а и правда шлюха, то я-а та шлюха, которая натянет тебя по самые уши.

После этого Кельвин улетел на частном самолете в Лондон, оставив Дакоту наслаждаться просторной роскошью лодки, которая, по ее убеждению, должна была скоро стать ее, и только ее, собственностью. Сидя в самолете и наслаждаясь одиночеством, Кельвин пытался вернуться мыслями к плану, который он должен разработать, чтобы сделать принца Уэльского популярным и модным. Перед ним стояла огромная задача, кажется даже невыполнимая. Задача, которую он должен выполнить, одновременно создав очередной сногсшибательный сезон шоу «Номер один». Задача, на которой он обязан сосредоточиться.

Однако сосредоточиться он не мог, потому что отвлекался, а подобного Кельвин просто не мог себе позволить.

Он думал об Эмме. О девушке из офиса. Девушке, чьи волосы трепал ветер на стоянке в Бриз-Нортоне. Милой девушке, которой он улыбнулся, когда она уронила очки в самолете.

Кельвин сердито нахмурился и прикурил сигарету. Ему не нужно думать об Эмме. Ему не

нужно думать ни о чем, кроме стоящей перед ним грандиозной задачи. Он не хочет думать об Эмме, он не знает ее и не хочет ее знать. Единственная девушка, на которой ему нужно сосредоточиться в ближайшем будущем, — это южная принцесса, на которой он женился как последний дурак и которая теперь пытается «натянуть его по самые уши».

Кельвин продолжил хмуриться, пока не выкурил три сигареты, прикуривая одну от другой. Он барабанил пальцами и мерил шагами ограниченное пространство самолета. Нарядная стюардесса спросила, не желает ли он чего-нибудь, но он не обратил на нее внимания. Наконец он откинулся в кресле и взял телефон.

— Трент? — сказал он. — Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

Организация подтяжки

Уладив дело с творческим кризисом своей падчерицы, Берилл позвонила Кэрри, своему многострадальному американскому агенту, чтобы обсудить начало съемок следующего сезона шоу «Бленхеймы».

— Мне плевать, что сейчас два ночи, — рявкнула Берилл. — «Фокс» согласен на задержку? Я снова становлюсь похожа на Круэллу де Виль и хочу, чтобы мне смягчили веки. Перед началом работы над шоу «Номер один» времени нет, поэтому мне нужно втиснуть процедуру после него.

— Берилл, ты с ума сошла. Ты прекрасно выглядишь, тебе не нужно больше никаких подтяжек…

— Ага, ты говорила мне то же самое, когда у меня все еще была мошонка. Слушай, мы запланировали начало «Бленхеймов» сразу после окончания шоу «Номер один», а мне нужно окно в одну неделю, чтобы сделать глаза. Присцилла нашла мне нового парня и говорит, что он самый лучший, он работает с подростками, он смог бы превратить мать Терезу в Джессику Симпсон.

— А разве нельзя просто ввести коллаген? Это занимает один день.

— Кэрри, мне больше нельзя вводить коллаген. И тебе это известно. Мне уже и так трудно менять выражение лица, такое ощущение, как будто вся рожа в гипсе. Мне нужно делать гимнастику для лица, перед тем как улыбнуться. Мне нужна небольшая подтяжка, и парень Присциллы нашел для меня целых две недели после финала. Мне просто нужно отложить «Бленхеймов» на неделю.

— Берилл, «Фокс» не меняет своего расписания, у них все очень сложно. Разве нельзя отснять первый эпизод о твоей подтяжке?

— Пошла ты НА ХЕР, Кэрри! Я делаю подтяжку, чтобы не выглядеть херово на телевидении. Думаешь, я собираюсь пригласить операторов, пока буду выглядеть как Франкенштейн? Нельзя показывать людям процесс, только тогда они могут поверить, что все происходящее хоть отчасти естественно. Съемки нужно отложить.

— Ладно, ладно, я еще раз поговорю с ними, посмотрю, что можно сделать.

— Сделай это сейчас же.

Попытки сосредоточиться

Эмма встала рано и тщательно выбрала наряд. Сначала она хотела надеть короткую юбку и, возможно, даже короткую, обнажающую животик футболку, но в конце концов решила остановиться на чуть менее откровенных обтягивающих фигуру джинсах и нарядной блузке. Затем она стянула сияющие, только что вымытые волосы в прикольный хвост, выкурила сигарету, почистила зубы и пошла к станции метро.

По традиции приезжающие на работу в Лондон издалека называют Северную ветку «веткой страданий», но в это утро, когда Эмма села и попыталась сосредоточиться на заметках по отбору (одним из очень немногих преимуществ проживания вдали от центра было то, что ей, по крайней мере, удавалось сесть в поезд перед тем, как он превращался в банку с сардинами), она не могла сдержать невольную улыбку, то и дело мелькавшую у нее на губах.

Скоро она окажется в одной комнате с Кельвином. Она не видела его с того дня, когда они вместе кружили в небе на частном самолете над

Бриз-Нортоном. Тогда он не обратил на нее особого внимания, и она достаточно здраво смотрела на вещи, чтобы понимать, что и сегодня этого не произойдет. И все же в то утро она была счастлива, и причиной тому был он. Эмме казалось поразительным, как быстро это наваждение (разве она могла называть это любовью, если чувство было односторонним?) захватило ее. Она считала Кельвина привлекательно жестоким ублюдком, от которого любой здравомыслящей девушке лучше держаться подальше, а сама сидела в вагоне и предавалась романтическим мечтаниям, в которых он увозил ее прочь в уединенные коттеджи, окруженные вереском, где ухаживал за ней так, как Хитклиф, должно быть, ухаживал за Кэти.[3] Все было до того странно, она проработала весь предыдущий сезон, вовсе не думая ни о чем таком, хотя, будь она честна перед собой, ей пришлось бы признать, что ее чувство зародилось уже к концу прошлого сезона. Однако в новом сезоне оно долбануло ее с силой кувалды, и, как ни странно, она знала, что влюбилась.

Эмма вышла из метро на «Тотнэм-Корт-Роуд», прогулялась по Оксфорд-стрит и, взяв непремен-

---

[3] Примечания: 3

Хитклиф, Кэти — герои романа «Грозовой перевал» Э. Бронте.

ную пинту пены с ароматом кофе из «Старбакса», присоединилась к толпе привлекательных молодых людей, входивших в прекрасные офисы «КЕЛоник ТВ», компании, которую Кельвин превратил в колосс глобального развлечения. Оглядывая золотистые ноги и обнаженные животики большинства своих коллег, Эмма не могла сдержать чувство ревнивого отвращения. Неужели этим девушкам необходимо выглядеть столь вызывающе? Большинство сотрудниц Кельвина были привлекательные молодые женщины, но, в отличие от Эммы, они в основном были высокие. Кельвин был знаменит любовью к высоким женщинам.

Эмма уже собиралась зайти в битком набитую комнату для совещаний, когда раздавшийся за спиной голос остановил ее:

— Эмма, можно тебя на два слова?

Это был Трент. Он провел ее в свой личный кабинет и прикрыл за собой дверь.

— Не существует легкого способа сообщить это, поэтому я не буду даже пытаться, — сказал он. — Кельвина больше не устраивает то, как ты работаешь. Поэтому тебе придется покинуть компанию.

Эмма не ответила. Она не могла ответить, на-

столько велико было потрясение.

— Разумеется, ты получишь полную компенсацию, и компания предоставит тебе отзыв.

— Не устраивает то, как я работаю?

— Именно так. Мне жаль. Выглядит действительно несправедливо, но, насколько ты знаешь, Кельвин всегда руководствуется инстинктом. Отдел персонала свяжется с тобой, чтобы обсудить выходное пособие, хотя ты же знаешь, что у всех здесь кратковременные контракты.

До Эммы наконец начало доходить, и она попыталась не расплакаться.

— Кельвин меня увольняет?

— Да. Сейчас. Ты должна уйти немедленно.

Секунду Эмма стояла неподвижно, словно оцепенев. Она стала моргать еще чаще.

— Пожалуйста, не плачь, — сказал Трент. — У тебя будет куча других возможностей.

Он посмотрел на часы. Он нервничал, словно ему не терпелось избавиться от нее.

Эмма повернулась к двери.

— Да, Эмма, не могла бы ты оставить свои заметки по отбору? — сказал Трент.

— Что? — холодно спросила она.

— Твои заметки. Они мне нужны.

— Мои заметки?

— Ну, на самом деле это не твои заметки. Они принадлежат корпорации «КЕЛоник». В смысле, тебе платили за то, что ты их делала, и с юридической точки зрения они наши… Папки мне не нужны. Они твои.

Не говоря ни слова и двигаясь словно во сне, Эмма вынула кипу заметок, над которыми работала предыдущие несколько месяцев, и передала их Тренту.

— Спасибо, — сказал он. — Увидимся, ладно? — И он поспешно вышел из офиса.

Эмма вышла следом и направилась к лестнице. Дойдя до верхней ступеньки, она остановилась. Инстинкт заставил ее оглянуться и посмотреть в ту сторону, где находился офис Кельвина. Минуту назад дверь была закрыта, но теперь она приоткрылась на несколько дюймов. Она видела, что Кельвин наблюдал за ней, а затем его лицо исчезло и дверь снова закрылась.

Эмма покраснела. Подошла к двери и постучала. Не получив ответа, снова постучала, на этот раз громче. Взялась за ручку и нажала на нее. Затем она остановилась. Повернувшись, она увидела, что за ней наблюдают несколько бывших коллег.

Затем Эмма вышла из здания. Дошла до Со-

хо-сквер и села на скамейку, где слезы, которые она так долго сдерживала, наконец полились свободно.

Последний отбор

Ровно в назначенный час Кельвин ворвался в комнату, держа чашку кофе в одной руке, а круассан и сигарету в другой.

— Всем привет, — сказал он, закуривая, что было строго-настрого запрещено в битком набитом рабочем помещении, но никто даже не подумал пожаловаться. Все знали, что Кельвин играет по своим правилам. Это и делало его таким особенным. Именно потому, что он играл по своим правилам, они и работали здесь, и не просто в каком-то шоу, а в самом успешном и обсуждаемом шоу на телевидении.

— Доброе утро, Кельвин, — ответила команда, раздались аплодисменты и парочка восторженных выкриков.

— Да, да, да, — нетерпеливо сказал Кельвин. — Мы не в Америке, ради всего святого. — Он окинул взглядом улыбающуюся толпу. — Отлично. Ну что, приступим? Трент?

— Я! — ответил Трент, подпрыгнув со стула и торопливо направившись в конец комнаты, где было установлено аудиозвуковое оборудование.

— Давай! — взвизгнула парочка девиц помоложе, когда он проходил мимо них. — Вперед, Трент. Начинай! Давай!

В комнате снова разразились аплодисменты. Все были взволнованы. Месяцы тщательного отбора уже скоро превратятся в очередной сногсшибательный сезон шоу «Номер один», самого крупного шоу на телевидении, и комната гудела от шума, словно в первый день в школе после каникул.

— Полегче, девушки, — ухмыльнулся Трент. — Полегче. Не волнуйтесь так. Еще полно работы, еще куча дел.

В двадцать восемь лет Трент был главным членом команды. Он пришел на шоу в самом начале, три года назад, когда все говорили, что этот вид телевидения — просто глупое и унизительное дерьмо и что все из него уже и так выжали. Сейчас было невозможно представить, что было время, когда люди сомневались, стоит ли вообще запускать шоу «Номер один», спрашивая себя, действительно ли телевидению нужна еще одна программа, где ищут таланты. Больше никто таких вопросов не задавал, особенно сейчас, когда шоу буквально спасло развлекательное телевидение. Только не сейчас, когда даже пре-

мьер-министр признался, что голосовал в финале предыдущего сезона.

Только не теперь, когда сам принц Уэльский собирался участвовать в шоу.

Безукоризненно одетый и обутый, Трент стоял перед огромным плазменным экраном, словно перед любимым сыном. Рубашка с высоким воротничком, вязаный галстук и очки от «Дольче и Габбана» придавали ему вид хиппи-интеллектуала, каковым он, собственно, отчасти и являлся, поскольку получил степень магистра гуманитарных наук по КСД (кино, СМИ и духу времени) в Халле. Он широким жестом указал на стол, где лежали четыре стопки фотографий и биографий и одна — DVD.

— Кельвин. Позволь представить тебе певцов, «липучек», «выскочек» и «сморчков»!

— Предполагаемых певцов, «липучек», «выскочек», «сморчков», — поправил его Кельвин. — Не прыгай выше головы, единственный стопроцентный кандидат здесь — это королевская шишка, но его мы обсудим отдельно.

Битком набитая людьми комната затихла в ожидании. Конечно, все в команде знали волнующую новость о принце, но им было приказано не обсуждать эту тему. Кельвин хотел, чтобы по

возможности правду все узнали из прямого эфира. Его планы отчасти строились на том, чтобы создать впечатление, что якобы изнеженный дилетант-принц шел к победе трудным путем.

— Я, босс, — ответил Трент, взяв верхний диск из стопки «сморчков» и вставив его в компьютер. Последовала короткая пауза, пока аппарат открывал программу.

— Мог бы и заранее подготовить, — сказал Кельвин, барабаня пальцами по столу.

— Я, — сказал Трент.

— И перестань постоянно говорить «я». Ты не черный и не родился в Лос-Анджелесе!

— Я… понял, босс, — с улыбкой сказал Трент, пытаясь не выглядеть так, словно только что получил пощечину.

Собравшиеся в комнате люди нервно заерзали. За кадром Кельвин обычно был уживчивым человеком, не склонным к нарочитым проявлениям тирании.

Через несколько секунд на плазменном экране появилось изображение пухлой молодой особы, которая застыла на вдохе.

— Девушка из Глазго, — сказал Трент. — Неплохо поет. Задорный смех. «Липучка» с потенциалом «выскочки». — Он нажал воспроизведение, и

женщина на экране ожила.

— Привет, Кельвин, — сказала она. — Привет, Берилл, привет, Родни. Меня зовут Молли Таунсенд, и я надеру вам зад!

Затем, скорчив рожицу, она начала петь первые строки «The Greatest Love Of All», объясняя с пугающей страстностью, что, по ее мнению, дети — наше будущее.

— Отлично, возьмем ее, — бросил Кельвин после того, как девушка пропела дюжину слов. — Ничего особенного, но до кучи пойдет. Следующий.

Следующая девушка, кто бы мог подумать, тоже спела «The Greatest Love Of All», еще больше смакуя слащавые слова и пытаясь впихнуть по крайней мере три ноты (а иногда и три октавы) в каждое произносимое ею слово на прославленный манер Марайи Кери.

— Отлично. Давай и ее тоже, — сердито рявкнул Кельвин.

Множество жаждущих славы быстро проследовали один за другим. Некоторые были одобрены, другие столь же быстро отвергнуты, и каждое решение принималось во время исполнения куплета и припева. Другого способа не существовало. Кельвин прекрасно сознавал, что почти

наверняка упускает потенциального победителя, но даже после колоссального отсева, предшествовавшего его появлению, у него по-прежнему оставалось невероятное количество кандидатур для рассмотрения.

— Дарт Смерть Рейдер, — сказал Трент, когда на экране появилась фигура в черном плаще. — Забавный «сморчок», утверждает, что он пришелец, рожденный в другом измерении.

Трент нажал на воспроизведение, и Дарт Смерть Рейдер запел «Dead Babies» Эллис Купер.

— Сколько у нас готов-«сморчков»? — спросил Кельвин, перекрикивая пение.

— Меньше, чем хотелось бы, — ответил Трент. — Думаю, этот бы вполне сгодился. Очень, очень самовлюбленный, искренне полагает, что наводит ужас, и у него на члене пирсинг.

— Отлично, берем Дарта. Следующий.

Следующие были Грэм и Миллисент.

— Почему он в очках? — спросил Кельвин, оглядывая застывших на экране взволнованных мальчика и девочку. — Торчок?

— Слепой, — гордо ответил Трент.

— Хорошо.

Каждый раз, видя детей, проходящих прослушивание в очках, Кельвин лелеял надежду, что

они слепые, но в девяноста девяти случаях из ста они оказывались просто торчками, которые пытались выглядеть как Боно. Конечно, торчки тоже подходили, с торчками получались хорошие сюжеты, торчки были стержнем рождественского DVD «Лучшие прослушивания». Но в долгосрочной перспективе они годились только на то, чтобы произвести мимолетное, но сильное впечатление. Слепые же, если их как следует подготовить, могли стать золотом для шоу. Слепой участник — это уже сюжет.

— Но она не слепая, верно? — спросил Кельвин, вдруг забеспокоившись. — Слепая пара была бы слишком тяжелым зрелищем в прайм-тайм субботы. В смысле это просто нелепо. Слишком много тем. Слишком много вопросов. Слишком много тараканов в одной коробке.

Трент опустил глаза, пытаясь найти соответствующую пометку в записях. Грэм и Миллисент находились в разработке у Эммы.

— Хм…

— Нет. Она не слепая, — вставила Челси с другого конца комнаты.

— Спасибо.

— Отлично, — сказал Кельвин. — Слепой мальчишка и зрячая девчонка — это человеческая

драма. Слепая пара — шоу уродцев.

— Ну да, девушка определенно зрячая, — повторил Трент, пытаясь отвлечь внимание босса от Челси, которой, как он заметил, Кельвин улыбнулся.

— Они хорошо поют?

Собравшиеся в комнате подчиненные едва ли ожидали этого вопроса от Кельвина. На шоу «Номер один» умение петь было не главным.

— Я всю свою жизнь пытаюсь избегать певцов, — никогда не уставал напоминать им Кельвин. — Они осаждают меня на улице, впихивают мне кассеты, когда я пытаюсь поужинать! Разражаются пением, когда я их трахаю, ради всего святого! Певцы преследуют меня. Уйма придурков неплохо поет. Если бы нам был нужен лучший певец, мы могли бы посмотреть паршивый «Чикаго», или «Мою дебильную леди», или идиотского «Короля-льва». В Лондоне полно сексуальных подростков, которые хорошо поют, они стоят в очереди, чтобы попасть в хор «Мама миа», и нам они не нужны!

Кельвина интересовали история и личность. Однако пение все же имело для него значение, когда настоящий талант сочетался с отличной историей; это была подлинная находка, его меч-

та: соединить разбивающую сердце семейную историю с настоящим талантом. Такой сюжет станет во главу целого сезона и навсегда заткнет брюзжащих критиков, утверждающих, что его великое достижение заключается просто в дешевом манипулировании толпой.

Если бы эти дети хорошо пели, им светила бы слава «Righteous Brothers».

— Они хорошо поют? — снова спросил Кельвин.

Трент снова не знал ответа. И снова его знала Челси:

— Да, у них довольно милые голоса, и они симпатичные ребятки.

— Трент?

— Не слишком радуйтесь, босс. Они могут вывести мотив, но звучание, друг мой, слабое, очень слабое.

Казалось, Кельвин на секунду отвлекся, его мысли унеслись вдаль, и, где бы они ни были, там было невесело. Настроен он был по-прежнему мрачно.

— Трент, — сказал Кельвин, — это шоу «Номер один», а не Королевский музыкальный колледж. Если они могут вывести мотив и петь в унисон, пусть даже звучание очень слабое, этот парень и

его подружка хорошо поют.

— Боюсь, она не его подружка.

— Они просто друзья, — добавила Челси.

— Она когда-нибудь была его подружкой? — спросил Кельвин.

Трент снова вклинился.

— Возможно, — сказал он. — Они проводят много времени вместе, репетируют.

— Трент, — резко бросил Кельвин, — читай по губам. Он — когда-нибудь — ее — трахал?

— Хм, ну, не знаю, — забормотал Трент, начиная жалеть, что отвлек внимание Кельвина от Челси. — Мы обыкновенно не лезем в их сексуальную жизнь, правда, босс?

По какой-то причине сегодня привычное добродушное настроение Кельвина покинуло его и не собиралось возвращаться, потому что в ответ он яростно набросился на Трента.

— Трент, у нас нет ничего обыкновенного! — сказал он, повышая голос, несмотря на мертвую тишину в комнате. — Я думал, что после трех лет работы со мной ты до этого допер. Если бы в этом было что-то ОБЫКНОВЕННОЕ, я мог бы приказать отделу информационных технологий написать программу отбора, и мы бы пропускали конкурсантов через нее. Тогда мне не пришлось бы

тратить огромные деньги на то, чтобы платить зарплату толпам таких придурков, как ты, которые приходят на собрания по поводу финального отбора, не имея никакого представления о выбранных кандидатах. Каждый случай уникален, и иногда секс имеет значение. Имеет ли он значение для боевых бабулек, которые поют «Daisy, Daisy»? Нет, я так не думаю. Имеет ли он значение в случае матери-одиночки, которая пытается вырастить трех потрясающих малышек, которые ТАК ею гордятся? Возможно, нет, хотя кто знает. А в случае мужиков-«сморчков», пытающихся петь рэп? Нет. В случае карлика, который поет «Eye Of The Tiger»? Только не в моем шоу. А в случае прикольных мальчишеских групп, которых мы отсеиваем в третьем туре? Нет. Но имеет ли секс значение в случае молодых парней и преданных им симпатичных девчонок, выступающих вместе с ними? Да! Да! ДА, вашу мать! Как мы можем построить сюжет для этой парочки, если мы не знаем, спят они вместе или нет?

— Но… но… — начал Трент.

— А теперь послушайте, ВСЕ вы. — Кельвин окинул взглядом комнату, и все старшие и младшие отборщики, ассистенты видеорежиссера и секретарши изобразили на лицах готовность,

чтобы великий человек мог не сомневаться в том, что, по крайней мере, они уделяют ему самое пристальное внимание.

— Чем не является это шоу?

Ответ удивил бы легионы поклонников шоу, но собравшиеся в комнате его знали.

— Шоу поиска талантов, — ответили все в один голос.

— Правильно. Мы не являемся таким шоу. А чем мы являемся?

— Мы развлекательное шоу, — прозвучало в ответ.

— Моя работа, ваша работа, наша работа — это развлекать. Если вышвырнуть лучшего певца — более прикольно, чем оставить его, то мы его отсеем, потому что зрителей не интересует пение. Пение — это неизбежное зло. Зрителей интересуют певцы. Люди, поющие песни. Поп-культура мертва. Люди думают, что я такой умный, потому что победители нашего шоу получат контракт в моей звукозаписывающей компании. Ух ты! Посмотрите на меня! Я такой Свенгали. Большое дело. Я делаю одну-единственную поганую запись Джо Неудачника. Хрена с два! Да я на пяти минутах телефонного голосования заработаю больше, чем на большинстве финалистов этого

года. Вот так вот. Подумайте об этом. Он, она или они больше значат для меня до того, как они победят, чем после того. Вы знаете, какие необходимы затраты, чтобы создать в наши дни певца номер один?

Это знали все, потому что Кельвин часто повторял это своим сотрудникам.

— Иногда необходимо продавать двадцать пять тысяч штук за неделю! Раньше было нужно полмиллиона за неделю. Двадцать пять тысяч дисков или закачек из Интернета, помоги нам Боже, не окупают даже собственную рекламу! Песни ничего не стоят, они ничего не значат, это история. Победитель, человек номер один, нужен нам только для того, чтобы оправдать процесс, наделить шоу подобием смысла. Мы шоу, которое показывает людей, и, если бы я мог найти формат, в котором мы бы обошлись без пения, если бы мне удалось найти способ привлечь восемь миллионов зрителей и два миллиона телефонных звонков в неделю и при этом не слушать, как кучка придурков убивает песню «The Greatest Love Of All» или «Unchained Melody», поверьте, я бы это сделал. Да разве другие не пытались, черт возьми? Была стряпня, танцы, идиотское фигурное катание, ради всего святого, и все вроде

бы получалось, но ни один из этих способов не показал себя таким же доступным и простым для привлечения внимания аудитории к нашему зверинцу из клоунов, инвалидов, маньяков и психопатов, как пение!

Мы — шоу, демонстрирующее людей! — повторил Кельвин. — И девяносто девять процентов нашей работы состоит в том, чтобы найти правильных людей. Певцов. «Липучек». «Выскочек» и «сморчков»! И еще, большинство людей ведь неинтересные, верно? Верно. Вы за шесть месяцев прошерстили толпы людей и, готов поспорить, до смерти устали. Я готов поспорить, что вы до смерти устали даже от нескольких сотен, к которым мы свели финальную группу конкурсантов. Я готов поспорить, вы сомневались, можно ли сделать шоу из этой дешевой кучки неадекватных ублюдков. Я прав?

Группе снова не хотелось отвечать, но всеобщее замешательство, с которым более молодые сотрудники уставились на ковер, говорило о том, что Кельвин прав. Команда отборщиков действительно была доведена почти до безумия тоскливым просмотром бесконечно длинного списка похожих кандидатов, и временами все приходили в отчаяние, будучи не в силах собрать

достаточно интересную группу конкурсантов, способных держать высокую планку, привычно ожидаемую зрителями шоу «Номер один».

— Конечно, я прав, — сказал Кельвин. — И дело в том, что, несмотря на миф, распространяемый этим шоу, мир вовсе не кишит неоткрытыми Аретами Франклин и Элвисами Пресли, и к тому же обычный человек, считающий себя бешеным, забавным, харизматичным и сексуальным, на деле не является бешеным, забавным, харизматичным и сексуальным. Мы все одинаковые, мать нашу! У всех есть мечта, все хотят всего и сразу, и у каждого мамочка или умерла, или в конце концов умрет. Наша работа состоит в том, чтобы найти хоть что-нибудь, на чем можно построить наши истории, создать наших персонажей. Если какой-нибудь отморозок провел лето, работая трактористом на молочной ферме, то он бывший ковбой, если какая-то девка была статисткой в кино, то она бывшая дублерша. Для нас малейшая угроза заболеть раком — это «борьба между жизнью и смертью», а два штрафа за неправильную парковку — криминальное прошлое, из которого грешник пытается вырваться с помощью песни. А ты, Трент, ты приходишь на собрание по финальному отбору, где принимаются решения

и составляются группы для прослушивания, и говоришь мне, что у тебя слепой парень и его симпатичная партнерша, но ты не знаешь, спят ли они друг с другом!

— Я не думаю, что он ей уже засадил, — сказал Трент. — По крайней мере, как я понимаю. Пока что никаких флюидов.

— Почему? — спросил Кельвин. — Ты ведь сказал, что не знаешь.

Взгляд Трента снова скользнул по тщательно подготовленным, аккуратно переписанным заметкам Эммы.

— Они ходят в один и тот же хор.

— Думаешь, люди из хора не занимаются сексом? А зачем они, по-твоему, вообще идут в хор? Затем, что их никто не трахает, вот так.

— Ну, может, они и придут к этому, — ответил Трент, стараясь, чтобы его слова звучали веско и убедительно. — Полагаю, пение и есть суррогат, да, точно. Двое девятнадцатилетних молодых людей встречаются в хоре, он слепой, а она… — он прочитал из заметок, — член школьного совета, обладательница награды епископа Эдинбургского, студентка первого курса теологического отделения.

— Теологического? Ни хера себе, — задумчиво

проговорил Кельвин. — Это мило. Обычно только черные талдычат насчет Бога. Шоу не повредит немного неэтнической веры.

— Он — это ее проект, — продолжил Трент. — Ей кажется, что она Хелен Келлер. Представляю, чем для этой крошки была школа. Она зубрила, она поет в хоре, она чертова христианка, ради всего святого! Другие девчонки, наверное, ненавидели ее. А потом она встречает слепого парня…

— Его зовут Грэм, — вставила Челси. В конце концов, она работала с Эммой, и ей не терпелось напомнить Кельвину, что теперь, когда Эмма ушла, инициатива отбора этих кандидатов принадлежит ей, а не Тренту. — Грэм и Миллисент.

— Миллисент! — гаркнул Кельвин. — Это великолепно!

— Да, и вообще-то ей девятнадцать лет, а ему только восемнадцать.

— Она старше, просто отлично. Мне нравится.

— Вот и я о том же, — снова вмешался Трент. — Он младше ее. Она его колонизировала. — Трент говорил так, словно с самого начала знал о разнице в возрасте и сам все спланировал. Чтобы оградить себя от дальнейших попыток Челси выпихнуть его из повестки дня, он нажал на воспроизведение, и Грэм с Миллисент ожили

на экране.

«— Привет всем, — сказала Миллисент, махнув рукой. — Я Миллисент.

— А я Грэм.

— Привет всем, — сказали они вместе, махая руками перед камерой. — Мы Грэм и Миллисент».

— Декольте отличное, — заметил Кельвин, нажимая на паузу. — Нет никого сексуальнее девочек в очках, которые пытаются выставлять напоказ титьки.

— Да, — сказала Челси, с вызовом глядя на Трента. — Она определенно думает, что у нее красивая грудь, и когда я брала у нее интервью, то поняла, что ей нравится, когда парни их тискают.

Миллисент, одетая в строгие джинсы, блузку и бледно-зеленый кардиган, очевидно, гордилась своей грудью и нарочно решила оставить пресловутую третью пуговицу расстегнутой.

Кельвин нажал на воспроизведение, и из камеры раздался голос уволенной Эммы.

«Привет, ребята, — сказала Эмма. — Что вы собираетесь исполнить для нас?»

Кельвин нахмурился, но промолчал.

«Мы бы хотели спеть „When Will The Good Apples Fall“ группы „Seekers“», — сказала Миллисент, пожалуй, излишне самоуверенно для девушки,

которая только недавно была старостой.

«Да, споем», — согласился Грэм, со значительно меньшим апломбом.

— Ну конечно, — пробормотал Кельвин. — «Seekers», мне это нравится!

Эмма была права, они были неплохим дуэтом. Они могли петь на два голоса и одновременно выводить мелодию, но Миллисент определенно была более сильным певцом в паре. Грэм старался изо всех сил, прикрывая отсутствие голоса тяжелыми модуляциями в стиле рок-н-ролла, но неумение брать высокие ноты скрыть было невозможно. К тому же он очень неловко стоял и нервно дергал правой рукой, словно ему хотелось играть на гитаре, а не петь.

Кельвин позволил этой парочке спеть все куплеты и припевы, уделив им пока что больше времени, чем всем предыдущим кандидатам. Когда они закончили, снова раздался голос Эммы, поздравившей их с успехом. Тень раздражения, даже боли скользнула по лицу Кельвина, и он снова оборвал ее голос, нажав на «паузу».

— Какой он за очками? — спросил Кельвин. — Нормально слепой или жутко слепой?

— Челси? — быстро спросил Трент.

— Боюсь, жутко слепой, — ответила Челси,

отвечая непосредственно Кельвину. — Я заставила его снять очки, и, если честно, выглядит это непривлекательно. У него вместо глаз очень глубокие провалы, прикрытые веками. Я не особо разбираюсь в слепоте, и мне не хотелось спрашивать, но я не уверена, есть ли у него вообще глазные яблоки. Так сразу и не поймешь.

— Это не важно, пусть остается в очках. «Большой О» никогда их не снимает, — ответил Кельвин. — Это выглядит очень, очень заманчиво, здесь столько потенциала для размаха, от ботаников до секс-символов, от друзей до любовников, от целомудренности до разврата, от скучных церковных хористов до шлюх рок-н-ролла! К ТОМУ ЖЕ парень слепой! Чего еще хотеть? Прелестная парочка. Следующий!

Трент нажал кнопку перемотки на пульте.

Появилась мальчишеская группа.

«Мы „Четверо вольных“, и мы победим».

— Нет, не победите. Пошли на хрен. Следующий, — сказал Кельвин.

Толстая шепелявая домохозяйка с сильным дорсетским акцентом.

«Меня сафут Фуфан, и я фабираюфь фпеть „Thomething“ Джорджа Харрифона».

— Определенно пойдет. Прелестный «сморчок»

на пару кадров.

Две сестры-ботанички в очках и с огромными кольцами в ушах.

— Хорошо, — сказал Кельвин, прежде чем они успели открыть рты. — В коллаж со «сморчками». Следующий.

Заурядного вида мужчина среднего возраста.

«Привет. Меня зовут Стенли».

— Почему он здесь? — спросил Кельвин.

— Он хорошо поет, и он отец-одиночка, — пискнул отборщик из заднего ряда.

— Все так, шеф, — непонятно зачем повторил Трент. — Он хорошо поет, и он отец-одиночка.

— У него есть работа?

— Нет, он растит детей на пособие.

— Хорошо, берем его. Следующий!

— Милая бабуля.

— Недостаточно милая. Следующий!

Симпатичный, не по годам развитый пятилетний малыш.

— Недостаточно симпатичный и недостаточно развитый. Следующий.

Неприметная девушка с прической-ежиком.

— Хм, неплохо, — сказал Кельвин. — Расскажи мне о ней.

— Ее зовут Табита, — сказал Трент.

— Лесбиянка? — спросил Кельвин.

— Да, — ответила Челси. — У нее есть роскошная, совершенно роскошная подружка, настоящая, классическая лесбиянка, и в придачу стриптизерша. Профессиональная танцовщица с шестом, разве не здорово? Парни хотят ее трахнуть, но у нее уже есть подружка.

— Подружка, не она? — сказал Кельвин, указывая на довольно бесцветную девушку на экране.

— Нет.

— Так почему ж ее чертова подружка не проходила прослушивание?

— Ну, она не…

— Подружка сможет выступить?

— Конечно, она была с Табитой на прослушивании.

— Хорошо. Убедитесь, что она придет. Следующий.

Следующей на экране появилась Шайана. Взглянув на заметки Эммы, Трент увидел, что она отметила ее как очень перспективную. На ее фотографии зелеными чернилами аккуратным женским почерком Эммы было написано: «ОТМЕННАЯ „ЛИПУЧКА“».

— Думаю, босс, это действительно сильный персонаж, — сказал Трент. — Отменная «липучка».

Кельвин изучил застывшее на экране лицо молодой женщины.

— Да, выглядит ужасно напряженной, верно?

Густой макияж и строгая челка Шайаны делали ее лицо похожим на маску, которая в любой момент может разбиться вдребезги.

— Мне совсем не хотелось бы встретиться с ней в темном переулке, — сказал Кельвин. — Отлично, берем ее. Следующий.

Работа продолжалась. Они проделали трудный путь, выбирая финалистов и посредственности, которые предстанут перед тремя судьями, особую группу, состоящую из главных персонажей шоу «Номер один», а также тех, кто после многочисленных «прослушиваний» пройдет или не пройдет в финал. Конечно, существовала возможность, что в ходе работы Кельвин изменит свое мнение; но все равно решения, которые он принимал сегодня в этой комнате, в целом задавали курс всему сезону.

Возможно, это было самое важное совещание в ходе всего процесса отбора, и все же казалось, что Кельвину было все труднее и труднее сосредоточиться. Он без повода рявкал на людей, задавал один и тот же вопрос дважды, даже внезапно сбивался с мысли посреди фразы, что приводило

его в ярость. Никто и никогда не видел, чтобы Кельвин терял нить рассуждения. Никто и никогда не видел, чтобы Кельвина что-то отвлекало. Что-то беспокоило его, но, разумеется, никто не осмелился спросить, что именно.

Безработная

Причина рассеянности Кельвина сидела на Сохо-сквер почти час, онемев от потрясения.

После чего решила пройтись по магазинам.

Она не знала, чем себя занять. Она точно не была голодна и не хотела возвращаться домой среди бела дня, в квартиру, из которой всего несколько часов назад вышла в таком радужном настроении и в которую должна будет рано или поздно вернуться, всеми отвергнутая и безработная.

Она решила пройтись по Оксфорд-стрит и доехать на метро от Оксфорд-серкус до «Харви-Николз». Кто знает, когда она в следующий раз выберется в город? Она осталась без работы, с предыдущего места ее тоже уволили, поэтому едва ли стоило рассчитывать на блестящие рекомендации. Что ей делать дальше? Уехать из Лондона, где жизнь, видимо, станет ей не по карману, и попытаться найти работу где-то еще? Сразу после университета она писала статьи для журналов по недвижимости — может быть, стоит снова этим заняться?

Если в ее увольнении и есть какой-то поло-

жительный момент, подумала она, бредя по людному тротуару и по-прежнему сжимая в руке бесполезные пустые розовые папки, в которых с утра лежали ее заметки по отбору, теперь принадлежавшие Тренту, то оно заключается в том, что все дурацкие, нелепые романтические мысли о Кельвине Симмсе оказались самым настоящим бредом. Кельвин — ублюдок, теперь она в этом убедилась, и всегда им был, и все же она позволила себе в него влюбиться. Почему ей всегда нравятся ублюдки?

По крайней мере, она выкинет из головы весь этот бред.

В тот странный день, пока она бесцельно бродила по «Харви-Николз», а потом по «Хэрродз», были даже минуты, когда она вдруг испытывала необъяснимые приливы восторга, как будто вдруг стала независимой и свободной. Но время шло, подобные минуты становились все более редкими, и настроение портилось все больше и больше. Она прокручивала в голове свое увольнение, жалела, что не сказала этого и того, представляла себе, что говорит это, чувствовала, что ее использовали и что она просто дура. Она вспомнила время, когда работала в кризисном центре и очень часто выслушивала заплаканных

девушек, зацикленных на том, как несправедлив мир. Почему они? Почему они сели в тот автобус? Прошли мимо той двери? Согласились встретиться с тем мальчиком? Теперь она сама оказалась жертвой, укоряла себя за то, что позволила событиям принять такой оборот, и размышляла о том, как легко было бы все изменить.

Когда день начал клониться к вечеру, ею овладела паника. Ей становилось тоскливо при одной мысли о том, чтобы пойти домой, но и подруге она тоже звонить не хотела. Она была в смятении. Рано или поздно все узнают о том, что случилось: что она потеряла работу, свою гламурную работу, из-за которой ей так часто завидовали, прикрывая зависть презрением. И что к тому же лишил ее этой работы мужчина, в которого, как было известно всем ее друзьям, она начала влюбляться. Рано или поздно правда всплывет наружу. Скоро. Но не теперь.

В этот момент у нее зазвонил телефон. Номер был незнакомый, и сначала Эмма решила не отвечать. Она была не в настроении беседовать с каким-то незнакомцем, но, с другой стороны, жизнь продолжалась. Возможно, ей станет легче, если она пошлет к черту какого-нибудь наемного раба из Дели.

— Слушаю, — осторожно сказал она. — Это Эмма.

— Эмма. Привет. Это Кельвин.

Она уронила телефон. Он брякнулся на пол, и из него выскочила батарейка. Схватив телефон с пола, она вставила батарейку, надеясь, что вызов каким-то чудом не прервался. Но он, конечно, прервался.

Она выпрямилась, думая, что же делать. Чего он хотел? Что ей следовало сказать? И самое главное, позвонит ли он снова? Она тут же убедила себя, что не позвонит. Он собирался извиниться, стал бы заискивать перед ней и унижаться, но он больше никогда не позвонит.

Но он позвонил. Это случилось так внезапно, и она была настолько уверена, что этого не произойдет, что снова уронила телефон.

Однако на этот раз он упал в ее сумочку, которую она поставила рядом с собой на пол. Телефон по-прежнему звонил, где-то в глубине среди ключей, кошелька, просыпавшейся мелочи, скомканных банкнот, носовых платков, гигиенических тампонов, обрывков бумаги, недоеденных конфет, ручек, электронного органайзера, которым она никогда не пользовалась, чеков, кредитной карты «Ойстер» и запутанных проводов от на-

ушников iPod. Она знала, что должна вытащить телефон за время, необходимое для четырех звонков, полтора из которых уже прозвенели. Она сделала единственное, что ей оставалось: схватив сумку с пола, сделала два шага к прилавку отдела парфюмерии и вытряхнула содержимое сумки на стеклянную поверхность. Ключи загремели, монеты покатились, пыль, конфеты и тампоны заполнили полированную поверхность. Со всех сторон к ней повернулись удивленные и сердитые лица. Слишком сильно накрашенная молодая женщина за прилавком посмотрела на нее зверем, и к ней приблизился охранник.

— Я врач на вызовах, — сказала Эмма, схватив телефон и нажав зеленую кнопку. — Это Эмма.

— Пожалуйста, не бросай больше трубку, — услышала она голос Кельвина.

— Я не бросала трубку. Я уронила телефон, — ответила она, пытаясь свободной рукой сгрести предметы с прилавка. — Но теперь я ее точно брошу. Чего тебе нужно?

— Я хочу пригласить тебя на ужин.

Попытки сосредоточиться

В тот момент, когда до Кельвина дошло, что, уволив симпатичную старшую отборщицу, которая не давала ему сосредоточиться, он не только не восстановил ясность мысли, но утратил ее в еще большей степени, он решил, что должен встретиться с ней и разобраться с причиной своей задумчивости. Поэтому с той же внезапностью, с которой он ее уволил, он решил, что придется пригласить ее на ужин.

Кельвин объявил перерыв и нашел номер Эммы в банке данных сотрудников в своем компьютере.

— Я знаю, что сегодня вечером ты свободна, — сказал он, — поэтому, возможно, нам удастся кое-что обсудить.

— Благодаря тебе я свободна до конца жизни, — ответила Эмма.

— Тогда поужинай со мной.

— С какой стати? Что происходит?

— Я хочу накормить тебя ужином.

— Мне не нужен ужин. Мне нужна работа.

— Ну, возможно, мы поговорим об этом.

— В смысле?

— За ужином. Мы поговорим о твоей работе, если хочешь.

— Ничего не понимаю. Кельвин, что происходит?

— Ничего не происходит.

— Какого черта, Кельвин? — сердито спросила она. — Это что, какая-то игра, в которую тебе нравится играть со своими сотрудницами?

— Слушай, Эмма, ничего не происходит, понятно? Я работаю. Я говорю. Я действую инстинктивно.

— Ты увольняешь людей.

— Ну, извини. Позволь угостить тебя ужином.

— Нет! Мне не нужно угощение, и мне вообще не нравится этот разговор. Я не хочу, чтобы со мной играли. Что происходит?

— Я ведь только что сказал, что ничего не происходит. Перестань спрашивать меня, что происходит. — К Кельвину снова возвращался его деловой, командный тон. — А теперь послушай, Эмма, у меня совещание. Ты знаешь, как важен сегодняшний день и до чего он сложен, ведь ты сама работала в шоу, поэтому я не собираюсь продолжать этот разговор, пока мы не сможем поговорить в более спокойной…

— Ты женатый мужчина!

— Неправда.

— Нет, правда. В журнале «Hello!» была статья о свадьбе.

— Ладно, я женат, но это в прошлом.

— Ты ее тоже уволил?

— Нет, она… Слушай, как, черт возьми, все это связано с моей женой?

— Потому что ты приглашаешь меня на ужин.

— Да, на ужин. Я не предлагаю тебе руку и сердце.

— Ну а что ты предлагаешь? Что происходит?

— Перестань спрашивать меня, что… Слушай… Эмма, пожалуйста, ты ведь знаешь, что я должен возвращаться на это чертово совещание. Поэтому перестань спрашивать меня, что происходит, и скажи, что ты со мной поужинаешь.

Последовала долгая пауза.

— Эмма? — настаивал Кельвин. — Мне правда нужно возвращаться на совещание.

— Хорошо. Я согласна. Но…

Он не дал ей договорить:

— Я пришлю за тобой машину к восьми.

На этом разговор закончился. Эмма постояла, глядя на телефон, и вдруг пришла в ярость. В бешенство. Ублюдок! Кем он себя возомнил? Ей

вообще не следовало соглашаться. Почему она согласилась? Почему она не сказала ему, чтобы он шел к черту? И… что же ей сегодня надеть?

Попытки переключиться

Кельвин сразу же почувствовал себя лучше. Он хотя бы ненадолго пришел в согласие с самим собой. Ее не было в комнате, и она не отвлекала его, но и ее отсутствие тоже не отвлекало, потому что он скоро снова с ней увидится. Поэтому пока что он мог полностью сосредоточить свои усилия на работе.

— Следующий.

Появился прикольный гот.

«Я член группы „Без головы“, и я…»

— Хорошо, подойдет. Следующий.

Еще один прикольный гот.

«Я прибыл из далекой, далекой галактики…»

— Притормози. У нас достаточно готов для коллажа? — спросил Кельвин.

— Боюсь, недостаточно, — сказал Трент.

— А что, если добавить нескольких «трекки» и мистиков и сделать общий коллаж из лунатиков?

— Тогда хватит, точно хватит. У нас четыре воскресших Элвиса и одна Пэтси Клайн.

— Потягаться с Джоном Ленноном так ни у кого

наглости и не хватает? — спросил Кельвин. — Хорошо, оставим его. Следующий.

Старушки, симпатичные дети, уродливые ботаники, бандиты, считающие себя Эминемом, жирные шлюхи с забавными региональными акцентами.

«Йа спайу „C'mon Byeby Loit Moy Foyer“».

— Отличная тетка, — сказал Кельвин. — Следующий.

Унылый, лысый коротышка, который признался, что влюблен в Берилл:

«Она просто создана для меня. Она такая добрая и милая, и я не считаю, что мой маленький рост может стать препятствием. С ней я буду чувствовать, что мой рост десять футов».

— Оставляем его, — сердито бросил Кельвин. — Шевелись, Трент! Не разбазаривай мое время.

— Я подумал, это может стать постоянной темой, — храбро ответил Трент.

— В смысле, что Берилл привлекает карликов?

— Да, это всегда так хорошо срабатывает. Знаешь, все дело в сексуальности Берилл и ее образе отличной мамочки. В смысле, карлики могут быть довольно милыми, правда? И они размером с ребенка. Это вроде как объединяет секс и материнство. Когда она их обнимает, они теряются

между ее грудей, она вроде как одновременно и удовлетворяет их, и грудью кормит.

— Кормит грудью? Берилл транссексуалка!

— Да, босс, но я думаю, люди это уже переварили. Сейчас она всеобщая мамочка.

— Это просто отвратительно. Мне нравится. Оставим его пока. Следующий.

Необычно старообразная молодая пара, которая, казалось, вынырнула из тридцатых годов:

«Мы влюблены в Ноэля и Герти, — сказал парень, — и мы хотели бы спеть „Some Day I'll Find You“ из „Сладкой горечи“».

— Да. Пойдет для одного кадра. Следующий.

И так продолжалось, пока запас «липучек», «выскочек» и «сморчков» Трента не иссяк.

— Вот и все, босс. Лучшее, что мы смогли найти. Конечно, мы, наверное, пропустили нескольких, но все равно думаю, что сливки мы сняли. Кроме, конечно…

Кельвин знал, о ком он говорит. И все остальные тоже.

— Да. Теперь насчет ЕКВ, — сказал Кельвин, — для нашего шоу «Номер один» то, что принц Уэльский решил проверить свои певческие таланты и личную отвагу перед будущими подданными, большое событие, и я уверен, что мы

все ужасно польщены и все такое. Но, повторяю, давайте не забывать, что, если этот человек пройдет отбор, это будет честью и для него! Такой же честью, если не большей! Да. Не забывайте, что это мы номер один, а не он! Мы номер один, а он, друзья мои, номер ноль. Наше шоу олицетворяет все, что он, в качестве будущего главы государства, хотел бы иметь, но не имеет. Во-первых, мы популярны! Неслыханно популярны, столь же популярны, сколь он презираем. К тому же мы демократичны. Мы столь же демократичны, сколь этот чертов сноб элитарен, неподотчетен и избалован. Мы современная Британия. А он — унылый консерватор, он старая скучная Британия. Мы представляем народ, а он представляет устаревший высший класс, который пытается найти себе место в нашем обществе, где человек достигает высокого положения благодаря способностям. Он пришел к нам, друзья мои, потому что мы ему нужны. Он хочет обратиться к людям, к которым обращаемся мы, и показать им, какой он на самом деле. Ну, да будет так! У него будет такая возможность, но на тех же условиях, что и у всех прочих. Никакого особого отношения, кроме обеспечения безопасности и предотвращения терроризма. Он будет общаться со зрителями

так же, как все остальные наши кандидаты, потому что мы судим человека, а не его положение. Принц будет играть по нашим правилам. Если, предположим, он пройдет второй тур, но его выступление совпадет с судейством на Играх стран Содружества или с открытием сессии парламента, то лучше ему спеть у нас «Stand By Me»[4] или он ВЫЛЕТИТ. Потому что именно мы важны сегодня для британской общественности. МЫ здесь хозяева! Так что все будет по-моему или никак! Принц Уэльский должен или вливаться, или сливаться! Если он покажет себя хорошо, то у него будет возможность обратиться к своему народу. Если же он придет такой весь из себя важный, избалованный сноб, станет задирать нос и будет ожидать особого отношения, то войдет только в пятисекундный клип в коллаже «сморчков», или меня зовут не Кельвин Симмс и мы не самое крутое шоу на телевидении!

После короткой паузы, во время которой все убедились, что он закончил, собравшиеся разразились бурными аплодисментами, и на этой торжественной ноте совещание завершилось.

— Трент? — сказал Кельвин, собирая бумаги. —

---

[4] Примечания: 4
Будь рядом со мной *(англ.).*

Зайди ко мне.

Он посмотрел на часы: было уже почти семь, а он хотел еще побриться.

— Трент, ты молодец, — сказал он. — Хорошая подборка, дружище.

— Спасибо, босс. Отличная речь про королевского наследника. Отпад. Сильно сказано. Нет никого круче шоу «Номер один», да? Мы можем его захвалить или зарезать.

— Не говори ерунды, придурок. Конечно, мы не станем его резать. Он хочет набрать голоса, и он получит этот шанс. Он дойдет до финала.

— Точно. Да. Конечно, дойдет.

— Поэтому должно казаться, что к нему относятся как ко всем остальным.

— Да. Мммм.

— Иначе станет понятно, что все подстроено.

— Ясно. Все ясно, босс.

— Его участие в шоу для нас гораздо важнее, чем провал, а значит, надо дать зрителям возможность узнать его лучше и полюбить. Они ни за что не полюбят его, если он будет на особом положении, верно?

— Да.

— Потому что если мы знаем что-то о самих себе как о нации, так это тот факт, что мы под-

держиваем королевскую семью с ее дворцами и роскошью, потому что это доказывает, как мы хорошо живем, но мы при этом не хотим, чтобы королевская семья была на особом положении.

— Хм… понятно. Что-нибудь еще, шеф?

— Да… — небрежно сказал Кельвин, словно ему это только что пришло в голову. — Мне нужен ребенок, который не умеет читать.

— Хорошо. Отлично. По-нят-но, — ответил Трент, удивившись, но пытаясь не показать этого.

— И еще жертва домашнего насилия. Женщина, разумеется, не смей тащить мне какого-нибудь подкаблучника или педика с синяками, чей дружок любит грубый секс.

— Нет, конечно нет. Понял.

— И еще кого-нибудь, кто ждет операции… Да, тот, кто ждет операции, лучше ребенок.

— Хм… Ясно, шеф. Хорошо. Все понял. Хм, это будут конкурсанты?

— Нет, я с ними в отпуск поеду. Конечно, конкурсанты. Твою мать, Трент, я тороплюсь. Просмотри конверты и попытайся найти кого-нибудь, а если не найдешь в конвертах, найди где-нибудь еще. Просто сделай так, чтобы перед региональным отбором они были в толпе.

Трент знал, когда лучше не спорить.

— Хорошо. Понятно, шеф. Будет сделано. Ребенок, который не умеет читать. Женщина, жертва домашнего насилия, и кто-то, кто или сам ждет операции, или чей ребенок ждет операции. Какие-нибудь еще условия?

— Ну, разумеется, телегеничность. Миленькие, если получится, особенно ребенок и жертва. Пожалуй, «липучки», но не «сморчки». И было бы неплохо, если бы они хоть немного пели, но, разумеется, это не обязательно. Так, это все. Совещание закончено. Молодец. Продолжайте в том же духе. Увидимся в первый день прослушивания.

И Кельвин поспешно вышел из комнаты.

Ужин и непристойное предложение

В тот вечер ровно в восемь часов в маленькой квартире Эммы прозвенел звонок. Дел было много, но она была готова. Вернулась к семи, остановила выбор на маленьком черном платье от «Кукаи» с красной кружевной оборкой по линии декольте, и у нее осталось достаточно времени, чтобы накраситься и недостаточно, чтобы слишком беспокоиться о предстоящем ужине.

Кельвин прислал за ней «ягуар», прекрасный и роскошный, а на его заднем сиденье Эмма нашла розу, к которой была прикреплена записка со словами: «Роза от колючки».

Последние следы злости испарились. Он говорил «прости». Он сделал это ненарочно. У него был мозговой штурм, он страдал он недостатка соли в организме. Что-то в этом роде. Эмма была настроена вести себя с Кельвином жестко, но если он так искренне раскаивается, то было бы невежливо не простить его.

Они ужинали в отдельном зале на втором этаже «Айви», который, несмотря на попытки Эммы

не глазеть по сторонам, поразил ее своей гламурностью. Кельвин с самого начала извинился за грубое поведение и с надлежащим раскаянием снова предложил Эмме ее работу плюс повышение, что она с радостью приняла. Затем Кельвин настоял на том, чтобы больше не говорить об этом, и вместо этого веселил ее занимательными историями о Родни, Берилл и американской поп-индустрии. Вскользь упомянув о своем несложившемся браке, он сделал незамысловатый вывод, сказав, что двое высокомерных, склонных к манипулированию суперэго людей совершили огромную ошибку и своим примером снова доказали, что только противоположности притягиваются друг к другу. Затем, когда вино было допито и подали кофе, Кельвин спросил, не поедет ли Эмма с ним в его дом в Белгрейвии.

Конечно, ей следовало бы ожидать этого, но она не ожидала. Она была не особенно тщеславна и, зная, что Кельвин может с легкостью выбирать себе женщин, не льстила себе мыслью, что этот ужин, с его точки зрения, может быть способом совращения. В глубине души она думала, что это будет скорее попытка избежать того, что она возбудит против него дело о противозаконном увольнении. В конце концов, дни, когда

супербогатые работодатели могли творить с подчиненными все, что им заблагорассудится, слава богу, миновали.

— Ты хочешь, чтобы я поехала к тебе домой? — спросила она.

— Да. Именно так. Сейчас это было бы очень кстати.

— Выпить кофе? — слабым голосом поинтересовалась она, пытаясь соблюсти приличия.

— Нет. Кофе мы выпили. Я хочу, чтобы ты осталась на ночь.

Эмма была потрясена. Она не получала столь прямолинейного предложения со времени попоек на первом курсе в баре студенческого профсоюза, и ей это не очень понравилось.

— Кельвин, я не могу, — быстро сказала она.

— Эмма, пожалуйста, — сказал Кельвин. — Это много для меня значит.

— Много для тебя значит? Что ты хочешь этим сказать — много для тебя значит?

— Именно то, что сказал. Я хочу переспать с тобой. Для меня это очень важно.

— Для тебя это важно?

— Да.

Удивление Эммы прошло, уступив место не менее сильной злости.

— Господи, Кельвин, а ты говоришь все начистоту, верно?

— Ну, извини, если я излишне прямолинеен, но сейчас поздно, нам обоим утром на работу, и это для меня важно.

— А мне важно, с кем я ложусь в постель. Поэтому — нет, — твердо сказала Эмма. — Ни за что.

— Почему?

— Что значит — почему? Господь мой всемогущий, я в жизни подобного не слышала! Просто я не сплю с парнями, когда они об этом просят. Особенно когда это, черт возьми, практически приказ. Я так не могу. Должно быть… я не знаю, что-то большее.

— Что? Романтика? Я могу быть романтичным.

— Не верю.

— Эмма, ты должна сделать это для меня.

— Нет, Кельвин, я вовсе не должна делать этого для тебя, и я не стану этого делать.

Если бы он подождал, она могла бы кое-что добавить. Что-то вроде «может, в следующий раз. Подумаю. И если не в следующий раз, то уж точно в следующий раз после него. В зависимости от того, как пойдут дела». К сожалению, Кельвин не дал ей такой возможности.

— Ну что ж, — сказал он, — это прозвучит очень

неприятно, но легкого способа сказать это просто не существует. Ты не получишь обратно свою должность.

Эмма просто не могла поверить своим ушам, до того это было прямолинейно! Она ни с чем подобным в жизни не сталкивалась.

— Ты ведь шутишь.

— Боюсь, что нет.

— Ты хочешь сказать, что открытым текстом заявляешь мне, что мое возвращение на работу зависит от того, лягу ли я с тобой в постель?

— Ну, все было по-другому… до того.

— До того, как я сказала «нет»?

— Да.

— Но теперь это так?

— Боюсь, Эмма, что так. Видишь ли, дело в возможности сосредоточиться. Ты мешаешь мне сосредоточиться. Я отвлекаюсь. Ты представляешь себе, насколько это опасно на этой стадии разработки программы? Мне нужно удалить помеху. Прямо сейчас. Сегодня. Я не могу позволить себе потерять хотя бы еще минуту сосредоточенности.

— То есть ты уволил меня, чтобы затем шантажом заставить спать с тобой?

— Нет, конечно нет, все было совершенно по-

другому. Я уволил тебя, чтобы попытаться убрать тебя из своих мыслей, чтобы сосредоточиться на конкретном задании. Но это не сработало.

— Я иду в полицию. Это совершенно незаконно, сейчас не десятый век, знаешь ли. Ты не барон и не можешь трахать своих рабынь, когда тебе заблагорассудится.

Теперь пришла очередь Кельвина удивиться. До него уже начало доходить, что он сыграл не лучшим образом, но ситуация вдруг начала и вовсе выходить из-под контроля.

— Эмма, ты не можешь пойти в полицию, — сказал он, уже не так самоуверенно. — Я буду все отрицать, получится твое слово против моего. Я скажу, что это твой способ отомстить.

— Я записывала наш разговор. У меня с собой диктофон.

— Эмма, — мягко ответил Кельвин. — Это неправда. Я всегда ношу с собой прибор, который срабатывает, если в радиусе полумили от меня кто-то что-то записывает. Его можно купить в любом магазине шпионской техники.

— А-а-а, — слегка растерянно протянула Эмма.

— Вообще-то я соврал, — добавил Кельвин. — У меня нет такого прибора.

Эмма взяла сумку, чтобы уйти.

— Прощай, негодяй.

— Эмма! — настойчиво повторил Кельвин. — Если бы я мог вернуть тебя на работу и не заставлять спать со мной, я бы это сделал. Честное слово, сделал бы. Но поверь мне, я не могу. Ты просто слишком… слишком потрясающая.

— Слишком потрясающая?

— Да. Я пытаюсь работать, а ты все время… отвлекаешь меня.

— И ты уволил меня из-за этого? За то, что я, сама того не зная, тебя отвлекала?

— Да. Я деловой человек. Мне нужно быть сосредоточенным. Если я возьму тебя обратно, ты снова начнешь отвлекать меня. Я не могу себе этого позволить.

— А если ты переспишь со мной, все будет нормально?

— Да, по крайней мере, по моей теории. Думаю, мне нужно увидеть тебя обнаженной. Если я смогу увидеть тебя обнаженной и переспать с тобой, то помех не останется. Я не стану больше тормозить на совещаниях, думая о том, как эта девушка выглядит обнаженной, потому что я буду это знать. Мои мысли не будут заняты тем, как бы переспать с ней разок, потому что я уже это сделаю. Понимаешь? Поэтому, если ты не

переспишь со мной, я не смогу вернуть тебя на работу. У меня есть обязанности, множество рабочих мест зависит от того, насколько правильно я выполняю свою работу. Мне нужно делать шоу. Я не могу позволить тебе все испортить. Я такая же жертва, как и ты.

Эмма не находила слов, по крайней мере, теперь она немного лучше понимала, как этот человек смог так быстро стать воротилой бизнеса.

— Ты действительно думаешь, что можешь все устроить? — наконец сказала она. — Манипулировать любой жизнью, даже своей собственной?

— Да, а разве плохо брать на себя ответственность за свою собственную жизнь? Быть у руля?

— Знаешь, что я думаю, Кельвин, — сказала Эмма, поднимаясь со стула, — ты умрешь очень одиноким человеком.

Затем, отказавшись обсуждать что-либо дальше, она вышла из ресторана и поехала домой.

Проверка реальности

На Уордор-стрит было одиннадцать утра, а в Лос-Анджелесе три ночи. Присцилла находилась в клубе уже около часа, и что бы ни было в таблетках, которые она купила у девчонки в туалете, они не действовали. Она должна была веселиться. На улице стояла очередь в пятьдесят метров длиной из желающих попасть туда, где была она, а она прошла мимо них и без вопросов попала внутрь. В конце концов, она ведь Присцилла Бленхейм, и, придя в этот клуб в прошлый раз, она создала ему хорошую репутацию, приведя с собой съемочную бригаду, которая сняла ее «незапланированную» ночь в клубе, несмотря на то что обе мамочки ужасно отругали ее за первую операцию по увеличению груди.

Она ненавидела те груди. Они были такие неубедительные, хотя, когда во время обсуждения сюжета возникла эта идея, она казалась забавной. Говорилось, что весь эпизод будет о ней, в отличие от остальных, в которых она ноет на втором плане, и она появится в прямом эфире с офигенными, охренительными огромными

титьками. Но затем сотрудники студии сказали, что, поскольку она еще подросток, титьки должны быть очень маленькие и аккуратные, иначе они оскорбят родителей и будут поощрять безответственное поведение подростков. Вроде тех жалких символических персиков, которые делали себе молоденькие студенточки втайне от мам и которые вообще не были похожи на груди. Зачем делать операцию, если она не выглядит как операция? Присцилла хотела грудь как у Памелы, две огромные титьки в стиле рок-н-ролла с татуировками «дьяволица» и бабочками, но ее мамы сказали «нет». И несмотря на то, что титьки получились совершенно жалкими и символическими, ей пришлось играть так, словно она действительно боялась, что скажут ее мамочка и мамочка.

Теперь же у нее были два огромных шара, вытягивающие на груди джемпер, и Берилл была в ярости, не в последнюю очередь из-за того, что операция не попала в эфир. Сейчас камер вокруг тоже не было. Не было вообще никого, если начистоту. Друзья, которые при входе упали ей на хвост, войдя в клуб, похватали пропуска в ВИП-зону и исчезли.

Затем Присцилла заметила группу, которой

всегда восхищалась, ребята сидели за столиком, пили пиво и смеялись. Это была рок-группа «Индии», не очень популярная, но какой-никакой контракт у них был, они постоянно где-то играли, и их вроде как уважали. Именно такую группу хотелось и Присцилле. Она подошла поговорить с ними. Это было нормально, ведь теперь они были собратьями-знаменитостями, их связывали особые узы.

— Привет, — сказала она. — Я Присцилла.

— Привет, Присцилла, — сказал солист группы.

— Я восхищаюсь вами, ребята. По-моему, вы офигенно поете.

— Спасибо. — Последовала небольшая пауза, после которой парень добавил: — Знаешь, мы очень загонялись по твоей маме, в смысле когда она была твоим папой.

После этого бас-гитарист группы немного подвинулся и пригласил Присциллу присесть.

— Эй, — пьяно сказал он, — если мы пьем с тобой, значит, мы попадем на телевидение? Типа, за тобой ведь везде камеры следят, да? Эй, парни! Может, нам стоит спеть нашу новую песню, и мы попадем на телевидение!

Присцилле показалось, что он говорит серьез-

но. Но она ошиблась.

— Отличная штука эти камеры, — продолжил он. — Тебе, детка, нужно такую штуку в спальне установить! Вот это будет отпад! Или в толчке! Мы бы все тогда наблюдали, как Бластер Бленхейм отливает, и оценили бы, как идет строительство его норки. Вот это было бы круто! Нам ведь приходится смотреть, как срут ваши вонючие свиньи, так почему бы не посмотреть и на вас тоже?

Лицо бас-гитариста было совсем близко, и его усмешка казалась особенно ехидной.

Присцилла много раз сталкивалась с подобной пренебрежительной агрессивностью, и, к сожалению, она всегда исходила от людей, которые приводили ее в восхищение. Конечно, она все понимала; эти парни были музыкантами и пытались взобраться по скользкому столбу к славе. У них был дешевый контракт без малейшей возможности распространения записей, и показать они себя могли только на концертах, мотаясь каждый вечер из одной полупустой дыры в другую, пока не удавалось уговорить кого-нибудь позволить им выступить. Что касается ее, она была крупной звездой с собственным телешоу и дорогостоящим контрактом.

И почему? Потому что она — падчерица быв-

шей рок-звезды, чья мать продала ее юность СМИ.

— Ну ладно, — сказал бас-гитарист, еще ближе наклоняясь к ней, — как вообще дела?

Присцилла и с этим была знакома. Они все презирали ее, но все хотели трахнуть. Почему бы и нет, она была достаточно симпатичной и к тому же мировой знаменитостью. Почему бы ее не трахнуть?

— Ну, вообще-то, — ответила она, — я кое-что делаю. Вроде как работаю над своими песнями и все такое.

— Песнями? — спросил он.

— Да. Я пишу песни.

— Ты пишешь песни? Не знал.

— Ага!

— Эй, ребята! Эта детка пишет песни! Кто-нибудь знал об этом?

Но остальные члены группы его не слышали. В клубе было шумно, и они предоставили бас-гитаристу общаться с Присциллой.

— Потому что ты ведь певица, да? — сказал бас-гитарист, снова поворачиваясь к Присцилле. — Ты выпустила альбом?

— Ага.

После этого повисла пауза. Альбом с треском

провалился, поэтому говорить тут было не о чем.

— Эй! — Бас-гитарист опьянел еще сильнее, чем раньше. — Может, споешь с нами, и тогда мы тоже стали бы знаменитыми! Прикольно?

— У вас уже есть певец.

— Да, но он дерьмо, и к тому же он не детка.

Присцилла не знала, почему позволила ему затащить себя в постель. Поразмыслив об этом позднее, она пришла к выводу, что дело было в тщеславии. Он был надежный. Он был клевый. И знаменитый, а Присцилла ни одним из этих качеств не обладала. Она была не настоящей. Не по-настоящему клевой. Пиздюки и металлисты, возможно, и думали, что она клевая, но клевые люди так не думали, и все же она болталась с одним из них. Она знала, что он презирает ее, но остальные в клубе этого не знали, и, когда она, пьяная, оказалась в его объятиях и их сфотографировали при выходе, частица его надежности прилипла к ней, равно как и частица ее славы к нему. Подобное было очень в стиле Лос-Анджелеса.

Вокруг дивана психоаналитика

Кельвин был слишком зол, чтобы просто сидеть на диване. Вместо этого он ходил по кабинету, по стенам которого стояли книжные шкафы, и пытался не врезаться в многочисленные предметы интерьера. Прошла целая неделя с тех пор, как он уволил, а затем не смог затащить в постель Эмму, и за это время он достиг состояния бешенства, поняв, что увольнение не помогло и он так и не смог избавиться от мыслей о ней.

Он думал о ней. Постоянно.

И ненавидел себя за это.

Это было совершенно не в стиле Кельвина. В его стиле был контроль. Контроль над каждой частью собственной жизни и бизнеса, и именно благодаря контролю ему удавалось управлять своими многочисленными и ужасно популярными проектами и обширными сегментами поп- и телеиндустрии в Европе и США. Он добился этого, контролируя все. Организуя свое время и свои мысли. Как он мог организовывать свое время и свои мысли, когда он тратил время впустую на совершенно непрошеные воспоминания об этой

чертовой женщине! Он пытался отгонять их, не заострять на них внимания, он ходил по барам и напивался в обществе гламурных случайных компаньонок, чем спровоцировал бурю интереса СМИ к своему браку, но ничто не помогало. Его мысли возвращались к Эмме, и это сводило его с ума. У него была работа. Считаные дни оставались до съемок прослушивания на шоу «Номер один», которое добавится к его обычной работе с контрактами, управленческим проблемам, судебным делам, раскрутке шоу и выпуску программ со знаменитостями в различных компаниях. И какая-то бывшая сотрудница постоянно тревожила его воображение.

Наконец, отчаявшись, он сделал нечто такое, что никак не пришло бы ему в голову неделю назад. Он записался на прием к психоаналитику. Он ненавидел себя за такой поступок, потому что рассматривал его как признак позорной умственной слабости, но больше ему не к кому было обратиться.

— Послушай, — сказал он, обходя вокруг дивана, на который его пригласили присесть. — Это очень серьезно. Мне нужно сосредоточиться, мне нужно собраться. Ты понятия не имеешь, каково это — создавать настолько успешное шоу, как

мое. Я не хочу думать об этой девушке, я почти ее не знаю, и все же она постоянно лезет мне в голову. Что, черт возьми, со мной происходит?

Ответ был так прост, что даже подготовленный психоаналитик смог до него додуматься.

— Вы влюбились, — немного поразмыслив, ответил он.

— Исключено.

— Вы совершенно очевидно влюбились, — заявил психоаналитик.

— Но я никогда в жизни не влюблялся.

— Мне показалось, вы недавно женились?

— А это тут при чем? Я никогда в жизни не влюблялся.

— Ну, тогда, полагаю, все бывает в первый раз.

— Я не знаю эту девушку!

— Вам не нужно знать ее. Любовь не поддается логике.

— Я мог бы переспать с любым количеством самых красивых женщин на земле. Почему я хочу спать только с одной? Она даже не самая красивая! В прямом смысле слова.

— Я же сказал. Вы влюблены. Такова природа любви.

Кельвин присел было на диван, но через секунду снова вскочил на ноги.

— Я совершенно убежден, что если бы я смог переспать с ней, то все было бы кончено. Невозможность обладать ею убивает меня.

— Ну, может быть, вы правы.

— Ну и что мне делать?

— Думаю, стоит попытаться переспать с ней.

— Ха! Это понятно. Но я не могу. Она не отвечает на мои звонки. Знаешь, я вроде как глупость сделал. И это тоже сводит меня с ума. Я ненавижу делать глупости. Это так на меня непохоже.

— И что же вы сделали?

— Я уволил ее, безжалостно, внезапно, унизительно и без причины. Думаю, это была ошибка.

— Хмм. Определенно необычное поведение для влюбленного мужчины.

— Да, но тогда я ведь не знал, что я в нее влюблен, верно? Я просто подумал, что она… отвлекает меня. Я заметил, что смотрю на нее, думаю о ней, она мешает мне сосредоточиться. С этим нужно было покончить, поэтому я ее и уволил. Я не люблю отвлекаться. Что мне еще оставалось? Со мной такое впервые.

— Вы могли бы перевести отвлечение в социальный контекст.

— В смысле?

— Пригласить ее на чашечку кофе.

— У меня нет времени на это дерьмо! Я не занимаюсь ничем подобным. Мои программы выходят в дюжине стран! Я звезда огромной величины. Я управляю огромным концерном звукозаписи, и это только побочная деятельность. Я не могу приглашать дурацких девчонок выпить кофе!! Ты что, сдурел? Ты хоть представляешь себе, сколько стоит мое время?

— И вы уволили ее, чтобы убрать с пути и изгнать из своих мыслей?

— Да. Я действовал решительно. Именно так я и поступаю. Действую решительно.

— Но на этот раз не сработало?

— Нет. К обеду, в середине, могу заметить, очень важного совещания по развитию персонажей, я понял, что эта девушка больше не стоит на моем пути, но по-прежнему живет в моих мыслях. Я думал о ней, и особенно о том, как она выглядит обнаженной. Поэтому я пригласил ее на ужин и попросил переспать со мной.

— Прямо вот так сразу?

— Ну, мы сначала поужинали.

— Но потом вы попросили ее переспать с вами?

— Да, я сказал, что я о ней думаю и что мне нужно переспать с ней, чтобы о ней забыть.

— Хмм. Вы новичок в этом деле?

— Слушай, я знаю, о чем ты думаешь, — что я полный баран…

— Нет, нет, нет, нет… нет.

— Но это серьезно. Моей вины тут нет, но я не смогу нормально работать, пока не вскрою этот нарыв.

— Нарыв?

— Да… я помешался, твою мать.

— Понятно. — Психоаналитик сложил перед собой руки, словно для молитвы. — Сомнений нет, вы страдаете от сильного умственного дисбаланса, который в народе называют любовью. Эта молодая женщина, Эмма, влияет на вашу работу, и я согласен, что вам нужно разработать личную стратегию защиты, чтобы… хм… вскрыть этот нарыв. Мое профессиональное мнение таково: уволив ее и сказав затем, что она получит назад свою работу, только если переспит с вами, вы потеряли ее доверие.

— Знаю. Знаю, — ответил Кельвин, в отчаянии заламывая руки.

— Эта молодая дама начала относиться к вам с подозрением.

— А это так несправедливо, если учесть, что я был предельно с ней откровенен.

— Ну, боюсь, для женщин это типично, — вздохнул психоаналитик. — Однако теперь вам нужно найти способ заставить ее увидеть вас другим. Не законченным аморальным сексуальным хищником и тираном, каким она считает вас сейчас. Она, видимо, очень принципиальная дама. Когда вы сделали ей предложение, она даже на секунду не задумалась над ним, но, с другой стороны, решила не мстить вам и никак не воспользовалась вашей к ней слабостью.

— Да, это правда. Я всю неделю ожидал обвинения в дискриминации по половому признаку.

— И разумеется, это было бы совершенно оправданно.

— Знаю. Не усугубляй.

— Но, по какой-то причине эта женщина решила покинуть сцену с достоинством и не пытаться наказать вас, на что у нее были все юридические и моральные…

— Да, да, я понял. Я же сказал, не усугубляй.

— Вы влюблены в принципиальную женщину, которая считает вас абсолютно беспринципным мужчиной. Вам нужно изменить такое положение дел.

— В смысле заставить ее отказаться от своих принципов?

— Нет, это вы уже пробовали. Я подумал бы на вашем месте скорее о том, чтобы обзавестись некоторыми принципами или хотя бы притвориться, что они у вас появились. Вам нужно завоевать ее доверие. Если она не будет вам доверять, она никогда не станет спать с вами. Она будет нарывом, который так и останется невскрытым.

Кельвин тщательно взвесил полученный совет, и чем больше он о нем думал, тем больше он его раздражал.

— У меня нет на это времени!

Семейная поездка

Берилл, Присцилла и ее сестра-близнец Лиза Мари сидели на заднем сиденье «хаммера». Они снова стояли в пробке по дороге в аэропорт Лос-Анджелеса.

Берилл возвращалась в Британию, чтобы начать записывать новый сезон шоу «Номер один», а Присцилла — чтобы переговорить с производителем фаллоимитаторов о выпуске ряда сексуальных игрушек под ее фамилией. Лиза Мари просто ехала развлечься.

— Может, съезжу в Европу и посмотрю Берлин, — сказала она. — Я слышала, у них там потрясающие металлисты, у них из инструментов только бензопилы и пневматические буры. Если принять подходящую дурь, то можно поверить, что ты на строительной площадке.

— Это все было еще в середине восьмидесятых, дурочка, — ухмыльнувшись, сказала Берилл.

— Эй, если «Green Day» может получить «Грэмми» за панковский рок, то ничто не умерло.

— Кроме моего альбома, — мрачно сказала Присцилла. В то утро она узнала, что его остатки

начали официально распродавать по сниженной цене и теперь его можно найти только в специальном контейнере вместе со сборниками кантри и альбомами финалистов прошлогоднего шоу «Номер один».

— Ой, хватит уже, — пробурчала Берилл. — Ну, сдох диск и сдох. Смирись с этим.

— Диск сдох, — повторила Лиза Мари. — Даже в первые сорок не вошел.

— Заткнись, тупица. Я, по крайней мере, выпустила альбом. А что хорошего сделала ты? Только жрать горазда! — рявкнула в ответ Присцилла.

— По крайней мере, у меня хорошо получается то, что я делаю, — парировала Лиза Мари. — Я ем, я толстею, все получается. А ты выпустила альбом, и ничего с этого не получила.

— Тихо! — крикнула Берилл. — Девочки, я не переживу, если вы следующие четырнадцать часов будете препираться.

— Эй, папа, наши препирательства сделали нас знаменитыми.

— Мама! Стерва чертова. Я не твой папа, я твоя вторая мама!

— Какая разница. Мы с сестрой препираемся. Мы препираемся. Вонючая студия «Фокс» платит нам за то, чтобы мы препирались. Это одна из

самых популярных тем нашего шоу.

— Почти такая же популярная, как срущие на ковер свиньи и то, как мамины губы застревают в дверях, — добавила Лиза Мари.

— Да, дорогуши, и наше шоу позволяет вам вести первоклассный образ жизни. Не забывайте об этом.

— Ой, да ладно тебе, мама, — ухмыльнулась Присцилла. — У тебя и так был хренлион баксов от придурков металлистов, которые до сих пор покупают твои альбомы.

— Какая разница, — сказала Берилл, собирая бумаги. — Следующие несколько месяцев я буду очень, очень занята на шоу «Номер один», поэтому вам нужно вести себя хорошо, понятно? Никаких арестов за наркотики, и, пожалуйста, держитесь подальше от мерзких рок-ублюдков, с которыми встречаетесь в клубах…

— Ты видела, что они поднялись на тридцать второе место? — ухмыльнулась Лиза Мари. — Поздравляю, Присцилла, сама ты в рейтинг попасть не можешь, зато смог парень, который тебя трахнул!

— Сука!

Присцилла занесла кулак над Лизой Мари и попала ей в ухо, которое и без того болело, так

как недавно было проколото прямо через хрящ. Лиза Мари заорала от боли и шлепнула Присциллу зажатым в руке журналом. Присцилла лягнула сестру, та лягнула Присциллу в ответ, и через несколько секунд они уже катались по полу «хаммера».

— Прекратите, дуры проклятые, — орала Берилл. — Мы ведь работаем.

Когда порядок был восстановлен и Лизу Мари выгнали на другой конец сиденья смотреть телевизор, Присцилла и Берилл сравнили записи в ежедневниках.

— Итак, мы наконец получили отсрочку на одну неделю с «Бленхеймами», — сказала Берилл. — Первый эпизод с газонокосилкой будет отснят в Лос-Анджелесе через неделю после финала шоу «Номер один» в Лондоне.

— Да, мама, сроки жесткие.

— Ну, мне ведь нужна только небольшая подтяжка вокруг глаз и несколько швов на клиторе.

— Пожалуйста, я не хочу этого знать. Это так глупо.

— Присцилла, я теперь женщина и имею право чувствовать то, что чувствует женщина. В любом случае процедура займет всего одно утро. То есть у меня останется шесть дней на поправку. Все

должно получиться. Кажется, ты говорила, что парень хороший.

— Точно, все девчонки к нему ходят.

— Это он сделал тебе титьки? — крикнула Лиза Мари с другого конца «хаммера». — Ты говорила о глупостях, так вот они глупые. Они такие тупые! Выглядят как две дебильные летающие тарелки.

— Знаешь, а ведь она права, — сказала Берилл более мягким тоном. — Такое увеличение груди не годится для подростка, Присцилла. Тебе нужно их уменьшить.

— Ни за что, — упрямо ответила Присцилла. — Они помогают мне почувствовать себя женщиной.

— Ой, да ладно тебе, — ухмыльнулась Лиза Мари.

— Заткнись, сука! Тебя никто не спрашивает. Мне нравятся огромные титьки. Больше места для татуировок. Если хочешь поговорить об уменьшении, мама, то как насчет жирного пуза этой дуры Лизы Мари!

— Мне нравится быть толстой! — крикнула Лиза Мари, упрямо запихивая в рот одно печенье за другим.

— Не делай этого! — рявкнула Берилл. — Немного щенячьего жирка — это хорошо, но…

— Щенячьего жирка! — взорвалась Присцилла. — Да она размером с кита! С поганого лося!

Берилл критически оглядела свою вторую падчерицу.

— Знаешь, дорогая, вообще-то живот у тебя и правда толстоват. Тебе не нужно бросать есть, просто сделай операцию.

— Мама! Мне семнадцать лет.

— Ну и не затягивай, как я в свое время. Нужно уже сейчас вырезать аппендикс.

— Мама, мне нравится быть жирной.

— Ты знаменитость. Твоя обязанность — быть худой. Ты не всегда будешь подростком.

— Мама, она всегда будет подростком, — сказала Присцилла. — Точнее, мы обе всегда ими будем, и ты об этом позаботилась. Мы застряли во времени «Бленхеймов». Мне будет восемьдесят, а люди по-прежнему будут помнить, какой я была в четырнадцать лет.

Все ради любви

Эмма наконец согласилась встретиться с Кельвином.

Она сказала друзьям, что или она с ним встретится, или ей придется менять номер сотового телефона, а она скорее умрет, чем сделает это, потому что терпеть не может, когда так поступают другие. Все ее друзья решили, что она просто сошла с ума, отказываясь с ним встретиться, в конце концов, он ведь сказочно богатый мужчина, о котором она и сама мечтала, и он фактически преследует ее, а она его избегает.

— Да, он тебя уволил. Ну и что? Теперь он хочет, чтобы ты вернулась, и ты будешь у руля, — убеждали ее Мэл и Том.

— Вы не понимаете, — отвечала Эмма.

Она знала, что именно потому, что она мечтала о нем, ей следует раз и навсегда выкинуть его из головы. Кельвин очень доходчиво продемонстрировал ей, насколько опасно испытывать к нему чувства, и каждая ее клеточка настаивала на том, чтобы она избегала его любой ценой.

— Он мерзавец, — напоминала она себе и своим

друзьям снова и снова. — Мне не нужно приглашать мерзавца в свою жизнь. Он ведь признался, что хочет переспать со мной только ради того, чтобы забыть меня. Словно поставить зарубку на столбике кровати! Мне не нравятся мужчины, которые разменивают свои чувства ради выгоды.

— А, ну да, — говорили ее друзья, кивая с видом знатоков. — Конечно.

И Эмма знала, что они вспоминали ее отца, и была, разумеется, права. Просто ужасно иметь отца, которого ты любишь и ненавидишь одновременно и который ушел от вас с матерью, ведь после этого постоянно думаешь, что с того момента все в твоей жизни, что хоть как-то связано с мужчинами, напоминает поведение отца. Хотя, разумеется, отчасти так оно и есть.

В конце концов, выдержав мощную, длившуюся почти неделю атаку в виде текстовых сообщений, цветов и записок, доставленных на дом, Эмма, чья привязанность к Кельвину нисколько не ослабла, набралась храбрости и просто ответила текстовым сообщением: «Ладно. Где? Когда? Э.». Подумав, она добавила постскриптум: «Только днем».

Встреча произошла за утренним кофе в отеле «Клариджес», и Кельвин сразу же приступил к

делу с присущей ему обезоруживающей откровенностью.

— Я не могу перестать думать о тебе, — сказал он. — Это мешает мне работать. Я очень, очень занятой человек. Мне нужно с этим разобраться.

— Это не моя проблема, — твердо ответила Эмма, пытаясь не выдать того, что ей это приятно.

— Это твоя проблема. Ты часть команды.

— Ты меня уволил.

— И предложил тебе твою должность снова. Даже с повышением. Я продвину тебя.

— Если я пересплю с тобой.

— Да. Если ты переспишь со мной. Я это признал. Ты постоянно напоминаешь мне об этом, как будто я совершил какое-то ужасное преступление против морали.

— Так оно и есть.

— Слушай, мы ходим по кругу. Речь не только о твоей работе. Жизнь и достаток множества людей зависит от того, насколько я в ладу с собой.

— Ты хочешь сказать, что я должна трахнуться с тобой на благо команды?

— Да! Именно так! Что в этом плохого? Я ничего не понимаю. Я не могу перестать думать о тебе. Это правда, и она меня очень раздражает… это очень неудобно. Очень… больно.

Эмма покраснела. Она всегда так легко и сильно краснела при малейшем намеке на чувство. Она ощущала, что у нее горит лицо, и надеялась, что оно не пойдет пятнами.

— Но ты ведь все испортил, верно? Потому что, если хочешь знать, я все это время тоже думала о тебе, и мне тоже было больно.

Кельвин почуял брешь в Эмминой броне и ринулся в бой.

— Но это замечательно, — сказал он, очень обрадовавшись. — Я понятия не имел! Вот видишь, между нами столько недопонимания. Мы просто обязаны получше узнать друг друга. Мы могли бы снова поужинать и…

— Кельвин, я знаю, чего ты хочешь. Ты хочешь меня трахнуть.

— Да, да, разумеется. Конечно, хочу. Ты не можешь наказывать меня за мою честность. Ты очень привлекательная, не в моем вкусе, так уж получилось, но очень привлекательная. Почему я не должен хотеть тебя трахнуть? Хотеть трахнуть тебя — не преступление. Уверен, многие мужчины хотят этого. Ты что, всех их за это ненавидишь?

— Нет, потому что они мне не начальники, которые пользуются своим положением, чтобы

несправедливо меня уволить, и сразу же после этого требуют секса в обмен на восстановление в должности.

— Ой, ну перестань повторять это. Я сглупил, я это признаю, но мы должны двигаться дальше. Да, я хочу переспать с тобой, да и кто бы этого не захотел, но ты мне к тому же нравишься, и в этом вся проблема. Это настолько не в моем стиле — так о ком-то беспокоиться, но… Я думаю, ты замечательная.

— Ты меня не знаешь.

— Знаю, но совсем немного, и я бы хотел получить возможность узнать тебя получше…

Эмма допила кофе и начала собирать вещи. Она ужасно хотела дать ему второй шанс, но, с другой стороны, ей было слишком много известно о мужчинах и вторых шансах. После разрыва родителей она наблюдала за тем, как ее мать давала отцу второй шанс почти каждую неделю. Мужчины не меняются, это она усвоила. Если принимаешь их обратно, то за то, какие они есть, а не за то, какими их хочешь видеть. А ей не нравилось то, каким был Кельвин.

— Извини, Кельвин, но ты все испортил. Правда, и мне очень жаль, потому что ты мне действительно нравился. Но дело в том, что я

знаю тебя намного лучше, чем ты смог бы узнать меня когда-либо. Я на тебя работала. Я знаю, что ты делаешь. Ты манипулятор; ты думаешь, что пишешь истории, и теперь хочешь написать мою. Ты используешь людей. Это не твоя вина; ты таким родился. Ты заработал на этом кучу денег, и я признаю, что это все очень привлекательно. Но ни одной девушке даже близко нельзя к тебе подходить.

— Это только одна моя сторона. Ты должна доверять мне.

— Кельвин, после того что случилось, я боюсь, это совершенно невозможно.

— Слушай, у меня был плохой день, я совершил глупость…

— Ой, Кельвин, прекрати, пожалуйста.

— Ладно, как тебе такая мысль?

Последовала долгая пауза. Эмма ждала.

— Ты возвращаешься на работу, — наконец сказал Кельвин. — Никаких условий. А потом, может быть позднее, если захочешь, может быть…

— Я с тобой пересплю.

— Да.

— Это вроде как небольшая отсрочка, да?

— Ну да.

Казалось, Эмма снова собралась подняться.

Кельвин быстро добавил:

— Но твое пребывание в должности не будет от этого зависеть.

Эмма начала крутить в руке кофейную ложечку.

Кельвин надавил сильнее:

— Я попытаюсь… я попытаюсь завоевать тебя. В перерывах. А решение ты примешь сама. Мы начнем сначала. Ну же, это справедливо.

Эмма покрутила ложечку некоторое время, прежде чем посмотреть Кельвину прямо в глаза.

— Я не хочу возвращаться на старую должность.

— Я же сказал. Никаких условий. Я обещаю оставить тебя в покое.

— Нет, я серьезно. Дело не в тебе. Я просто не хочу возвращаться. Независимо от тебя и твоих хищнических наклонностей.

— Но почему?

— Когда ты меня уволил, у меня появилась возможность посмотреть на все по-другому. И теперь, после того как у меня была неделя, чтобы все обдумать, я поняла, что работа на шоу «Номер один» превращала меня в человека, которым я не хотела быть.

— Ты чертовски хорошо справлялась, ты была

нашим самым молодым старшим отборщиком.

— Вот именно. И с каждым днем у меня получалось все лучше. Я привыкла смотреть на людей как хищник, думая, как их можно использовать, что с ними можно сделать. А самое смешное, чем больше я это делала, тем сильнее верила, что это нормально. Кельвин, я знаю, что ты не злой, я просто думаю, что тебе удалось убедить себя, что принципы не имеют значения. Что цель оправдывает средства. У тебя есть власть, влияние, талант, и что ты с ними делаешь? Ты создаешь самое безвкусное и незапоминающееся развлекательное шоу в истории.

— Что плохого в безвкусном и незапоминающемся развлечении?

— Не знаю. Нет, конечно, ничего. В смысле, сюжет отличный, не спорю. Но с другой стороны… Твое шоу такое жестокое, верно? Оно подрывает стандарты. Я хочу сказать, раньше было можно создавать отличное развлечение и не быть при этом дерьмом, вспомни «Beatles».

— Эмма, они были гении. Я никогда не утверждал, что я гений, и не искал гениев. Если подходить ко всем с этой меркой, то ничего не добьешься.

— Да, но в шестидесятых было множество

отличных групп, всех не сосчитаешь. Такое ощущение, словно «Beatles» подали пример и их пример всех оживил. А теперь самый популярный ты. Теперь ты — пример. Люди следует за тобой. Твой талант наделил тебя властью. Я думаю, это налагает ответственность.

— Ну и что, по-твоему, мне нужно делать?

— Не знаю. Это ты у нас умный. Мне просто кажется… тебе знаком термин «упрощенный до абсурда»?

— Конечно. Постоянно его слышу. Снобизм чертов.

— Ну да, наверное, зачастую это снобизм, но каждый раз, когда начинаются разговоры о том, насколько больше молодежи голосует в твоих шоу, чем на выборах, нельзя не задуматься, нет ли тут правды. В смысле, ничто больше не имеет значения, ничто больше не важно. Все для смеха, все одноразовое. Ты — самый богатый, самый умный человек на телевидении, но все, что ты создаешь, исчезает словно дым.

— Хорошее суфле исчезает сразу после того, как его съешь, но разве это делает его менее ценным?

— Кельвин, не все в жизни должно напоминать суфле. Например, как насчет королевской семьи?

Как насчет принца Уэльского?

— Эмма, не говори так громко, — тихо сказал Кельвин. — Общественное место и все такое.

— Ты выставишь его дураком.

— Мы можем позволить ему выставить себя дураком.

— Ой, Кельвин, да ладно тебе, я на это не попадусь. Не забывай, я была в команде. Я профессионал. Ты выставишь его дураком. Он думает, что сможет найти с твоей помощью свою аудиторию. Бедолага, я поверить не могу, что он настолько наивен, что надеется использовать тебя. Мы-то знаем, что случится. Ты заманишь его в ловушку, выберешь кадры, в которых он будет выглядеть полным идиотом, разжуешь его и выплюнешь. Вот что ты сделаешь.

— Слушай, я пришел сюда не затем, чтобы разговаривать о принце Уэльском или о шоу. Я пришел поговорить о тебе. О нас с тобой. Мой психоаналитик говорит, что я влюбился в тебя…

— Твой психоаналитик?

— Да. У меня его никогда не было. Видишь, до чего ты меня довела? Вот насколько сильны мои чувства.

— Как романтично.

— Да, и позволь уверить тебя, что лично я чув-

ствую себя дураком, даже просто произнося слово «психоаналитик», но куда деваться. Так обстоят дела, и, так или иначе, я должен пережить это. Я не знаю, куда меня это заведет, но мне нужно избавиться от тяжести в животе и сумбура в голове… И если ты не переспишь со мной…

— Нет.

— И не вернешься ко мне работать?

— Нет.

— Тогда скажи, что я могу сделать, чтобы, по крайней мере, видеть тебя. Не спать с тобой, забудь об этом, а просто… видеть.

— Ты имеешь в виду, что готов «встречаться» со мной, хочешь, чтобы я была твоей подружкой?

— Да. Думаю, именно это я и хотел сказать. Я хочу начать все сначала. Забыть все, что случилось, и просто… видеться с тобой. Ну, не знаю. Посмотреть, к чему это приведет. Кажется, именно так люди и поступают, верно?

— Да, Кельвин, ты прав. Но мы не можем забыть того, что случилось. По крайней мере, я не могу. Я просто не доверяю тебе.

— Ну, так или иначе, тебе придется найти способ поверить мне. Подумай. Сосредоточься. Скажи мне, что нужно. Скажи, что я могу сделать, чтобы ты мне поверила.

Эмма посидела немного в молчании. Затем ей в голову пришла мысль. Раньше она не думала об этом, но внезапно ответ стал очевиден.

— Я скажу, что ты можешь сделать, — сказала она, — если действительно хочешь что-то мне доказать.

— Да?

— Не бери в шоу ЕКВ.

— Не брать его в шоу?

— Да, не приглашай его на следующее прослушивание. Отсей его, откажи. Ты избавился от множества других во время последнего отбора. Выкинь и его тоже. Сделай доброе дело. Ты знаешь, что он совершенно ничего не понимает. Не дай ему выставить себя дураком.

— Но… но его уже известили, — пробормотал Кельвин. — Его пригласили на прослушивание.

— Отмени приглашение. Ты читал правила, ты писал их, и главное из них гласит, что они могут измениться в любое время. Скажи ему, что ты передумал.

— Но с ним получится отличный сюжет.

— Вот именно. В этом все и дело. Покажи мне, что можешь отказаться от чего-то. Покажи мне, что ты можешь сделать что-то не только ради наживы, а просто потому, что так делать пра-

вильно, например не дать пожилому человеку превратить дело своей жизни в посмешище, подорвать свой авторитет и все принципы, на которых он стоял и которые, возможно, даже вдохновляли других людей. Если ты так поступишь, может быть, я стану твоей девушкой… и… ну, посмотрим, к чему это приведет.

Кельвин ответил не сразу. Вместо этого он налил себе еще одну чашку кофе. Было очевидно, что в нем происходит внутренняя борьба. Его привычная легкая улыбка исчезла, и носик кофейника стучал о край чашки, пока он наливал кофе.

Эмма увидела, что он сомневается, и ей стало грустно.

— Вот видишь, — сказала она, — ты не можешь сделать этого, верно? Ты не можешь отказаться даже от одной марионетки в своем шоу. Ни ради меня, ни, я думаю, ради любой девушки. Кельвин, ты помнишь, что я сказала тебе во время нашего последнего разговора? Когда-нибудь ты станешь очень одиноким стариком. Прощай.

— Только не ЕКВ! — взмолился Кельвин. — Попроси убрать любого другого…

— Зачем, какая разница?

— У меня есть причины… Не связанные с шоу.

Пожалуйста.

— Нет, Кельвин. Ты сказал, что любишь меня, и я попросила сделать ради меня одну вещь, а ты не захотел. Тебе не нужен принц. Да, заполучить его — это потрясающе, но он тебе не нужен. Ты не можешь стать более успешным, чем ты есть, и к тому же люди настолько обалдели от королевских и политических компромиссов, что их уже ничто не удивляет. Разве могут акции этого бедолаги упасть еще ниже? Ты выжмешь из него несколько отличных заголовков, а потом отсеешь. Но ты ни за что не откажешься от этого, верно? Даже ради женщины, о которой, по твоим словам, ты не можешь перестать думать. Вот теперь точно прощай, Кельвин. Пожалуйста, не звони мне больше.

— Подожди! Нет! Постой, ты не права, — сказал Кельвин. — Конечно, я откажусь от него, если ты хочешь, я откажусь от любого, но я могу сделать кое-что получше. Я могу сделать ради тебя нечто большее.

Эмма уже приподнялась со стула. На секунду она зависла, а затем в третий раз села на место. Она подняла брови, как бы говоря: продолжай.

— Ты говоришь, что я использую его. Прожую и выплюну.

— Ну а ты разве не собирался?

— Да, конечно, собирался. Потому что мы не занимаемся идеями или содержанием. Мы имеем дело с личностями и одноразовыми эмоциями. И в процессе нашей работы мы сделали сами идеи и содержание скучными и глупыми. Отсеять наследника престола будет высшим тому доказательством.

— Вот именно, и поэтому я не хочу, чтобы ты его вообще брал в шоу. Должно же остаться что-то, достойное уважения? Если не человек, то хотя бы его положение.

— А как тебе такая мысль? Мы не станем его использовать. Мы позволим ему использовать нас.

— Что ты имеешь в виду?

— Я объясню тебе, что я имею в виду, — сказал Кельвин, вдруг воодушевившись. Казалось, его посетила новая идея. — Я не только позволю ему участвовать в шоу, но и… сделаю его победителем?

Кельвин помолчал, чтобы высказывание произвело необходимый эффект, и затем продолжил:

— Как тебе такая идея: я не стану жевать и выплевывать его. Что, если вместо этого мы будем выбирать его неделю за неделей? Дадим ему

время высказаться. Будем монтировать его в щадящем режиме; склоним зрителя на его сторону. Покажем, что он был прав, поставив себя, свои идеи и принципы на новую и демократическую основу, обратившись к людям по-современному. И потом я найду способ сделать так, чтобы он победил.

— Принц Уэльский? Охотник на лис, пожирающий налоги, говорящий с растениями, жующий семена, «не знающий, когда нужно заткнуться» принц Уэльский победит в шоу «Номер один»?

— Да. Разве это не будет доказательством того, что я использую свои навыки для чего-то важного? Сохраняю что-то, а не разрушаю? Ты ведь аристократка, ты ходила в частную школу, ты уважаешь монархию. Тебе ведь придется согласиться с тем, что это хорошо?

Эмма вдруг тоже очень разволновалась.

— Думаю, это было бы поразительно. Культурный водораздел… Ты правда думаешь, что сможешь это сделать? В смысле, если его королевское высочество дойдет до финала популярного конкурса, это уже едва ли будет убедительно, ну а когда зрители начнут голосовать? Как ты сможешь управлять ими?

Кельвин смотрел прямо в ее большие голубые

глаза. Он заговорил спокойно, искренне. Как отец.

— Не знаю. Для меня это совершенно новая идея. Я действую импульсивно, но какого черта, именно так мне и нравится действовать… я ищу, импровизирую, танцую на вулкане. Когда мне бросает вызов кто-то, кем я восхищаюсь, я люблю играть по-крупному, и тогда кто знает… Конечно, это будет невероятно трудно, я даже не знаю, с какой стороны к этому подойти, и, разумеется, я буду рисковать репутацией своего шоу… рисковать всей своей карьерой. Но я сделаю это ради…

— Ради меня? — прошептала Эмма.

— Да, Эмма. Ради тебя. Если я докажу тебе, что я делаю это не только для себя, если я покажу миру, что наша программа важна, что она не просто тупая машина шоу-бизнеса для зарабатывания денег от телефонных звонков, если я превращу принца Уэльского в победителя шоу «Номер один»…

— Да?

— Если я сделаю это, ты переспишь со мной?

— Да.

«Шетландский туман» готовится зажечь в Данди

В пабе на целых двести пятьдесят мест и с лицензией на проведение шоу-программ следовало бы все же сделать гримерные.

— Туалеты! — с отвращением воскликнула Иона, глядя на огромного рыжеволосого мужчину, который встретил их на парковке. — Вы хотите, чтобы мы переодевались в туалетах?

— Детка, мне плевать, где вы будете переодеваться, варианта два: или туалет, или сцена. Последнее, я уверен, осчастливит множество парней, но у нас нет лицензии на стриптиз-шоу.

— Но это общественные туалеты, — запротестовала бас-гитаристка Мэри. — Мы не можем переодеваться перед фанатами!

Здоровяк только улыбнулся в ответ. Разумеется, девушкам множество раз за свою карьеру приходилось надевать сценические костюмы в туалетах, но обычно это были хотя бы туалеты для персонала. А в том, чтобы надевать короткие блестящие шортики и топики на глазах у толпы, перед которой им вскоре предстоит появиться на

сцене, было что-то гораздо более унизительное.

— Так ведь никакой загадки не останется, — пожаловалась Мэри.

— Ладно, — сказала Иона. — Давай переоденемся сейчас, пока паб не набит битком. И мы не будем переодеваться перед второй частью выступления, так что оставь остальные костюмы в фургоне, Билли.

Билли, технический сотрудник и звукорежиссер группы «Шетландский туман», уже вытаскивал чемодан с остальными костюмами из фургона. Услышав слова Ионы, он кивнул и поставил его обратно.

— Но если здесь нет комнаты за сценой, где же нам ждать своего выхода после того, как переоденемся? — спросила Флер, игравшая на клавишных. — Я не могу сидеть в баре с голым животом, мне даже на сцене так появляться не нравится.

— У тебя ведь есть пальто, — ответил Дуглас, скрипач.

— Нет. Я думала, у нас будут гримерные. Вам с Джеми хорошо. Вам, мальчишкам, не нужно заботиться о костюмах.

Девушки зашли в паб и направились к женскому туалету, оставив Билли и мальчишек

устанавливать оборудование на выстроенной площадке, заменявшей сцену.

В туалете, по крайней мере, висело зеркало и пол был умеренно чистый, но все равно это было жалкое начало трудового вечера.

— Давай позвоним нашему менеджеру, — сказала Мэри. Это замечание было встречено глухим смехом, потому что их менеджером был не кто иной, как неуловимый Родни Рут.

— Он мне даже больше не перезванивает, ублюдок, — с горечью заметила Иона. — Я пошла за стулом, сниму на нем джинсы, не хочу, чтобы они касались пола.

Иона вернулась в зал, где ее позвал со сцены Билли.

— Девчонки, оставайтесь в кроссовках! — сказал он. — Сцена сделана из коробок, гул как от барабанов. На каблуках вы будете топать, будто стадо слонов.

Иона кивнула. К этому они привыкли. Нормальные сцены были роскошью, и зачастую девушкам приходилось выступать в кроссовках, которые смотрелись довольно хорошо с шортиками, но просто ужасно с платьями. Иона была рада, что в этот вечер они решили не утруждать себя переменой костюмов.

Она забрала деревянный табурет от одного из столиков и вернулась в туалет. Флер заняла зеркало. Она всегда в первую очередь требовала зеркало, потому что ей шло к сорока и, по ее словам, ей было необходимо наносить больше косметики.

— Знаешь, Иона, — сказала Флер, подышав на тушь для ресниц и покатав ее в ладонях, чтобы согреть. — Я начинаю думать, что тебе пора заявить об этом ублюдке на «News of the World». Как только шоу снова запустят, спорю, ты хорошо заработаешь на истории о том, как он тебя окрутил, чуть не окольцевал, а потом отправил на фиг.

— Флер, я последний раз говорю: одно дело — выставить себя дурой, а другое — рассказать об этом всем вокруг.

Флер только вздохнула. Девушки много раз обсуждали план мести Родни Руту за то, что он пообещал так много и сделал так мало. Но Иона отказывалась участвовать в этом.

— Я не собираюсь строить из себя жертву трагедии. Я была взрослой девушкой и думала, что люблю его, ну и что он меня любит. Вот и все. Во что меня превратит газетное интервью? Все фанаты шоу «Номер один» и так ненавидят нас после последнего сезона, когда нас все освистали.

Я буду выглядеть обыкновенной неудачницей и шлюхой.

— Ну и ладно. Не о чем тут плакать, верно? — сказала Флер, сумев наконец растопить застывшую тушь. — Сегодня заработаем триста фунтов, в выходные у нас два концерта, все могло бы быть и хуже.

Конечно, три сотни, поделенные между пятью музыкантами и одним техническим работником, особенно после вычета затрат на дорогу, химчистку и другие расходы, были не бог весть что. Им было еще далеко до богатства и звездной жизни, о которых они мечтали в прошлом году, начав путешествие в шоу «Номер один». У всех в группе теперь была настоящая работа, но музыку они любили по-прежнему.

— Дела ведь не так уж и плохи, правда, девчонки? — радостно сказала Мэри. — И в пабе дадут поужинать, поэтому надевай шортики, Иона, и сходи за меню. Не забудь состроить глазки бармену и наклониться пониже к стойке. Если вернешься без бесплатного рома с колой для всех нас, опозоришь всех шотландских рок-девчонок!

В эту самую минуту у Ионы зазвонил телефон. Как раз когда она стояла на барном стуле, натягивая на ногу штанину джинсов.

— Черт. Кто это? — сказала она, согнувшись и пытаясь вытащить телефон из кармана.

К тому времени, как она достала телефон, он перестал звонить. Номер был незнакомый.

Через несколько секунд раздался сигнал сообщения.

— Привет, Иона. Ты меня не знаешь, меня зовут Челси. Я работаю в шоу «Номер один». Кельвин попросил меня позвонить…

Встреча не начинается

До начала полномасштабной записи нового сезона шоу «Номер один» оставался один день. Перед тем, как трое знаменитых судей «начнут» длительный процесс прочесывания страны, не жалея сил в попытке найти новые таланты. Дни предстояли долгие и изматывающие, а потому необходимо было заранее все тщательно спланировать. Поэтому вся команда собралась в просторной комнате для завтраков летнего дома в «Коптон Троф Мэнор», загородном отеле, уютно разместившемся в длинной петле магистрали M4 в нескольких милях от Ньюбери. Кельвин собирался изложить команде во всех подробностях свое видение развития различных историй на ранних стадиях процесса «прослушивания». Нужно было решить огромное количество вопросов, и всем не терпелось начать. К сожалению, совещание затормозилось, не успев начаться, из-за отсутствия одного из знаменитых судей.

И больше всего раздражало то, что это был не кто-то из важных судей. Это был тот, на кого всем было насрать.

— Блядь, ну где этот Родни? — сердито пропыхтела Берилл из угла комнаты. Она по-прежнему страдала от очередной процедуры липосакции, которую перенесла в ходе последней подготовки к предстоящему появлению на телевидении, и поэтому, несмотря на мягкость старомодных диванов, которыми так гордился «Коптон Троф Мэнор», присесть отказалась.

— Я спросила, БЛЯДЬ, где этот Родни? — повторила она, серьезно подрывая свой авторитет звезды тем, что громко ругалась в таком благопристойном окружении. Строгая управляющая и ее нарядный персонал покраснели бы и поджали губы, стань они свидетелями такой грубости, но Берилл оказалась там, где она была сегодня, не благодаря тому, что играла по чужим правилам. Наоборот, как она часто повторяла людям, она сильная женщина (которая раньше была мужчиной) и она создает свои херовы правила, и, если кому-то это не нравится, тот может идти на хер.

— Я недавно с ним говорил, — примирительно ответил Кельвин. — Он сказал, что вот-вот будет. — Он повернулся к хорошенькой ассистентке видеорежиссера. — Ты ведь сказала ему, что мы в комнате для завтраков, верно, детка?

Девушку звали Гретель, но для Кельвина она

была «деткой». Для него все были «детками», «приятелями» и «милочками». У него в подчинении было столько людей в стольких странах мира, что он просто не мог запомнить, как их всех зовут, и уже давно отказался от подобных попыток. На самом деле он сначала по уши влюбился в Эмму, а только потом узнал, как ее зовут.

— Я отправила сообщение, электронное письмо и просунула конверт ему под дверь, — отрапортовала Гретель, разве только не отдав честь и не щелкнув каблуками. Она знала, что Кельвин ничего не ценит так высоко, как продуктивность. Он любил, чтобы его девушки выглядели и говорили как стильные, напористые, независимые молодые специалисты по улаживанию неприятностей, но чтобы они при этом делали то, что им велят.

— Да и вообще, что это за хрень такая, комната для завтраков? — спросила Берилл, массируя свой зад. — Что с ней происходит после обеда? Она переносится в другое гребаное измерение?

— Дорогая, эта комната построена особым образом и в ней много окон, чтобы было много утреннего солнца, — сообщил ей Кельвин.

— Ага! Теперь понимаете, почему я ненавижу Англию! — зашипела Берилл. — Им приходится

строить специальные комнаты, чтобы использовать целиком пять минут едва заметного солнечного света, который попадает в эту крысиную нору. В Лос-Анджелесе мы не знаем, куда от него деваться. Мы строим комнаты, чтобы укрыться от блядского солнца.

Поскольку ответить на это было нечего, никто даже и не попытался, и в комнате повисла тишина. Неуютная тишина, если учесть, что там было полно народа.

— Ну и где, блядь, этот Родни? — снова спросила Берилл. — Кельвин, мы прилетели из Лос-Анджелеса. А ему нужно просто доехать из Лондона. Вот баран.

Родни недоволен

Родни в этот момент находился возле стойки администратора в гостинице и был недоволен.

— Значит, вы говорите, у вас двое апартаментов?

— Да, сэр. «Брунел» и «Гленфиддич».

— Двое апартаментов?

— Да, сэр.

— И я в них не живу?

— Нет, сэр. У вас администраторский номер.

— Администраторский номер?

— Да, сэр, с видом на искусственное озеро.

— А, ну да, тогда все в порядке, — зашипел Родни, растеряв свое ледяное спокойствие перед лицом такого вопиющего унижения. — Раз у меня есть вид на искусственное озеро.

Родни не нужно было спрашивать, кто остановился в «Брунеле» и «Гленфиддиче», он знал ответ так же точно, как если бы сам их бронировал. Берилл Бленхейм и Кельвин Симмс. Разумеется, они будут проживать в двух имеющихся здесь апартаментах, а он — в администраторском номере с видом на озеро.

Вдруг ему в голову пришла мысль.

— А из «Брунела» и «Гленфиддича» видно искусственное озеро? — спросил он, прекрасно осознавая, что хватается за эту тончайшую из самых тонких соломок.

— Да, сэр, разумеется.

— В таком случае мой вид едва ли можно воспринимать как бонус, так?

— Я вас не понимаю, сэр.

— Конечно, я на это и не рассчитывал. Ладно, это не важно, — сказал он с той же усталой грустью, с какой Гамлет, вероятно, думал о том, что его дядя убил его отца и трахает его мать. — Где находится комната для завтраков?

Девушка объяснила, что комната находится в летнем доме, расположенном в центре поля для игры в гольф.

— Туда ездят машинки, — продолжила она. — Можете поехать сами, это ужасно забавно, но некоторые наши гости предпочитают ездить с обученным членом нашего персонала.

— Машинки?

— Да, машинки для игроков в гольф. Очень забавно. Хотя нужно надеть шлем.

— Вы знаете, кто я такой?

— Да, сэр. Вы Родни Рут.

— Вы считаете, что Родни Рут приезжает на встречи в машинках для игроков в гольф?

— Ну, хм… можете пойти пешком, сэр. На это уйдет минут пятнадцать. Некоторые наши гости предпочитают этот…

— Вы думаете, что я прихожу пешком на встречи, так, что ли?

— Ну, я…

Родни стукнул рукой по стойке, как ему показалось, с решительным и властным видом. Здесь определенно произошло ужасное недоразумение, и настало время разобраться.

— Туда можно добраться по дороге?

— По дороге, сэр?

— Да, мисс, по дороге. Мы оба говорим по-английски, верно? Полагаю, в этот летний дом регулярно приходит персонал и приносит все необходимое. Не представляю, как все это можно сделать при помощи машинок для игроков в гольф.

— Конечно, сэр. Туда можно добраться по дороге, но для этого нужно выехать на магистраль A34 в северном направлении, потом съехать с нее на первом повороте и вернуться назад. Это займет намного больше времени, чем…

Но Родни уже шел к парадной двери, за которой

его ждал комфорт кожаных сидений соответствующего его статусу «мерседеса» с шофером.

Приступаем к работе

В комнате для завтраков Кельвин решил, что пора начинать.

От Берилл его уже тошнило, а ведь был всего лишь первый день. Эта женщина и в лучшие времена была поразительным тираном, а ее невероятный успех в прошлом сезоне (который Кельвин сам так тщательно спланировал) ужасно сказался на ее мозгах. Он создал монстра, чудовищное эго, а измученная задница и недоделанный клитор не способствовали улучшению ее человеческих качеств.

К тому же атмосфера стала угнетающей. Производственная команда, которую доставили сюда на автобусе из гостиницы «Ньюбери Рамада», уже три четверти часа сидела без работы. Кофе был выпит, булочки съедены, и радостные приветствия, от которых недавно гудела вся комната, уже давно стихли. Кельвин был капитаном судна, попавшего в штиль, и, хотя команда у него была очень послушная, каждая упущенная минута пробивала очередную крошечную брешь в его авторитете. Если Кельвин что и любил, так это

выглядеть решительным, а как можно выглядеть решительным, болтаясь без дела. Все ждали его, а он ждал Родни. Это было просто возмутительно.

А ведь за завтраком он находился в таком радужном расположении духа. Он почти двадцать минут проговорил по телефону с Эммой и наслаждался каждой минутой общения.

Не было ни малейших сомнений в том, что Эмма стала его девушкой.

Разумеется, она продолжала отклонять его приглашения вернуться на работу, но они виделись или, по крайней мере, говорили по телефону каждый день, начиная с той самой утренней встречи за чашечкой кофе. Кельвину все еще предстояло завоевать ее доверие, чтобы она с ним переспала, но если раньше она затуманивала его зрение, то теперь ее воздействие производило противоположный эффект. Он был сосредоточен на своей цели. Кельвин переживал почти совершенно новый для него опыт «ранней стадии отношений». Ни разу со времен своей далекой и сумбурной юности он не участвовал в процессе узнавания и ожидания награды. Ему всегда нравились как секс, так и общество женщин, но за всю свою взрослую жизнь он имел с ними дело только на своих условиях. Он общался с женщинами,

которые были сильно заинтересованы в том, что он может им предложить, и которые были счастливы играть исключительно по его правилам. Отказ Эммы подчиниться ему стал для него новым и восхитительным ощущением, которое напомнило ему дни невинной юности.

Он даже почувствовал себя моложе.

Пока что он только поцеловал ее. Как странно! Обычно он не целовал их до того, как они ложились в постель, а ее он только целовал. Он еще даже не облапал ее, он почти не видел ее тела. Кельвин планировал поездку к морю только для того, чтобы увидеть ее в купальнике. Невероятно. Особенно для самого могущественного человека на телевидении, который привык получать все, что угодно и когда угодно. Совершенно невероятно. Но одновременно так забавно, странно, восхитительно, ужасно по-новому.

Оглядывая битком набитую комнату, он хотел еще поговорить с ней. Ему хотелось позвонить ей сию же минуту. Но он знал, что она занята работой над статьей о едва оперившемся клубном обществе в Ист-Финчли. И у него впереди был невероятно трудный день, который он не мог даже начать, потому что он ждал Родни.

— Ладно, давайте начинать, — решительно

сказал он. — Родни потом врубится.

— Сомневаюсь, что он врубился даже в прошлый сезон, — сказала Берилл.

Кельвин повернулся к Тренту:

— Приступаем к работе.

Трент снова занял свое любимое место перед аудиовизуальными дисплеями.

— Отлично. Итак, ребята, как вам всем известно, завтра мы начинаем съемки в Бирмингеме. Мы увидим шестерых предложенных финалистов, хотя двое из них, Латиффа, наша заносчивая негритянка, и группа «Парень», скучная старая группа, играющая на вечеринках, будут врезаны в шоу в Манчестере, поэтому обращаюсь к монтажникам: ради бога, пожалуйста, будьте аккуратны с пиджаками Берилл.

— В Манчестере в первый день на Берилл будет бежевый пиджак от Версаче, — сказала главная костюмерша, заглядывая в одну из лежащих перед ней огромных папок. — И серебристый блестящий от Лакруа в Бирмингеме. Все верно, Пенни?

Рядом с ней сидела Пенни, монтажер и второй самый занятой человек в группе после Кельвина. Она тоже была обложена огромными папками.

— Да, Версаче в Манчестере и Лакруа и Бирмин-

геме, — подтвердила Пенни.

— Надеюсь, в этот раз вы обо всем договорились, и наряды я оставлю себе, — проворчала Берилл от двери, потянувшись за сигаретами и телефоном. — Хрена с два я буду рекламировать их тряпки задаром.

— Итак, — сказал Трент с наигранной бодростью, — едем дальше. Завтра мы также записываем тридцать семь комических эпизодов.

— Тридцать семь!! В одном городе? — простонала Берилл. — Мы ни за что не используем тридцать семь!

— Ты права, дорогая, — вмешался Кельвин, едва скрывая нетерпение. — Но как я часто объяснял тебе раньше, нельзя накопить, не потратившись. Для того чтобы получилась дюжина приличных комических сюжетов, нужно наснимать кучу материала и посмотреть, что сработает. Люди молчат, они не принимают подачу и зачастую оказываются совершенно скучными, несмешными и несюжетными. Именно поэтому нам нужно раскинуть сети пошире, или останемся после монтажа с голой жопой. При желании мы могли бы потратить на это два дня, но тогда, дорогая, ты была бы вынуждена провести здесь лишних двадцать четыре часа, а я знаю, что тебе бы очень

этого не хотелось.

— Да уж, это мне на хер не надо.

— В таком случае, думаю, можно продолжить. Трент?

— Да. Мы начинаем с Хуаниты. Она испанка, и у нее очень смешной акцент.

— Срань господня! — рявкнула Берилл. — Смешной акцент, вот до чего мы докатились!

— Сюжет отлично сработал в прошлом году с забавной шведкой, — примирительно сказал Трент. — И я думаю, что эта будет еще лучше. Она довольно симпатичная, с милым невинным личиком и пустым взглядом. Поэтому план такой: заставить ее спеть что-нибудь очень милое и простенькое вроде «Feelings» или «Yesterday», а вы двое будете хихикать, потому что на фоне глубоких, эмоциональных слов ее акцент кажется исключительно забавным, но бедная Хуанита смотрит на вас бессмысленным взглядом, потому что понятия не имеет, над чем вы смеетесь.

— О боже, — сказала Берилл.

— С каждой секундой ситуация становится все глупее и глупее, потому что, когда одному из вас удается перестать смеяться, другой снова закатывается, и первый тоже присоединяется, и в конце концов вы решаете очень, очень, очень

постараться и дать бедняжке возможность спеть, но она успевает пропеть одно слово — и нате вам! Вы снова держитесь за бока. Это будет очень, очень смешно. Вы, ребята, просто отлично делаете такие вещи.

— Кажется, я только что потеряла желание жить, — сказала Берилл.

— Отлично. Хуанита — просто класс, — сказал Кельвин, игнорируя негативную реакцию Берилл. — Следующий.

— Катарина, — ответил Трент. — Милая, симпатичная. С очень смешным украинским акцентом.

— Да вы что! — крикнула Берилл. — Еще одна девушка со смешным акцентом!

Кельвин начал терять терпение.

— Да. У нас их три, и мы делаем их одну за другой.

— Три девушки со смешным акцентом!

— Берилл! Сколько ты работаешь на этом шоу? Мы не будем использовать всех трех, твою мать.

— Если только это не коллаж со смешными акцентами, — вставил Трент.

— Да, — согласился Кельвин. — Если только это не коллаж со смешными акцентами. Но мы, возможно, используем только самый смешной…

— Это будет Хуанита, — сказал Трент. — Кажется, она вообще не в состоянии произносить согласные звуки.

— Не важно. Берилл, дело в том, что, работая с тремя девушками, мы имеем три возможности снять ваш с Родни фальшивый, неубедительный истерический смех, и, даже если мы используем всего одну девушку, мы сможем задействовать материал из всех трех сюжетов и смонтировать лучшие моменты.

— Извини, Кельвин, — сказала Пенни, монтажер. — По-моему, мы точно решили, что делаем коллаж со смешными акцентами. Я попросила приготовить для Берилл три разных пиджака, по одному на каждую из трех девушек со смешным голосом.

— Да, все правильно, — подтвердила костюмерша, снова открывая огромные папки, в которых содержались заметки, рисунки, каталоги и образцы материи. — По одному костюму для Берилл на каждую из девушек со смешным акцентом, чтобы можно было их разместить в разных городах. А для тебя и Родни зеленые футболки ирландской команды регби, потому что у нас запланирован «виртуальный» визит в Дублин в День святого Патрика.

— Черт, вы правы, — согласился Кельвин. — Молодцы, девушки.

Ирландский день прослушивания был назван «виртуальным», потому что из-за жесткого расписания трое судей не могли на самом деле посетить Дублин. Поэтому их «прослушивания» в Дублине придется подделать при помощи монтажа кадров, отснятых, когда Трент, Эмма и команда проводили предварительный отбор в городе, а также кадров из Бирмингема, на которых судьи будут одеты в ирландские наряды. Конечно, это был настоящий монтажный кошмар для костюмеров, парикмахеров и гримеров, а в этом случае также для службы реквизита, потому что осложнение в виде Дня святого Патрика означало, что реквизиторам придется поставить на стол игрушечного лепрекона.[5]

— Так или иначе, Берилл, тебе необходимо участвовать, — сказал Кельвин. — А теперь, может быть, продолжим? Трент. Пропускаем третью девушку со смешным акцентом, думаю, процесс всем ясен.

— Понял, шеф. Так, потом прогоняем максимум массовки перед перерывом, а затем…

---

[5] Примечания: 5
Лепрекон — персонаж ирландского фольклора.

— Фу, — сказала Берилл. — Кельвин, ты точно платишь мне слишком мало.

Берилл ненавидела массовку. Она представляла собой около сотни людей, приглашаемых на каждый день прослушивания перед знаменитыми судьями, которые довольно неплохо пели, но были или недостаточно плохи, или недостаточно хороши, чтобы получить собственный сюжет. Их задачей было заполнить холл (чтобы там были не только «сморчки» и финалисты), чтобы получались коллажи участников, которые орут «да!», когда их пропускают во второй и третий туры, после чего становится возможным сосредоточиться исключительно на выбранных персонажах и сюжетах.

— Я тебе действительно нужна для массовки? — умоляюще спросила Берилл.

— Конечно, нужна, ради всего святого! — рявкнул Кельвин. — Мы не можем оставить тебя только защищать «сморчков» и флиртовать с финалистами, верно? Я хочу заметить, что наши зрители и без того поразительно долго готовы пребывать в неведении, но, Берилл, всему есть предел! Мы не можем халтурить. Разумеется, нам нужно видеть, как все трое судей общаются со всеми кандидатами, а не с одними только

избранными персонажами.

Берилл угрюмо пожала плечами. В мире было не много людей, которым она могла позволить наорать на себя, но Кельвин был одним из них. На самом деле их было всего двое: Кельвин и врач, который отсасывал ей жир из зада.

— С этим все, — сказал Кельвин. — Продолжай, Трент.

— Ну, сразу после перерыва мы снимаем сюжет с Берилл и Родни.

— Которого здесь нет, и поэтому ему придется объяснять это еще раз.

— Ему все равно приходится объяснять все по три раза, независимо от того, присутствует он или нет, — сказала Берилл.

— Трент. Дальше.

Трент коснулся клавиатуры, и на экране появилась девушка-подросток с выступающими вперед зубами и женщина за тридцать с выступающими вперед зубами, которая очевидно была ее матерью.

— Вики Картер и ее мама, — сказал Трент. — Давайте сначала послушаем маму, ладно?

Трент нажал на кнопку, и мама Вики заговорила с экрана:

— Она просто с ума сходит. Правда, я не могу

удержать ее. Всегда поет, знает все песни из шоу. Мы всегда знали, что нужно отдать ее в театральную школу. Юная леди пойдет в театральную школу, и все тут. «Мама, — сказала она, — я собираюсь в театральную школу», и все тут! Ее кумиры — Джуди Гарленд и Селин Дион.

Трент нажал на «паузу».

— А теперь дочь.

— Мама никогда не заставляла меня, — сказала ожившая на экране Вики. — Она просто сказала мне идти за мечтой и верить в мечту и что каждый может достичь своей мечты, если у него хватает храбрости мечтать мечту.

Собравшиеся в комнате с благоговением смотрели, как бледная, бесформенная Вики Картер с выступающими вперед зубами начала убивать песню «Over The Rainbow», каким-то образом умудряясь уводить в бемоль каждую ноту, кроме последней ноты в строке, которую она по непонятной причине уводила в мажор.

— Ух ты! — сказала Берилл. — Действительно потрясающе жалкое зрелище.

— А я что говорю! — гордо сказал Трент. — И при этом искренне убеждена в том, что хорошо поет.

— Как им это удается? Такое ощущение, что у них уши на одной планете, а голоса на другой!

— И разумеется, мы ее будем накручивать в процессе, — сказал Трент.

— Да, — вмешалась Челси, которую с самого начала совещания распирало от желания вставить слово. — Я сказала ее маме, что, по-моему, она великолепна и что судьям она очень понравится. Я сказала, что она точно дойдет хотя бы до «поп-школы».

— Да, спасибо, Челси, — нетерпеливо ответил Трент. — Поэтому очевидно, что, когда вы все станете смеяться над ней и вышвырнете ее после первого же прослушивания, она будет в шоке, и, в соответствии с нашими планами, Родни заходит слишком далеко. Ну, говорит какую-то колкость…

— Трент! — рявкнул Кельвин. — Какую колкость? Это последнее совещание. Такие решения нужно принимать сейчас!

— У нас в сценарии все записано, босс, но я подумал, пусть сначала сам попробует. Знаете, он ведь вечно талдычит о своем личном вкладе.

— Да, хорошо. Но что именно он должен сказать?

— Мы подумали: «Это было до того ужасно, что я даже забыл о своем геморрое», — быстро сказала Челси.

— Неплохо. Неплохо. Не говорите ему текст до самых съемок, а то он слишком его задолбит.

— Мне казалось, что это один из моих сюжетов, — пожаловалась Берилл.

— Так оно и есть, — с готовностью ответил Трент. — Потому что когда… — Он заглянул в свои записи.

— Вики, — успела сказать Челси, прежде чем он смог найти имя.

— Да. Вики начинает плакать…

— Она будет не просто плакать, — добавила Челси. — Она будет возмущаться, эта юная леди с характером, мамочка промыла ей мозги. Она действительно верит в себя.

— Да, поэтому, когда Вики начнет плакать и возмущаться, — продолжил Трент, пытаясь не показать, что очень недоволен напористостью своей подчиненной, — ты, Берилл, встанешь на ее защиту. Мы видим, ты понимаешь, что она отстой, но она разбудила в тебе материнские инстинкты…

— Это хорошо, — сказала Берилл довольным тоном. — Знаешь, Кельвин, я хочу побольше таких моментов. Очень, очень много слов о «всеобщей любимой мамочке» от Кили, это одна из моих самых сильных сторон. Половина моих доходов

идет с рекламы на эту тему.

— Мы все помним, Берилл, — сказал Трент. — Что тут будет говорить Кили?

На вопрос ответил один из семи присутствующих сценаристов, молодой человек, сидевший в другом конце комнаты. — «А тем временем Родни, кажется, зашел слишком далеко, — процитировал писатель, — и великодушная супермама Берилл кинулась на защиту Вики».

— Хорошо. Отлично, — сказала сияющая Берилл. — Обожаю «великодушную супермаму», побольше таких слов, пожалуйста. Может, мне выпускать чашки с этим текстом?

— Рад, что тебе понравилось, Берилл, — сказал не менее сияющий Трент. — Поэтому ты говоришь Родни, чтобы он прекратил, но он продолжает, повторяет свой прикол насчет геморроя, а ты идешь, обнимаешь Вики и говоришь ей, что у нее есть полное право следовать за своей мечтой, если она хочет, Родни смеется и…

— Я обливаю его водой!

— Да! — сказал Трент. — Ты обливаешь его водой.

— Отпад! — сказала Берилл. — Пойду покурю.

Спутниковая навигационная система

Родни вернулся на рецепцию.

— Мне нужен почтовый код.

— Простите, сэр?

— Почтовый код летнего дома. Моему водителю нужен ключ к спутниковой навигационной системе.

— Сэр, я могу рассказать вам, как проехать.

— Мне не нужен ваш рассказ, мисс, именно для этого у меня и стоит система, чтобы устранить человеческий фактор.

— Здесь все очень просто.

— Вот именно. В отличие от моей системы в «мерседесе», которая довольно сложная и запутанная и на которой стоит то же программное обеспечение, что и на оборудовании американских вооруженных сил. Вы можете запустить ракету в окно дома в Багдаде?

— Нет, сэр.

— Вот именно, а вооруженные силы США могут, и моя система имеет доступ к той же спутниковой информации, что и у них. Она не простая. Без

человеческого участия. Неспособная на ошибки. Пожалуйста, немедленно дайте мне почтовый код.

— Я принесу конверт с адресом, сэр.

Сотрудница вышла вслед за Родни на парковку и передала водителю Родни карточку с напечатанной на ней информацией.

— Поверить в это не могу, — заметил Родни.

Потом ему пришлось ждать, пока водитель вобьет почтовый код на приборной панели автомобильного компьютера.

— Путь просчитывается, — уверил Родни голос спутниковой навигационной системы, и водитель вырулил из огромных ворот на магистраль A34. — При первой же возможности разверните в противоположном направлении, — вскоре после этого сказал голос.

На этой части шоссе была разделительная полоса, поэтому сразу же развернуться не удалось. Водителю пришлось проехать несколько миль по дороге, прежде чем появилась возможность повернуть обратно через ближайший выезд.

— Следуйте прямо до следующего выезда, — сказал голос.

Родни нетерпеливо щелкнул языком, увидев, что по другую сторону дороги появилось здание

гостиницы.

— На следующей кольцевой, — сказал голос системы, — поверните в третий выезд.

— Дьявол! — ругнулся водитель, снова вернувшись на магистраль с двусторонним движением.

— Выезд слева на подъездную дорогу. Вы прибыли к месту назначения.

Водитель снова въехал в ворота гостиницы.

Вернувшись обратно, Родни распахнул дверь и прошел к стойке администратора.

— Мисс. Почтовый код летнего дома совпадает с почтовым кодом гостиницы? — сердито спросил он.

— Да, сэр, — ответила девушка. — Это часть гостиницы. У него нет своего почтового кода.

Родни знал, когда игра проиграна.

— Где ваши долбаные машинки?

Саммит в вестибюле

Берилл курила в вестибюле летнего дома, когда в него через парадную дверь ворвался раскрасневшийся Родни.

— Доброе утро, Родни, — сказала она. — Рада, что ты к нам присоединился. Ты опоздал на этот сезон или пришел пораньше на следующий?

Родни и Берилл, «настоящие лучшие друзья», как следовало из веб-сайта шоу «Номер один», не видели друг друга девять месяцев и не выказали никаких признаков сожаления хотя бы о минуте расставания.

— Ты приехала на машинке? — спросил Родни.

— Родни, я не хожу пешком.

— Да, но ты приехала на машинке?

— Нет, я заставила капитана Пикара доставить меня сюда на «Энтерпрайзе». Конечно, я приехала на машинке, это место находится посреди поля для игры в гольф.

Родни немного расслабился. Если его коллеги тоже прибыли на очень важную встречу в какой-то электрической коробке из-под обуви, значит, его достоинство не слишком пострадало, и этот

факт отчасти успокоил его оскорбленную душу.

— По-моему, отличный сервис, — продолжила Берилл. — Меня забрали прямо от парадной двери.

— От парадной двери? — Темные подозрения снова разбередили свежую и чувствительную рану, нанесенную эго Родни Рута. — Они подъехали к твоему номеру по гостиничному коридору?

— Ну, разумеется, нет, идиот несчастный. Я живу в шале.

Это был сокрушительный удар.

— Я думал, ты живешь в апартаментах!

— Ну да, а апартаменты — это шале. Апартаменты? Шале? Ну и что? Почему мы вообще говорим об этом, мать твою?

— Отдельно стоящее шале?

— Да, отдельно стоящее шале. Их две штуки, рядом с озером.

— И Кельвин живет во втором?

— Откуда я знаю, твою мать. Наверное, да. Кажется, я слышала, как он говорит по телефону, пока завтракала на балконе второго этажа.

— На балконе второго этажа! В твоем шале два этажа?

— Да.

— С балконом?

— Слушай, Родни, я не собираюсь потратить всю оставшуюся жизнь на то, чтобы обсуждать мое шале с…

— А я живу в номере.

Родни был настолько расстроен, что едва мог продолжать. Последовала пауза, и, несмотря на очевидное отсутствие интереса ко всему, что хотел сказать Родни, Берилл в конце концов почувствовала себя обязанной что-нибудь сказать.

— Ну и? — нетерпеливо спросила она.

— Это администраторский номер, но все равно просто номер.

— Родни, ради всего святого. Ты думаешь, мне не насрать?

Родни мог бы объяснить, что исходное условие судейского совета шоу «Номер один» заключалось в том, что все трое судей равны. Он мог бы указать на то, что у него в контракте прописана гарантия на абсолютный паритет в отношении путешествий, бонусов, питания и размещения. Он мог бы упомянуть, что ему осточертело, что к нему относятся как к судье второго сорта и что когда-нибудь они зайдут слишком далеко. Но он ничего такого не сказал, потому что в этот момент у Берилл зазвонил телефон.

Не удостоив Родни даже короткого кивка с

извинениями, она свернула разговор, открыла украшенный бриллиантами микротелефон и отвернулась, оставив Родни топтаться на месте, прежде чем отправиться в комнату для завтраков на совещание.

— Мам, ты сука чертова! — с такой яростью крикнула Присцилла, что уходящий Родни услышал эти слова. — Ты действительно пригласила Глема на мою вечеринку?

— Привет, дорогая, как дела? Устроилась в Лондоне, перелет не слишком утомил?

— Ты пригласила Глема на мою вечеринку?

— Глем роскошный малый, дорогая. Он просто душка.

— На мое восемнадцатилетие, мама! Для тебя что, все должно быть поводом для фотосъемки?

— Мне нравится Глем.

— Он просто дерьмо, и ты тоже! Ты не смеешь приглашать Глема-Шлема на мой день рождения!

Глем был финалистом предыдущего сезона шоу «Номер один», во время которого у него с Берилл завязался флирт. Глем раньше работал стриптизером, по данным газет нечеловечески оснащенным всем, что необходимо для этого занятия (информация о чем просочилась в прес-

су из пресс-офиса шоу «Номер один»). Ходили слухи, что член у Глема был не просто большой, а огромный, словно кувалда, отсюда и кличка Глем-Шлем. Глем не выиграл конкурса, но, к превосходно сыгранному «удивлению» и «ужасу» Кельвина, подошел к этому очень близко. Потом он пробился благодаря хиту на тему песни «Sledgehammer» Питера Габриэля и сейчас вел игровое шоу на кабельном телевидении под названием «Бикини-пляж». Глем был единственным из двенадцати финалистов предыдущего сезона, получившим хоть какой-то контракт в шоу-бизнесе.

— Мама, ты с ним трахаешься? — спросила Присцилла.

— Не смей так говорить. Ты говоришь со своей мачехой! Конечно, я с ним не трахаюсь. Помимо всего прочего, моя вагина еще не закончена. Он милый, но не более того, и к тому же накачанный. Мне нравятся мужчины с хорошо развитой мускулатурой.

— Ты такая жалкая. Ему ведь двадцать пять лет, а тебе типа за сотню, и я не хочу, чтобы этот немецкий вонючий ходячий член был на нашей вечеринке.

— Но он там будет. Мне нужно держать марку, а

мы с Глемом выглядим очень сексуальной парой на фотографиях.

— Мама, черт возьми! Это моя вечеринка! Моя и Лизы Мари!

— А я, черт возьми, твоя мачеха! И ты будешь делать то, что тебе скажут!

Родни приходит на совещание

Родни собирался войти красиво.

Опоздание — это не обязательно плохо, особенно если ты один из главных членов команды и можешь устанавливать собственные правила. Все уже собрались, Кельвин, разумеется, открыл совещание, и все смотрят на него, но он будет вынужден замолчать, когда войдет Родни. Не для того, чтобы сделать ему замечание, словно какому-то медлительному подчиненному, а чтобы приветствовать его как равного, как приятеля по судейскому совету. Кельвину придется поздравить его с новым сезоном, представить тем членам команды, которые не знают его по предыдущим сезонам (в смысле, не знают лично, ведь, несомненно, все знают Родни Рута как знаменитость). Симпатичные ассистентки предложат ему кофе, миловидные отборщики повскакивают со стульев, чтобы он мог занять свое законное место в центре действа.

Прибытие Родни Рута в первый день нового сезона шоу «Номер один» было, несомненно, событием, и Кельвину придется отнестись к нему

как к таковому.

И действительно, все было бы именно так, будь Кельвин в то утро самим собой. Обычно Кельвин в мелочах с радостью потакал эго Родни. Конечно, не до такой степени, чтобы уступить ему лучшую комнату, когда их было только две, но он старался не быть грубым. Для того чтобы осчастливить Родни, многого не требовалось: попросить, чтобы тому принесли кофе, поинтересоваться, хочет ли он печенья и доволен ли своим гардеробом. Эти маленькие любезности Кельвин оказывал с радостью. То есть обычно, но не сегодня. Сегодня Кельвин рвался вперед, и, поскольку король по-прежнему правил бал, ни один придворный не смел даже на секунду отвести от него взгляд или отвлечься. Определенно не ради Родни. Возможно, Родни и был знаменитым судьей, но ни у кого не было ни малейшей иллюзии по поводу его положения в судейском совете. Никто не пошевелился. Никто не предложил ему кофе, не говоря уже о стуле. Никто не заикнулся о печенье. Да и кто бы осмелился? Кельвин говорил, и ни один сотрудник «КЕЛоник ТВ» не мог позволить себе игнорировать этот факт. Родни пришлось остановиться в дверях и ждать. В комнате было слишком много народу, и он не мог войти с до-

стоинством, раз люди не были готовы заметить его и расступиться, а они этого не делали. Все стулья были заняты, на всех спинках диванов и больших кресел примостилась чья-нибудь бойкая молодая задница. Краешки журнальных столиков тоже были заняты, а несколько самых молодых и симпатичных девушек даже сидели на полу. Родни застрял в дверях, и Кельвин даже не поздоровался с ним. Он кивнул — и все, просто кивнул и продолжал говорить, и Родни пришлось с этим смириться.

Кельвин хотел как можно скорее покончить с делами, запланированными до перерыва, чтобы позвонить Эмме. Он хотел спросить, как у нее дела, о чем она думает. В конце концов, после их утреннего разговора прошло уже почти два часа. У них будет так много тем для разговора, так много всего, что он сможет спросить и узнать о ней. Поэтому Кельвин рвался в бой. Ему не хотелось отменять утренний перерыв или сокращать перерыв на обед, — как правило, если не хватало времени, он так и поступал. Обычно он ненавидел перерывы, и в особенности перерыв на обед. Кому нужен час, чтобы пообедать? Лично он съедал сэндвич на бегу и вообще обходился без перерыва, но у чертовых профсоюзов были

свои правила. Однако сегодня все было по-другому. Сегодня Кельвин не собирался жертвовать ни одной драгоценной секундой доступного ему свободного времени. Потому что он хотел позвонить Эмме.

— Отлично! — продолжил Кельвин, заставив себя сосредоточиться. — Трент, мне нужно расписание.

— Расписание, босс?

— Да, порядок эпизодов. Мы начинаем прослушивания с трех девушек со смешным акцентом, верно?

— Так точно, шеф, хотя до этого мы снимем несколько кадров о прибытии и несколько мрачных кадров. Помните, вы хотели снять, как вы все трое входите во всем черном, готовые к отстрелу, как в спагетти-вестерне?

— Да, да, да. Но сейчас мы говорим о прослушиваниях. Мы начинаем с трех иностраночек, потом снимаем массовку до первого перерыва.

— Да, мы надеемся отснять человек двадцать пять или около того, чтобы можно было доснять остальных для рекламных вставок в другой комнате.

— Потом после перерыва ты хотел начать с этой ужасной девчонки, которую Родни оскорбляет, а

Берилл нянчит? Так?

Стоявший у двери Родни ухватился за возможность привлечь к себе внимание.

— Кельвин, мне это нравится. Это хорошо. Родни оскорбляет ребенка, это отлично. Значит, ты и правда поработал над моим предложением о более гадком Родни?

Кельвин бросил на него взгляд.

— Привет, Родни. Ага. Мы любим, когда ты гадкий. Итак… — Он снова повернулся к Тренту: — Очевидно, нам захочется подключить к этому сюжету ссору в гостевой комнате. Обычная фигня, я изучаю сэндвичи, Берилл грозит уволиться, а Родни дуется, верно?

— Конечно. Это просто замечательно, босс.

— К тому же Родни будет весь в кофе, поэтому понадобятся парикмахер и гример…

— И звук, — сказал работник из группы озвучания. — Нам понадобится отцепить от него микрофон, прежде чем Берилл плеснет кофе.

— Простите, — вмешался Родни, внезапно всполошившись.

— Пока что расписание выглядит таким образом, — несся дальше Кельвин.

— Простите, — снова попытался вклиниться Родни, но его снова не услышали.

— Разумеется, это нужно прокрутить до первого перерыва, чтобы можно было перейти сразу в гостевую комнату и отснять ссору с сэндвичами и уже мокрым Родни?

— Простите… — повторил опять Родни.

— Таким образом, бригада сможет передохнуть, нам не придется два раза переходить с места на место, да и Родни подсохнет, и не придется тратить десять минут на парикмахера и гримера во время съемок, ну и на то, чтобы ему микрофон прикрепить.

— Простите…

— Одну СЕКУНДУ, Родни! — рявкнул Кельвин, перед тем как снова повернуться к Тренту. — Это ведь самое экономное решение?

— Ну, наверное, это вариант, босс… Я хотел снять прослушивание и то, как Родни оскорбляет малышку-«сморчка», сразу после перерыва, потом, придерживаясь этой линии, пройти остаток утренних одноразовых «сморчков», снять вторую часть ссоры Родни и Берилл и эпизод с кофе прямо перед обедом, чтобы можно было перевести бригаду и мокрого Родни в гостевую комнату и отснять ссору перед самым перерывом. Таким образом, у Родни будет целый обеденный перерыв, чтобы высохнуть, а мы сможем начать работать

после обеда с прикольных разговоров Родни по мобильнику, ведь нам нужно продолжать эту историю…

— Трент? — вклинилась Пенни, монтажер. — Мне очень не нравятся разорванные истории. Я каждый раз говорю об этом. Разорванные истории — это кошмар для монтажа.

— Правильно, — сказали костюмеры.

— Поддерживаю, — присоединились гримеры.

— Тоже «за», двумя руками, — подхватили парикмахеры.

— Может случиться все, что угодно, — продолжила Пенни, на эту тему она могла говорить много часов не замолкая. — Помните, как в прошлом году, когда мы закончили снимать первую половину истории с милым малышом и тут Родни оса ужалила в нос?

— Простите… — сказал Родни.

— Это был кошмар для монтажа! Родни выглядел нормально, и вдруг через две секунды нос у него стал размером с яблоко. Создавалось ощущение, что нос раздуло в середине предложения.

— Мы старались изо всех сил, — сказали гримеры.

— И мы, — сказали осветители.

— Да ладно там нос, — сказала костюмерша. —

А как насчет фрапучино, который он пролил на рубашку, когда его ужалила оса? К тому же я одела его тогда в темное. Просто дура.

— Простите, — сказал Родни.

— Одну СЕКУНДУ, Родни, — рявкнул Кельвин. — Народ! Нужно сосредоточиться. Не стоит вспоминать старые обиды. Запись программы начинается завтра! Итак, давайте примем решение. В каком костюме Родни будет сразу после обеда?

Сотрудники соответствующих отделов вновь открыли огромные папки и уткнулись в них.

— Мы запланировали виртуальную поездку в Дублин после одноразовых «сморчков», чтобы отснять ирландских «сморчков» вместе с британскими, то есть Родни наденет футболку игрока в регби в День святого Патрика. Поэтому, если потом нам придется снимать вторую половину ссоры с Берилл, нам нужно будет снова его переодевать.

— К тому же, — сказали реквизиторы, — нам придется перемещать фигурку лепрекона и убрать трилистник.

— Видишь, — сказал Кельвин, — не имеет смысла расщеплять историю.

— Мы можем отснять ирландских «сморчков» после обеда? — спросил Трент. — И только после

этого лететь в Дублин?

Помощница видеорежиссера имела веский довод против.

— Все билеты уже раскупили. Последний дешевый рейс обратно вылетает в два тридцать. Нам придется оставлять их на ночь, а бюджет командировочных исчерпан.

Кельвин повернулся к Тренту, пожимая плечами.

— Сам видишь, Трент, я не думаю, что стоит расщеплять историю и снимать вторую половину перед обедом…

— Прости, Кельвин? — сказал Родни.

— ДА, РОДИК! В чем дело?

— Ты сказал… что Берилл выплескивает на меня кофе?

— Кажется, именно это мы обсуждали последние десять минут. Да.

— Я думал, мы договорились.

— О чем договорились?

— Что мы не будем устраивать ничего подобного в этом году.

— Что устраивать?

— Плескать водой в меня. Я думал, мы договорились, что эта шутка надоела.

— Все верно. Мы договорились. Плескать водой?

Очень надоело. Очень уж в стиле «Х-фактора» и «Поп-идола». Шерон Осборн, Льюис Уолш, они все это делали. Плескать водой — это так немодно.

— Да, и… — попытался вклиниться Родни.

— И поэтому мы решили, что Берилл стоит плеснуть в тебя кофе.

— Ты серьезно считаешь, что это в корне меняет дело?

— Ну конечно. В шоу «Номер один» кофе — новая вода. Я рад, что ты заговорил об этом, Родик.

— А-а-а… хорошо. Всегда рад помочь.

Последовало короткое молчание, прежде чем Кельвин снова повернулся к группе.

— Итак. Решено, Берилл плещет кофе в Родни перед утренним перерывом.

Виртуальный Карнеги-Холл и другие мечты

Позже в тот же день, когда Кельвин и его команда уже десятый час вели изматывающие переговоры перед началом съемок, один из объектов обсуждения заселялся в бирмингемский «Холидей-Инн».

Большая часть отобранных конкурсантов собирались приехать на «прослушивания» только завтра, но Шайана жила далеко, поэтому решила приехать на день раньше и поселиться в гостинице.

Проглотив заказанные в номер салат без заправки и диетическую колу, она съела все шоколадки из мини-бара и запила их маленькой бутылочкой красного вина. У нее было полно средств, которые могли помочь уснуть, но пока что она хотела быть бодрой, морально готовой, сосредоточенной.

Устроившись на краешке кровати в позе лотоса, Шайана закрыла глаза и задумалась о настоящем моменте. Она подумала о том, как будет вспоминать о нем через многие годы. Бу-

дет ли она с особой нежностью вспоминать, что путешествие к мечте началось здесь, с медитации в одиночестве в «Холидей-Инн»? Только она, электрический чайник, утюг для брюк и сердце, полное надежд. Станет ли сеть «Холидей-Инн» ее слабостью? Будет ли она считать эти гостиницы счастливыми? Своим талисманом? Возможно, в будущем, несмотря на то что сможет позволить себе президентские апартаменты в пятизвездочных отелях, она по-прежнему будет настаивать на том, чтобы останавливаться перед концертами в «Холидей-Инн-экспресс». Шайана была уверена, что если на шоу «Номер один» ее признают серьезной артисткой, то даже битком набитый Карнеги-Холл или Альберт-Холл ни за что не станут событием таким же важным, как концерт, который она даст завтра.

— Первый шаг вверх по лестнице — самый трудный, — тихо сказала она себе. — Поставь ногу на перекладину и смело и без страха поднимайся.

Затем она начала напевать мелодию, наслаждаясь вибрацией в горле. Улыбнувшись, она предалась фантазиям.

— Ведь мечты — предвестники реальных перемен, а что такое реальные перемены, если не

мечта?

Она воображала, что когда-нибудь станет «лицом» сети гостиниц «Холидей-Инн». Отказавшись от «Ревлона» и «Эсти Лаудер» как недостойных ее таланта, она все же будет рекламировать «Холидей-Инн» (переводя гонорар в «Фонд ребенка» Великобритании), потому что именно с «Холидей-Инн» все и началось.

Открыв глаза, Шайана сосредоточилась на дыхании. Затем встала с кровати и подошла к зеркалу, прижав к губам расческу. Сделала глубокий вдох и начала выводить «The Wind Beneath My Wings».

Кто-то начал стучать в стену, но Шайана ничего не слышала. Она была в Карнеги-Холле.

В ту ночь многие в Уэст-Мидлендсе предавались мечтам, в ночь, когда в двух сотнях домов застыли нерожденные звезды, ожидая утра, когда, если им повезет и свершится Божественная справедливость, они вспыхнут ярким, великолепным светом, который согреет и озарит каждую сторону их жизни и жизней их любимых.

Четверо участников группы «Четверка-Х» были в церкви с матерями. Все они страстно молились о том, чтобы это был последний вечер, когда они

размышляют о будущем, не имея практически никаких перспектив на спасение от мрачного урбанистического кошмара, в котором они родились. О будущем, в котором они и большинство их друзей станут либо безработными, либо преступниками.

Квазар танцевал стриптиз на девичнике. Он обычно не возражал против такой работы, но эти девчонки были слишком уж крутые… Квазару было тридцать восемь (он говорил, что тридцать два), и ему казалось, что он застал времена, когда дамы все еще были дамами. Когда он начинал работать в этом бизнесе, они не вцеплялись в его трусы длинными ногтями и не стремились увидеть его унижение за засунутую туда пятерку. Раньше это было клево (или, по крайней мере, он так думал), это было прикольно. Теперь же выступления почти всегда сводились к сексу, и некоторые женщины были действительно кровожадные, они словно винили его в том, что, когда вернутся домой, их там будут ожидать хреновые мужики.

Однако Квазар любил смотреть на все с оптимизмом, и, когда зрительницы визжали и подначивали друг друга дотронуться до его пениса, он говорил им, что они везучие девчонки,

потому что прикасаются к любовной мышце будущей звезды.

Сьюки с удовольствием была бы стриптизершей — она всегда предпочитала это занятие проституции, — но ей было сорок, а это слишком много для экзотической танцовщицы, и к тому же груди она делала почти одиннадцать лет назад и в последнее время они превратились в болезненный кошмар. В подтягивающем лифчике груди по-прежнему выглядели нормально, но без него, покрытые шрамами и отвисшие (одна висела ниже другой), с затвердевшими, растянувшими кожу имплантатами, они напоминали мячи, засунутые в носки. Сьюки отчаянно хотела сделать вторую операцию, но она была не глупа и понимала, что делать ее нужно хорошо, чтобы избежать серьезных осложнений. А для этого нужно было куда больше денег, чем она при всем везении могла заработать, торгуя собой.

Наклонившись над ручным тормозом машины клиента и расстегивая его ширинку, она думала, как и всегда, о прослушивании. Вытащив его член, она представила на секунду, что это микрофон, и даже улыбнулась про себя. Сьюки знала, что это несбыточная мечта; но иногда для участия в шоу действительно выбирали самых

странных людей. В этом и заключалась его притягательность, оно давало возможность каждому. Кто знает? Все бывает. Может быть, когда-нибудь она и правда сменит члены на микрофон.

Иона и ее товарищи по группе ели рыбу с картошкой и пили лагер в пабе «Тенантс» в Глазго. Они приехали в город в тот вечер, потому что Иона улетала ранним рейсом.

— «Баджет эйр», — сказала Иона, глядя на билет. — Я помню, как этот маленький гаденыш рассказывал мне о частных самолетах.

— Фу, — сказал Дуглас. — Какая гадость.

Все засмеялись.

— Мне до сих пор это так странно, — сказала Иона. — Все кажется неправильным.

— Мы сто раз все обсуждали, — сказала Флер. — Если у тебя что-нибудь получится, то и нам будет хорошо.

— А если ты провалишься, много хуже не станет, — добавила Мэри.

— Но я никогда в жизни не пела одна, — простонала Иона. — Я, может, вообще буду петь одно созвучие.

— Как будто они это заметят, — ухмыльнулся Дуглас. — Родни Рут и Берилл «рокерша» Бленхейм не отличат мелодии от созвучия, а Кельвину

так и так наплевать. Хватит тебе, Иона, мы это проходили, понимаем, как это делается. Знакомы с правилами игры.

— Знаю. Знаю, — нервно сказала Иона.

— И поэтому это так для нас важно. Ты можешь использовать еще один шанс ради себя и ради группы, и в этот раз знаешь правила немного лучше остальных. В этот раз ты должна играть в их игру.

— О-о-о, с этим я справлюсь, — сказала Иона. — Если мне только удастся пройти пару туров, я сыграю в их игру.

Мишель из группы «Пероксид» наслаждалась обработкой зоны бикини воском, в то время как ее партнерша Джорджи наслаждалась огромным батончиком «марс», которому предстояло пробыть в ее организме всего три минуты.

Грэм и Миллисент держались за руки в комнате Грэма и слушали Боба Дилана.

Шестнадцатилетний мальчик по имени Трой, в чьей комнате было полно комиксов, но ни одной книги, стоял перед зеркалом и пел «Angels» Робби Уильямса.

Молодая мать-одиночка пыталась найти на

весь день няньку для своего больного маленького сына.

За ужином в приюте для жертв домашнего насилия группа женщин чокались припасенным на Рождество шампанским за будущий успех одной из своих коллег по несчастью.

И повсюду в Бирмингеме, Вулвергемптоне, Лестере и по всей «Черной стране», на севере до Стока, на юге до Уотфорда и на западе до самой границы с Уэльсом, все пели свои песни, репетировали движения, полоскали горло листерином и оценивали свои наряды. «Сморчки» танцевали, «выскочки» прихорашивались, «липучки» вели доверительные беседы с друзьями, говорили с Богом и посещали семинары по повышению самооценки. И у всех них была одна и та же мечта. Каждый «липучка-выскочка», «сморчок-липучка», «выскочка-сморчок» с примесью «липучки» и «липучка-сморчок» с примесью «выскочки» мечтал стать звездой. И каждый думал… каково это? Как это будет? Быть выбранным, прорваться и победить. Стать звездой!

В нескольких милях по магистрали М1 Кристиан Эпплярд, победитель самого первого сезона шоу «Номер один», в последний раз покинул

свою квартиру в Докландсе и отправился в дом своей матери. Фотограф приехал запечатлеть это событие. Отказ, полученный бывшим певцом номер один в праве выкупа закладной вследствие просрочки, по-прежнему был стоящей новостью.

Принц поет короля

Его королевское высочество также был приглашен на прослушивание в Бирмингем, в преддверии чего репетировал песни перед своей многострадальной женой.

— Полагаю, я буду выглядеть совершеннейшим чудаком, — сказал он.

— Да, полагаю, так и будет, — ответила его жена, начищая сапог для верховой езды.

— Думаешь, люди будут смеяться?

— Я бы точно смеялась.

— Знаешь, дорогая, я серьезно думаю, что ты могла бы смотреть на это более оптимистично. Я ведь пытаюсь спасти монархию.

— Да, дорогой, я знаю и очень горжусь тобой. Но согласись, это все равно довольно курьезно.

Принц работал над «Burning Love», песней, которую сделал знаменитой Элвис Пресли. Он глубоко вздохнул и начал сначала.

— Нужно петь «hunkah», дорогой, — перебила его жена. — Не «hunk of». Ты говоришь «hunk of», а нужно «hunkah».

— Правда?

— Да, точно.

— Боже мой, я не могу говорить «hunkah», это отвратительно. Я много лет талдычил о важности дикции и необходимости серьезного изучения грамматики в школе. Хотя, разумеется, никто не слушал. Но если честно, если я не утруждаю себя тем, чтобы воспринимать королевский английский серьезно, то кто станет это делать? Эту программу смотрят дети, я чувствую ответственность, я должен подавать пример.

— Я всего лишь говорю, что, если ты споешь «hunk of», ты не только будешь выглядеть глупо, но еще и ритм собьешь.

— Правда?

— Ну, конечно, правда, — ответила герцогиня, откладывая в сторону щетки и крем для обуви. — Послушай: в «hunk of» два слога, а в «hunkah» полтора. Совсем другое дело, ты ведь и сам должен был заметить.

— Думаю, ты права, но это ужасно ленивое использование английского.

— Попробуй еще раз и, ради всего святого, постарайся придать песне плавность.

Принц Уэльский снова спел куплет и припев песни, на этот раз послушно произнося «hunkah».

Когда он закончил, его жена подумала немного, прежде чем сказать:

— Думаю, нам нужна другая песня.

Принц вздохнул и налил по маленькому бокалу рислинга.

— Один из наших сыновей предложил что-то вроде «Smack My Bitch Up». Ты такое когда-нибудь слышала?

Привет, детка

Человек, на которого все уповали, находился в этот момент в своем гостиничном номере и был сосредоточен на своей собственной мечте.

— Привет, Эмма, — выдохнул он в телефонную трубку, — что на тебе надето?

— Джинсы и футболка. Я с работы.

— А туфли?

— Нет. Я уже дома. И если тебе обязательно это знать, туфли я сняла.

— А носки?

— Кельвин, мне казалось, что ты занятой, важный человек. Разве у тебя нет более интересных тем для разговора, чем мои носки?

— Что может быть интереснее разговора о твоих носках? Только разговор о твоих ступнях.

— Я немедленно вешаю трубку, если разговор продолжится в том же духе.

— Сними джинсы.

— Ни за что!

— Ну пожалуйста.

— Нет! Категорически нет! Я буду чувствовать себя глупо. Да и вообще, с какой стати?

— Ну, наверное, потому что я тебя попросил.

Последовала пауза.

— Мне придется положить трубку.

— Нет, оставь ее в руке.

— Ой, умоляю!

— Держи телефон рядом с молнией, когда будешь ее расстегивать. Делай это медленно.

— Нет!

— Я не прошу многого.

— А по-моему, многого.

— Я постоянно об этом думаю.

— Но это не означает, что я обязана позволять тебе слушать, как я расстегиваю ширинку.

— Я не сказал, что ты обязана, я просто попросил. Я не понимаю, почему в течение этого длинного и, должен добавить, ужасно строгого периода, когда я должен завоевать твое доверие, мне нельзя ощутить даже самую тонкую сексуальную связь с тобой.

— А если ты услышишь, как я снимаю штаны на расстоянии ста двадцати миль, тебе станет легче?

— Да, вообще-то станет. Я знаю, это звучит немного жалко, но я так сильно люблю тебя.

Последовала пауза, а потом Кельвин услышал очень тихий, отрывистый звук расстегиваемой

молнии.

— Вот. Доволен? — услышал он ее голос.

— Сними их, не клади трубку и сними их. Стяни их с трусиков, вниз и через ступни.

— Только после тебя.

— Я уже снял. Я в своем номере. Я только что принял душ, и на мне гостиничный халат. Через минуту я должен спуститься вниз и поужинать с Родни и Берилл, а все мои мысли только о тебе.

Последовала еще одна пауза.

— Ладно, — сказала Эмма отчасти упрямо, отчасти соблазнительно. — Тогда сними халат.

— Вон ты как заговорила.

Кельвин сделал, как она просила.

— Снял, — сказал он. — Он лежит на полу.

— Значит, ты голый?

— Да, и выгляжу великолепно. Совершенно сногсшибательно, как говорят. Теперь ты снимай джинсы.

Кельвин установил звук телефона на полную громкость, пытаясь услышать приглушенный шорох снимаемой одежды.

— Сняла, — сказала ему Эмма, вернувшись к телефону. — И чувствую себя довольно глупо, стоя в трусиках.

— Значит, на тебе только трусики, лифчик и

футболка?

— Да, все правильно. Трусики сиреневые. Лифчик белый. Футболка бледно-розовая, пока ты не спросил. Думаю, ты захочешь, чтобы я их тоже сняла?

— Нет. Я хочу быть рядом, когда ты будешь это делать.

— Будь ты рядом, я бы этого не сделала.

— Но ведь когда-нибудь сделаешь.

— Возможно.

— Ты можешь засунуть телефон в трусики и потереть микрофоном о свое тело?

— НЕТ!

— Пожалуйста?

— НЕТ!! Ни за что! Категорически нет!

— Почему?

— Потому что ты гадкий извращенец!

— Что в этом извращенного? Я хочу послушать шелест твоего кустика.

— Не говори гадостей!

— Мне кажется, это хорошая идея.

— Ну а я не собираюсь этого делать.

— Но у тебя ведь есть кустик, верно? Ты ведь не удалила все воском или что-то в этом роде? Ненавижу это. Просто ненавижу.

— Значит, у тебя было много лысых?

— Полно. Такое ощущение, что в Америке все девушки это делают, они почему-то думают, что это сексуально. Еще одно последствие безумного омолаживания. Сначала взрослые женщины начинают разговаривать как маленькие девочки…

— Как Берилл.

— Да, например, как Берилл. А теперь они все хотят иметь лобки как у маленьких девочек. Если вдуматься, это довольно отвратительно.

— Значит, тебе приходится иметь дело со множеством лобков?

— Повтори.

— Что?

— То, что ты только что сказала, это прозвучало так мило. Пожалуйста, повтори еще раз.

— Не будь таким жалким. Отвечай на вопрос.

— Да, в прошлом я видел ужасно много лобков, и, повторяю, все чаще и чаще мне, к сожалению, попадались лысые.

— А тебе нравится, когда они шуршат, когда о них трется телефонная трубка?

— Да.

— Я не стану этого делать. Заставь одну из своих девушек, должен же остаться кто-то, кто еще не образилился.

— Эмма, нет никаких других девушек. Все в

прошлом. И если уж на то пошло, я никого и никогда не просил делать это. Меня это вообще не интересовало. Ты единственная женщина, возбуждающая меня настолько, что даже мысль о шуршании твоих лобковых волос меня заводит. Для меня здесь все в новинку.

Последовала еще одна пауза, после чего Кельвин услышал в трубке тихий, мягкий, шуршащий звук. Через некоторое время он снова услышал ее голос.

— Хватит? — спросила она.

— Еще минутку, — ответил он. — Я хочу сказать, только если тебе это нравится. Если ты не возражаешь?

— Нет, — сказала она. — Наверное, не возражаю, хотя и чувствую себя глупо.

Через несколько секунд слабое шуршание продолжилось и длилось целых две или три потрясающие минуты, после чего Эмма снова заговорила.

— Все? — вежливо поинтересовалась она.

— Да. Все, — выдохнул Кельвин. — Можешь перестать.

— Хорошо.

— Это было великолепно.

— Я рада, хотя вообще-то, боюсь, я тебя обману-

ла. Я терла трубкой о ковер.

— Стерва!

— А по-моему, это смешно.

— Пожалуйста, скажи, что ты сняла штаны.

— Нет.

— Черт.

— Прости. Ты позвонишь мне сегодня после ужина?

— Я больше никогда тебе не позвоню.

— Ну, пожалуйста.

— Ладно.

Одеваясь, Кельвин серьезно задумался о том, что с ним происходит. Секс с Эммой понравился ему сильнее, чем секс с любой другой женщиной за многие годы. А ведь он даже не занимался с ней сексом. Он даже не занимался с ней телефонным сексом. Он занимался телефонным сексом с ее ковром. И все же ему ужасно понравилось. Привыкшему к власти человеку это было совершенно непонятно.

Хочу быть гадким

Родни ждал своих коллег уже довольно давно.

Все трое судей договорились встретиться в семь тридцать в баре гостиницы, поэтому Родни сидел здесь с семи часов. Кельвин пришел почти в восемь, а Берилл, что неудивительно, нигде не было видно.

Плохое настроение Родни слегка улучшилось оттого, что, в отличие от сегодняшнего утра, Кельвин пребывал в добром расположении духа.

— Да-а, я вижу, тебя что-то порадовало, — заметил Родни.

— Да, — прямо ответил Кельвин, но не стал уточнять, что именно.

— Шампанского?

— Конечно. Но не это дерьмо, — сказал Кельвин, кивнув в сторону бутылки, которую Родни выбрал и почти опустошил за время часового ожидания. — Я закажу что-нибудь приличное.

— Ты всегда загонялся по вину, да, Кельвин?

Алкоголь уже начал сказываться на Родни, и он говорил с Кельвином таким тоном, каким ни за что не заговорил бы трезвый. Кельвин только

улыбнулся.

— Я хотел спросить, — продолжил Родни, надеясь воспользоваться хорошим настроением собеседника и не понимая, что сам портит его, — ты обдумал то, о чем мы говорили в ресторане вечером накануне съемок в самолете?

— А о чем мы говорили? — спросил Кельвин, не поднимая глаз от винной карты.

— Ну ладно тебе, Кельвин. Мы говорили о том, чтобы я в этот раз был более гадким, крутым, остроумным, а сегодня я слышал твои планы на этот год, и среди них была эта идиотская шутка с Берилл, которая плещет на меня всякой хренью, а я абсолютно уверен, что всем понятно, что это наигранно.

— Да ты что, Родни?

— Да, я так думаю.

— Ну, а по-моему, если британский зритель верит в то, что двенадцать человек, которых мы ежегодно им показываем, — это лучшие артисты, обладающие поистине звездными качествами, которых мы нашли во всей Британии, то он поверит во все.

— Слушай, Кельвин, давай перейдем к главному. Я хочу в этот раз быть круче, и на меньшее я не согласен. Более того, Берилл не станет плескать в

меня кофе. Хорошо? Я на это не подписываюсь. Я серьезно. Ни за что.

— «Кристалл» девяносто шестого года, — сказал Кельвин официанту. И больше ничего не добавил.

— Кельвин, ты слышал, что я сказал?

— Да, слышал.

— Хорошо.

Последовало продолжительное и неуютное молчание, и Кельвин снова заставил Родни нарушить его.

— Значит, мы договорились? В смысле… да?

Кельвин улыбнулся усталой, многострадальной улыбкой. Принесли шампанское, и он подождал, пока официант откупорит бутылку и нальет два бокала, прежде чем снова заговорить.

— Родни, ты действительно думаешь, что быть крутым — это твоя тема? В смысле, всем нам нужно использовать свои сильные стороны.

— Я крутой.

— Правда?

— Да! Тебе нужно было видеть, как я набросился сегодня утром на девушку в гостинице, когда узнал, что меня поселили в администраторский номер…

Родни замолчал. Он не собирался говорить об

этом своем несчастье. Он не был достаточно пьян, чтобы не понимать, что жалобами на менее роскошный номер только усилит значимость этого факта. Родни пообещал себе, что сохранит полное достоинства молчание, но теперь все испортил.

— Тебе не нравится твой номер, дружище? — спросил Кельвин полным сочувствия голосом.

— Нет, нет, все в порядке. Все нормально.

— Ну и на что же ты тогда жаловался?

— Ни на что.

— Прости, но мне показалось, что ты набросился на служащую?

— Да.

— За что?

В мыслях Родни шла борьба. У него было достаточно ума и опыта в таких делах. Он прекрасно осознавал, что жалоба на качество номера выставит его слабым и жалким, а он подозревал, что Кельвин и без того считает его таковым. Интуиция подсказывала ему, что единственный разумный выход — придумать историю о сломанном чайнике или асимметричном утюге для брюк и таким образом объяснить скандал в гостинице, но праведный гнев, поднимавшийся из глубин его души и подогретый тысячью настоящих и придуманных признаков пренебрежения

во время прошлых сезонов, а также почти полная бутылка шампанского развязали ему язык.

— Я живу в номере, Кельвин. В номере!

— Да?

— А у тебя и у Берилл апартаменты. Дома, если уж на то пошло. У вас собственные дома у озера.

— Ты спросил у администратора, в каких номерах живем мы с Берилл?

— Ну… это просто выплыло наружу. Я спрашивал о своем номере и… да, это выплыло.

— Ты не думаешь, что после этого мы все выглядим немного глупо?

— Ну нет. Не думаю. Я спросил между делом.

— Значит, ты не из-за этого набросился на нее?

— Нет.

— Это случилось в другой части вашего разговора?

— Ну да, вроде того.

— Родни, ты хочешь жить в моем номере?

— Нет, дело не в этом…

— Ради бога. Я могу зайти туда после ужина и забрать свои вещи. Я использовал всего пару полотенец, а постель перестелили.

— Нет, я не этого хочу. Я не это хотел сказать.

— Чего же ты хочешь? Что ты хочешь сказать?

— Ничего, я… Слушай, мы говорили о моем

имидже.

— Родни. Ты мой друг. Хороший друг. Мы ведь хорошие друзья, верно?

— Да, надеюсь.

— Я очень уважаю тебя как одного из ведущих членов команды шоу и действительно ценю твой вклад. Но, друг, ты должен понять, что продюсер здесь может быть только один. Ты ведь понимаешь, верно?

— Ну, конечно.

— Я должен полагаться на инстинкты ради нашего общего блага. Ты понимаешь?

— Ну да.

— Я знал, что ты поймешь. — Кельвин приобнял Родни. — Спасибо, дружище. Ты настоящий друг и настоящий профи. Кажется, Берилл к нам не присоединится, а я, если честно, с ног валюсь. Ужин я закажу в номер. А ты допивай «Кристалл».

С этими словами Кельвин поднялся и ушел, оставив Родни допивать вторую бутылку в одиночестве.

На следующее утро Кельвин подошел к девушке-администратору.

— Мисс, вчера вы работали?

— Да, сэр, я.

— Когда мистер Рут поднял шум насчет того, что у него номер меньше, чем у меня?

— Ну-у…

— Ну же, милочка, мы ведь с ним друзья, мы уже посмеялись на этот счет.

— Да, он действительно пожаловался на свой номер и сначала отказался поехать на машинке до летнего дома. Кажется, он пытался доехать туда на лимузине, хотя летний дом расположен в центре поля для игры в гольф.

Кельвин расхохотался и показал ей копию газеты «Сан», открытую на странице «Странности».

— Видите телефон для тех, у кого есть история? За пикантные подробности о знаменитостях газета платит хорошие деньги. Позвоните им и расскажите эту историю. Знаете, просто смеха ради, а?

Кельвин оставил газету девушке и, все еще хихикая, пошел к машине.

Прослушивание: все замерло

Здесь собрались Шайана, Квазар, Грэм, Миллисент, ребята из группы «Парень», «Четверка-Х» и Сьюки, а также Латиффа, Незабудка и Трой с комиксом в руке. Кроме них здесь находились сотни полторы жаждущих славы и странный старичок, немного похожий на принца Уэльского.

Все они сидели в холле, куда их отправили по прибытии.

Но где же остальные? Всюду так тихо. Так неподвижно.

— Должен признаться, я думал, что нас здесь соберется целая толпа, — сказал мужчина, немного похожий на принца Уэльского (а точнее, он самый). — На телевидении все выглядит именно так, верно? Или чудак опять все не так понял? Знаете, со мной это частенько бывает, мои мальчишки постоянно дразнят меня, мерзавцы. Я искренне считаю, что они подлецы.

По огромному деловому и развлекательному центру «Булл ринг» в Бирмингеме гуляло эхо.

Где же были толпы, орды жаждущих славы, которые всегда кричат и аплодируют во время

начальных эпизодов шоу «Номер один» в попытке привлечь внимание трех знаменитых судей?

Они уже были тщательно отсняты и оцифрованы и находились в монтажном компьютере технологического отдела шоу, ожидая вставки в отснятый сегодня материал, где они снова будут кричать.

Однако пока что они не появлялись, и вокруг была странная тишина.

Прослушивание: натаскивание Вики

Челси начала второй день работы в Бирмингеме с подготовки Вики, шестнадцатилетнего «сморчка», и ее мамы, которым выпало спровоцировать инцидент с выплескиванием кофе.

— Она так мечтала об этом, — говорила мама. — Только об этом и говорит. Это ее жизнь.

— Ничего удивительного. Вики очень талантливая девочка, — сказала Челси, всовывая очередную пенопластовую чашку кофе в руку мамы. — Она надерет им зады.

— Она сгорает от нетерпения, это ее мечта. Она только этого и хочет.

— Это моя мечта, — подтвердила Вики. — Я только этого и хочу.

— Я говорила с ней о других мечтах, — добавила ее мама, словно забеспокоившись, что их семья может показаться немного однообразной. — Но она и слышать ничего не хочет.

— Я и слышать ничего не хочу, — эхом отозвалась Вики.

— Она совершенно не хочет об этом слышать, —

повторила мама. — «Это моя мечта, мама», — вот что говорит эта юная леди, и ни на что другое не соглашается. Правда, маленькая мисс шоу-бизнес? Ты хочешь быть звездой.

— Я хочу быть звездой, — уверила Вики свою маму.

— Это ее мечта, — повторила мама.

— Это моя мечта, — сказала Вики.

— Она никогда не перестанет мечтать свою мечту, — сказала мама.

— И не нужно, — уверила их обеих Челси. — Сегодня у Вики есть прекрасная возможность. Девочка вроде Вики должна мечтать свою мечту, потому что знаменитость создает себя сама.

— Вы совершенно правы, Челси, — сказала мама.

Челси была на взводе. Это было необходимо, ведь, несмотря на то что у Вики сегодня точно не было никаких шансов, у Челси они как раз были. Заняв в команде шоу «Номер один» должность Эммы, она повысила свой статус, найдя Кельвину избитую жену, которую тот требовал от Трента. Теперь она была полна решимости упрочить свое положение, предоставив боссу участницу прослушивания в отличном психологическом состоянии, соответствующем выделенной ей

роли в шоу.

Работа с Вики заключалась в том, чтобы убедить ее, что она и правда следующая Джуди Гарленд, несмотря на очевидные доказательства обратного. Разочарование и унижение, которые потом испытает девушка, послужат катализатором для мощного противостояния между Берилл и Родни, и, как они надеялись, последнее протянется сквозной нитью через весь эпизод. Поэтому падение Вики должно быть абсолютно убедительным.

— Нельзя сыграть катарсис, — любил повторять Кельвин.

Челси была рождена для такой работы. Не будучи еще членом команды шоу «Номер один», она инстинктивно чувствовала, как должен работать этот прием. Врожденная хитрость и понимание человеческой натуры говорили ей, что поразительно завышенная самооценка и воинственная вера в себя у таких поразительно бездарных людей должна быть хотя, бы частично подготовленной. Было просто невозможно предположить, что деревенские дурачки, над которыми хохотала вся нация, уверяющие Кельвина, что они — новые Джастины Тимберлейки, могли так себя вести без всякой подготовки.

Конечно, в первую очередь был необходим сам человеческий материал, все эти люди и сами по себе безумно заблуждались на свой счет — это очевидно, ведь большинство из них подали заявки на участие в шоу по собственной воле. Задача Челси заключалась в том, чтобы пестовать эти жалкие заблуждения до тех пор, пока жертвы искренне не поверят в то, что способны победить, и только тогда показывать их судьям. Только после этого можно будет собрать золотые для телевидения кадры: изумленные взгляды, ярость, неверие, медленное понимание того, что они не только позорно провалились, но что над ними откровенно посмеялись и подвергли оскорблениям те, кого они считали спасителями.

— Нельзя сыграть надменность, — часто замечал Кельвин. — Первое правило драмы. Перед тем как герой падет, его нужно возвеличить.

Многое на шоу «Номер один» было игрой, но только не это. Гордость и падение должны быть истинными, без этого нельзя, и именно поэтому Челси так усердно восхваляла Вики и ее маму.

— Знаете что, милые мои? — сказала Челси, взяв Вики и ее маму за руки. — Я искренне верю, что, если вы искренне верите, ваша мечта может уже совсем скоро осуществиться.

Слегка сжав их руки и приобняв, Челси ушла настраивать многочисленных плачущих и дрожащих «липучек».

Прослушивание: прибытие судей

В другой части гостиничного и развлекательного комплекса проходили съемки «прибытия» трех судей. Для этого потребовалось два костюма для Берилл, поскольку, когда материал пойдет в монтаж, должно казаться, что в безудержном поиске талантов судьи посетили город дважды.

— А тем временем, — скажет Кили после наложения звука, — судьи вернулись в Бирмингем. Повезет ли им на этот раз?

Для виртуального прибытия в Дублин Берилл предстояло переодеваться еще и в третий раз.

— Я все равно не понимаю, зачем нужно снимать этот чертов материал по Дублину, — жаловалась Берилл. — В смысле, если мы ни хрена не утруждаем себя поездкой туда, то зачем врать? Кого вообще волнуют чертовы микки?

— Телефонное голосование, дорогая. Ирландцы много звонят. Нам нужны их вливания. Мы должны включать их в шоу, и в финале нам совершенно необходим ирландец. От этого во многом зависит количество денег, которое мы заработаем от звонков.

Когда ей наконец представили доступный ее пониманию аргумент, Берилл втиснулась в новый пиджак, прицепила на лацкан трилистник и снова села в лимузин. На колени ей посадили домашнюю свинку, и огромный статист, игравший устрашающего телохранителя, встал у дверцы автомобиля.

— Ты думаешь, люди действительно верят в то, что за нами постоянно ходят здоровенные лбы? — спросил Кельвин Трента. — Только взгляни, этот урод такой толстый, что даже в лифт со мной не влезет. Если бы ему пришлось иметь дело с убийцей, его бы инфаркт хватил. Может, в следующем сезоне стоит взять в телохранители маленьких японских ниндзя. По-моему, будет отлично смотреться.

— Отличная мысль, босс, — сказал Трент. — Записал.

Камеры заработали, огромный статист-телохранитель открыл дверцу, Берилл вышла из машины и с важным видом заспешила в холл здания.

— Может, когда я буду проходить мимо камеры, стоит сказать что-нибудь прикольное? — предложила Берилл. — Типа «Господи, Фифи надула в мою сумочку от „Картье“, а ведь это, черт возьми,

подарок от Элтона и Дэвида» — как вам такое?

— Отлично, Берилл! — крикнул Кельвин, которому не терпелось продолжить.

— Хм… Боюсь, у тебя нет микрофона, — нервно сказал звукооператор. — У нас записано, что это немой материал. Его покажут в заставке.

— Ну так нацепи на меня вонючий микрофон, придурок! — рявкнула Берилл. — Я придумала строчку, я проявляю изобретательность.

— Боюсь, миссис Бленхейм, микрофоны лежат в фургоне. Понадобится десять минут, чтобы…

— В фургоне, твою мать!

— У нас записано, что это немой материал. Мы обсуждали это вчера на собрании…

— А что, если я хочу импровизировать? Я вообще нужна на этом шоу только затем, что я чертовски неожиданная! У меня «Эмми» за импровизации. Ты видел завоевавший награду эпизод из «Бленхеймов» про барбекю, где свинья сожрала стейк и поэтому мы зажарили свинью?

— Ну-у…

— Я это придумала! И к счастью, в тот момент ни один вонючий звукорежиссер не сказал: «Простите, я забыл идиотские микрофоны!»

— Да, но на совещании…

— Ты хоть представляешь себе, насколько я

могу быть неожиданной? Непредсказуемость у меня изо всех щелей прет!

Кили, миловидная ведущая, стояла неподалеку, готовая к съемкам первой реплики. Только накануне вечером она прилетела домой со съемок шоу о путешествии на Мистик, и очень устала, но, будучи действительно милой девушкой и командным игроком (в прошлом она была герлгайд), она всегда была рада помочь.

— Берилл, а может, я озвучу твою шутку, — с готовностью предложила она. — Знаешь… «Берилл ужасно торопится, потому что Фифи сейчас надует ей в „Картье“…» Так пойдет?

Казалось, лицо Берилл окаменело.

— Кили, ты хочешь украсть мою шутку?

— Нет!

— А по мне, так это смахивает на то, что ты хочешь украсть мою шутку.

— Нет! Правда, Берилл, я просто пыталась…

— Как тебе такая мысль, Кили: ты продолжай выглядеть миленько, а умную работу оставь мне, ладно?

Казалось, Кили сейчас заплачет. Она никак не могла привыкнуть к грубости Берилл и всегда приходила в ужас, словно столкнулась с ней впервые.

Время шло. Трент посмотрел на Кельвина, а затем показал на часы. В графике первого дня прослушивания для таких заминок совершенно не было времени, и Кельвин был единственным авторитетом, который признавала Берилл.

— Берилл, — рявкнул Кельвин, — то, что Фифи надула в твою сумочку, — это великолепно, как и все твои многочисленные шутки насчет неуправляемого поведения твоего зверинца, но этот сюжет идет без звука. Так что нужно двигаться дальше.

— С точки зрения импровизации просто отлично, вашу мать, — сказала Берилл, соглашаясь с неизбежным.

Наконец получив возможность работать дальше, режиссер спросил сценаристку, какой сюжет будет следующим, и та сообщила, что прибытие Родни.

Лимузин, на котором прибыла Берилл, уехал, а на его месте появился новый. Родни с преувеличенной небрежностью прошел по всей его длине и, казалось, разглядывал блестящую черную краску. Но он никого не обманул. Все видели, что он проделал то же самое с машиной Берилл, и поняли, что он обходит лимузин, чтобы убедиться, что машина Берилл не длиннее.

Убедившись в том, что размеры его машины соответствуют его статусу, Родни взял протянутый реквизитором модный портфель и сел на заднее сиденье.

— Мотор! — крикнул режиссер.

За этим ничего не последовало.

— Мотор! — снова крикнул режиссер.

По-прежнему ничего. Режиссер подошел к припаркованному лимузину с дымчатыми стеклами.

— Родни? — Он постучал в стекло. — Ты меня слышишь?

Окно лимузина опустилось, и Родни, приятно улыбаясь, выглянул наружу.

— Да, я тебя слышу, — сказал он. — У меня все в порядке. Ты что-то хотел сказать?

— Хм, нет. Мы еще не отсняли материал.

— Хорошо, ладно. Я готов.

— Отлично. Значит, начинаем, да?

— Конечно.

Окно снова закрылось. Режиссер вернулся на свое место за камерой, кадр был помечен, и он снова крикнул:

— Мотор!

Опять ничего.

— Родни, мотор! — снова крикнул он.

Окно опустилось во второй раз.

— Я здесь, я готов. Я все слышу. Я просто жду.

Время шло. Вмешался Кельвин:

— Ну тогда вылезай из поганой машины!

— Не могу. Дверь не открыта.

— Конечно, она не открыта, ее сначала нужно открыть.

— Вот именно, и, когда мой телохранитель ее откроет, я выйду, — объяснил Родни, уверенный, что это не он задерживает процесс. — Мой выход не первый. Первым выходит телохранитель.

Кельвин повернулся к режиссеру:

— Где телохранитель? Его выход.

— Телохранитель?

— Да. Который открывает Родни дверь.

Режиссер беспомощно повернулся к монтажеру, и более решительная, нежели режиссер, девушка решила озвучить неприятную правду.

— Телохранителя нет, — сказала она, не извинившись. — В этом сюжете только Родни.

Родни не был крупным мужчиной и к тому же сидел в огромном лимузине, но все в пределах пятнадцати метров почувствовали его негодование.

— Только Родни? — почти прошипел он.

— Да, — бесстрашно ответила монтажер, а

затем взглянула на свои заметки по сюжету и прочитала: — «Кадр второй. Утро. Подъезд к залу для прослушиваний. Общий план. Родни вылезает из машины и рысью пробегает мимо камеры».

— Рысью?

— Да. Ты спешишь.

Лицо Родни начала заливать краска. Привычные к этому гримеры подскочили с влажными салфетками и холодными полотенцами наготове. Они знали, что если Родни потечет, то его придется снова пудрить, подправлять ему глаза и губы, а к этому моменту Кельвин, вероятно, всех уволит.

— Кельвин? — прошипел Родни сквозь сжатые зубы, очевидно пытаясь справиться с эмоциями.

— Да, дружище?

— У Берилл есть жирный, лысый телохранитель, который открывает ей дверь, а затем уважительно и с серьезным видом следует за ней по пятам в здание. А я должен открывать дверь сам и рысью бежать в здание в одиночестве?

— Родни, в сцене моего прибытия тоже нет телохранителя.

— Да, Кельвин, я знаю, но ты ведь сам за рулем. Ты прибываешь как высокое начальство за рулем собственного «роллса». Берилл встречает телохранитель, а я… я…

Кили, неизменно добрая и веселая, снова попыталась исправить недоразумение:

— Родни, я могу подбежать и открыть тебе дверь. Я не против.

— Ты что, хочешь попасть в мою сцену? — ледяным тоном спросил Родни.

— Нет! — почти крикнула Кили, пораженная тем, что Родни так воспринял ее невинное предложение.

— Тебе не кажется, что раз уж ты открываешь шоу, участвуешь во всех объяснениях, представляешь кандидатов, отправляешь их к нам, обнимаешь победителей, рыдаешь вместе с проигравшими, а также предваряешь и завершаешь все рекламные паузы, то у тебя и так сцен выше головы? Без того, чтобы прорываться еще и в мои?

— Нет, правда, я…

— В сцену моего прибытия, не больше и не меньше. Одну из очень немногих во всем чертовом шоу, где я один.

— Но… но… — Кили не могла найти слов, чтобы доказать свою невиновность.

— Может, снова используем парня Берилл? — предложила монтажер. — Сделаем из него сопровождающего для гостей?

Из палатки-костюмерной, где Берилл переодевалась из дублинского наряда в бирмингемский, послышался злобный вопль.

— Пошли НА ХЕР! — крикнула она, просовывая голову между полотнами. — Хрена с два я отдам ему своего парня!

— Берилл, пожалуйста, — крикнули одновременно парикмахер и гримерша. — Прическа!

Берилл не обратила на них внимания.

— Какая это охрана? «Ой, Берилл, извини, мы не можем защитить тебя от этого ненормального фаната, потому что нам нужно идти открывать дверь вонючему Родни Руту». Все, я сказала, ПОШЛИ НА ХЕР!

Берилл исчезла в палатке, и парикмахер и гримерша кинулись к ней.

— Кельвин? — сказал Трент, снова с отчаянием глядя на часы. — Время…

— Отлично! — решительно произнес Кельвин. — Родни, садись в машину, мы подъедем вместе.

Лицо Родни тут же оживилось.

— А что, мы с тобой в одной машине? Как настоящие друзья? — сказал он, едва смея верить в свою удачу.

— Да. Ты можешь даже выйти с той стороны,

где камера, а я выйду из дальней двери и обойду машину следом за тобой.

— Это потрясающе, — ахнул Родни. — Отличный сюжет. Никаких телохранителей, никакой охраны. Никакой суеты. Только двое крутых профессионалов, коллеги и лучшие друзья, которые вместе приехали на работу.

— Да, Родни, садись в машину.

— У меня есть мысль, — пылко сказал Родни. — Давай, когда будем выходить, сделаем вид, что что-то оживленно обсуждаем? Знаешь, мы можем говорить что-нибудь, когда будем закрывать двери, и войдем в здание вместе, не обращая ни на кого внимания, занятые своими серьезными делами…

— Родни, это сцена без звука. У нас нет микрофонов. Садись в машину.

— Но звук и не понадобится. Будет немой сюжет. Мы можем разговаривать о чем угодно, ведь потом на изображение наложат музыкальную заставку, нам просто нужно выглядеть так, будто мы что-то оживленно обсуждаем, как двое крутых профессионалов, не обращающих внимания на…

— Родни, твою мать, садись в машину.

— Отлично.

— И по команде вылезай из нее и иди мимо

камеры в здание. Я пойду следом.

Родни и Кельвин сели в машину.

— Мотор! — услышали они голос режиссера.

— Иди, Родни, — сказал Кельвин. — Я — следом.

Родни вылез из машины, и Кельвин смотрел через окно, как он прошагал мимо камеры. После того как Родни вошел в здание, Кельвин тоже вылез и крикнул: «Снято!»

— Отличный кадр, ребята, — сказал он, а затем шепнул монтажеру, что ей для оцифровки нужно отметить только первую часть кадра. До самого эфира Родни Рут не узнает, что на самом деле он вышел из машины один и рысью пробежал по ковру.

Прослушивание: натаскивание множества «липучек»

В углу холла (который отгородили тряпичной загородкой) Челси собрала перспективных «липучек» для проведения мотивирования группы.

— Итак, Кили спросит вас о вашей МЕЧТЕ, — кричала Челси тоном старшины, инструктирующего группу новобранцев. — О мечте, которая роднит вас, но одновременно делает вас особенными и неповторимыми. О мечте быть звездой! Какая у вас мечта, народ?

— Стать звездой! — хором крикнули собравшиеся.

— Правильно. И это хорошая мечта. Отличная мечта. Мечта, которой нужно гордиться! Кили захочет услышать, что это ваша единственная мечта. Единственная мечта всей вашей жизни! Мечта, которая была у вас с детства и без которой вы ничто. Ничто, понимаете?

Собравшиеся «липучки» (в числе которых была напряженная и задумчивая Шайана) только собирались ответить, но тут в холле раздались хлопки — толпа аплодировала громкому голосу,

запевшему «Copacabana».

Выглянув за перегородку, чтобы узнать, в чем дело, Челси увидела, что Гэри и Бэри воспользовались возможностью снять Квазара, который танцевал лимбо, а девушки из группы «Пероксид» держали тряпку, под которую он подлезал.

— Гэри? Бэри? — рявкнула Челси. — Что вы делаете?

— Снимаем несколько сюжетов о бурном веселье, — сказал Бэри. — Знаешь, когда все конкурсанты знакомятся и внезапно решают поприкалываться.

— Ребята, после дня массовки у нас этого дерьма целые мили. Для последнего монтажа Кельвин использует всего секунд десять. Сегодня прослушивание, и я пытаюсь настроить конкурсантов, поэтому, пожалуйста, ведите себя тихо.

— Мне очень жаль, Челси, — сказал Бэри.

— Да, и мне тоже, — сказал Гэри.

— А мне не жаль, детка! — ухмыльнулся Квазар. — Я в ударе и должен сказать тебе, Челси, детка, что тебе, похоже, не помешал бы кусочек Квазара, ЙЕ! — И на последнем слове Квазар схватился за мошонку и выпятил пах.

— Оставь это для судей, — сказала Челси.

— О, детка, я полон задора.

Челси вернулась к своим «липучкам».

— Итак, еще Кили попросит вас рассказать ей о том, — крикнула она, снова включив лампочку над собравшимися кроликами, — насколько сильно вы хотите победить!

Прослушивание: «When Irish Eyes Are Smiling»

В это время на парковку из международного аэропорта Бирмингема прибыл первый автобус с ирландскими конкурсантами. По прибытии на парковку их всех попросили подождать на своих местах, пока не подойдет второй автобус.

— Вам и минуты не придется ждать, — сообщила им радостная ассистентка и оказалась почти права. Ждать пришлось двадцать пять минут.

Наконец подъехал второй автобус с ирландскими участниками, и Бэри, Гэри и Кили начали работать над тем, чтобы гарантировать огромный доход от ирландских звонков и в этом сезоне.

— Отлично! Доброго вам всем утра! — крикнул Бэри, когда оба автобуса изрыгнули своих пассажиров и толпа собралась перед огромным баннером шоу «Номер один», украшенным изумрудно-зелеными флагами и ирландским триколором. — И добро пожаловать на специальный День святого Патрика — шоу «Номер один».

— Да, все правильно! — крикнул Гэри, нацепив огромную ирландскую шляпу, которые выдают

вместе с «Гиннессом» в Лондоне в День святого Патрика. — Мы сделаем вид, что сегодня День святого Патрика, и для того, чтобы отпраздновать его, вы под нашим руководством споете специально для шоу «Номер один» песню «When Irish Eyes Are Smiling», но для смеха будете петь «Calvin's» вместо «Irish», хорошо? Это будет маленьким подарком шоу «Номер один» от ирландской группы ко Дню святого Патрика, согласны?

Поскольку очевидного несогласия никто не выразил, камеры были настроены, Бэри и Гэри отсчитали секунды, и песня началась.

— «When Calvin's eyes are smiling», — запела толпа.

Первая строка прошла на ура, ирландцы пели энергично и даже пытались улыбаться. После этого, к сожалению, дела пошли намного хуже, потому что стало ясно, что остальных слов никто не знает. Некоторые начали смутно припоминать, что мир кажется ярче и веселее, но, когда дошло до голосов ангелов, почти все замолчали.

— Черт! — сказал Бэри. — Кельвин очень настаивал на этой песне. Что нам делать?

— Я был уверен, что они знают слова, — провыл Гэри.

В этот момент появилась Челси с Кили.

— Вы что, еще не записали эту чертову песню? — спросила она.

— Они не знают слов, — объяснил Гэри.

— Иди в монтажный фургон, — приказала Челси одному из помощников. — У них есть беспроводной Интернет. Попроси ассистента видеорежиссера выйти в Сеть, найти в Google слова и как можно скорее принеси текст.

Помощник убежал.

— Отлично, — сказала Челси. — Пока мы ждем, снимем эпизод с Кили.

Кили дали трилистник и поставили ее перед толпой ирландцев.

— Ну, вот мы и оказались в волшебном городе Дублине, городе очень красивых девушек! — крикнула она. — И эта огромная сумасшедшая толпа приготовила для Кельвина небольшой музыкальный сюрприз!

— Хорошо! — крикнула Челси. — Потом сюда вставим песню. Итак, Кили, теперь финал.

— Вау! — завопила Кили. — Это было великолепно. Глаза Кельвина наверняка будут смеяться, когда он услышит это! Молодцы, ребята! Вы круче всех!

После чего они вместе с Челси поспешили назад в здание, оставив ирландцев ожидать текст

своего сюрприза для Кельвина.

Прослушивание: гадкие и угрюмые

К этому времени трое судей уже записали свои сцены прибытия, и пришло время общего кадра, в котором они выглядят крутыми и угрюмыми. Каждый из них снова посетил костюмера и гримера, и всех троих одели во все черное с головы до ног. Затем судей разместили на белом фоне и сняли их предельно мрачные и решительные лица. Словно у убийц в «спагетти-вестерне».

На этих съемках работали две бригады, что усложняло и без того трудную работу режиссера. Одна бригада снимала угрюмые лица, которые должны войти в титры, а другая — процесс съемки угрюмых лиц. Режиссер первой бригады, который хотел сосредоточиться на своих съемках, пожаловался на присутствие второй бригады.

— Ты ведь недавно на этом шоу, верно, друг? — сказал Кельвин.

Режиссер признал, что недавно.

— Ну, так позволь мне кое-что тебе сказать, — продолжил Кельвин, говоря поверх кисточки

гримерши, порхающей вокруг его лица. — У нас ничего не пропадает зря. Ты хоть представляешь, насколько мало полезных кадров мы можем сегодня снять? С гулькин хрен, вот так вот, а почему? Потому что люди обычно скучные. В этом и заключается наша трудность как создателей «ТВ о людях». Мы вынуждены снимать материал часами, целыми днями, и все ради того, чтобы получить несколько приличных секунд настоящего развлечения. Боже мой, Пэрис Хилтон теперь звезда. Вот как низко упала планка! Почему, потвоему, половина наших шоу — это повторение первой половины? Да потому, черт возьми, что обычно у нас бывает всего половина шоу! Мы прослушиваем тысячи людей, и все равно нам приходится повторять одну и ту же дюжину кадров снова и снова. Все хотя бы отдаленно хорошее из имеющегося материала мы должны повторять опять и опять. Мы покажем этот материал до рекламы, после рекламы, во время идиотской рекламы. Шоу «Номер один» — это единственное шоу на телевидении, первый сезон которого прокрутили три раза! Я этим очень горжусь. Именно поэтому, если мы хотим получить кучу кадров с мрачными судьями, нам нужно снять кучу кадров про то, как снимают этих мрачных судей.

Впустим зрителей в свою кухню, потому что большую часть времени мы их просто надуваем.

После общих съемок судьям дали время переодеться в костюмы «Бирмингем, день первый», а затем началась настоящая работа, сделавшая эту троицу столь знаменитой. Настало время записывать знакомые всем сцены, где судьи сидят и свежим взглядом, беспристрастно оценивают всех, кому довелось просунуть голову в дверь.

Настало время прослушиваний.

Прослушивание: уничтожение Вики

Судьи заняли свои места в зале для прослушиваний, где парикмахеры и гримеры добавили последние штрихи к их внешности. Затем, как и было запланировано, они отсняли трех иностранок с забавным акцентом, каждую из которых они высмеяли и выгнали, и те, рыдая, покинули помещение.

Затем судьи в хорошем темпе прогнали человек двадцать кандидатов из массовки, в строгом порядке одобряя или отсеивая каждого из них. И ближе к полудню добрались до Вики, первой главной истории дня.

Девушка и ее мама стояли перед дверями вместе с Кили, Челси, Трентом и съемочной бригадой. Трент как раз собирался начать записывать интервью с Вики до прослушивания, когда заговорила Челси:

— Трент, мне кажется, у нас проблемы с макияжем. Ты доволен тем, как выглядит Вики?

— Мне кажется, она выглядит хорошо.

Челси не стала спорить. Вместо этого она зашла

в зал для прослушиваний и попросила Кельвина выйти к ним на минутку. Челси все утро исправляла чужие ошибки, а Кельвину ничего об этом не было известно. С точки зрения карьеры она могла бы постоянно халтурить с тем же успехом, что и все остальные. Но сейчас она собиралась убедиться, что ее гений засиял в потемках.

Кельвин, который ждал завершения кропотливой работы гримерши над Берилл, вышел к группе, собравшейся вокруг Вики и ее матери.

— Боже мой! — произнесли они в унисон изумленными голосами при виде одного из сильных мира сего. — Кельвин, мы просто обожаем тебя!

Кельвин кивнул в знак приветствия и повернулся к Челси.

— Детка? — спросил он. — В чем дело?

Челси попросила помощника отвести конкурсантов в сторонку, прежде чем все объяснить.

— Трент доволен прической и макияжем Вики.

Трент попытался взять дело в свои руки:

— Слушай, я не сказал…

Кельвин перебил его:

— Что ты хочешь сказать, детка?

— Да, детка… — довольно агрессивно сказала гримерша. — Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, посмотрите на нее, — сказала

Челси. — Ее же совершенно преобразили: штукатурка, пудра, волосы уложены, прыщи замазаны, ради всего святого.

— Да, но она ведь героиня сюжета, верно? — сказала гримерша.

— Да, она героиня сюжета, но вы что, не читали заметки по персонажу? — рявкнула Челси. — Вы сделали из нее «выскочку», а она «сморчок».

— Нет, Челси, — запротестовала гримерша. — Она «выскочка».

— Взгляните в свои заметки! Зачем мы с монтажерами их пишем, если их никто не читает? Она «выскочка» как личность, но физически и с точки зрения таланта она «сморчок». Вот в чем смысл сюжета. Она классический «выскочка-сморчок»! Она думает, что она великолепна, и ей совсем скоро предстоит узнать, что это не так. Вот почему мы выбрали ее! Чтобы Родни поиздевался над ней, а Берилл кинулась на ее защиту, как истинная мамочка. Но для того, чтобы роль хорошей мамочки Берилл удалась, девушка должна выглядеть жалкой. Заблуждающейся, наивной, совершенно потерянной, а вы пытаетесь сделать из нее Риту Хейуорт.

— Мы просто…

— Ведь очевидно, что чем хреновее она выгля-

дит, тем глупее и тупее становится ее претенциозность. Нам нужны ее прыщи! Это ее козырь!

Кили спросила, можно ли ей не слушать дальше.

— Простите, я просто не могу слушать подобное. Я посещала театральную школу, — объяснила она, — и как актриса я уверена, что должна верить в свою игру. Честность — первое правило игры, кажется, это сказал Оливер или Пачино, и если я хочу сделать интервью с Вики как с «выскочкой» убедительным, то я просто не могу участвовать в разговоре, где съемочная группа объявляет ее «сморчком».

После этого Кили отошла в сторонку, а Челси начала читать вслух заметки по персонажу:

— Здесь есть ключевая фраза. Эта девушка думает, что может «двигаться лучше, чем Бритни, и петь лучше, чем Селин». Ну разумеется, у нее не должно быть макияжа, а только сальные волосы и прыщи.

Кельвин взглянул на Вики поверх плеча Челси. Затем перевел взгляд на часы: секунды, как всегда, утекали. С другой стороны, если они собирались сделать так, то делать все нужно как следует.

— Челси права, — сказал он, поворачиваясь

к гримерше. — Никакой штукатурки, сальные волосы, и, если есть время, сделайте акцент на прыщи.

С этими словами Кельвин вернулся в зал для прослушиваний, оставив Челси очень непопулярным победителем.

— Не нужно было бежать к Кельвину, — сказал Трент.

— Я спросила, что ты думаешь, — ответила Челси. — Ты сказал, что доволен ее видом.

Парикмахер и гримерша удалили следы собственных усилий с лица и волос Вики.

— Ты так молода, милая, — убеждали они ее и ее мать. — Тебе не нужен макияж. Кельвин хочет сделать акцент на твоей молодости и свежести. И он ведь прав. Молодость и свежесть так быстро проходят, верно?

Затем пришло время записывать интервью Кили с Вики «до того».

— Спорю, вы очень нервничаете, правда? — сказала Кили, когда камеры включились.

— Ну… — ответила мать. — Вики могла бы нервничать, но она так много работала, и все, кто ее знают, думают, что у нее настоящий талант. Она верит, что готова.

Кили взглянула в свои записи.

— Ты будешь звездой, Вики? — спросила она.

— Да, — ответила Вики, — я буду звездой.

— Это ее мечта, — добавила ее мать.

— Тогда вперед, детка! — сказала Кили, обняв Вики.

Затем Вики прошла за занавеску, отделявшую конференц-зал В от конференц-зала А, чуть большего по размеру.

После того как Вики ушла, Трент распорядился, чтобы Кили и мама Вики «подслушали» у двери, что будет происходить внутри, хотя, разумеется, они ничего не могли бы услышать.

Внутри камберлендской комнаты наконец начались прослушивания.

— Привет, привет, — крикнула Берилл, когда Вики зашла к ним и поздоровалась. — Ну и как тебя зовут?

— Вики.

— Вики! — ахнула Берилл, словно одно только ее имя говорило о чем-то особенном. — Вики, Вики, Вики, ты так молода! Ты совсем ребеночек!

— Мне шестнадцать лет, Берилл.

— Ооооо, — захрипела Берилл, придавая скованным ботоксом чертам умильное выражение, — мамочка, которой только что показали ее первенца. — Сладкие шестнадцать! Моим ма-

лышкам-дочкам всего семнадцать. Боже, я так скучаю по ним. Как мать я очень скучаю по ним. Ты могла бы быть их маленькой сестренкой. Ты совсем еще ребеночек! Господи, я так скучаю по своим деткам.

Сидящий рядом с Берилл Кельвин улыбнулся. Несмотря на ненависть, которую он к ней испытывал, он не мог отрицать, что свою работу она делала отлично. Она настоящая находка. Берилл настоящая звезда, ради этого с ее присутствием приходилось мириться, и мысль пригласить ее на шоу была гениальной.

Родни заерзал. Запись началась всего двадцать секунд назад, а он уже беспокоился, что Берилл тянет одеяло на себя.

— Да, Вики очень молода, — постарался он привлечь к себе внимание. — Но хорошо ли она поет?

— Конечно, ты хорошо поешь, верно, Вики? — проворковала Берилл. — Не обращай на него внимания.

— Я не буду обращать на него внимания, Берилл, потому что я хорошо пою, и я это вам докажу.

— Вперед, девочка. Вперед. Сделай эту песню.

Лучшего момента, чтобы Вики спела свою

песню, нельзя было даже придумать. В конце концов, в холле ждала еще сотня человек, а когда шоу пройдет монтаж, будет казаться, что там собралась не менее чем тысячная толпа. Судьи уже потратили непропорционально большое количество времени на эту не впечатляющую с виду девушку, у которой было не больше шансов стать поп-звездой, чем у боксера-тяжеловеса. Будь это настоящее прослушивание, судьи потратили бы на Вики не больше трех секунд. Но это не было настоящее прослушивание, это было развлечение, а большая часть ожидающих снаружи людей были просто массовкой. Вики же была историей, и под нее было необходимо подогнать фон.

— Ну и кто же твои кумиры, Вики? — спросил Кельвин, намыливая веревку, на которой Вики предстояло повеситься.

— Мне очень нравятся Бритни и Селин Дион, — ответила Вики.

— Хороший выбор, — веско сказал Родни, кивая с таким видом, словно этот выбор был серьезным доказательством и интеллектуальных задатков Вики. — Они отличные певицы и очень хорошие образцы для подражания.

— Ты думаешь, что можешь стать даже лучше их? — спросил Кельвин, намыливая еще кусочек

веревки.

— Я думаю, что могу быть лучше их, Кельвин.

Челси хорошо подготовила девушку. Несмотря на свое тщеславное заблуждение, она ни за что не стала бы вести себя с судьями так агрессивно и высокомерно, не убеди ее Челси, что именно это судьям и нравится слышать.

— Они очень уважают уверенность в себе, — говорила ей Челси, — так что нахваливай себя по полной.

После столь самонадеянного заявления Кельвин напустил на лицо выражение, которое говорило о том, что он удивлен, но убежден при этом, что Вики может петь лучше Бритни и Селин, но воздержится от суждений, пока Вики не покажет, на что способна.

— Хорошо, Вики, что ты хочешь спеть для нас?

— Я хочу спеть «Hit Me Baby One More Time» Бритни Спирс.

— Хороший выбор, — сказал Родни, кивая с видом знатока. — Отличный выбор. Умный выбор.

— Вперед, детка! — сказала Берилл.

Конечно, это было отвратительно, как и обещали заметки отборщиков. Безумно мучительно, одновременно плоско и резко, громко и тихо (особенно во время сексуального хрипа «oh baby

baby», который Кельвин тут же решил включить в DVD) и лишено какой бы то ни было ценности за пределами шоу уродцев. Но, несмотря на то что исполнение было катастрофой с самой первой ноты, Кельвин позволил Вики спеть песню до конца. Несмотря на то что в холле ждали своей очереди множество более сильных певцов, несмотря на то что большинство кандидатов пели лучше нее, Вики позволили спеть «Hit Me Baby One More Time» целиком и отнять целых пятнадцать минут судейского времени одного-единственного дня в Бирмингеме. Возможно, певица из Вики была никакая, но зато какой сюжет.

Пока девушка пела, за ее спиной работали камеры, нацеленные на каждого из судей, которые во время исполнения песни показывали «ошеломленные» лица. Кельвин показал «Я просто не могу поверить в это», широко открыв глаза, а Родни самодовольно ухмылялся. У Берилл получилось лучше всех, и ей даже не нужно было стараться. Ее лицо выражало тупое изумление и непонимание, превосходную смесь презрения и сострадания, являвшуюся на самом деле следствием жестоких сеансов ботокса и перенесенных операций, которые сделали мышцы непослушными.

Когда песня наконец закончилась, Вики нервно посмотрела на судей, ожидая их реакции и по-прежнему не подозревая, что за роль была ей отпущена.

— Вики! — наконец сказал Кельвин. — Это было… — Он молчал, казалось, целую вечность, пока девушка тряслась от волнения. — Ужасно.

Вики, казалось, не совсем его поняла.

— Ч… ч… что вы хотите сказать?

— Что я хочу сказать? Что я хочу сказать? — спросил Кельвин. — Я хочу сказать, что это было кошмарно, убого, просто ужасно, безнадежно.

Девушка была в шоке, что было неудивительно. Она не получила даже намека на отрицательную реакцию, не говоря уже о столь резкой критике.

— «Hit Me Baby»? — сказал Родни, используя строчку, которую мысленно репетировал на протяжении всего выступления Вики. — Я хотел ударить тебя. Единственное, что я могу сказать хорошего о твоем пении, так это что благодаря ему я на время забыл о своем геморрое.

Берилл ударила рукой по столу.

— Эй, Родни, это выходит за все рамки. Ей шестнадцать лет!

— Да хоть шестьсот, мне плевать, она никогда не будет петь. Она просто посмешище, не

позволяй ей зря надеяться. Ей нужно работать в магазине.

Кельвин был приятно удивлен. Во время предыдущих сезонов он так много работал над мягкостью Родни, что даже не догадывался о его способности быть ехидным. Возможно, все же стоит дать ему несколько гадких историй.

— Эй! — рявкнула Берилл. — Довольно! Да, это было немного… неадекватно, но ей шестнадцать лет!

— И она бездарность.

— Не слушай их, Вики! — сказала Берилл, включив наконец травмированную девушку в разговор. — У тебя есть мечта, и это отлично.

Вики молча таращилась на них, очевидно по-прежнему пытаясь понять, что с ней произошло, и изо всех сил стараясь не расплакаться.

— Если Вики мечтает, то ей пора вернуться к реальности, — сказал Родни с ухмылкой. — Потому что ее мечта — это наш кошмар.

Кельвин снова удивился природному таланту Родни.

— Довольно! — крикнула Берилл, тоже прекрасно играя свою роль. — Ей шестнадцать лет! Ты вышел за всякие рамки, Родни. Я на такое не подписывалась. Я протестую. Ты перешел черту,

Родни. Не слушай его, девочка.

— Ладно, — вдруг очень решительно и профессионально заговорил Кельвин. — Каков вердикт? Родни?

— Ты шутишь? Нет. Нет. Нет. Шестнадцать раз нет. По одному разу за каждый год, который девочка не умела петь.

— Берилл?

Берилл вздохнула, помедлила и снова вздохнула. Затем поджала губы. Долго и пристально смотрела на Вики, широко открыв глаза, чтобы на них появилась влажная пленка. Опустила и снова подняла взгляд. Поиграла с карандашом. На ее лице отражалась вселенская грусть и сожаление. Вики тем временем стояла и дрожала.

— О боже… — сказала Берилл. — Я не могу сделать этого.

Кельвин повернулся к дрожащей девочке.

— Вики? — сказал он нежно, соблазнительно. — Скажи Берилл, насколько ты этого хочешь, как много ты работала, как ты на самом деле хорошо поешь. Это твоя последняя возможность, обратись к ней.

— Пожалуйста, Берилл, — ответила Вики. — Пожалуйста. Я так этого хочу. Я так много работала. Я хорошо пою, я знаю, что пою хорошо. Я тебя

умоляю.

— О-о-о, Вики, не делай этого со мной, — жалобно ответила Берилл, явно готовая расплакаться.

— Мне нужен ответ, Берилл, — поторопил Кельвин.

— Я… я… я…

Ее губа дрожала, повисла нелепая долгая пауза.

— Я говорю «нет», Вики. Нет твоему таланту. Но не мечте! Я говорю огромное, огромное, огромное «да, да, да» — мечте. Но таланту — «нет». Мне очень, очень жаль, детка. Ты этого не заслуживаешь. Тебе шестнадцать лет.

— И я тоже говорю «нет», — жестоко сказал Кельвин. — До свидания.

Вики заплакала. Берилл вскочила, обежала стол и обняла ее.

— Знаешь что, детка? — прошептала она, нежно провожая ее из комнаты, чтобы спасти от дальнейшего унижения. — Тебе не нужно петь, ты не должна делать это. Наслаждайся своей мечтой, детка. Она ведь у тебя осталась. У тебя есть твоя мечта.

Дойдя до двери, Берилл повернулась и злобно взглянула на Кельвина и Родни, словно мать-наседка с распушившимся оперением, обо-

роняющая беззащитное дитя.

— Ей шестнадцать лет!

У комнаты прослушивания Вики поджидали Кили, мама и съемочная бригада.

— Как все прошло? Как все прошло? — взволнованно спросила Кили, умудрившись убедить даже саму себя, что она не знала ответа.

Ответ был написан на лице Берилл.

— Присмотрите за ней, ее обидели, — сказала Берилл, после чего оставила Кили играть второй акт драмы с участием девушки и ее матери.

— Детка, — спросила Кили. — Что случилось?

— Они смеялись надо мной! — выдохнула Вики в камеру, зависшую всего в двух дюймах от ее лица. — Они сказали, что я посмешище, что мне нужно работать в магазине.

Ее мама была искренне потрясена. Она всегда знала о возможности отказа, но мысль о том, что ее дочь могли так жестоко унизить и выгнать, ей даже в голову не приходила.

— Иди сюда, детка, — сказала Кили, обнимая Вики. — Не волнуйся. Не думай о том, что они сказали. Забудь. Ну так что они сказали?

— Родни сказал, что я как геморрой и что я не буду петь, даже если доживу до шестисот лет.

— Не может быть! Что за ужасный человек! Ну

ничего, детка. Все закончилось.

Челси, которая стояла рядом и ожидала возможности умыкнуть Вики и ее маму в «Комнату гнева» для следующей порции мучений, знала, что ничего еще не закончилось. Сцены, которые снимали сейчас, будут снова и снова прогонять в грядущие месяцы. В рекламных роликах, на шоу, на повторах, на вспомогательных каналах и, наконец, на раскруточных DVD. Абсолютно все знакомые Вики и ее мамы смогут наблюдать ее унижение снова и снова. Их смехотворные заблуждения в конце концов станут дословно известны всем в школе актерского мастерства Вики, а также на работе у ее мамы.

Берилл была права. Вики нужно было наслаждаться своей мечтой. Скоро она заплатит за нее очень высокую цену.

Пока Челси вела Вики в «Комнату гнева», в зале для прослушиваний Трент и съемочная бригада записывали возвращение Берилл.

— И… Мотор! — крикнул Трент.

Берилл ворвалась в комнату, ее глаза метали молнии.

— Родни, ей шестнадцать лет!

— Она достаточно взрослая, чтобы соображать.

— Ты издевался над ней! Ты унизил ее! Я на

такое не соглашалась. Я на это не подписывалась! Мы говорим о мечте ребенка!

— Да, и, я повторюсь, нашем кошмаре.

Ссора вышла не очень убедительная, на самом деле просто деревянная, но после монтажа и с музыкой должно было прокатить.

— Берилл, попробуй выглядеть немного более сердитой, — распорядился Кельвин. — Скажи Родни, чтобы он извинился.

— Я считаю, ты должен пойти и извиниться перед ней и перед ее матерью! — послушно заорала Берилл. — Обними ее и скажи, что тебе жаль.

— Мне не за что извиняться. Ты говоришь глупости, — ответил Родни.

— Родни, будь пожестче, — вмешался Кельвин. — Повтори то же самое, но скажи, что она нелепая и глупая.

— Ладно… — собрался с силами Родни. — Берилл, ты можешь повторить свои слова?

— Пошел на хер! Тебе здесь что, «Гамлет»? Моя строчка была идеальная, а теперь валяй, говори свою.

— Если я услышу твою строчку, мне будет легче войти в роль.

— А мне плевать!

— Берилл, прекрати, — рявкнул Кельвин. —

Скажи свою чертову строчку.

Почти не скрывая презрения, Берилл повторила свои слова:

— Извинись! Обними ее и скажи, что тебе жаль.

— Мне не за что извиняться! — крикнул Родни довольно неубедительно. — Ты ведешь себя нелепо и глупо!

— Отлично, — сказала Берилл, подскочив с места, — на вот, получи!

Она схватила стакан.

— Стоп! — крикнул Трент. — Не надо! Не надо!

Берилл поставила стакан.

— Сегодня еще полно дел, — сказал Трент. — Нельзя пока что обливать Родни. Мы снимем эпизод с кофе перед первым перерывом. Отлично. Следующие «сморчки».

Еще трое «сморчков»

Челси вернулась из «Комнаты гнева», где с переменным успехом общалась с Вики и ее матерью. Вики, слишком расстроенная и смущенная, чтобы говорить, ничего не добавила, но ее мать с минимальной подачи продемонстрировала классический гнев.

— Подожди, Кельвин Симмс, — прошипела она в камеру. — Моя Вики станет звездой, и тогда ты сдохнешь от зависти!

Челси была довольна. Впереди было много дел, и поэтому, поспешно попрощавшись, она оставила мать и дочь размышлять о крушении их мечты, а сама вернулась в холл. Здесь, пока Кили поправляли макияж (немного подпорченный слезами Вики), Челси начала готовить первого за это утро «сморчка» из однодневок.

— Я могу увидеть Дамиана? — крикнула Челси.

Дамиан был молодым человеком двадцати двух лет, студентом-ветеринаром. Его отобрали в качестве сюжетной однодневки, потому что у него были выступающие вперед зубы. Невероятно выступающие вперед зубы, какие обычно

увидишь только у лошади, причем у лошади с невероятно выступающими вперед зубами. К тому же Дамиан был близорук, очень близорук. Предметы начинали расплываться в полутора дюймах от кончика его носа. Вообще-то, если бы удалось познакомить офтальмолога и дантиста Дамиана, они могли бы углубиться в занимательную дискуссию о том, что заметнее на лице Дамиана — его глаза или его зубы.

Когда в прошлое посещение Бирмингема Эмма выбрала Дамиана из толпы, на нем были очки с толстыми стеклами, настолько толстыми, что сгодились бы для витрин «Тиффани». Очки, которые остановят пулю. Его очки понравились всем почти так же, как и его зубы.

Челси заволновалась, увидев, что сейчас Дамиан был без очков.

— Детка, ты сегодня без очков? — проворковала она.

— Ну да.

— Мне так понравились твои очки, детка, — добавила Челси.

— Правда? — спросил Дамиан, удивившись.

— О да. Бадди Холли, Элвис Костелло, Тельма из «Скуби-ду», — уверила его Челси. — Свои очки нужно уважать.

— Вообще-то я подумал, что во время выступления мне лучше быть в линзах, — ответил Дамиан.

— Плохой ход, детка! — запротестовала Челси. — Очень плохой. Твои очки — просто отпад. Нужно учитывать фактор чудака. Очень модно. Очень современно. Ботаник — последний писк моды.

— Правда? — заинтересованно спросил Дамиан. — А я не знал.

— Ты в них выглядишь уязвимым, детка, — продолжила Челси. — Берилл любит уязвимых мальчиков, и ты ведь знаешь, насколько сентиментальным может быть Родни.

— Думаешь, мне стоит надеть очки?

— Еще бы! — убедительно сказала Челси. — Не сомневайся. Ты обязательно должен надеть очки!

И поэтому Дамиан предстал перед знаменитым судейским советом в очках. Близоруко глядя сквозь линзы странно увеличенными глазами, он разомкнул огромные зубы и объявил, что будет петь «Everything Is Beautiful».[6]

Эту песню предложила ему Челси.

---

[6] Примечания: 6
Красота везде *(англ.).*

— Неизбитая песня, и душевная к тому же, — заверила она Дамиана, подразумевая, что весьма сомнительное утверждение, заключенное в ее названии, будет особенно комично звучать в устах такого маленького уродца, как Дамиан.

Дамиан пел просто ужасно. Кельвину это было известно, потому что он смотрел видеофрагмент с Дамианом на последнем отборе. И все же Кельвин нацепил выражение изумленного недоверия, словно ему преподнесли невероятный сюрприз. Как только Дамиан дошел до третьей строчки, Кельвин прервал его.

— Спасибо! — крикнул он. — Вы нам не подходите. До свидания.

Теперь настал черед Дамиана изумиться. Он знал, как работает шоу «Номер один», он смотрел шоу, и в нем участники всегда допевали песню до конца. У них было время отстоять себя. Они выслушивали конструктивную критику. Затем всех трех судей просили проголосовать.

— Но разве я не могу… — начал он.

Но на самом деле Дамиан не знал, как работает шоу. Он не понимал, что во время предварительного отбора проявил себя не потенциальным «липучкой» или «выскочкой», а всего лишь «сморчком» в чистом виде. Он не станет уни-

женно умолять судей и слишком рассудителен, чтобы позволить убедить себя назваться новым Джастином Тимберлейком. Единственное, что было в нем интересного, — это его зубы и очки. Они надлежащим образом попали в кадр и позже войдут в двухсекундный кусочек коллажа со «сморчками». Шоу «Номер один» покончило с Дамианом.

Внезапно словно ниоткуда появился охранник (настоящий, а не тот огромный лысый тип из массовки) в сопровождении симпатичной младшей помощницы. Хороший коп и плохой коп сразу же вывели Дамиана из комнаты.

— Следующая — Дорин, — сказал Трент. — Челси ее возвеличила и как следует подготовила.

Трент заметил, что Кельвин очень доволен работой Челси, и был слишком умен, чтобы пытаться как-то ее скомпрометировать. Гораздо лучше плыть по течению и по возможности сопутствовать подъему Челси, словно это он сам ее взрастил.

— Которая из них Дорин? — спросила Берилл с интонацией усталой мученицы, святой девы, которую подвергли ужасному процессу съемок шоу.

— «Бездарь», — сообщил Трент.

Слово «бездарь» на жаргоне шоу «Номер один» означало «беззубая дура».

— О господи, — пожаловалась Берилл. — Она старая наркоманка?

— Я решил не уточнять.

Дорин, социальная жертва, похожая на скелет, беззубая, состарившаяся раньше срока и распространяющая вокруг себя запах мочи, который ни с чем нельзя было спутать, в положенное время предстала перед судьями. Бесплотность ее тела подчеркивала прорезь в виде сердечка на коротком платье, обнажавшая серую, сухую кожу живота и глубокий, запавший пупок. Дорин пришла в кожаном пиджаке, но Челси убедила ее, что она будет намного лучше смотреться без него. Щеки Дорин запали в беззубый рот, а крашеные черные волосы торчали пучками. Ей можно было дать лет шестьдесят, но на самом деле она была моложе.

— Сколько вам лет, Дорин? — спросил Кельвин.

Он знал ответ, но хотел, чтобы она произнесла это вслух.

— Мне сорок три, Кельвин, — сказала Дорин, в ответ на что Кельвин натянул на лицо изумленное выражение. Затем он попросил Дорин

немного рассказать о ее желании стать певицей, и ее рассказ, транслируйся он целиком, представил бы ее ущербной, совершенно неадекватной, почти наверняка наркозависимой и находящейся на грани помешательства женщиной, которая прожила ужасную жизнь, полную лишений и насилия. Однако два или три кусочка, пережившие монтаж, выставят ее просто сумасшедшей, гадкой, самонадеянной старой каргой.

— Я певица, Кельвин. Думаю, я могу показать этим девчушкам, что такое настоящий опыт… Во мне есть шик, на меня оборачиваются на улице. Дай мне показать тебе, что я могу предложить…

Затем Кельвин предложил ей спеть. Ей дали пропеть три строчки «Amazing Grace», а затем все трое набросились на нее.

— Если бы вы были единственной конкурсанткой в шоу, вы бы проиграли, — сказал Кельвин.

— Вам нужно поработать на вечеринках в Хеллоуин, — сказал Родни.

— Вы не думали вложить деньги в завивку волос? — хрипло спросила Берилл с особой искренностью, обладая уникальным даром выражать одновременно сочувствие и презрение.

В глубинах плохо соображающих мозгов Дорин зажглась лампочка, и в редкий момент

просветления она поняла кое-что, что было бы совершенно очевидно, будь она в своем уме. Что ее поимели.

— Эта дрянь сказала, что у меня отличная прическа! — внезапно крикнула она, указывая на Челси, которая просунула голову за перегородку. — Она сказала, что вам нравится естественный вид!

Челси была ей очень благодарна за то, что Кельвин получил подтверждение успешности подготовительного процесса из первых уст.

— Я не хотела снимать шляпу, — сказала Дорин.

Но дальнейшие объяснения были излишни. История Дорин закончилась. Появились хороший коп и плохой коп и ее, так же как и Дамиана, быстро выпроводили из комнаты.

— Следующая у нас Мэдж, еще одна старушка, — сообщил им Трент.

— Пожалуйста, только не очередная бывшая наркоманка и шлюха, — взмолилась Берилл.

— Нет, на этот раз «ступа».

«Ступа» на жаргоне шоу «Номер один» означало «старая тупая перечница».

Кельвин каждый год показывал парочку «ступ»: болезненных, но бойких старушек, которые хоте-

ли петь «настоящие песни». С ними получались отличные сюжеты, и они помогали создавать обманчивое представление, будто шоу «Номер один», в отличие от других конкурсов талантов, действительно не принимает в расчет возраст.

— Привет, привет, — сказала Мэдж, войдя в зал с помощью ходунков. Она хотела оставить пальто и сумочку за дверью, но Челси уверила ее, что со всеми своими вещами она будет смотреться просто потрясающе.

— Привет, Мэдж, — сказал Кельвин, нацепив на лицо выражение изумленной терпимости.

— Привет, дорогая! — крикнула Берилл, натягивая хитрую покровительственную мину, которую припасала для малышей и «ступ».

Родни оскалился, считая такую улыбку задорной.

И снова слишком много времени судей уделено человеку, у которого шансов стать победителем шоу «Номер один» было не больше, чем у трупа, но который после монтажа мог гарантировать пару минут отличной забавы.

— Я думаю, что пора дать нам, старушкам, зеленый свет, — убедили сказать Мэдж. — Вы не возражаете, если я сыграю на укулеле? Я и танцевать умею, знаете ли. Многие парни думают, что

у меня прекрасные лодыжки.

Затем сладким дрожащим голосом Мэдж спела «Daisy, Daisy». Песня звучала словно песня ее молодости, хотя на самом деле была уже старой, когда бабушка Мэдж была еще совсем юной. Когда Мэдж закончила, Родни и Берилл, в соответствии с заметками Трента, проголосовали за то, чтобы провести ее в следующий тур. Кельвин делал вид, что потрясен их решением, хотя именно он отдал такое распоряжение. Все трое быстро «обсудили» свой «выбор».

— Вы действительно думаете, что Мэдж может стать победителем шоу? — спросил Кельвин.

— Да. Да, я именно так и думаю, — сказал Родни. — Мне кажется, в ней что-то есть.

— Вы думаете, Мэдж сможет спеть вживую? В студии? — настаивал Кельвин.

— Ты судишь по возрасту, — заявила Берилл. — Зачем говорить, что у нас нет ограничения по возрасту, если ты не пропускаешь на шоу таких, как Мэдж?

Когда Кельвин почувствовал, что спектакль уже достаточно затянулся, он объявил голосование, и, проголосовав два к одному, судьи пропустили Мэдж в следующий тур. Затем Кельвин проводил ее из комнаты, взяв ее сумку и

пальто. Снаружи Кили обняла Мэдж, а Кельвин принял многострадальный вид.

Затем перед судьями прошел калейдоскоп «сморчков»-однодневок, чудаков, которые были недостаточно интересны или безумны, чтобы получилась история. Крикуны, болтуны, карлики, дылды, жирные, лысые, очкастые и тупые. Чудачки в нарядных платьях, полуобнаженные парочки друидов, размахивающие топорами викинги и завернутые в фольгу пришельцы. Все один за другим быстро проходили перед потрясенным судейским советом, после чего их так же быстро отвергали.

Наконец пришло время плескать кофе в Родни.

Отставка

— Это неправильно! — кричала Берилл. — Я НЕ подписывалась на это. Знаешь что, Родни, ты прекрасный друг, и я ужасно тебя люблю, но мое терпение лопнуло!

Они вернулись в гостевую комнату, чтобы снять последнюю часть истории Вики. Берилл бесилась и ругалась, а совершенно мокрый Родни нервно баюкал корзиночку с кремом.

— Я просто не думал, что она подходит под наши стандарты, — уныло тянул он.

— Ей шестнадцать лет, Родни. Девочке шестнадцать лет!

У нее за спиной Кельвин изучал сэндвичи. Берилл набросилась на него.

— Знаешь что, Кельвин? — сказала она. — С меня достаточно, я на это не соглашалась, и это НЕ то, на что я подписывалась. Все решено, я ухожу. Кто-нибудь, пригоните, блядь, мою машину! Я еду домой. Я люблю вас обоих, но я думаю, что вы два чудовища. Я ухожу!!!

И с этими словами Берилл вылетела из комнаты.

— Стоп! — крикнула Челси, прежде чем это успели сделать Трент или режиссер.

Берилл тут же вернулась в комнату.

— Нормально? — спросила она. — Слово «блядь» можно будет перекрыть? Еще раз я кричать не буду, даже не просите, это был третий дубль, а мне надо херову тучу звонков сделать.

— Все в порядке, Берилл, — уверил ее Кельвин, — очень, очень здорово.

После этого Берилл взяла свой телефон и ушла в гримерную.

— Хорошо, с этой частью у нас все, — сказал Трент. — Пятнадцать минут перерыв, а когда вернемся, снимем, как Родни извиняется перед Берилл и она соглашается остаться.

После этих слов бригада начала укладывать оборудование, а Кельвин тоже взялся за телефон.

— Стой! — твердо сказал Родни. — Стой, стой, стой! Кельвин, а как насчет обсуждения? Берилл уходит, а мы как два настоящих мужика болтаем о том, что она бывает излишне эмоциональна и как это непрофессионально, и в конце концов на благо шоу я соглашаюсь уговорить ее остаться.

— Родни, мы это убрали, — объяснил Кельвин. — Времени нет. Эта тема и так тяжеловата. Наш разговор выкинули.

С этими словами Кельвин пошел к двери.

— СТОЙ!! — на этот раз крикнул Родни. — Что ты хочешь сказать, «выкинули»? Тема тяжеловата, это верно. Тяжеловата из-за Берилл! Единственное, что у нас есть, — это Берилл в роли мамочки, Берилл, которая плещет в МЕНЯ кофе, Берилл — вся такая высокоморальная и праведная, и Берилл, которая уходит из шоу. А что делаю я?

— Ты извиняешься перед ней. Мы это снимем после перерыва.

— ВОТ ИМЕННО. Я извиняюсь перед БЕРИЛЛ! Это снова ее тема. Кельвин, между тобой и этой женщиной что-то есть?

— Родни, Берилл — это мама. Это отличный сюжет.

— Она транссексуалка и мачеха!

— Зрителям это нравится. Она жила, она страдала. От перерыва осталось всего восемь минут, дружище, и я советую тебе выпить чашку чая и подправить грим, ты весь в кофе.

— А как тебе такая мысль, Кельвин? — сказал бордовый от ярости Родни. — Что, если Берилл не будет делать вид, что увольняется, зато я уволюсь по-настоящему? Как тебе такая мысль?

Кельвин несколько секунд подумал, а затем

повернулся к Тренту.

— Трент, — сказал он, — это нужно снять. Это золотой сюжет. Настоящая ярость не идет ни в какое сравнение с наигранной. Я заплачу сверхурочные, быстренько верни сюда съемочную бригаду.

Все присутствующие в комнате поставили кофейные чашки на стол и взялись за оборудование. Кельвин снова повернулся к Родни:

— Родни, дружище. Я знаю, что ты в ярости, но ты соблюдаешь контракт, поэтому, если ты действительно хочешь уволиться, я должен попросить тебя подождать пару минут, пока настроят камеры.

Родни посмотрел на него, словно загнанное животное.

— Ты… ты ведь пошутил, — сказал он, пытаясь улыбнуться.

— А ты? — спросил Кельвин, улыбнувшись в ответ.

— Да… да, конечно, я пошутил.

— Хорошо, — ответил Кельвин, после чего снова отпустил бригаду.

— Перерыв семь минут! — крикнула Челси, а затем добавила: — Бригада А, пожалуйста, за мной в мужской туалет, снимем, как гримируется

«Планета Марс».

Слова любви

Кельвин наконец смог урвать минутку, чтобы позвонить Эмме. Выйдя в коридор и нажав на автонабор, он почувствовал удовольствие от одного только ее имени, высветившегося на экране.

— Мы только что сняли прыщавую девчонку из школы актерского мастерства и ее маму, — сказал Кельвин. — Помнишь их?

— Да, — ответила Эмма. — Ты не был слишком суров с ней?

— Нет, нет. Не слишком. Эмма, перестань, это ведь игра, они все знают, на что идут.

— Наверное, знают, — с сомнением ответила Эмма.

— Не нужно слишком давить на меня, Эм, — сказал Кельвин. — С ЕКВ я поступлю так, как ты хочешь, но мне ведь по-прежнему нужно делать шоу.

— Да, я знаю, — ответила она. — И по-моему, ты все же претворяешь в жизнь некоторые мечты, верно?

— Конечно. Этот парень, Квазар, получит продовольственный талон на всю жизнь. Как и

многие другие.

— Да.

— Меня поражает, как люди ведутся на тему «мы любим Берилл». Эта женщина настолько откровенно лживая, помешанная на себе, властолюбивая стерва. Я видел, как жестоко она разделывалась со «сморчками» сегодня утром, ты просто не поверишь. У нас была полумертвая худющая старая шлюха, а Берилл посоветовала ей сделать завивку! Большей подлости и не придумаешь, но через пять минут она притворялась, что ей не наплевать на какую-то ненормальную шестнадцатилетнюю заносчивую дуру, и мы все поверили ей. Эта женщина — гений. Просто гений.

— Знаешь, все в команде ее ненавидят.

— Да ты что! — ухмыльнулся Кельвин. — Угадай, что случилось. Родни только что снова грозился уволиться!

— Да ты что! — засмеялась в ответ Эмма. — Ты ему позволил?

— Конечно. Я сказал, что хочу сделать об этом сюжет.

Эмма засмеялась.

— Послушай, Кельвин, я думаю, именно за это люди тебя и любят. Наверное, глубоко в душе

они понимают, что ты знаешь, что все это просто прикол. Что на самом деле ты наслаждаешься спектаклем так же, как и зрители.

— А тебе я нравлюсь?

— Ты знаешь, что нравишься мне. Если бы ты не был такой колючкой, я была бы с тобой.

— Но я завоевываю твое доверие, верно? Хотя бы медленно?

— Да. Медленно. Только не забудь о своем обещании.

— Эмма, я думаю о нем каждый день. Это будет трудно, но я спасу будущего короля от него самого.

— Я поверить не могу, настолько ты уверен в этом… Уверенность очень привлекательна.

— Я люблю тебя, Эмма.

— Мне пора идти.

— А ты меня любишь?

— Я… я стараюсь не торопиться. Сдерживать свои чувства.

— Я много лет контролировал абсолютно все стороны моей жизни. Но я не смог сдержаться и не влюбиться в тебя, и это единственное, что делает меня счастливым и заставляет волноваться. Ты должна попробовать потерять контроль над ситуацией.

— Кельвин, я не такая, как ты. У меня все наоборот. Тебе нужно ослабить контроль, а мне нет. Моей проблемой всегда было полное отсутствие контроля. Теперь мне нужно все контролировать.

— Но почему?

— Потому что, Кельвин, в тот день, когда ты уволил меня и пытался меня трахнуть…

— О, только не это.

— Да, это.

— Я же раскаялся.

— Я в этом не сомневаюсь, но в тот день ты показал мне свою сущность, и я не сомневаюсь, что, если бы я переспала с тобой тогда и ты взял бы меня обратно на работу, сейчас ты не был бы в меня влюблен. Тебя очень волнует то, что ты не можешь заполучить меня. Тебе нравятся трудные задачи, Кельвин. Ты не можешь от них отказаться.

— Ты когда-нибудь полюбишь меня?

— Когда смогу доверять тебе. Слушай, мне пора, я в «Сейнзбериз». Ты позвонишь мне попозже?

— Конечно.

— Пока.

Кельвин выключил телефон, разочарованный и взволнованный одновременно. Он знал, что

Эмма права. Он очень любил трудные задачи. Он должен получить эту девушку.

Трой учится читать

Челси вернулась в холл, где ее ждал следующий сюжет. Сценарий к нему написал сам Кельвин, но лично присутствовать на съемках не хотел.

— Э-э-э, ваше королевское высочество? — сказала Челси.

Принц Уэльский оторвался от книги и посмотрел на нее.

— Э-э-э, что? О, привет. Как дела? Зубрю севооборот. Небольшие земельные участки — это просто кошмар для ферм, вы согласны? По крайней мере, я всегда так думал. Возможно, я с ума сошел, многие люди именно так и думают, но я постоянно талдычу одно и то же. Конечно, никто особенно не слушает, но я серьезно полагаю, что это важно, а вы?

— Это Трой.

Съемочная бригада, которую Челси привела с собой, нацелила камеры на шестнадцатилетнего молодого человека, который шагнул вперед, сжимая в руке комикс.

— Привет. Привет. Трой, да? — сказал принц, вскочив с места. — Как дела? Что это? Комикс,

понятно. Молодец. Интересный? Я знаю, что некоторые из них ужасно забавные. Как дела?

— Я читаю только комиксы, потому что не очень хорошо читаю, — ответил Трой деревянным голосом, словно ему кто-то велел сказать именно эти слова.

— Боже мой! Правда? Знаешь, моя благотворительная организация ужасно много внимания уделяет проблемам грамотности. Я серьезно верю, очень верю, что мы не можем оставить молодежь позади. Мы должны найти способ увлечь ее. Конечно, я твержу об этом постоянно, но я не думаю, что кто-нибудь особенно слушает.

В кадре показалась стоящая неподалеку Кили, которая зашептала в камеру, словно присутствуя при самой настоящей случайной встрече.

— А тем временем в холле, — сказала она, — Трой разговорился с принцем Уэльским. Как и многие из присутствующих, Трой еще не понял, что говорит с наследником престола. Все остальные думают, что он двойник, но мне не кажется, что Трой догадался даже об этом. Королевская семья совершенно не входит в область его интересов.

Принц по-прежнему вежливо болтал с Троем, который присел рядом и показывал ему свой

комикс.

— Боже мой, «Бэтмен», — говорил принц. — Интересно?

— Не знаю, — ответил Трой. — Я не умею читать.

— Понятно, — сказал принц. — Для тебя это словно греческие письмена, верно?

Принц рассмеялся, как будто сказал что-то смешное, но Трой, очевидно, не понял юмора.

— Очень жаль, — сказал Трой, протягивая принцу комикс.

Двое мужчин с суровыми лицами, стоявшие неподалеку, внезапно дернулись вперед.

— Ой, не надо так суетиться! — предостерег их принц, взяв комикс у Троя. — Боже мой! «Глубоко в пещере летучих мышей сидит в задумчивости Черный рыцарь», — волнующе!

Какое-то время принц и молодой человек сидели вместе и листали «Бэтмена».

Вдалеке незаметно работала камера.

Поздравляю, вы в следующем туре: Квазар и «Четверка-Х»

После обеденного перерыва, во время которого Кельвин и Берилл висели на телефоне, а Родни делал вид, что тоже кому-то звонит, началась монотонная работа по прослушиванию персонажей, которых было решено держать до части конкурса под названием «поп-школа», а в некоторых случаях до самого финала.

Квазар был первым и делал именно то, чего от него и ждали. Войдя в зал в обтягивающей сетчатой майке, он объявил, что уже и так является суперзвездой и что трем судьям просто нужно известить об этом мир.

Кельвин сделал вид, что Квазар ему жутко не понравился, как и планировалось.

Берилл спросила, настоящие ли у него мышцы, тоже как планировалось.

Квазар играл великолепно, в соответствии с ожиданиями команды по отбору. Они предполагали, что он предложит Берилл потискать его мускулы, чтобы она сама все поняла, и он так и сделал. Они не ожидали, что он также предложит

ей потискать его любовную мышцу и посмотреть, настоящая ли она, но, к сожалению (поскольку это был редкий момент на шоу «Номер один», момент истинной комедии), ему не суждено было войти в итоговый монтаж.

Квазар прошел в следующий тур. Кельвин уже давно решил, что Квазар (хоть и не певец, но по-настоящему забавный и характерный «выскочка») дойдет до самого финала.

За ним пришла «Четверка-Х», и ребята в четыре голоса неплохо спели а капелла «Three Times A Lady», причем не меньше трех голосов почти постоянно попадали в тон. Их допустили до следующего тура единогласно и с таким воодушевлением, словно на прослушивание пришли сами участники «The Commodores».

— Знаете что? — сказал Кельвин, вдруг посерьезнев. — Редко встретишь врожденный музыкальный талант. Вы сделали эту песню. Ребята, вы настоящие звезды, и у вас впереди большая карьера.

— Знаете что? — сказала Берилл голосом матери и сексуальной кошечки одновременно. — Вы просто поразили меня. Я старая рокерша и знаю, что это трудная для исполнения песня, но вы, ребята, ее сделали.

— Знаете что? — сказал Родни. — Я серьезно думаю, что вы спели ее лучше, чем Лайонел Ричи, вы взяли эту песню, и вы ее сделали.

Парни вышли из комнаты, рыдая от счастья.

— Знаете что? — язвительно сказал Кельвин, когда они ушли. — Мы не можем все говорить «знаете что», поэтому будьте так любезны, заглядывайте в список фраз, который содержится в записях каждого дня.

Кельвин говорил о системе, разработанной целой чередой конкурсных шоу, появившихся со времен «Поп-идола» и «Х-фактора». Фразы, родившиеся в те ранние дни, — «знаете что?», «вы сделали эту песню», «вы продадите много записей», «вы просто класс», «мечте конец», «эта песня слишком сложная для вас», «вы мне очень понравились, но я говорю „нет“» — вскоре стали стандартным языком прослушиваний для всех судейских команд, и судьям оставалось просто чередовать их.

За дверями зала для прослушиваний «Четверке-Х» было наплевать, с помощью каких слов их пропустили, они были слишком заняты тем, что скакали вместе с Кили и все вместе благодарили Бога за то, что он позволил им сделать огромный скачок прочь от их адского существования.

Поздравляю, вы в следующем туре: Грэм и Миллисент

Следующими на прослушивание пришли Грэм и Миллисент.

— Привет, я Миллисент, — сказала Миллисент, проведя в комнату Грэма.

— А я Грэм, — сказал Грэм.

— А вместе мы Грэм и Миллисент.

Миллисент объявила, что они хотели бы спеть песню «Bright Eyes» (которую им посоветовала Челси, хотя идея исходила от Кельвина).

— Хорошая песня, — сказал Кельвин с серьезным видом. — Хороший выбор.

Берилл незаметно выдергивала из носа волоски и, когда они запели, заплакала настоящими слезами.

Миллисент пела хорошо, а Грэм плохо. Однако только не для Кельвина, который, как обычно, не собирался позволить действительности встать на пути хорошей истории, особенно придуманной им истории.

— Знаете что? — сказал Кельвин, снова играя роль прямолинейного идеалиста. — Для дуэта это

было отличное исполнение соло.

Молодая пара молча стояла в замешательстве, ожидая разъяснений.

— Миллисент? — спросил Кельвин. — В чем, по-твоему, заключается твой вклад в дуэт?

— Ну, я…

— Я тебе скажу, — сказал Кельвин. — Пока что ни в чем. У Грэма есть голос, а у тебя нет, вот и все. Он певец, а ты пассажир, Миллисент, и я думаю, что ты тоже это знаешь. Он ведет тебя за собой, Миллисент. Нет, он не ведет тебя, ты недостаточно хороша для этого. Он тебя тянет. Сейчас Грэм тянет тебя за собой. Что ты чувствуешь, Миллисент? Ты этого хочешь? Ты хочешь, чтобы тебя тянули? Ты не можешь не понимать, что тормозишь его.

Миллисент не ответила. У нее было такое лицо, что стало ясно: услышанное было хуже удара, и она просто не в состоянии ответить. Ее очевидно тошнило от ужаса.

— А что ты чувствуешь, Грэм? — спросил Кельвин. — Ты певец, и ты поешь с человеком, который не умеет петь. Это портит твое выступление. Что ты чувствуешь?

Грэм тоже не мог найти слов для ответа. Молодая пара, молодые любовники, застыли от ужаса,

словно стали свидетелями трагедии. Хотя отчасти так оно и было.

— Хорошо! — крикнул Кельвин, снова приняв деловой вид. — Я проведу вас в следующий тур из-за Грэма, и только из-за Грэма, вот и все. Родни?

— Я согласен, — сказал Родни, знающий, что от него ожидается. — У Грэма есть голос. У него есть талант.

— Берилл? — снова поторопил Кельвин.

— Да, — прохрипела Берилл, отвечая на реплику Кельвина. — Я скажу «да», но только из-за Грэма и его прекрасного рок-н-рольного голоса. Ты такой сексуальный, Грэм, и у тебя такой голос!

— Хорошо, — все так же жестко сказал Кельвин. — Вы в следующем туре. У вас будет еще один шанс, и вот что я скажу тебе, Миллисент: начинай работать, девочка. Начинай работать так, как никогда в жизни. Начинай работать и учиться, расти, и еще раз расти, учись и работай, потому что все зависит от тебя. Только ты стоишь на пути Грэма, его карьера — в твоих руках, и, если ты не приведешь себя в порядок, ты утянешь его на дно.

После этих слов трясущихся Грэма и Миллисент выпроводили из комнаты.

— Боже, вот это да, — сказала Берилл после того, как они ушли. — Ты был великолепен.

— Проблема в том, — сказал Родни, — что на самом деле это она певица, а не он.

— Да, да, Родни, я знаю, что она поет лучше! Ради всего святого, это наш третий сезон вместе, ты что, еще ничего не понял? Эти люди — то, что мы им говорим, как мы их монтируем. Если мы смотрим на этого слепого бедолагу, слушаем его невыразительный, хриплый, хреновый голосок и говорим, что у него голос как у молодого Джеймса Брауна, значит, у него действительно голос молодого Джеймса Брауна. Видит бог, я потерял счет случаям, когда Берилл говорила какой-нибудь барменше с отвислыми грудями, что предпочитает ее исполнение «My Heart Will Go On» исполнению Селин. Иногда даже меня корежит. Сколько раз можно тебе повторять: пение не имеет значения! Пожалуйста, попытайся это запомнить.

За дверями зала для прослушиваний Кили встретила Грэма и Миллисент, задыхаясь от предвкушения.

— Получилось? Вы прошли? — спросила она.

— Да, мы прошли, — сказала Миллисент и расплакалась.

— Детка, детка, детка, — сказала Кили. — Детка!

Кили обняла Миллисент, и та рассказала ей, что произошло.

— Я немедленно ухожу! — говорила она. — Я ни за что не встану на пути Грэма. Кельвин с таким же успехом мог бы сказать, что я не хочу, чтобы Грэм прославился без меня.

Глядя из-за камеры, которая застыла в нескольких дюймах от смущенного лица Миллисент, Челси отметила временной код. Последнее предложение, вырванное из контекста, было бомбой. «Я не хочу, чтобы Грэм прославился без меня». Если девушку когда-то и подводили собственные слова… Это предложение, проигранное до, после и, если получится, во время рекламных пауз, уничтожит маленькую хористку и мисс «прилежание».

Поздравляю, вы в следующем туре: группа «Парень»

Дальше была группа «Парень», рок-н-рольный ансамбль, выступающий на свадьбах и вечеринках. Четверо симпатичных парней лет тридцати скромно объяснили судьям, что они отработали положенное в рок-н-ролле во всех барах на магистралях M1 и M6 (вместе со своими старыми, видавшими виды гитарами) и полагали, что это их последний шанс сыграть по-крупному.

— Это наш последний залп, Кельвин, — объяснил один парень.

— Мы пришли сюда, чтобы сбацать, — добавил другой. — И именно это мы и собираемся сделать.

— Эй, хватит уже болтать, — сказал первый парень, — и давайте споем!

Берилл восторженно вскрикнула, Кельвин улыбнулся, и группа «Парень» исполнила «Stand By Me» душераздирающе слезливо, в четыре голоса, причем к концу песни их лица до такой степени исказились от боли и нахлынувших чувств, что создалось впечатление, будто они не

поют, а мучаются от тяжелой болезни.

Когда все закончилось, Берилл заговорила первая.

— Ребята, — сказала она, — это было потрясающе. Вы знаете меня, я старая рокерша, и единственное, что я могу сказать, — вы просто класс! Вы просто класс, РЕБЯТА! Вы сделали эту песню. Это было потрясающе.

— Это трудная песня, — добавил Родни, пытаясь выглядеть умным человеком, которому трудно угодить. — «Stand By Me» — очень трудная для исполнения песня. Это совсем не простая песня. Это трудная песня, но вы ее сделали.

Родни занимал центральное кресло, на время приняв на себя роль лидера команды. Изредка его и Берилл пересаживали на это место, ибо Кельвин таким образом пытался создать иллюзию равенства между судьями.

— Я пропускаю вас в следующий тур, — сказал Родни. — Берилл?

— Да! — согласилась Берилл. — Да, да, да, ребята, вы — класс.

— Кельвин? — спросил Родни, наслаждаясь своим центральным положением.

— Это было ужасно, — сказал Кельвин.

Берилл и Родни протестующе заголосили, после

чего судьи начали вымучивать принятие итогового решения.

— Ты с ума сошел, Кельвин! — деревянным голосом протестовала Берилл. — Опомнись! Да ты что? Я поверить не могу! Опомнись!

— Это была очень трудная песня, — добавил Родни, и если игра Берилл была деревянной, то игра Родни была сделана просто из цельного куска дерева. — Я считаю, ты должен извиниться перед парнями.

— Если тебе не под силу спеть эту песню, Родни, это не значит, что песня трудная, — усмехнулся Кельвин. — Мне показалось, что они скучные.

На самом деле Кельвин никак не мог судить о том, было ли выступление группы «Парень» скучным, потому что он на протяжении всей песни разговаривал по телефону с Америкой, стоя в углу комнаты.

— Извините, ребята, — сказал Кельвин, — но я видел сотни таких групп, как ваша, которые отработали положенное в паршивых рок-пабах по всей стране.

На самом деле группа «Парень» играла преимущественно в гостиницах и на концертных площадках, а Кельвин не вошел бы в паршивый рок-паб, даже если бы на его сцене Бритни Спирс

сношалась с Мадонной, но прозвучало это сильно. Круто и профессионально.

— Да, Кельвин, — ответил один парень. — Может быть, ты и прав, может быть, есть полно парней вроде нас, которые отработали положенное в рок-н-ролле. И может быть, мы играем сейчас за них всех.

— Да! — взвизгнула Берилл. — ДА! Отличный ответ! Вперед, парни.

— Хорошо сказано! — добавил Родни.

Кельвин, изобразив добродушную ухмылку, сделал вид, что заколебался.

— Да, Берилл права, это отличный ответ, — согласился он. — Мне нравится ваш подход. Может быть, вы на самом деле так хороши, как думаете о себе. Черт возьми, возможно, стоит рискнуть…

Кельвин снова замолчал, словно напряженно прислушиваясь к своему внутреннему голосу.

— Ребята, для вас это переломный момент в жизни, — сказал он, чтобы еще потянуть время. — Если я ошибусь и у вас ничего не получится, я буду выглядеть дураком.

— Эй, Кельвин, мы не подведем тебя, — сказал один из парней.

— Надеюсь. Ладно. Вы в следующем туре.

Поздравляю, вы в следующем туре: Иона

Ионе было очень неуютно в холле. В отличие от принца Уэльского ее узнали все остальные конкурсанты, которые были свидетелями унижения, выпавшего на ее долю и на долю ее друзей по группе в прошлом году. К тому же они все видели, как Родни Рут принародно объявил о своей привязанности к Ионе и предсказал, что «Шетландский туман» станет звездой огромной величины. Они также знали, что за этим предсказанием последовало полное отсутствие звездности, огромной или не огромной.

— Поверить не могу, что ты вернулась и решила попытаться еще раз, — сказала одна из сидящих неподалеку девушек.

— Значит, ты бросила свою группу? — заметила другая. — А мне кажется, зря.

Иона не могла сказать им, что ее пригласили поучаствовать снова. Это было одним из правил шоу «Номер один», которым она была обязана подчиняться и которые, о чем напомнила ей Челси во время телефонного звонка, могли изме-

ниться в любой момент.

Наконец к ней подошел отборщик с Кили и съемочной бригадой.

— Только посмотрите, кого я нашла в уголке холла! — крикнула Кили в камеру, изобразив удивление. — Эй, это же Иона из «Шетландского тумана»!!! Это просто отпад! Подойди сюда и поздоровайся, милая.

Иона вышла вперед.

— Привет! — сказала Кили. — Классно видеть тебя, подруга. Значит, вторая попытка, да?

— Да, Кили, все правильно. Я снова начинаю с нуля, — объяснила Иона.

— Но уже без группы?

— Конечно, я ужасно скучаю по ним, но мы с ребятами все обсудили и решили, что не имеет смысла повторять то, что было в прошлый раз, поэтому… ну, я здесь.

— Детка, это супер! Вперед, детка! Просто отпад! — ахнула Кили. — Итак, ни для кого не секрет, что ты и наш поп-Свенгали, Родни Рут, в прошлом году были парочкой. Он был твоим ярым фанатом, насколько я помню.

— Да, Кили, ты права, он был моим фанатом.

— Значит, тебе не терпится снова увидеть его?

— О да, — сказала Иона, и ее светлые глаза сузи-

лись. — Мне просто не терпится снова увидеть Родни Рута.

— Лови момент, милая! Вперед на встречу!

Кили и Иона, в сопровождении съемочной бригады, направились к залу для прослушиваний.

Какое-то время Родни наслаждался собой. Он всегда любил моменты, когда ему выпадало счастье сидеть в центре, и почти забыл о том, что запланировал для него Кельвин. Поэтому выражение ужаса на его лице при виде вошедшей в зал Ионы было совершенно неподдельным.

— Привет, Иона! — взвизгнула Берилл, изобразив удивление. — Ты вернулась! Это же здорово, что у тебя хватило наглости вернуться на ринг и снова встретиться с нами. Мужественный поступок. Мне это нравится. Вперед, девочка!

— Привет, Иона, — сказал Кельвин с улыбкой. После чего, повернувшись к Родни, добавил: — Только взгляните, кто пришел снова попытать счастья, мистер Рут.

Всегда нелегко наталкиваться на бывших подружек, особенно бывших подружек, которых ты унизил перед всем народом и с тех самых пор избегал. Еще сложнее делать это перед телевизионными камерами. Родни не удалось оказаться на высоте положения.

— Э-э… хм… да. Да, — сказал он.

Кельвин заранее предупредил, чтобы Родни снимали во всех ракурсах. Будучи мастером в создании художественной драмы, он знал, что настоящие эмоции важнее всего, и с тех самых пор, как Родни бросил Иону в прошлом году, он планировал эту сцену и с нетерпением поджидал возможности использовать неподдельное смущение Родни.

— Привет, Иона, — наконец сказал Родни слабым голосом.

— Привет, Родни, — ответила Иона сладким голосом, но с привкусом горечи. — Давненько тебя не видела.

— Да, давненько. Это точно. Значит, ты сегодня без своей группы?

— Ты прав, Родни, — ответила Иона. — С группой пришлось распрощаться. Мы так и не зажгли по-настоящему, насколько тебе известно, а ждать целую вечность невозможно, верно?

— Верно, — с трудом выдавил из себя Родни. — Невозможно.

— Ждать тебя, она хочет сказать! — взвизгнула Берилл, и Родни передернуло. — Мы все помним, что ты сказал в прошлом году, дружище! Пора уже одной из конкурсанток, которой ты пообещал

карьеру, вернуться сюда и швырнуть обвинение тебе в лицо. Ты постоянно так поступаешь.

— Да, Родни, — добавил Кельвин. — Ты недавно говорил об извинениях. Мне кажется, ты обязан извиниться перед Ионой. В конце концов, ты и правда пообещал, что группа «Шетландский туман» будет звездой.

— Да, ну, я думал, что группа талантливая, — с запинкой произнес Родни. — В смысле, я и сейчас так думаю.

— Но недостаточно, чтобы заключить с ними контракт? — уточнила Берилл.

Родни вдруг рассердился и бросился в атаку:

— Знаешь, Берилл, я предпочел увидеть, как они провалятся до того, как заключат контракт, а не пережить публичное унижение после, как вышло с твоей драгоценной доченькой Присцилл-лой! Кстати, как поживает ее альбом?

На секунду Берилл застыла, не в состоянии поверить в то, что Родни посмел так отозваться о ее семье. Ее семье. О семье, которой она с рабской покорностью подчиняла свою жизнь, о чем была осведомлена вся общественность. Разве он не знает, что она — лучшая мамочка на свете?

— Что ты сказал, ТВОЮ МАТЬ? — крикнула Берилл.

— Ты слышала, что я сказал, — ответил Родни, но было понятно, что он струхнул.

— Да, я слышала, приятель. И я этого не забуду. — Берилл повернулась к Кельвину. — Ты это вырежешь, да? — спросила она. — То, что сказал этот сукин сын?

— Да, разумеется, — ответил Кельвин. — Точно. Наверняка. Да и вообще вряд ли это нам подойдет. Посмотрим. В смысле, потом придется посмотреть материал, мы все смотрим, но сомневаюсь, что мы это используем. Возможно, и не будем.

Кельвин взглянул на Челси, которая кивком дала понять, что отметила временной код.

— Вот что я скажу тебе, Кельвин, — сказала Берилл, продолжая говорить так, будто между ними не сидел Родни. — Если этот мелкий засранец еще раз оскорбит мою дочь или любого члена моей семьи, я уйду. Понял? Ты можешь обойтись без него, но ты не сможешь обойтись без меня. Так что запомни это.

Последовала еще одна пауза, во время которой Кельвин смотрел на Берилл, тоже полностью игнорируя Родни. Кельвин улыбнулся, но это была холодная улыбка.

— Ты знаешь, что мне очень бы не хотелось потерять тебя, дорогая, — сказал он с тончайшим

намеком на угрозу. — Но в долгосрочной перспективе такие решения принимаю я. Берилл, я повторяю: сомневаюсь, что мы это используем.

Оставив Берилл злиться от беспомощности, Кельвин с приятной улыбкой повернулся к Родни.

— Родни, — сказал он, — мы не можем заставить Иону стоять здесь целый день, она ведь пришла на прослушивание. Ты сидишь в центре, начинай.

Не обращая внимания на продолжавшую кипеть Берилл, Родни попытался взять себя в руки:

— Да, Иона. Что ты хочешь спеть нам сегодня?

— Я бы хотела спеть песню «You Raise Me Up» группы «Westlife».

— Вперед, детка.

Иона исполнила песню очень мило, и ее красивые зеленые глаза даже заволокло слезами, когда она дошла до кульминации. После того как она закончила, Берилл и Кельвин с энтузиазмом зааплодировали.

— Вперед, девочка! — крикнула Берилл. — Ты сделала эту песню!

— Да. Поздравляю, — сказал Кельвин, который, казалось, почти не слушал, возможно по-прежнему обдумывая нарастающее напряжение между

своими коллегами-судьями и то, как его получше использовать. — Ты прошла долгий путь с прошлого года.

— Да, да, — согласилась Берилл, перед тем как проголосовать за Иону на том основании, что та, очевидно, внимательно слушала ее замечания. — Я искренне чувствую, что ты приняла к сведению все, что мы сказали в прошлом году. Я говорила тебе «идти вперед, учиться и расти», и ты так и поступила!

Кельвин согласился и тоже проголосовал «за».

— Родни? — спросил он.

Родни читал сценарий и знал, чего от него ждали. Он последний раз посмотрел на Кельвина с мольбой, но Кельвин в ответ просто постучал карандашом по соответствующей странице сценария.

— Мой голос ни к чему, — сказал Родни с наигранным весельем. — У Ионы уже есть ваши голоса, она уже прошла в следующий тур.

Кельвин на это не купился.

— Родни, — тихо сказал он, — что скажешь ты?

У Родни не было выбора. Будучи одним из известных и якобы независимых судей, он работал на «КЕЛоник ТВ», которое было детищем Кельвина, и каждой унцией своей славы и положения

был обязан ему. Он сделал то, что ему велели.

— Прости, Иона, — пробормотал он. — Я не думаю, что ты можешь выступать без своей группы. Я не думаю, что ты достаточно хорошо поешь. Я говорю «нет».

Это был поистине великолепный момент шоу. Даже главные члены команды, которые знали, что сейчас произойдет, ахнули от такой жестокости и наглости. Что касается помощников и младшего персонала, которые не читали сценария, они просто разинули рты. Это было невероятно: Родни Рут, главный поклонник Ионы в прошлом году, ее бывший парень, который пообещал ей целый мир, опустил ее в первом туре. Это было поразительно, невероятно. Все присутствующие в зале знали, что стали свидетелями звездного часа поп-культуры, такого же, как высадка на Луну, убийство Кеннеди или первый секс на шоу «Большой брат».

Разумеется, больше всех была потрясена Иона. Очевидно, она ожидала от Родни чего угодно, но только не этого. Камера, подобравшись к самой ее душе, запечатлела унижение и боль женщины, переживающей невероятное предательство.

— Что ж, Родни, — ледяным тоном сказала она, — это странно. Раньше я была достаточно

хороша для тебя, верно? И на людях, и наедине.

И, не говоря больше ни слова, она повернулась и вышла из зала.

Осторожно, она не в себе

Кельвин объявил перерыв на пять минут. Они и так опаздывали, но он должен был позвонить Эмме. Выгнав членов съемочной бригады из гостевой комнаты, где те доедали пирожные, он закурил сигарету и приготовился понежиться в звуках ее голоса.

— Ты заставил Родни отказать ей? — ахнула Эмма, когда Кельвин описал ей мучительное напряжение конфликта между Ионой и Родни.

— Конечно, заставил и собираюсь проводить ее из тура в тур, а его повторять то же самое снова и снова, отчего сюжет будет становиться только лучше.

— Художественная драма — это хорошо, но настоящая драма — золото для телевидения, да? — процитировала Эмма.

— Конечно. Настоящее всегда лучше.

— Он должен был отказаться, честное слово. Подумать только, она его бывшая девушка. Это просто нелепо.

— Синдром третьего судьи. Такие, как он, и правда нелепы. Это их работа.

— Кстати, о драме, — сказала Эмма, меняя тему, — ты уже видел эту девушку, Шайану?

— Нет. Она в следующей группе. Почему ты спросила?

— Не знаю. Просто так, наверное.

Но Кельвин на это не купился. Он знал, что Эмма потрясающий отборщик, и инстинкт никогда ее не подводил, и, если она решила спросить об одном из тысяч имен, которые пропустила через себя за долгие месяцы подготовительного периода, он хотел знать почему.

— Ну же, — настаивал он. — Почему ты спросила?

— Я просто не могу забыть ее, — тихо ответила Эмма. — В смысле, я забыла о ней, но она вроде как вернулась ко мне. Я помню ее заявку, фразу «Я — это я», то, как сильно она хотела участвовать.

— Они все очень сильно хотят участвовать.

— Да, ты прав, конечно, но эта девушка написала эти слова дважды. В своей заявке. Такого я никогда не видела.

— Эмма, ты видела, что они пишут кровью. Разве не ты говорила мне, что в прошлом году одна заявка была написана спермой?

— Я не думаю, что это была настоящая сперма.

Скорее смесь муки с клеем, которая выглядит как сперма.

— Не важно, суть в том, что ты видела достаточно ненормальных.

— Конечно. И все равно я думаю, что Шайана относится к другой разновидности. Я помню ее отборочный день в Бирмингеме. Она была настолько отчаявшаяся. Настолько напряженная. Словно действительно, действительно хотела что-то доказать, доказать что-то себе.

— Эмма, именно таких я и люблю. Чем больше они верят, тем сильнее липнут, а «липучки» — отличный сюжет.

— И все равно, не подпускай к ней парикмахеров и гримеров, у них много ножниц. Какой сюжет ты для нее придумал? Ты ведь не доведешь ее до финала?

— Нет. Мы отсеем ее после «поп-школы». Обычное дело, подразним ее, чтобы росла, а потом скажем, что у нее ничего не вышло.

— Я думаю, ее нужно отсеять раньше. Ее нужно отсеять сейчас же.

— И именно поэтому я не собираюсь делать этого.

— Что ты хочешь сказать?

— Эмма, ты отлично делала свою работу. Если

бы у тебя не было принципов и совести, ты была бы младшим партнером в «КЕЛоник»…

— Нет, спасибо.

— И если ты думаешь, что какая-то убогая девица до того накрутила себя, что мне следует ее избегать, это означает только одно: у нас появилась классическая «липучка», и я считаю своим долгом перед общественностью выдоить ее до последней капли.

— Кельвин, я говорю тебе, она слишком напряжена. У нее внутри слишком много всего происходит.

— Эмма, для меня не бывает слишком много всего. Мне это нравится, и тебе это известно. Не волнуйся, такие люди не пугают меня. Никогда не пугали. И никогда не будут. Слушай, мне пора идти. Мы ужасно отстаем. Эмма, я люблю тебя. Очень люблю.

— Возможно, я тоже люблю тебя. Пока.

Нажав на кнопку отбоя, Кельвин поднял глаза и понял, что за ним наблюдают. Это была Шайана. Он тут же узнал ее. Она забрела сюда из холла. Может, чтобы пройти в туалет или чтобы просто поглазеть.

— Эй, привет, — сказал Кельвин, оглядывая ее сверху донизу. — Я приду через минутку.

Ему она показалась довольно обычной. Слегка в стиле готов. Слишком много макияжа и совершенно неподходящий лифчик, потому что груди как таковой у нее не было. Просто очередное скучное ничтожество, из которого после монтажа получится несколько минут чего-то интересного. Кельвин не понял, почему Эмма так на ней зациклилась. Возможно, на этот раз инстинкт подвел ее?

Он делает это для детей

Принц вошел в зал для прослушиваний, оставив своих детективов за дверью. Кельвин не сообщил двум своим коллегам о решении ЕКВ попытать счастья на шоу «Номер один». Как всегда, он предпочитал притворству настоящую драму и искренние реакции, и ему было интересно увидеть, как прореагируют Берилл и Родни.

— Боже мой! — воскликнула Берилл. — Это великолепно! Вы выглядите совершенно как он!

— Невероятно, — согласился Родни. — А голос вы тоже можете подделать?

Принц, казалось, был несколько ошарашен таким приемом и, очевидно, не совсем понял, о чем они говорят. Поэтому он из вежливости не обратил на это внимания, как поступал обычно, встречаясь с любопытными незнакомцами, которые несли полную чушь.

— Привет! Как дела? Все хорошо? — поинтересовался он.

Берилл и Родни зааплодировали.

— Это великолепно, — воскликнула Берилл.

— Поразительно. А еще кого-нибудь показать

можете? — спросил Родни, после чего последовало короткое и слегка неловкое молчание, потому что принц по-прежнему не понимал, о чем они говорят.

— Вы судьи? — наконец сказал он, пустив в ход накопленный за многие годы опыт ведения светской беседы. — Молодцы, я думаю, у вас ужасно сложная работа. Это трудно? Уверен, что трудно. Бедняги.

— Парень просто класс, — сказал Родни, поворачиваясь к Кельвину, который улыбнулся и показал, что хочет, чтобы Родни продолжил собеседование. — Ну, расскажите нам немного о себе, — попросил Родни принца. — Кто вы?

— Я принц Уэльский за мои грехи, — сообщил принц, в ответ на что Берилл завизжала от смеха.

— Отлично! — сказала она.

— Понятно, — ответил Родни. — И как же нам вас называть?

— Ну, — ответил принц, — обычно меня называют «ваше королевское высочество», но «сэр» более чем достаточно. Нет, правда, я искренне считаю, что излишние формальности могут иногда помешать, вы согласны?

— Ну что ж, отлично… сэр. Что привело вас

сюда?

— Понимаете, я пришел сюда, чтобы учиться, — объяснил принц. — Очень многие считают, что такой чудак, как я, потерял ориентиры. И кто знает, возможно, они правы, возможно, я действительно утратил связь с молодежью, но, в отличие от некоторых, я отказываюсь восставать против молодых и называть их культуру пустой и бессмысленной, при этом ничего о ней не зная. Именно поэтому я пришел сюда. Я пришел, чтобы учиться. Учиться понимать это энергичное, новое, нетерпеливое поколение и одновременно учиться понимать себя. Потому что если я не знаю себя, то как я могу ожидать, что люди узнают меня, а я полагаю, что достаточно тщеславен, чтобы надеяться, что когда-нибудь они меня узнают.

Во время речи принца камеры сосредоточились на лицах судей, и было очевидно, что до Берилл и Родни наконец начала доходить шокирующая реальность. Кельвин, великолепно играя свою роль, в изумлении приоткрыл рот, поскольку становилось все более и более очевидно, что перед ними стоял не двойник.

— Простите? — сказала Берилл, когда принц закончил говорить. — Так вы и есть принц Уэльский?

— Да. Разве я не сказал? Боже мой, я бы забыл собственную голову, не будь она прикручена к телу!

— Настоящий принц Уэльский? — продолжила Берилл.

— Да, именно так, рыцарь чего-то там, кавалер чего-то еще. На самом деле это просто чушь, хотя я серьезно думаю, что традиция важна, вы согласны? В противном случае в поисках эфемерного мы теряем вечное. Мы отделяем следующее поколение от нашей собственной истории. Мы ведь не имеем права так поступать? Мы должны передавать средства, при помощи которых люди будущих времен смогут понимать собственное прошлое. История важна. Вы не согласны? Или я просто твержу об одном и том же? Знаете, за мной это водится.

Когда принц закончил, повисла пауза. Даже Берилл была настолько потрясена, что потеряла дар речи.

— Хм, что ж, сэр, — сказал Кельвин, — что бы вы хотели спеть для нас?

— Я бы хотел спеть «Rockin' All Over The World» группы «Status Quo», — ответил принц.

— Хороший выбор, — сказал Родни словно на автопилоте. — Это отличная песня.

— Здесь нужно петь «rockin'», а не «rocking», — добавил принц. — «G» на конце немая. Ею пожертвовали ради более сильного эффекта и для того, чтобы текст был более плавным. Я считаю, что это допустимо, а вы? Правильный английский очень важен, но не стоит быть излишне придирчивыми. Вы согласны?

Трое судей дали понять, что совершенно согласны, и принц послушно исполнил классическую песню группы «Status Quo». Когда он закончил, все трое судей разразились восторженными аплодисментами.

— Ваше королевское высочество, — сказал Кельвин, натягивая на лицо серьезную маску.

— Пожалуйста, называйте меня «сэр», — перебил его принц. — Правда, честно, обычного «сэр» более чем достаточно.

— Ну что ж, сэр, — продолжил Кельвин все так же серьезно. — Я очень приятно удивлен. Когда я понял, что это не шутка и что вы хотите пройти прослушивание, если честно, я был потрясен.

На лице принца промелькнула тень недоумения. Разумеется, Кельвин не сообщил ему о том, что собирался отрицать свою предварительную осведомленность о королевском участии. Кельвин быстро продолжил, чтобы принц не успел

сказать, что на самом деле это именно он пригласил его на прослушивание.

— Нам постоянно показывают вас как человека, потерявшего связь с реальностью, безучастного, изнеженного, высокомерного, помешанного, надоедливого старого зануду.

— Я знаю. Я знаю, — пожаловался принц. — Это так угнетает, вы согласны?

— Я не верила этим гадким слухам даже секунду, сэр, — проворковала Берилл. — Вы так много сделали для понимания и терпимости между расами, религиями… гендерными предпочтениями. Да что там, я думаю, что теперь будет даже возможно сделать транссексуалку Дамой Британской империи.

— Берилл, заткнись! — рявкнул Кельвин.

— Я просто говорю!

— Лучше просто помолчи. Сэр, — сказал Кельвин, снова поворачиваясь к принцу. — Мы знаем все гадости, которые о вас рассказывают. Но шоу «Номер один» — беспристрастное шоу. Мы не превозносим титулы, но и не презираем их. Мы оцениваем всех, кто к нам приходит, только на основании их достоинств. Любой может быть звездой…

— Вы такие молодцы, — перебил его принц. —

Я серьезно думаю, что это достойно похвалы. Это именно тот дух, который я пытаюсь поддерживать с помощью своего траста. Мы всегда говорим, что, невзирая на самые отчаянные или трудные обстоятельства, в которых может оказаться молодой человек, наша задача — помочь ему подняться и выпустить на свободу природный потенциал, имеющийся у всех нас.

Кельвин улыбнулся:

— И у вас тоже, сэр. Вы тоже имеете право на то, чтобы вас ценили за ваши достоинства. Я пропускаю вас в следующий тур.

— Правда? О, вы так добры.

— Я тоже, — быстро сказала Берилл. — Вы сделали эту песню, сэр.

— Да, — поспешно согласился Родни. — Спеть «Status Quo» нелегко. Но вы сделали эту песню, сэр.

Затем принца вывели из зала. За дверями он увидел задыхающуюся от волнения Кили, которой не терпелось узнать, как выступил его королевское высочество.

— Ну, знаете, мне показалось, что им понравилось, — ответил он. — Одному Богу известно почему. Полагаю, я пел ужасно, но я старался изо всех сил, и, конечно, мелодия просто потря-

сающая.

— Значит, вы в «поп-школе»? — взвизгнула Кили.

— Ну, если вы так говорите.

Принц не прыгал и не кричал, как исторически подобало прошедшим в следующий тур конкурсантам, поэтому Кили пришлось прыгать за него.

— Да! — сказала она. — Это так клево! Просто отлично! Отпад!

После чего принц и двое его детективов поспешили обратно в Лондон, чтобы присутствовать на службе в соборе Святого Павла, посвященной памяти жертв последнего цунами.

Поздравляем, вы в следующем туре: Латиффа и Сьюки

После его королевского высочества в списках значилась Латиффа, отобранная заранее «заноза», или «заносчивая негритянка». Кельвину всегда нравилось включать в шоу «занозу», а иногда даже «бодучую занозу», то есть «белую девушку, которая косит под заносчивую негритянку». Последние были еще забавнее, ведь нет ничего прикольнее, чем бледные девушки из Эссекса, которые вальяжно вышагивают, щелкают пальцами, называют себя телками и, в общем, создают впечатление, что они выросли вместе с Эминемом и Eight Mile.

Латиффа гордо вошла в комнату, словно на прослушивание двойников Destiny's Child. Это была крутая девица, окруженная аурой агрессивной самоуверенности, которую наверняка ощущал вермахт в то утро, когда напал на Россию, и, разумеется, с тем же потенциалом, чтобы потерпеть поражение. Американка во всем, кроме национальности, Латиффа не была склонна прятать свой талант в толпе.

— Я лучшая! — громко заявила она. — Так чта забудьте астальных. Я сексуальна, и я сильна женщина, и у меня есть когти, так чта лучша берегитесь. Никта не хочет этава так, как я, поэтаму лучше все валите с маей дароги, патаму чта Латиффа идет!

Времени было мало, поэтому прослушивание было решено прогнать быстро. Ей дали достаточно времени, чтобы она вызвала всеобщее раздражение, в чем и заключалась выделенная ей роль в формировавшейся группе финалистов. Она приготовила песню «Nasty Boys» Джанет Джексон, и Кельвин позволил ей спеть три строчки, прежде чем сообщить, что она прошла в следующий тур. Он даже не стал советоваться со своими коллегами-судьями. Он не собирался выставлять Латиффу на первый план до более поздних ступеней конкурса, чтобы ее раздражающее самомнение не вылезло слишком рано. Во время первых двух или трех шоу она мелькнет на экране всего пару раз, но не более того.

После Латиффы в зал зашла Сьюки, стриптизерша, ставшая проституткой, женщина с огромными силиконовыми грудями, которую Трент попытался отсеять на уровне открывания конвертов и чью заявку Эмма в приступе ми-

нутной жалости положила в пачку «сморчков». Эмма углядела в заявке то же самое, что позднее заметил Кельвин. Трент предлагал задействовать ее в массовке на предварительном отборе в качестве персонажа для короткого сюжета и для смеха. «Представьте себе эту высосанную, высушенную старую шлюху, которая думает, что может стать поп-звездой», — говорил Трент. Но, просматривая ее видео, Кельвин заметил настолько безграничное страдание Сьюки, что нашел ее почти привлекательной. Она была настолько потрясающе уязвима. Классическая птица на проводах. Едва ли по-прежнему привлекательная, но уже через несколько месяцев, может быть, недель превратится в ужасающую карикатуру на «старую гадкую проститутку» (или «сапог»). Инстинкты Кельвина говорили, что со Сьюки получится отличный сюжет. Мужчины возжелают ее, потому что уязвимость делает ее доступной, а женщины увидят в ней человека на грани срыва и пожалеют ее. Она даже не так плохо пела, что всегда предпочтительней для перспективных финалистов.

Двумя годами ранее, когда снимался первый сезон шоу «Номер один», такая личность, как Сьюки, с ее нелепыми грудями и голодными гла-

зами могла рассчитывать только на секундную сцену на периферии. Но ожидания изменились. Женщины вроде Сьюки становятся нормой. Версии этого типа стояли на каждом подиуме, и журналы «OK!» и «Hello!» постоянно печатали фотографии карикатурных женщин с новорожденными младенцами на руках, которые были не больше нелепых силиконовых грудей.

— Сьюки, что ты хочешь спеть для нас? — спросил Кельвин.

— Знаешь, Кельвин, — ответила Сьюки, — я считаю, что ты самый сексуальный мужчина на телевидении, поэтому я бы хотела спеть песню «Hopelessly Devoted To You» из фильма «Бриолин».

Кельвин улыбнулся улыбкой плейбоя.

Берилл сказала:

— О, ради бога!

Родни сказал:

— Хорошая песня, хороший выбор. Но она сложная.

— Прежде чем я начну, — сказала Сьюки, — я бы хотела, чтобы вы узнали, что я очень, очень хочу этого, просто очень. Я так сильно хочу этого. Это моя мечта.

Группа «Пероксид» встречает свою погибель

Пока Сьюки проживала свою мечту перед Кельвином, Берилл и Родни, Челси вернулась в холл, чтобы провести несколько последних минут с группой «Пероксид».

Джорджи и Мишель большую часть дня просидели, тесно прижавшись друг к дружке, на одном месте. На полу, опершись о стену, в окружении пенопластовых чашек, очень крепко обняв друг друга. Они обнимались отчасти потому, что замерзли — почти сразу после приезда они переоделись в костюмы, состоявшие практически только из трусиков и лифчиков, — но и из-за огромного волнения. Только обнявшись они могли сидеть спокойно. Мало что может привести девушек в такой трепет. Они едва дышали от беспокойства.

Их чувства отличались от чувств оставшихся пятидесяти или около того конкурсантов; по крайней мере, им казалось, что они другие, ведь они искренне полагали, что у них есть шанс.

Челси тоже так думала.

— Да ладно вам, девочки, — ворковала она. — Кельвин обязан провести вас в следующий тур. Сами подумайте: зачем еще они вас пригласили снова? Они знают, что вы молодцы. Они знают, что в прошлом году совершили ошибку. Вы помните протесты в газетах и все такое? Девочки, я искренне считаю, что Кельвина смутило то, насколько зрители полюбили вас.

Джорджи и Мишель не нужно было долго уговаривать: они с готовностью поверили, что это будет их год. После бесконечных анализов, проведенных за несколько прошедших недель, они пришли к выводу, что, если исключить такую непредвиденную катастрофу, как, например, приступ тонзиллита, они обязаны продержаться хотя бы несколько первых туров. Они пытались не позволять себе слишком надеяться, но все же невольно чувствовали, что, по крайней мере, до «поп-школы» они в безопасности. В конце концов, ранний отсев в предыдущем году действительно стал крупным скандалом на шоу «Номер один», и все газеты на самом деле выли от отчаяния. Кельвин сам попросил их вернуться на шоу в этом году (хотя им было запрещено говорить об этом).

Одно было ясно: судьи не станут повторять того, что было в прошлом году.

Челси присела на корточки рядом с девушками и протянула руки для последнего объятия. Обниматься втроем всегда дело нелегкое, особенно когда инициатор сидит на корточках, а двое других участников сидят на полу, но Челси была профессионалом и сумела на краткий миг объединить возле себя двух девушек. Когда Джорджи наклонилась к ней, Челси поразили две вещи: невероятной силы запах зубной пасты и жидкости для полоскания рта, а также ужасающая худоба девушки, она похудела еще больше после отборочного дня в Бирмингеме. На Джорджи был крошечный лифчик, но даже он был недостаточно мал для нее. Когда она наклонилась, чашечки оттопырились и открыли грудь. Соски у девушки были большие, твердые и холодные, а груди съежились и превратились в жалкие бугорки кожи (словно сдутые воздушные шарики). Она выглядела истощенной.

— Ну же, девушки, — сказала Челси, — идите и надерите им зады!

У двери зала для прослушиваний вся троица присоединилась к Кили. Увидев девушек, Кили пришла в совершеннейший восторг.

— ДЕВЧОНКИ! — крикнула она. — ДЕТКИ! Вы выглядите потрясающе! — Кили повернулась

к камере, которая висела прямо у нее перед лицом. — Посмотрите, кто здесь! Суперкрошки прошлого года, группа «Пероксид»! Мы любим этих девочек. Они ТАКИЕ храбрые, что решили попробовать еще раз! Да!

За этим последовал стандартный разговор о мечте и о том, как безумно и сильно девушки хотят этого, а затем Джорджи и Мишель вышли на арену.

Все трое судей убедительно изобразили удивление и восторг при виде группы «Пероксид».

— Как поживаете, девочки? — расцвела Берилл. — Выглядите потрясающе!

Берилл даже встала и обошла стол, чтобы обнять каждую из них. Как только счастливое воссоединение завершилось, Кельвин сделал серьезное лицо и открыл совещание.

— Итак, девушки, — спросил он, — зачем вы вернулись?

— Знаешь, Кельвин, — ответила Мишель, — мы ужасно расстроились, что проиграли в прошлый раз, и мы очень, очень верим в себя и думаем, что заслуживаем еще одного шанса.

Кельвин кивнул с мудрым видом.

— Да, — сказал он, — Мишель, это указывает на сильный характер. Мне это нравится. Я всегда

ищу характер в людях, которые приходят к нам, потому что наш бизнес трудный и для того, чтобы выжить в нем, нужен характер.

— Джорджи, — сказал Родни, — вам известно, что в прошлом году вы нам понравились, вы прошли первый тур и наделали много шума. Затем во втором туре вы проиграли. Что, по-твоему, изменится в этом году?

— Мы так много работали, — ответила Джорджи. Ее голос стал более сиплым, чем раньше, и виной тому было то количество желчи, которым регулярно омывалось ее горло.

— Мы выросли, — добавила Мишель. — Мы так много работали, мы учились, и мы выросли. Мы приняли к сведению все, что вы говорили нам в прошлом году, и мы очень, очень много думали об этом, мы много работали и пытались вырасти.

Берилл смотрела на двух девушек влажными глазами, словно это ее собственные дочери показали такую стойкость и твердый характер.

— В таком случае, детки, — просюсюкала Берилл источающим любовь голосом, — вы заслужили второй шанс. Если вы работали и выросли, то вы заслужили его. Покажите, на что вы способны. Покажите нам себя.

— Спасибо, Берилл, — скромно ответила Ми-

шель. — Мы постараемся.

— Мы все желаем вам этого, девушки, — добавил Родни, тоже постаравшись напустить на глаза убедительную влажную туманность. — В прошлом году вам пришлось выдержать несколько ударов, и, придя сюда сегодня, вы показали настоящую стойкость. Теперь все в ваших руках, мечта вернулась, и вам нужно схватить ее и доказать нам, что вы выросли. Докажите нам это.

— Хорошо, — сказал Кельвин, снова играя роль делового человека, который хотел напомнить миру, что они высокие профессионалы попкультуры, которые не позволят сантиментам повлиять на приговор. — Что вы хотите для нас спеть?

— Мы споем «Dancing Queen» группы «Abba».

— Хороший выбор, — сказал Родни, кивая с умным видом.

— Начинайте, девушки, — сказал Кельвин.

Они исполнили песню неплохо, точно следуя мелодии. Они выполнили несколько хорошо отработанных танцевальных движений в стиле семидесятых, и звезда в конце была очень искусной. В общем, став на год старше, девушки выглядели лучше по сравнению с прошлым годом и значительно лучше, чем по крайней мере трое

исполнителей, которые прошли тогда в финал.

Потом они остановились, раскрасневшись и тяжело дыша. Две мечтательницы в нижнем белье. Девственницы, ожидающие принесения жертвы на алтарь.

Кельвин какое-то время тянул паузу. Он опустил взгляд, посмотрел вперед, пососал карандаш, откинулся на спинке стула и уставился в потолок.

— Девушки, — сказал он, — я очень, очень разочарован.

Снова пауза. Мишель изо всех сил постаралась кивнуть с умным видом, словно она по-прежнему была готова учиться и расти. Джорджи задрожала.

— Знаете что? — продолжил Кельвин. — Я очень, очень хотел быть добрым. В прошлом году вы продемонстрировали талант, и я был искренне готов оправдать вас за недостаточностью улик. Но знаете что? Вы потеряли свою невинность. Вы пытаетесь выглядеть как поп-звезды вместо того, чтобы быть ими. Простите, девушки. Это было ужасно, словно две пьяные подружки невесты на свадьбе.

— Нет! — запротестовала Берилл. — Кельвин, опомнись!

— Правда, Кельвин, — встрял Родни, — я не думаю, что они спели так ужасно. Да, они нас разочаровали, но костюмы отличные и…

— Все, Родни, хватит. Сантименты в сторону. У нас строгие правила. Твой голос?

Теперь пришла очередь Родни театрально молчать. Он смотрел на двух полуобнаженных подростков, словно был готов отдать свою жизнь, лишь бы они прошли в следующий тур.

— Пожалуйста… — затряслась Мишель. — Мы так много работали…

— У нас суровая индустрия, — ответил Родни, сочувствуя Мишель. — Я просто не думаю, что вы достаточно крепкие, чтобы выдержать.

— Мы справимся, справимся! Мы сильные! Мы сильные женщины. Мы выросли. Пожалуйста… Пожалуйста.

— Девушки, простите, — сказал Родни, решительно глядя на них. — В прошлом году вы показали надежду, но мы не думали, что вы справитесь, и в этом году вы подтвердили, что мы были правы. В каком-то смысле вы можете рассматривать это как благо. Теперь все стало очевидно.

— Да или нет, Родни? — поторопил Кельвин.

И, несмотря на тот факт, что и так было со-

вершенно понятно, что Родни скажет нет, он позволил повиснуть еще одной паузе, настолько долгой, что девушки, узнавшие минуту назад о своем провале, успели поверить, что Родни, возможно, обдумывает, не сказать ли ему да.

— Я говорю нет, — наконец произнес он.

— Берилл? — спросил Кельвин.

Берилл не могла говорить. Ее губы дрожали (насколько позволял закачанный в них ботокс), а в глазах стояли слезы. Слов не было, пока что она могла только смотреть на девушек.

Первой обрела голос Мишель.

— Пожалуйста, Берилл, — сказала она. — Это единственное, что для нас важно. Пожалуйста.

— Не надо, — запинаясь ответила Берилл. — Не говори так. Не делай этого со мной.

— Это наша мечта, Берилл. Пожалуйста.

— Кельвин! — рявкнула Берилл. — Зачем ты поставил меня в такое положение? Зачем ты так поступаешь со мной?

— Потому, Берилл, что ты должна сделать выбор. Это твоя работа, — спокойно ответил Кельвин.

— Ну, тогда мне не нужна такая работа! Я не хочу уничтожать мечты других людей. Все должно быть по-другому.

— Мне нужен твой ответ.

— Пожалуйста, Берилл! — умоляюще сказала Мишель.

Снова повисла пауза. Снова две полуобнаженные девушки были вынуждены стоять, дрожать, умолять, плакать, а тем временем развязка приближалась.

— О боже, — взвыла Берилл. — Я хотела, чтобы все было хорошо. Я так хотела, чтобы все было хорошо. Я люблю вас, девушки, вы сильные, вы выросли, но… Простите. — Берилл говорила голосом шестилетней девочки, которая выкуривает по сорок сигарет в день. — Я думаю, вам придется найти себе другую мечту.

И снова, несмотря на то что Берилл вынесла свой приговор, Кельвин умудрился еще потянуть время.

— Мне нужен ответ, Берилл, — сказал он. — Да или нет?

Еще одна пауза. Последняя мольба Мишель:

— Пожалуйста, Берилл. Мы все для этого сделаем.

Последняя мольба Берилл:

— Не поступай со мной так, Кельвин.

Последняя возможность Кельвина притвориться здравомыслящим профессионалом, на

которого не влияет бушующая вокруг него буря эмоций.

— Берилл, мне нужен ответ.

— Простите, девушки, — сказала Берилл. — Но я говорю нет.

— И я тоже говорю нет, — прямо сказал Кельвин. — Спасибо, что заглянули к нам.

Они не могли двинуться с места. Они просто не могли двинуться с места. Каждая частица сознания двух молодых женщин пыталась смириться с шокирующей, ужасной реальностью: все уже закончилось. Они провалились на первом туре. Они выступили еще хуже, чем в прошлый раз. В этом заключался истинный гений Кельвина Симмса. Любой мог бы выжать драму из того, чтобы вернуть девушек, провести их через первые туры и только затем отсеять. Но отсеять их сразу, заявить, что их выступления в прошлом году были пиком их возможностей, — это была поистине высокая трагедия.

Джорджи сломалась первой, слезы полились из ее глаз внезапно и обильно. Мишель начала плакать только тогда, когда Берилл выскочила из-за стола, чтобы обнять их.

— Идите сюда! — крикнула Берилл. — Идите сюда, девушки. Знаете что? Вам это не нужно, вы

лучше этого. Дайте я вас обниму.

Когда Берилл провожала девушек из комнаты, за ней потянулись гримерша и костюмерша, приготовив влажные салфетки, чтобы стереть сопли конкурсанток с ее плечиков.

После того как уничтоженные девушки ушли и Берилл вернулась на свое место, судьи приготовились к съемке своих импровизированных «обсуждений». Зрители словно подслушивали мысли всех троих, и такие кадры шли за каждым постановочным прослушиванием, чтобы придать процедуре судейства привкус заботы и снисхождения.

— Все довольны? — крикнул Трент. — Готовы высказаться?

Трое судей сказали, что готовы.

— Вы можете сесть поближе друг к другу? — попросил Трент. — Так выглядит гораздо правдивее и интимнее.

Судьи неохотно сдвинули стулья. Кельвин даже положил руку на плечо Родни.

— Мотор! — крикнул Трент.

— Какое разочарование, — сказал Кельвин. — Я возлагал на них такие надежды.

— Симпатичные девушки, очень милые, — добавила Берилл, — но они просто не справятся.

— Слушайте, — сказал Родни, — у них был целый год, чтобы стать лучше, но они не стали. Мы играем в жесткие игры.

— Я восхищаюсь тем, что они пришли и сделали еще одну попытку, — сказал Кельвин, не меняя серьезного выражения. — Для этого нужна стойкость, и по крайней мере, теперь они знают правду.

— Так в конечном счете лучше, — хрипло сказала Берилл. — Они научатся, вылечатся, вырастут.

— Или высохнут, особенно та, которая поменьше. Черт возьми, она так похудела, — сказал Кельвин, показывая Тренту, что подслушивание нужно заканчивать.

— Отлично, — крикнул Трент. — Родни, с тобой произошла небольшая заминка. Можно снова твою строчку?

Родни сосредоточился, ужасно радуясь отдельному кадру.

— Слушайте, — повторил Родни, — у них был целый год, чтобы стать лучше, но они не стали. Мы играем в жесткие игры.

Трент остался доволен вторым дублем.

— Кельвин, — крикнул он, — раз уж мы тут сидим, может, снимем пару озадаченных лиц при виде неожиданных гостей?

— Нужно же их когда-нибудь снять, — устало ответил Кельвин.

— Отлично, — сказал Трент. — Начнем с Берилл.

Главная камера нацелилась на нее.

— Отлично, сначала тупой взгляд… изумление, открытый рот… комический ужас, ты только что увидела настоящего «сморчка»… Можешь покачать головой, словно не веря своим глазам?

Берилл выдала всю палитру своих изумленных рожиц.

— Спасибо, Берилл, с тобой всё, — сказал Трент. — Отлично, Родни, можешь скривить губы в усмешке? Зрители любят это… Как будто Кельвин попросил тебя высказать мнение по поводу абсолютного «сморчка» и ты просто не знаешь, что сказать… Отлично. Это так забавно.

Челси приводит Шайану

Вопли группы «Пероксид» разносились по всем коридорам развлекательного комплекса.

— Мы так сильно этого хотели.

Все собравшиеся в холле знали, как чувствуют себя участницы группы «Пероксид». Все хотели этого, и каждый верил, что он хочет этого больше всего. Особенно Шайана, которая просидела весь день в разнообразных позах йоги, ожидая своего момента, ожидая возможности сделать свой первый шаг по лестнице, ведущей в Карнеги-Холл.

Когда ужасно амбициозная старшая отборщица повела ее из холла к залу для прослушиваний, Шайана продолжала полушепотом проговаривать неизменную, настойчивую мантру мощного ободрения. Но не для того, чтобы хорошо спеть, а чтобы суметь прилипнуть, довести до сознания судей, насколько прочувствовано ее желание победить.

— Шайана, мы знаем, что они любят искренность, — прошептала Челси. — Они любят ее, а ты ее просто излучаешь. Ты сама искренность. Не забывай, что участие в шоу «Номер один»

требует куда большего, чем просто отличный голос. Чтобы выжить в этом бизнесе, нужно уметь справляться с эмоциями, а для этого, детка, нужно хотеть! А ведь ты хочешь этого, да, детка? Ты ведь очень, очень этого хочешь.

— Да, — ответила Шайана через сжатые губы, почти безразлично, словно желая сохранить всю энергию до последней капли, как боксер перед боем, не желающий упустить ни капли сдерживаемого напряжения до той минуты, когда нужно будет выпустить его наружу.

— Тогда скажи им об этом, детка! — выдохнула Челси. — Иди туда и скажи им, что ты чувствуешь, во что ты веришь. Скажи им, что это твоя мечта, скажи, что ты умрешь, если провалишься, и что во всей вселенной ничто не может сравниться с твоей потребностью показать, на что ты способна, то есть спеть куплет и припев песни «Wind Beneath My Wings» так, как ты никогда не пела ее, так, словно это последняя песня на земле. Словно ты последняя певица, детка. Словно сам Господь слушает тебя. Словно сам Господь поет через тебя, детка.

Дальнейшие разочарования

Кельвин не мог поверить ушам своим. Эмма согласилась провести с ним ночь в гостинице, но только в раздельных комнатах. Это было поразительно, ему сорок два года, он стоит сотни миллионов, он, бесспорно, самый могущественный человек в шоу-бизнесе, он даже неплохо выглядит, и все же он будет ночевать со своей подружкой в раздельных комнатах.

Ему было ужасно противно. Но еще сильнее, куда сильнее ему это нравилось.

Он находил процесс ухаживания, ожидания награды восхитительным, отчасти потому, что любил трудности, а кроме того, этот новый опыт очень сильно обострил его интерес к сексу. Прошли годы, даже десятилетия, с тех пор, как он желал женщину, с тех пор, как все его физическое существо было сосредоточено на одном человеке до такой степени, что его не интересовала мысль о сексе ни с кем, кроме нее. Кельвин был достаточно умен, чтобы понимать, что это преувеличенное желание во многом является результатом того, что ему отказывали в желаемом,

но последнее не снижало остроты его потребностей. Ему нравилось, что Эмма так сдерживала, так дразнила его. Он восхищался ее характером и был благодарен ей за то, что она разбудила в нем давно забытые ощущения.

Когда, наконец, завершился день прослушиваний в Бирмингеме, Кельвин даже не потрудился ни с кем попрощаться, а сразу пошел к своей машине, чтобы в спокойной обстановке позвонить Эмме.

— Я так вымотан, — сказал он. — Мы сегодня, наверное, больше семидесяти человек просмотрели.

— Семидесяти, — язвительно повторила Эмма. — Значит, осталось всего две тысячи дней, и вы прослушаете все девяносто пять тысяч.

— Слушай, Эмма, мне нужно увидеться с тобой. Извини, но мне это действительно нужно. Я еду в гостиницу «Кливден-Хаус», ты знаешь это место?

— Я слышала о нем. Скандальное место.

— О, ради всего святого, это было более сорока лет назад. Сейчас это просто милая гостиница. Со всеми удобствами. Я выслал за тобой машину, ты приедешь?

— Что, сейчас?

— Сейчас же, — ответил Кельвин. — Машина

только что вышла, так что у тебя есть где-то полчаса, чтобы взять зубную щетку. Завтра суббота, и я подумал, что ты свободна.

— Ну, я не работаю, если ты это имеешь в виду. Но у меня есть своя жизнь.

— Об этом не волнуйся. Я должен работать над монтажом, но я смогу поработать на компьютере, как только оцифруют записи. Ты можешь пойти в спа и сделать педикюр.

— Мне не очень нравятся всякие излишества, — солгала Эмма.

— Всем женщинам нравятся излишества.

— Кельвин, ты ничего не знаешь о женщинах.

— Тогда к черту спа. Возьми с собой книгу.

Именно тогда Эмма сказала, что согласна приехать, но совершенно категорично заявила, что ночевать будет в отдельном номере.

— Конечно. Разумеется, — ответил Кельвин. — Ты думаешь, мне неизвестны правила дурацкой игры, в которую мы играем? Возьми что-нибудь нарядное для ужина, там все довольно помпезно.

Попрощавшись с Эммой, он снова позвонил в «Кливден».

— Да, мне нужен еще один номер.

Они приехали в гостиницу около девяти и удалились в свои отдельные (но смежные) апарта-

менты, чтобы переодеться для позднего ужина.

— Ты меня слышишь? — крикнул Кельвин через разъединяющую их дверь.

— Да, слышу! — крикнула в ответ Эмма. — Не заходи, я переодеваюсь.

— Ты скажешь, что ты надела?

— Через минуту сам все увидишь.

— Я не о том. Что у тебя под платьем?

— Кельвин, ты говоришь как извращенец.

— Ничего не могу с собой поделать. Мои желания никогда так не ограничивали. Это ненормально.

— Я не собираюсь обсуждать с тобой свои трусики, поэтому, пожалуйста, смени тему.

Кельвин завязал галстук и задумался. Ничто в его взрослой жизни не подготовило его к такому разочарованию. Эмма или действительно такая милая, как кажется, или просто великолепный манипулятор, по сравнению с которым его жена — просто плюшевый мишка. Так или иначе, он находил это неотразимым.

За ужином Эмма спросила Кельвина о шоу.

— Ты уже отсеял группу «Пероксид»? — спросила она.

— Да. Они спели довольно мило, но ведь…

— Но ведь их боль — лучший сюжет, чем их

радость.

— Эм, все не могут победить. Это лотерея, и я уверен, что каждый, кто заполняет заявку, знает об этом. Видит бог, люди в наши дни настолько придирчивы, как будто у каждого есть собственное шоу. Посмотри на «Большого брата», всего несколько сезонов в эфире, и суть программы стала совершенно другой. Нынешние детки идут на шоу, зная, как оно делается и что с ними случится. Первая же партия ни о чем не подозревала.

— Думаешь, девушки из группы «Пероксид» поняли суть?

— Не до конца, но они должны понять, что бывают победители, а бывают проигравшие.

— Ты заметил, как похудела та, что помладше?

— Да, заметил, и это еще одна причина, по которой я рад, что спланировал их историю именно так. Эта девушка жертва, последнее, что ей нужно, — это стать частью индустрии, которая питается жертвами…

— Да, Кельвин, это очень убедительный довод, учитывая, что ты только что использовал ее слабость.

— Я говорю серьезно. Она склонна к нарушениям питания, представь себе, на кого бы она стала похожа, если бы заключила контракт. Если бы ра-

ботала круглые сутки над раскруткой, проходила по три фотосессии в день, на каждой из которых над ней бы работал беспощадный стилист. Ты же знаешь, что происходит с девушками в поп-культуре, сейчас уже недостаточно просто хорошо петь. Эту малышку моментально сжевали бы и выплюнули.

— А разве вы ее сегодня не сжевали и не выплюнули?

— Эмма, что ты говоришь. Если я влюбился в тебя, это не означает, что ты можешь вываливать на меня это дерьмо. Я делаю шоу. Я не мать Тереза, но и не Джек-потрошитель. Кроме того, ты проработала со мной полтора сезона, так чем ты лучше меня?

— Да, конечно, ты прав. Мне просто интересно, не стоит ли несколько глубже вникать в то, что мы делаем. Оценивать наносимый нами урон.

— Это невозможно. Никому это не под силу. Жизнь несправедлива, как любила повторять моя мама. Весь мир погряз в несправедливости, разочарованиях и нечестности. Кажется, именно этого мы и хотим. Люди пытались воссоздать равенство и справедливость, социализм и тому подобное, но ничего не вышло. Это никому не было интересно. Люди хотят мечтать, им не нуж-

но равенства, им всем нужны сказки. Мы любим жестокий мир. На каждого ребенка, который слышал о Марксе, приходится тысяча, а может, и десять тысяч тех, кто слышал о дебильной Пэрис Хилтон. Только задумайся. Эти две девушки из группы «Пероксид» — часть общества, которая хочет быть как Пэрис Хилтон. Но у славы есть и обратная сторона, и, к несчастью для них, на краткий миг они ее увидели.

Эмма сделала глоток вина.

— Наверное, именно поэтому люди считают тебя привлекательным, Кельвин, — наконец сказала она. — Ты мерзавец, но ты честный.

— Я не считаю себя мерзавцем. Я же говорил, мой бизнес — это сказки, это то, чего хотят люди. Я делаю настоящие сказки, а они изначально были полны насилия, разочарования, жестокости и предательства. Именно это делало их такими привлекательными, а концовку такой милой. Дело в том, что есть только одна Золушка, которая попадает на бал, и только один принц, за которого можно выйти замуж, а все остальные могут идти на хрен. Вот чем хороша эта история, и именно поэтому всем нравится шоу «Номер один». Если бы мы всегда были милыми, никто бы нас не смотрел.

Воссоединение мачехи и ребенка

Приблизительно в то же время, когда Кельвину и Эмме подавали кофе, Берилл Бленхейм и ее дочь Присциллу провожали к их столику в ресторане «Нобу» в Лондоне. На Берилл были обращены все взгляды, и она просто плавилась от удовольствия. Даже оставшиеся на ее лице несколько морщин буквально визжали от самодовольства, пока она величественно вышагивала между столиков, убежденная в том, что здесь всем без исключения известно, кто она такая, и что именно о ней перешептываются остальные посетители. И не важно, что в основном этот шепот был злобным и завистливым, все равно перешептывались о ней, в то время как она не знала о них ничего, ей было все равно и, если честно, просто насрать, доживут они до вечера или нет.

Присцилла тоже улыбалась. Это было более редкое зрелище; обычно, оказываясь на людях с матерью, она дулась и строила недовольные гримасы, будучи не в состоянии забыть о том, что она в их паре — куда менее знаменита. Ее известность была отражением славы ее матери.

Если говорить о знаменитости, соединявшая их пуповина не была перерезана.

Однако в этот вечер она пребывала в более радужном настроении. Возможно, сказался приезд в Британию, где громкий провал ее альбома вызвал меньше толков, и поэтому она чувствовала себя здесь менее уязвимой.

— Знаешь, мама, наверное, я скоро буду готова выпустить еще один альбом, — сказала она, приступая к дим-сам.

— Боже, Присцилла, твою мать, ты ведь только что один выпустила, куда спешить?

— Я хочу выразить себя как артистка.

— Разве ты не добилась этого, когда сделала себе эти огромные титьки, к которым я так и не привыкла?

— Нет, не совсем. Я думаю, первый альбом провалился, потому что я его выпустила, просто поскольку у меня была такая возможность. Типа: «Эй, я подросток и знаменитость, почему бы мне не выпустить альбом», если ты понимаешь, о чем я.

— Я заключила для тебя охеренный контракт, милая.

— Мама, я не говорю о контракте! Я говорю об альбоме. Наверное, мне нужно заглянуть в себя и

спросить, что я хочу спеть и как я хочу это спеть, а не то, что, по моему мнению, хочет услышать от меня публика.

— Ну, дорогая, давай начистоту, публика вообще ничего слышать не захотела, верно?

— Потому что я лгала им, мама! Если я хочу выпустить хороший альбом, я должна быть честной с публикой, а для начала нужно быть честной с самой собой, а для этого нужно поверить в себя. В свою мечту.

— Ой, Присцилла, ей-богу, иди ты в жопу, я сейчас не на шоу «Номер один».

Мнения о Шайане

Кельвин предложил выпить кофе у него в номере, и Эмма согласилась. Когда они вместе вышли из ресторана и поднялись по великолепной, устланной толстым ковром лестнице, она занервничала. Не из опасения, что он набросится на нее, а поскольку боялась, что не сможет ему отказать.

Разговор за ужином в конце концов зашел о сексе.

— Знаешь, я считаю, что ты привлекательный, — призналась Эмма.

— Но почему ты не хочешь спать со мной?

— Я хочу спать с тобой и не делаю этого не из ханжества. Я просто тебе не верю. Ты аморальный манипулятор…

— Аморальный, не безнравственный? — спросил Кельвин. — Кажется, это уже что-то.

— Нет, не безнравственный. Я не думаю, что ты изо всех сил стараешься причинить кому-то вред или поиздеваться над другими людьми. С другой стороны, я не думаю, что изо всех сил стараешься избежать этого.

— Хм-м. Если честно, я не уверен, что это справедливо. По возможности я всегда стараюсь быть добрым, и я мил с людьми. Я ведь не слишком сильно задаюсь, верно?

— Скажем так, не так сильно, как другие.

— И я совершенно точно пытаюсь избежать издевательства над людьми…

— Группа «Пероксид»?

— То, что я делаю на шоу «Номер один»… что мы делали вместе до недавнего времени… это не издевательство, а если даже и так, по-моему, все происходит по взаимному согласию. Я не думаю, что скомпрометирован больше, чем участники и особенно зрители нашего шоу.

— А мне кажется, тебя компрометирует то, что ты знаешь процесс изнутри. Тебе ведь известно больше, и поэтому ты должен вести себя более ответственно. Это старый спор о казни, верно? Разве тот факт, что люди сами идут на казнь, оправдывает их повешение ради развлечения? В смысле, если поддержка зрителей является нравственным оправданием, ты оправдываешь Гитлера.

— Черт возьми, я знал, что ты вспомнишь Гитлера. Каждый раз, когда заходит такой разговор, кто-нибудь обязательно вспоминает Гитлера.

Хотя лично я думаю, что большинству людей понятна разница между созданием шоу «Номер один» и вторжением в Польшу.

Они засмеялись.

— В любом случае, — добавил Кельвин, — мне казалось, что мы говорили о том, чтобы ты переспала со мной.

— Мы можем поговорить об этом, если хочешь, — ответила Эмма.

— В моем номере?

— Как хочешь. Мне все равно.

Кельвин заказал кофе и коньяк к себе в номер, и они вместе поднялись наверх.

Когда за ними закрылась дверь, Эмма замешкалась. Здесь все было так роскошно и комфортно. Слишком опасно. Диван и два великолепных старинных кресла окружали изящный журнальный столик. Через открытые двойные двери в спальню была видна кровать с отогнутым покрывалом.

— Знаешь, — сказал Кельвин, — если мы начнем целоваться, нам придется закончить через пять минут, когда принесут кофе. Сомневаюсь, что за пять минут мы успеем сделать что-то ужасное. Что скажешь?

— Да, я тоже сомневаюсь.

Эмма шагнула вперед и позволила обнять себя. Не отрываясь друг от друга, они попятились к дивану и, едва избежав болезненного столкновения с журнальным столиком, рухнули на него. Через некоторое время ими овладело смущение, и процесс прервался.

— Мы ведь ждем кофе, да? — сказал Кельвин.

— Кажется, да, ведь ты его сам заказал.

— Да, глупо с моей стороны, — сказал Кельвин, отстраняясь от нее. — Тогда это казалось умным ходом, но теперь остается только ждать, верно?

— Ну, в любом случае было мило.

— Согласен.

Кофе принесли только через двадцать минут, и все это время они несколько смущенно болтали о всяких мелочах, как люди в ожидании такси.

— За это время я успел бы заняться с тобой любовью, — сказал Кельвин, взглянув на часы.

— Это вряд ли, — ответила Эмма.

— Я имею в виду с точки зрения времени, а не возможности.

— И я тоже. Если мы когда-нибудь до этого дойдем, тебе не удастся отделаться пятнадцатиминутным удовольствием, или я потребую вернуть мне деньги.

Наконец принесли кофе, и почти сразу же за

ним прибыл курьер из Лондона с оцифрованными записями лучших моментов сегодняшнего съемочного дня.

— Придется в первую очередь заняться работой, — сказал Кельвин, — но здесь есть бассейн и куча других развлечений. Хотя, может быть, ты мне поможешь? Ты всегда превосходно монтировала. Контракта не нужно, я заплачу наличными.

— Нет, Кельвин, спасибо. Ты мне снова начинаешь нравиться, но я не думаю, что мне нравится тот человек, который делает шоу «Номер один», да и сама себе я в этой роли не нравлюсь. Я не хочу возвращаться.

— Справедливо. Тогда, может, займемся любовью?

— Нет.

— Дьявол. — Кельвин поднялся. — В таком случае мне придется ложиться спать в одиночестве. Сегодня был трудный день, да и завтрашний будет не легче.

— Ты покажешь мне Шайану?

— Что?

— Это единственная часть работы, которую я хочу увидеть. Эта девушка, Шайана, «суперлипучка».

— По-прежнему боишься ее?

— Не знаю. Нет, наверное. В смысле, мы видели достаточно ненормальных на этом шоу, но… В общем, она просто не выходит у меня из головы. Что-то здесь не так. Я не знаю, с чего я это взяла, но это правда.

Кельвин открыл полную дисков коробку и, проверив временной код по размеченному сценарию, который монтажер Пенни впихнула ему в руки в конце дня, вставил один диск в компьютер.

— Значит, ЕКВ тебя не интересует? — спросил он, вводя код. — Я думал, что это он является ключом к нашим отношениям.

— Меня он интересует, но после того, как я сделала выбор, я хочу действительно держаться в стороне. Я не хочу вмешиваться, мне кажется, это будет нечестно. В конце концов, тебе нужно делать свое дело, а я и без того все сильно запутала. Но эта девушка, Шайана, я не знаю почему… Это никак не связано с шоу или с профессиональным интересом, я искренне беспокоюсь за нее.

— За нее?

— Ну, за нее и, если честно, за тебя тоже.

— Ты думаешь, что она повторит подвиг убийцы Джона Леннона?

Наконец он озвучил его. Тайный страх, живущий во всех известных людях.

— Может быть.

— И не думай, что мне это не приходит в голову. Особенно в Америке. За последнего победителя было подано более шестидесяти миллионов голосов. Даже если учесть, что каждый позвонил по десять раз, получается шесть миллионов человек, которым вовсе не насрать на парня, которого я страшно обидел. Иногда я думаю, не найдется ли среди этих миллионов ненормальных фанатов кто-то, кто подумает, что старому гадкому Кельвину пришло время присутствовать на собственном суде…

— Или это будет один из конкурсантов.

— Да. Точно. Но что поделаешь? У меня по-прежнему больше шансов попасть в руки грабителей в Найтсбридже или угодить под машину, подцепить птичий грипп или инфекцию во время операции на вросшем ногте. Жизнь слишком коротка, говорю я. К тому же мне не нравится мысль, что кто-то может меня запугать. Да ну их к черту.

— Ты крутой парень, верно?

— Ну да, надеюсь. Очень крутой. Ну вот… — На экране появилось застывшее лицо Шайаны. —

Вот ее сюжет с Кили.

Кельвин нажал на воспроизведение, и Кили, как всегда энергично, бросилась с экрана в бой.

«А это Шайана!! — крикнула Кили. — Она та еще штучка. Да! Ты готова задать всем жару, детка?

— Да, Кили, я готова задать всем жару, — ответила Шайана четко и ясно, словно принося присягу. — Это моя единственная возможность. Это мой единственный шанс.

— Да! — крикнула Кили. — Хватай его, детка! Ты сделаешь это.

— Я схвачу его, Кили. Я сделаю это. Я съем его».

Эмма наклонилась вперед и нажала на паузу, остановив запись.

— «Съем»? — сказала она. — «Съем его»? Никогда такого раньше не слышала. Все собираются сделать это, никто обычно не хочет съесть свой шанс. Это ужасно.

— Почему? — ответил Кельвин. — Ну, хочет она его съесть, мне кажется, это довольно справедливо.

Кельвин нажал на воспроизведение. Кили снова заговорила.

«Детка, ты пришла сюда одна, — сказала она. — Почему? Чтобы сосредоточиться? Чтобы тебя

никто не отвлекал? Или твоя семья и друзья не согласны с тем, что ты делаешь, и не понимают тебя?»

Эмма улыбнулась. Кили просто умница. Ее серьезно недооценивают. Люди думают, что она просто болтливая милашка, которая всем сочувствует и знает, как визжать от восторга, но на самом деле она способна на большее.

— Меня тоже заинтересовал вопрос о семье, — сказала Эмма, снова нажав на паузу. — Шайана казалась очень одинокой. Но я помню, как Челси сказала, что не станет давить на это. Поразительно, что Кили все же использовала это.

— Да. Кили молодец, — согласился Кельвин, — хотя я думаю, ты смогла бы делать ее работу лучше. К тому же ты намного симпатичнее.

Эмма покраснела и снова нажала на воспроизведение.

«Да, Кили, — сказала Шайана, — ты права. Мои родные совершенно не согласны со мной. Они не понимают, чего я хочу. Что мне нужно. На что я способна. Это одна из причин, по которым я здесь. Чтобы показать им. Заставить их понять. Их и всех, кто когда-либо смеялся надо мной».

После небольшого продолжения светской беседы Шайану проводили в зал. Запись остано-

вилась, затем лицо девушки появилось снова, на этот раз перед судьями в зале для прослушиваний. Сцены еще не были смонтированы в нужной последовательности, и поэтому был виден только крупный план Шайаны. Однако голоса судей звучали отчетливо.

«Привет, привет. Как тебя зовут?» — послышался вопрос Берилл.

«Меня зовут Шайана, Берилл, и я здесь для того, чтобы потрясти ваш мир».

«Правильно! Вперед, девочка. Ты выглядишь роскошно».

«Спасибо, Берилл», — ответила Шайана.

— Это неправда, — вмешался Кельвин. — Я никогда не видел столько косметики, выглядит как маска. Некоторые девушки — сами себе враги.

— Тише, — сказала Эмма.

«Я очень нервничаю», — говорила Шайана.

«Не стоит, детка, — проворковала Берилл. — Здесь все твои друзья, и ты выглядишь классно».

«Прежде чем мы начнем, Шайана, — вмешался Кельвин, — расскажи нам немного о том, насколько сильно ты хочешь победить».

«Кельвин, я очень сильно хочу этого».

«Все очень сильно хотят этого, Шайана. А очень сильно — это как?»

«Ну, — ответила Шайана, помолчав немного и подумав, — я думаю, Кельвин, что готова умереть за это. Я думаю, что, если бы я могла заключить сделку с Богом, чтобы все мои мечты сбылись и все бы поверили в меня так, как верю я, и не смеялись бы надо мной больше, если бы все сказали: „Да, Шайана, у тебя действительно есть талант, твой собственный талант, и ты хорошо поешь“, — я была бы готова умереть после этого».

«Ух ты, — сказал Кельвин, и, хотя он был за кадром, все зрители, которые хоть один раз видели шоу „Номер один“, поняли, что он только что кивнул с изумленно-насмешливым видом, словно поражаясь напряженности людей, которые якобы так случайно появлялись перед ним. — Ты действительно хочешь этого, верно?»

«Я же сказала, Кельвин. Я хочу этого так сильно, что могла бы умереть».

Эмма нажала на паузу.

— Или убить. Это оборотная сторона медали. Эта девушка меня пугает.

— Ой, Эмма, да хватит тебе. Единственный человек, кому она сможет причинить вред, — это она сама. Она первоклассная, двадцатичетырехкаратная жертва. Это любому понятно.

— Ну да, всякое бывает. Кто знает, может, когда-

нибудь, размышляя о том, что она хотела умереть, потому что так никому ничего и не доказала, она может внезапно подумать: «Постойте, зачем это мне умирать? Как насчет того мерзавца, который вышвырнул меня из шоу?»

Кельвин засмеялся:

— Эмма, ты что, на ее стороне? Ты что, хочешь, чтобы я сделал ее победительницей? Я думал, ты желала победы принцу Уэльскому?

Эмма пожала плечами:

— Не знаю. Не знаю, что для нее будет лучше. Ты можешь ее отсеять или оставить, так и так жребий брошен. С ней нужно быть осторожнее.

Апартаменты были освещены только стоящей в дальнем углу напольной лампой с красным абажуром, которая отбрасывала приглушенный свет, казавшийся раньше романтическим, но теперь вдруг ставший довольно мрачным.

Эмма снова нажала на воспроизведение.

«Отлично, Шайана, — услышали они голос Кельвина, — что ты хочешь спеть для нас?»

«Я бы хотела спеть „The Wind Beneath My Wings“ Бэтт Мидлер», — ответила Шайана.

После этого впервые послышался голос Родни:

«Хороший выбор. Это отличная песня, а Бэтт — хорошая певица. Молодец, это очень хороший

выбор».

Шайана сделала глубокий вдох и начала петь. Если бы судьи оценивали только боль и эмоции, она, несомненно, уже победила бы. По сравнению с выступлением Шайаны слезливая, болезненная, агрессивная интерпретация «Stand By Me» группы «Парень» выглядела поверхностной и неубедительной. Эта женщина верила, что каждое слово текста — новая возможность снова пережить боль и отверженность. Ее маленькие груди вздымались, костяшки пальцев побелели, подбородок поднимался все выше, словно (следуя совету Челси) она хотела быть абсолютно уверенной, что Господь слушает ее. Шайана, очевидно, была из тех, кто рассматривает свой голос как кувалду, роль которой заключается в том, чтобы вбивать ноты удар за ударом, пока аудитория не будет задавлена эмоциями. Как и очень многие конкурсанты до нее, она наблюдала за великими певцами, слушала их и пришла к выводу, что успех кроется в том, чтобы попытаться подражать своим героям во всем сразу и на протяжении всей песни.

Однако в тон она попадала.

Когда выступление закончилось, Эмма снова нажала на паузу.

— Не так уж и плохо, верно? Если ей немного помочь успокоиться, она сможет неплохо петь.

— Да, но это многие могут, — сказал Кельвин. — И к тому же, как тебе известно, дело…

— Не в пении, — закончила Эмма его мысль. — Это мне известно, и самое замечательное в том, чтобы не работать на тебя, — отсутствие необходимости слушать, как ты повторяешь эти слова каждые пять минут.

— Но я ведь прав, верно? — сказал Кельвин. — Ладно, ты довольна или хочешь послушать, что мы сказали?

— Давай послушаем. Надеюсь, вы не слишком жестоко с ней обошлись.

— Ну, вообще-то не очень, — ответил Кельвин. — Она ведь в группе «озадачить и отсеять», не забывай.

«Озадачить и отсеять» был любимый прием на шоу «Номер один», который заключался в том, чтобы предложить конкурсанту идти работать и попытаться вырасти, а когда тот возвращался (заявив, что он очень много работал и вырос), сообщить, что у него это не получилось, и отсеять его.

— А что ты сделаешь, — спросила Эмма, — если кто-нибудь все же спросит тебя, что ты имеешь в

виду, говоря: «Иди работай, учись и расти»?

— Вырежу при монтаже, — ответил Кельвин, снова нажимая на воспроизведение.

«Шайана, — послышался голос Кельвина с экрана, — ты меня смутила».

Последовала пауза, и камера подползла к дрожащему лицу Шайаны, покрытому густым слоем косметики.

«У тебя есть голос, — сказал наконец Кельвин. — И не совсем ужасный голос. Я сомневаюсь, что он хороший, но не ужасный. Вопрос в том, сможешь ли ты его улучшить?»

Шайана клюнула на наживку, как голодная рыба.

«Да, Кельвин, смогу. Смогу. Понимаешь, я так сильно хочу этого, я сделаю все, что угодно, я буду работать, очень много работать. Я буду учиться и расти…»

«Ты действительно хочешь этого, верно, дорогая?» — пропищала Берилл голосом маленькой девочки.

«Да! Да, Берилл, я очень, очень хочу этого».

«Я думаю, это твоя мечта, верно, дорогая?»

«Да! Да, это так!»

«Это хорошо, когда у человека есть мечта. Но для того, чтобы мечта сбылась, нужно этого

очень, очень хотеть. Нужно очень в нее верить».

«Я верю, Берилл! Я верю! Честное слово, верю! Моя мечта — это единственное, что у меня есть».

«Я знаю, дорогая, я знаю», — сказала Берилл голосом медсестры, успокаивающей смертельно больного пациента.

«Хорошо, — послышался деловитый голос Кельвина. — Вот что я думаю. Иди, Шайана, и работай, ладно? Хорошо работай, учись и расти…»

«И верь в свою мечту», — перебила его Берилл.

«А потом возвращайся к нам, и мы посмотрим, насколько у тебя получилось, ладно? Потому что сейчас у тебя нет того, что нам нужно. Это очевидно, но у тебя может получиться, а вот сможешь ли ты это сделать, решать тебе. На этих условиях я голосую за тебя. Берилл?»

«Если Шайана способна верить в себя и свою мечту…»

«Могу. Могу. Могу», — умоляюще сказала Шайана.

«Тогда я за. Я говорю да, дорогая. Да твоей мечте. Я голосую за тебя».

«В таком случае, — послышался голос Кельвина, — ты прошла в следующий…»

Вдруг послышался голос Родни:

«Да, и я тоже, Шайана. Я тоже голосую за тебя».

«А, да. Прости, Родни, — сказал Кельвин. — Твое решение?»

«Я говорю да», — сказал Родни.

«Ты в следующем туре», — сказал Кельвин.

Шайана заплакала. Начала прыгать. Поблагодарила Господа. Упала на колени.

«Спасибо! Спасибо, спасибо, спасибо! — крикнула она. — Я вас не подведу, обещаю! Да! Да! Да! ДА! СПАСИБО! Я люблю тебя, Кельвин! Я люблю тебя, Берилл! Я люблю тебя, Родни! Да! Спасибо! Я потрясу ваш мир!»

«Пойдем, дорогая, — снова раздался голос Берилл, и она вошла в кадр. — Тебе предстоит много работать».

Затем трясущуюся и почти до истерики счастливую Шайану вывели из зала и передали в руки Кили, которая ожидала возможности присоединиться к слезливому катарсису.

Эмма нажала на паузу.

— Если она такое устроила, когда вы ее озадачили, то что же она устроит, когда ее отсеют?

— Это будет нечто. Они все одинаковые. Почему ты считаешь, что она особенная?

— Я говорю тебе, Кельвин, — сказала Эмма с очень серьезным видом, — эта девушка действительно особенная, у нее другой уровень

напряженности. Я видела это раньше у настоящих жертв. У людей, которые страшно страдали. Они не в себе, и их слабость придает им силы, злобные, истеричные силы. Знаешь, как некоторые избитые жены, которые режут в клочья костюмы мужей, а потом поджигают дом.

— Хорошо, хорошо, очень хорошо. Именно это нам и нужно. «Убийца кроликов».

— Только бы она не убила твоего.

— Эмма, я же сказал тебе. У меня есть очень, очень твердое правило, и оно гласит: не бояться конкурсантов. Никогда. Эта дорога ведет к безумию. Моя работа заключается в том, чтобы подогревать в людях страсть. Будить их мечты и раскрывать их нужды. Если я позволю запугать себя этими страстями или нуждами, то не смогу больше подогревать их. Шайана меня не пугает.

Милый малыш

На следующей неделе судьи посетили Лондон, Манчестер и Глазго, проделав в каждом городе ту же работу, что и в Бирмингеме. В общей сложности они «прослушали» в той или иной степени около трехсот человек — выматывающее количество массовки, перемежающейся с сюжетами и, разумеется, с намеченными финалистами.

Был среди них и ставший обязательным для шоу забавный четырехлетний малыш, которому разрешили пройти «прослушивание», хотя по правилам участникам должно было быть не меньше шестнадцати. На собрании по обсуждению сюжета было решено, что в этом году Кельвин сначала откажется принимать малыша на том основании, что это бессмысленно, но под упорным «мамочкиным» давлением Берилл неохотно согласится.

— Рок-н-рольная супермамочка Берилл не собирается позволить большому и плохому Кельвину разбить сердце малыша Ланса, — скажет Кили.

И поэтому, несмотря на то что его кандидатуру нельзя было даже рассматривать, симпатичный

маленький карапуз в английской рубашке и с милым ливерпульским акцентом занял почти три минуты эфирного времени после монтажа.

— Ланс, ты такой милый, что я хочу съесть тебя, — сказала Берилл своим самым сладким голосом.

— Съесть ты его можешь, но допустить на прослушивание — нет, — тихо напомнил ей Кельвин своим твердым, но жизнерадостным голосом.

— Почему? Тако-о-о-ой милый. Я мама, и я люблю его, все мамы полюбят его. Почему бы не дать ему шанс?

— Потому что это незаконно, Берилл.

— Я не играю по правилам, не забывай, я ведь старая рокерша. Не говори со мной о правилах. Я мама, а мамы должны нарушать правила, просто чтобы выжить. Мне пришлось нелегко, эти годы были тяжелыми, и мне известно все о нарушении правил.

— Берилл, он не может участвовать в конкурсе.

Эта дружеская перебранка продолжалась до тех пор, пока из изначальной концепции не было выжато все до последней капли, после чего малыш наконец пошел своей дорогой.

После этого снимали сцену «подслушивания»…

— Я поверить не могу, что ты хотела провести этого мальчика в следующий тур, Берилл.

— Но он был такой милый.

Родни испытал редкий момент сомнений.

— Вы действительно полагаете, что люди не догадаются, что все подстроено?

— Ну, конечно, Родни, или я не стал бы этого снимать, — сварливо ответил Кельвин.

— Но мы потратили на него больше пятнадцати минут! В первый же день в Манчестере. Кто-нибудь ведь обязательно решит подсчитать!

— Родни, никто никогда и ничего не считает.

«Поп-школа»

Наконец серии региональных отборов подошли к концу, и команда шоу «Номер один» начала перебирать и монтировать весь материал, который был собран и подготовлен для «поп-школы».

«Поп-школа» была частью конкурса, на которой выбранные на первоначальном прослушивании кандидаты посещали интенсивный тренинг с проживанием, во время которого трое исключительно опытных судей давали им уроки искусства быть поп-звездой. Именно на этом этапе судьи должны были начать играть более активную образовательную роль в развитии отобранных оперяющихся талантов. Идея была такова: откопав сырой материал, судьи воспользуются огромным опытом работы в музыкальной индустрии, чтобы вылепить из него поп-звезд.

На пути к достижению этой цели стояло множество препятствий, которые не позволяли «поп-школе» стать образовательным процессом во всех смыслах этого слова. Первое заключалось в том, что ни у кого из судей, кроме Кельвина, не имелось квалификации, чтобы обучить кан-

дидата хоть какому-то аспекту сценического искусства, если не считать голой саморекламы.

Второе препятствие, которое мешало судьям лепить таланты, даже имей они необходимые навыки, заключалось в том, что они на самом деле не присутствовали на процессе лепки. Несмотря на то что «поп-школа» длилась три дня, судьи посещали только последний, когда происходил процесс самого «судейства».

Шайана, как и другие конкурсанты, после первого прослушивания уехала домой, получив задание подготовить новую песню для «поп-школы». Ей сообщили, что по возвращении она пройдет подготовку и получит перед выступлением рекомендации, как лучше спеть свою песню «вживую», то есть на настоящей сцене, а не в конференц-зале гостиницы. Данная сцена должна была находиться в крутом клубе и дать конкурсантам представление о трудном, но важном деле «отработки положенного», «работы по клубам» и показать, что означает «собраться с духом и ринуться в бой».

— Вот, — едва дыша объявит Кили в начале съемок «поп-школы», — где начинается настоящая жизнь. Вот где начинается самое трудное, и с этим предстоит справиться, потому что сегодня

наша группа претендентов в звезды впервые ступит на путь, по которому Кельвин, Берилл и Родни проведут их через тернии, чтобы посмотреть, смогут ли они выдержать крутую сторону рок-н-ролла, которую должна научиться покорять каждая звезда на пути к вершине.

Этот крутой, клевый «клуб» на деле являлся совершенно новым помещением на двести мест, отделанным светлой сосной, в большой частной школе, которую арендовали для проведения съемок. Изначально декорационно-художественная служба шоу «Номер один» надеялась переделать сцену и передние сиденья. Было принесено огромное количество черной краски, несколько изодранных блестящих полотен, многочисленные старые афиши, огромные ящики с пустыми бутылками, выуженными из мусорных баков. Также они надеялись убрать первые три ряда кресел, поскольку совершенно новые, роскошно мягкие кресла с удобными подлокотниками выглядели не слишком рок-н-ролльно. Однако, к несчастью для сотрудников службы, администрация школы строго-настрого запретила хоть как-либо менять сцену или помещение, поскольку приближался новый учебный год и начальные классы должны были приступить к репетициям

«Джозефа и его потрясающего яркого пальто», и администрация не могла позволить сорвать подготовку к спектаклю.

Услышав это, Кельвин впал в истерику, начал шипеть и заявил, что просто купит эту вонючую школу, но ему сообщили, что она не продается.

Шайана приехала утром в первый день «поп-школы» с песней в сердце и «свободной одеждой для танца» в сумке, готовая полностью отдаться процессу подготовки. Помимо нее в нем участвовали еще около семидесяти конкурсантов, которых поселили в находившейся неподалеку гостинице «Трэвелодж». Шайане предстояло делить комнату с симпатичной, хрупкой девушкой по имени Синди, которая, как и Шайана, очень сильно «хотела этого».

Оставив вещи в номерах, толпа жаждущих славы спустилась к специальному автобусу, и через некоторое время их собрали в спортивном зале, где начался «тренинг». Процесс во многом походил на первый отборочный день в Бирмингеме, то есть их постоянно перегоняли с места на место и периодически снимали отрепетированные «неожиданные моменты» с их участием.

Шайана и Синди сидели по-турецки на полу в спортивных штанах и топах, пока у пианино по-

жилого мужчину, похожего на принца Уэльского, снимали за «подготовкой» вокального номера. В процессе подготовки участвовал эксцентричного вида парень в брюках гольф и с длинными крашеными волосами, который перелистывал ноты и заставлял принца петь по ним.

— Это ужасно! — кричал длинноволосый мужчина.

— Я знаю, знаю, — жаловался принц. — Мне словно медведь на ухо наступил, верно?

— Давай еще раз! — кричал эксцентричный поп-тренер.

— Будет сделано.

Принц только собрался спеть снова, но вмешалась Челси и объяснила, что это не обязательно, потому что сюжет они уже отсняли.

Его королевское высочество сел на стул и погрузился в государственные бумаги. Угол камеры изменился, и Челси велела девушке, которая была со слепым парнем, подвести того к пианино. Когда они подошли к нему, Челси крикнула:

— Спасибо, Миллисент! Спасибо, Грэм! Пока что это всё.

— Разве вы не хотите, чтобы мы спели? — спросила Миллисент.

— Дорогая, у вас будет масса возможностей для

этого, — ответила Челси. — Пока что нам нужен был кадр, где вы идете к пианино.

Затем к пианино позвали Шайану, а его королевское высочество попросили занять ее место в группе людей, которые позировали на заднем плане.

— И пожалуйста, попытайтесь выглядеть заинтересованными! — крикнула Челси. — Разве вы не видели шоу? Это интенсивная подготовка, вас всех проводят через тернии, и те, кто просто сидит, должны сосредоточить взгляд на человеке, которого мы снимаем. Ради всего святого, сделайте вид, что вы участвуете в программе «Слава» или «Пение в хоре». Пока что вы выглядите как участники шоу «Ночь живых мертвецов».

Шайану поставили рядом с пианино и попросили что-нибудь спеть.

— Что именно? — спросила она.

— Это не важно, детка! — крикнула Челси. — Это немой сюжет, мы пустим его в замедленной съемке, когда будешь рассказывать Кили, как много ты работала.

— А как же пианист, ему ведь нужно играть ту же мелодию?

— Дорогая моя, я ведь только что сказала тебе, что это немой сюжет. К тому же он будет не в

фокусе. Пусть пианист просто двигает руками, большего нам не надо. А теперь пой!

Шайана начала петь, вокруг нее закрутилась камера.

— Больше души, Шайана! — крикнула Челси. — Сожми кулаки, словно тебе больно… Хорошо. Есть. Снято.

Затем в оборот взяли «Четверку-Х», камера запечатлела их репетицию, после которой ребята «внезапно» захотели обняться.

— Вы можете поднять руки и удариться ладонями? — крикнула Челси из-за камеры. — Это ведь в стиле черных, верно?

«Четверка-Х» согласилась, что это действительно в стиле черных, а потом ребята обнялись и, подняв руки, ударились ладонями, как им и велели.

— А как насчет молитвы? — крикнула Челси. — Я могу попросить вас встать в круг и опустить головы в немой молитве?

«Четверка-Х» снова подчинилась.

— А теперь повернитесь к камере и расскажите нам, что работа трудная, но вы работаете много, учитесь, растете и хотите, чтобы судьи вами гордились.

Майкл, лидер «Четверки-Х», сделал шаг впе-

ред:

— Это трудная работа, но мы много работаем и знаем, что будем учиться и расти, и я надеюсь, что судьи будут нами гордиться.

Сюжеты сменялись один за другим.

Конкурсантов разбивали на группы и учили элементарным танцевальным движениям, но не для того, чтобы они могли выучить их, а чтобы можно быть отснять процесс обучения.

— А дальше что? — спросила одна из девушек, после того как освоила три шага и хлопнула в ладоши, как их научили.

— Ничего, — объяснил хореограф. — Это все, что нам нужно.

Во время «урока танцев» Шайана заметила, что конкурсантов одного за другим отводили в сторону, чтобы снять то, как они сидят на лестнице. Первыми туда отправились ребята из группы «Парень», затем мужчина средних лет, который представился как Стэнли, а затем блондинка среднего возраста с огромными силиконовыми грудями.

— А что вы там делаете на лестнице? — спросила Шайана одного из участников группы «Парень» во время короткого перерыва.

— Ничего, — ответил он. — Мы просто сидели и

выглядели напряженными и задумчивыми.

— Напряженными и задумчивыми?

— Да, так нам велели.

Квазар стоял рядом и присоединился к разговору.

— Думаю, ты, чувак, типа молодец, — сказал он. — Ты пойдешь до конца, чувак.

— Почему это?

— Ты чё, шоу не видел? — спросил ужасно удивленный Квазар. — Они ж снимают наш момент сомнений, чувак! Типа когда ты вдруг вроде как очнулся и сидишь и думаешь, станешь ли ты хоть когда-нибудь звездой. Они всегда снимают чё-то типа того, но я не видел ни одного момента сомнения с теми, кто не был в финале.

— Ты правда так думаешь? — с надеждой спросил парень.

— Это точно, чувак. Я те говорю: если они снимут меня на лестнице такого мрачного и грустного, я буду рад до усрачки, потому что пойму, что меня будут продвигать.

— Но тебя они пока что не сняли.

— Нет, чувак, но я не волнуюсь, потому что они знают, что у Квазара не бывает сомнений в себе.

И точно, сразу после перерыва Квазара позвали для личного «момента». Его попросили

исполнить брейк-данс перед группой других конкурсантов, которым велели поаплодировать и показать, что они в восхищении оттого, что находятся в центре событий.

Два дня конкурсантов гоняли с места на место между танцами и пением. Изредка организаторы шоу делали слабые попытки проявить искренний интерес к их работе, но основная цель «поп-школы» заключалась в том, чтобы собрать побольше сюжетов о процессе работы.

Синди, новую подружку Шайаны, сняли, когда она массировала ступни, словно дотанцевавшись до изнеможения. Иону сняли, когда она якобы говорила по сотовому с бывшими друзьями по группе.

— Да, я на «поп-школе», — сказала она, как ей было велено. — Возвращаюсь к азам, учусь заново. Конечно, трудно, но если серьезно думать о сольной карьере, то именно это мне и нужно.

— Скажи им, что ты скучаешь, — подсказала Челси.

— Ребята, я так соскучилась, — повторила Иона. — Выпейте за меня по глоточку виски.

— Отлично, — сказала Челси, очень довольная собой.

— Меня немного беспокоит то, что было видно,

что телефон выключен, — вмешался оператор. — Иона повернула дисплей в нашу сторону.

— Да ладно. Никто не увидит, — ответила Челси, которой не терпелось продолжить работу. — Отлично! — крикнула она. — Мне нужен Трой.

Трою дали книгу «Гарри Поттер».

— Я не умею читать, — ответил он. — В смысле, я не все слова понимаю.

— Мы знаем, — сказала Челси. — Мне нужно, чтобы ты нашел слово, которое ты не знаешь, и попросил вон того аристократа сказать тебе, что оно значит.

— Зачем?

— Затем, что я прошу тебя, Трой, и потому, что Кельвин просил меня, чтобы я попросила тебя. Ты ведь хочешь осчастливить Кельвина?

Мальчик определенно очень хотел осчастливить Кельвина; это было единственным желанием почти всех собравшихся в этом зале. Поэтому Трой послушно направился к аристократу.

— Простите, — сказал он.

— Привет, юноша, — ответил принц Уэльский. — Как дела? Ты в порядке? Что это у тебя? «Гарри Поттер»? Как замечательно. Я серьезно считаю, что книга хорошая, а ты?

— Вы можете сказать, что означает это слово?

Принц достал очки и посмотрел в книгу.

— Хм-м. Ну… Знаешь, я не уверен, — сказал он. — «Квиддик». Хм-м, вообще-то я думаю, что это выдуманное слово. Так ведь называется игра в книге, верно? Похоже на латынь, но я не думаю, что это так.

Парень пожал плечами и, не зная, что еще сказать, отошел.

— Снято, — сказала Челси. — Мило.

— А? Что такое? — спросил принц.

— Отлично, сэр! — крикнула Челси. — Все отлично.

И принц вернулся к изучению последних данных по уменьшению количества рыбы в Северном море.

Ближе к концу второго дня наконец-то появился Кельвин, но только для того, чтобы можно было отснять небольшой сюжет с его присутствием.

— Отлично, народ! — крикнул он собравшимся конкурсантам, которых искусно разбросали по спортзалу, словно в самом разгаре изматывающей репетиции. Одни сидели на полу в спортивных штанах и майках с наброшенными на плечи полотенцами, другие стояли вокруг пианино, третьи прильнули к шведским стенкам и выполняли то, что им казалось похожим на

упражнения на растяжку. — Вы все ужасно много работали, — продолжил Кельвин, — и завтра мы выясним, чему вы научились и сможете ли выступить вживую на рок-н-ролльной вечеринке. Выпивка за мой счет!

Все захлопали и закричали.

Когда сюжет был отснят, оператор признался, что недоволен. Он собирался показать восторженные, благодарные лица, а затем снова вернуться к Кельвину, послушно улыбавшемуся отеческой улыбкой, но споткнулся о кабель, и камера заметно дернулась.

— Можно еще раз?

— Думаю, придется, — нетерпеливо и довольно невежливо ответил Кельвин.

И они повторили.

— Выпивка за мой счет! — крикнул Кельвин второй раз.

И все снова захлопали и закричали.

«Поп-школа»: Синди и Шайана

Родни и Берилл прибыли на следующее утро. Берилл, сварливая и страдающая от похмелья, получила очередной титул «Мамочка года», на этот раз от федерации розничных торговцев Великобритании «Вдохновение». Родни, напротив, был свеж и бодр после недели, проведенной на чемпионате по гольфу среди знаменитостей в графстве Слайго в качестве особого гостя гильдии водопроводчиков Западной Ирландии.

После того как к ним присоединился Кельвин, все трое судей отправились в школьный театр, и начались съемки прослушивания «поп-школы».

Первая половина утра была посвящена дальнейшему прогону массовки, где снова, как и в Бирмингеме, половине конкурсантов было суждено отсеяться, в то время как другую половину восторженно «пропустили в следующий тур» под названием «все ко мне домой», откуда несколько избранных попадут непосредственно в финал.

Шайана и Синди ожидали своей очереди в холле, глядя, как вокруг них одного за другим уводили жаждущих славы, после чего они так

же быстро возвращались, либо проливая слезы и в смущении, либо прыгая от истерической радости.

Реакция Кили каждый раз была почти неизменной.

— Детка! — говорила она. — Детка, детка, детка.

Наконец настала очередь Синди.

— Задай им жару, подруга, — сказала Шайана на прощание стройной, симпатичной девушке, хотя мысли ее были далеко.

Синди подошла к Кили, чтобы ее, как и двадцать предыдущих или около того участников, без лишних слов провели в аудиторию, но Кили задержала ее, и, казалось, была не прочь поболтать.

— Ты в порядке, детка? — спросила Кили полным заботы голосом. — Потому что я знаю, что ты очень, очень, очень нежная и чувствительная, и ты такая милая.

— Ну да, Кили, я в порядке, — ответила Синди, слегка озадаченная. — Немного нервничаю, конечно.

— ДЕТКА! — чуть не взвыла Кили. — Детка, детка, детка! Я знаю. КОНЕЧНО, ты нервничаешь. Это очень, очень тяжело. Просто постарайся изо

всех сил, девочка.

Синди не знала, что напротив ее имени в расписании были написаны слова «Плакса-липучка. Выглядит хрупкой. Отсеять и ВС». ВС на языке шоу «Номер один» означало «выдавить слезу».

Проходя за занавеску, Синди слышала, как Кили обратилась к камере за ее спиной.

— Удачи! — сказала Кили. — Удачи тебе!

— Привет, Синди! — крикнула Берилл, когда девушка появилась на сцене. — Добро пожаловать на «поп-школу». Именно здесь начинается самое трудное. Ты готова к этому?

— Да. Да, Берилл, готова, — ответила Синди чистым, уверенным голосом.

Она действительно была готова, по крайней мере, так же хорошо психологически и эмоционально готова к звездной жизни, как и большинство остальных присутствовавших здесь конкурсантов. Она отчаянно этого хотела, была готова на все что угодно, лишь бы достичь своей цели, и пела лучше, чем большинство других. Но это не имело значения: важно было то, что она выглядела хрупкой и уязвимой, и именно такой ее предстояло показать.

— Ты выглядишь такой нежной, дорогая, — сказала Берилл. — Ты уверена, что хочешь сделать

это? Ты собираешься сыграть в трудную, очень трудную игру.

— Да, Берилл, я точно хочу сделать это. Я крутая.

— Я уверена, что ты крутая, дорогая, — сказала Берилл, словно обращаясь к маленькой девочке, которая заявила, что она хочет быть такой же храброй, как ее папочка, — но я не уверена, что ты достаточно крутая для этого.

— Что ты собираешься спеть для нас, Синди? — спросил Кельвин.

Синди объявила, что хотела бы спеть «Eternal Flame» группы «The Bangles».

— Хороший выбор, — заметил Родни, натягивая на лицо умную маску. — Это отличный выбор.

— Ну, тогда начинай, — сказал Кельвин.

— И не нужно нервничать и пугаться, — добавила Берилл своим самым умильным голоском.

Когда Синди спела свою песню, Берилл снова спросила, уверена ли она, что ей хватит крутизны, чтобы существовать в большом плохом мире поп-культуры. Синди постаралась убедить ее, что это так, но Берилл ответила, что как бывшая рокерша и как мать она в этом не вполне уверена. Кельвин и Родни пошли дальше. Они признали, что Синди симпатичная и спела хо-

рошо, но что они не верят, что у нее достаточно нахальства и крутости чтобы выступать вживую. Тот факт, что при «выступлении вживую» достаточно кривляния под фонограмму в окружении профессиональных танцоров, не заботил их. Тот факт, что они никогда не видели Синди и ничего не могли знать о ее личности, тоже их не волновал. Они были непоколебимы в своем «экспертном» мнении: Синди недостаточно крутая, чтобы выступать вживую, и каждый раз, когда она уверяла их, что это не так, отвечали, что, с их точки зрения, это именно так, пока наконец, после целых шести минут оскорблений Синди не расплакалась, и тогда Берилл смогла подбежать к ней, обнять и выпроводить из зала.

— Твою мать, — сказал Кельвин, когда Синди ушла со сцены, — я уж думал, эта девчонка никогда не заплачет. Может, «липучкам» перед ВС стоит давать понюхать разрезанную луковицу.

Берилл передала Синди на руки Кили, которая тоже обняла ее. Шайана, хотя она была следующей в очереди, тоже захотела обнять Синди. Ей было жаль, что Синди отсеяли, — было бы классно пройти остаток пути вместе, — но сейчас для сожалений или сантиментов не было времени. Да и вообще ни для чего не было времени, кроме

нее самой, потому что перед ней был момент, которого она так сильно хотела.

— Это самый важный момент в моей жизни, — сказала она Кили, когда Синди наконец выпроводили с места событий. — Я так сильно хочу этого.

Именно тогда Шайана пролила знаменитую слезу на все времена. Слезу, которой, в отличие от ее выступления, суждено было стать отдельным сюжетом выпуска «поп-школы».

— Вперед, детка, — сказала Кили, и Шайана пошла в зал.

— Еще раз привет, Шайана! — крикнула Берилл из-за стены бутылок, стоявших на покрытом белой скатертью столе.

— Привет, Шайана, — спокойно сказал сидевший слева от нее Родни, который глядел на девушку не моргая. Родни полагал, что у него милый взгляд и что он проецирует сочувствие.

Сидящий справа от Берилл Кельвин ничего не сказал, он смотрел в блокнот и вертел в руке ручку.

— Ты много работала? — спросила Берилл.

— О Берилл, я работала так много!

— Ты действительно хочешь этого, правда, детка?

— О Берилл, я так сильно хочу этого.

— Тогда начинай, девочка, — сказала Берилл.

— Перед тем как начать, я хочу сказать, что действительно пыталась обдумать все то, что сказал мне Кельвин, потому что это моя мечта, и я собираюсь надрать тебе зад, Кельвин!

На лице Кельвина появилась улыбка, которая говорила о том, что его зад готов к тому, чтобы его надрали, но что все же надрать его нелегко. Особенно если человек, которому этого хочется, — просто бездарная никчемность.

— Да! Задай жару, детка! — завопила Берилл с интонацией, напоминавшей любопытный гибрид, в котором звучал и надоедливый ребенок, и американский городской чернокожий, и житель Суиндона. — Вперед, девочка!

— Я задам вам жару, Берилл, потому что верю, что Господь посылает каждого из нас на землю с определенной целью, и он послал меня сюда для того, чтобы…

— Шайана, — прервал ее Кельвин, первый раз оторвавшись от блокнота с той минуты, как она вошла в комнату, — просто спой песню.

— Я просто хочу, чтобы вы все знали, что я так много рабо…

— Шайана, здесь все много работают. Спой

свою песню.

На секунду показалось, что Шайана снова заплачет.

Операторы, которые стояли слева и справа от нее, подошли поближе, как игроки у сетки в ожидании медленной подачи. Снаружи на парковке режиссер и ассистент видеорежиссера, зажатые в передвижном центре управления, замолчали, а сценаристка приготовилась записывать временной код.

Берилл приободрила Шайану.

— Будь сильной, девочка, — сказала она. — Просто будь сильной. И начинай.

Шайана торжественно кивнула и начала.

Закончив песню, она опустила взгляд на сцену у себя под ногами, ее грудь вздымалась, словно сильные чувства, которые выжала из нее песня, только сейчас начали покидать ее тело.

— Это было совершенно… — Кельвин долго молчал, чтобы произвести больший эффект, — неинтересно.

Шайана выглядела так, словно ее ударили.

Берилл кинулась на ее защиту.

— Кельвин, опомнись! — воскликнула она. — Она так много работала!

— Шайана, ты из тех, кого я называю почти

актрисами, — продолжил Кельвин. — Ты почти симпатичная, ты почти можешь двигаться, и ты почти хорошо поешь. У тебя даже почти есть индивидуальность, но боюсь, что рок-н-ролл — крутой бизнес и «почти» вживую не пройдет. Такого никогда не было и никогда не будет.

Губа Шайаны задрожала сильнее. Из глаз заструились слезы.

Берилл засюсюкала самым слащавым тоном:

— Ты действительно хочешь этого, верно, детка?

— О Берилл, я так сильно этого хочу. Это все, чего я когда-либо хотела, это моя мечта.

— И это отлично, что ты следуешь за этой мечтой, детка.

— Ладно, — решительно сказал Кельвин, — каков вердикт? Она проходит в тур «все ко мне домой» или мечта заканчивается здесь? Родни?

— Боюсь, Шайана, я говорю нет.

— Берилл? — спросил Кельвин.

Берилл проделала трюк с долгим измученным взглядом, глядя на Шайану с глубочайшей заботой. Для всех, кто разбирался в этом шоу, было очевидно, куда дует ветер, в ее глазах было столько боли и сожаления. Выражение ее лица говорило: «Я тебя люблю, но ты бездарность, по-

этому пошла вон».

— Прости, Шайана, но мечта заканчивается здесь. Ты поешь недостаточно хорошо. Ты никогда не будешь звездой.

— И я тоже говорю нет, — сказал Кельвин. — Спасибо, Шайана.

Шайана молча смотрела перед собой. Она не плакала, не умоляла, она просто стояла и смотрела на них.

— Спасибо, Шайана, — повторил Кельвин. — Ты можешь идти.

— Куда? — спросила Шайана, по-прежнему не шелохнувшись.

— Что — куда?

— Куда мне идти? — спросила Шайана загробным голосом, глубоким и тревожащим. — Я дальше ничего не планировала.

— Боюсь, дорогая, это не моя проблема.

— Я же сказала, если я не смогу сделать этого, то больше мне вообще нечего делать.

— Шайана, до свидания.

— Разве вы не понимаете? Господь создал меня для этой цели. Кто вы такие, чтобы спорить со словом Господним?

— Шайана, тебе пора идти. У нас в очереди много людей, и все они верят в себя так же сильно,

как и ты.

— Я же сказала, мне некуда идти. Я планировала свою жизнь только до этого момента.

— Это не наша проблема.

— А по-моему, ваша.

— Нет, не наша. До свидания.

— Нет, ваша, вы, блядские свиньи!

Двое охранников уже начали приближаться к девушке и в этот момент вдруг оказались по обе стороны от нее.

— Отлично! — крикнула Шайана. — Но последнее слово будет за мной, слышишь, ты, вонючий Кельвин Симмс, и ты, Родни, и ты, сучара Берилл Бленхейм!

Шайана повернулась и убежала со сцены. Проходя через холл, она чуть не сбила с ног Грэма, который стоял рядом с Миллисент и ожидал своей очереди.

— Прочь с дороги, ублюдок чертов! — крикнула Шайана. — Ты что, блядь, не видишь, куда идешь?

— Он слепой! — крикнула Миллисент.

— Как будто это моя проблема, — ответила Шайана и исчезла.

«Поп-школа»: Грэм и Миллисент

Грэм и Миллисент тоже немного нервничали.

Они провели утро, снимаясь в «личных моментах». Сначала их отвезли в небольшое бистро неподалеку, где, несмотря на то что не было еще и десяти утра, посадили за столик, накрытый для ужина, и попросили чокнуться бокалами с вином. Пробыв в бистро меньше десяти минут, они отправились к маковому полю, по которому их заставили ходить, взявшись за руки. Наконец они вернулись в школьный спортивный зал, где сняли у пианино: Грэм играл, а Миллисент пела. Сюжеты снимались быстро, потому что звук не записывали.

— Это немые сюжеты, — объяснила Челси, — их вставят как иллюстрации к вашему интервью. Возможно, прокрутят в замедленной съемке, пока вы будете говорить о своей любви.

— Любви? — спросил Грэм.

— Да, вы ведь любите друг друга, верно?

— Ну, я… — ответил Грэм.

— Разве это не наше личное дело? — добавила Миллисент.

— Девочка, — напомнила ей Челси, — если тебя интересует карьера в поп-культуре, тебе лучше понять, что ничего личного у тебя больше нет.

Дальше последовало само интервью. Группа по поиску натурных съемок нашла на территории школы живописный мостик через бурлящий ручей. Интервью потребовало больше подготовки, чем другие сюжеты, и у Челси ушло полчаса на то, чтобы уговорить молодую парочку сказать именно то, что ей нужно было услышать. Конечно, она заранее очень тщательно спланировала сюжет, поскольку знала, что добросовестная работа на месте съемок экономит много часов при монтаже.

Когда она наконец собрала интервью целиком, все получилось в точности так, как было написано у нее в сценарии.

«Первый кадр. Кили обращается к камере.

КИЛИ. А тем временем нашим молодым влюбленным, Грэму и Миллисент, пришлось преодолеть много трудностей.

Широкий план. Грэм и Миллисент стоят рядом на мосту.

МИЛЛИСЕНТ. Нам это далось нелегко.

Крупный план. Миллисент смотрит на воду.

МИЛЛИСЕНТ. После того, что судьи сказали о моем пении.

Повтор в замедленной съемке (материал из Бирмингема). Лицо Миллисент, когда ей сказали, что она тянет Грэма вниз.

ГОЛОС МИЛЛИСЕНТ *(на фоне повтора).* Но мы верим в себя, и я очень, очень много работала, чтобы стать лучше.

Кадр второй. Грэм и Миллисент на „поп-школе“ репетируют у пианино. Широкий кадр. Двое на мосту. Говорит Грэм.

ГРЭМ. Это действительно было нелегко.

Кадр второй, замедленная съемка. Грэм и Миллисент на „поп-школе“ репетируют у пианино. Миллисент стоит рядом с пианино, очевидно разочарованная в себе. Грэм на ощупь пробирается к ней и обнимает ее в знак поддержки.

ГОЛОС ГРЭМА. Но мы здесь ради друг друга.

Кадр два с половиной. Снова пара на мосту, но теперь они стоят обнявшись.

МИЛЛИСЕНТ. Одно точно — все это сде-

лало нас сильнее.

ГРЭМ. Это сблизило нас, и нас ничто не разлучит.

Долгий кадр моста. Постепенно тает».

После съемок Грэм и Миллисент вернулись в холл ждать своей очереди на «прослушивание». Их очередь подошла после драматического ухода Шайаны из конкурса.

После обычной дружеской встречи с Кили их проводили к судьям, Миллисент вела Грэма за руку, как ей было велено.

— Привет, Грэм. Привет, Миллисент! — взвизгнула Берилл. — Добро пожаловать на «поп-школу»!

— Что вы собираетесь спеть для нас? — спросил Кельвин.

— Мы собираемся спеть «The First Time I Saw Your Face», — ответил Грэм.

Зная, каков будет ответ, Берилл быстренько дернула себя за волосы в носу, чтобы ее глаза снова наполнились слезами.

— Грэм, я преклоняюсь перед тобой, — ответила она сквозь слезы. — Для молодого человека с проблемным зрением выбрать такую прекрас-

ную и горько ироничную песню — показатель наивысшей храбрости.

— Да, — согласился Родни. — «The First Time I Saw Your Face» — это отличная песня, трудная, но отличный выбор.

Грэм и Миллисент взялись за руки и спели свою песню. Как и было предсказано с первых записей, сделанных Эммой после оценки дуэта, Миллисент пела мило, а Грэм плохо, и снова его пальцы отчаянно перебирали струны гитары, которую он так хотел бы держать в руке.

Когда они допели, потрясенные судьи минуту сидели и уважительно молчали. Волос в носу у Берилл совершенно не осталось, и ее лицо было залито крокодильими слезами.

— Мистер, — наконец сказала она, — мистер, я преклоняюсь перед тобой. Ты надрал… мой мир.

— Да, это было невероятное выступление, — вмешался Родни. — Друг мой, ты продашь много записей.

— Ты действительно заставил меня поверить в то, что видел лицо этой девушки, — давила Берилл. — А это, учитывая, что нам всем известно, что ты незрячий, так горько и иронично, что делается страшно. Ты звезда, мистер. Огромная большая сияющая слепая звезда.

— Да, — согласился Кельвин. — Грэм показывает огромный потенциал как рок-вокалист широкого масштаба. С верхней октавой у него по-прежнему проблемы…

— Кельвин! Пожалуйста! — воскликнула в ужасе Берилл. — Мальчик слепой!

— И он заслуживает того, чтобы его не оценивали с оглядкой на это, — твердо ответил Кельвин. — Мы оцениваем его певческий талант, и только его. Тот факт, что он преодолел огромные препятствия, чтобы вообще петь, совершенно не важен. Я вижу в Грэме певца, а не слепого певца, и, если бы он пришел к нам сегодня как певец соло, с моей точки зрения, он бы мигом прошел в следующий тур с серьезной заявкой на победу. Но он пришел не как певец соло. Не так ли, Миллисент?

Камеры, словно ружья расстрельной команды, нацелились на дрожащую девушку.

— Нет, — продолжил Кельвин, — он пришел с тобой.

Миллисент онемела от ужаса, ее рот открылся, нижняя челюсть почти касалась ключиц. Но слов не было. Язык лежал неподвижно, словно большая мертвая рыба, и его кончик касался нижних зубов. Было похоже, что она уже никогда

не сможет заговорить.

Грэм постарался изо всех сил:

— Мы пришли вместе, Кельвин. Мы — Грэм и Миллисент.

— И я боюсь, что вы вместе отсюда и уйдете, — сказал Кельвин.

— Нет! — воскликнула Берилл.

— Кельвин, мальчик мог бы продать много записей, — добавил Родни.

— Со старушкой Милли на шее? — спросил Кельвин.

— Нет, конечно нет, — согласился Родни, осознавая свою обязанность судьи. — Она просто пассажир.

— Пассажир! Это все равно что Рой Орбисон взял бы себе в пару кассиршу из «Теско»!

— Вот только я уверена, что некоторые кассирши умеют петь, — добавила Берилл.

Они говорили так, словно ни Грэма, ни Миллисент в зале не было.

— Каково тебе, Миллисент, — спросила Берилл, — быть гирей на ногах Грэма?

Краски, которые еще оставались на бледном лице Миллисент, теперь исчезли совершенно. Даже язык превратился из розового в серый. Двое юных друзей стояли неподвижно, бессильные

перед наступлением. Костяшки их сплетенных пальцев побелели от напряжения и дрожали.

— Ладно, вот как обстоят дела, — сказал Кельвин, снова превратившись в хладнокровного профессионала. — Мы попросили тебя стать лучше, Миллисент, и пока что ты позорно провалилась.

— Мы сказали идти и расти, а не идти и съеживаться, — добавил Родни, явно восхищаясь своей репликой.

— Однако, Миллисент, если мы отправим тебя домой, на что у нас есть полное право, то потеряем Грэма. А этого я допустить не могу.

— Мы не можем потерять Грэма! — воскликнула Берилл. — Он душка!

— Так что, по-моему, нужно дать тебе еще один шанс. Один-единственный шанс. Иди, Миллисент, и работай. Работай, учись, учись, работай и расти. Что ты будешь делать, Миллисент? Ты попытаешься подняться выше, чтобы оправдать трогательную веру этого слепого парня?

Но серо-розовая кефаль, которая лежала в наполненной слюной нижней челюсти Миллисент, по-прежнему не шевелилась. Слов не было. Даже намека на слова. Только слезы, внезапные и обильные, но молчаливые слезы.

— Миллисент! — ахнула Берилл. — Тебе дали еще один шанс! Тебе дали еще один шанс, хотя ты должна была отправиться домой. Черт возьми, здесь не о чем плакать! Во время своей благотворительной работы я видела детей, которым нечего есть. Вот о чем стоит плакать! Ты должна плакать радостными слезами. А теперь иди работай, учись, соберись в кучу и поднимись выше!

Пробегая через холл в слезах, Миллисент врезалась в принца Уэльского, который был глубоко погружен в беседу с матерью ребенка. Челси незаметно записывала разговор.

— Смотри, блядь, куда идешь! — крикнула Челси, когда Миллисент выбежала из комнаты.

— Да вы что! — воскликнул принц. — Пожалуйста, ну что вы. Здесь маленький ребенок. Такие слова отлично подходят для стадиона регби или курилки, но среди детей им нет места.

— Простите, — сказала Челси.

— Я серьезно. Как можно ожидать от детей приемлемых стандартов цивилизованного поведения, если мы, взрослые, не можем установить эти стандарты?

— Да. Вы правы. Мне очень жаль.

— Я знаю, что я твержу об этом постоянно, и сомневаюсь, что кто-нибудь слушает. Но действи-

тельно, все начинается с обычного сквернословия и заканчивается крэком.

— Да. Вы правы. Мне ужасно жаль, сэр, — повторила Челси.

— Хорошо. Не будем больше об этом, ладно? — И принц снова повернулся к молодой матери. — Извините, что нас прервали, — сказал он. — Вы рассказывали мне о своем сынишке?

— Я рассказывала о своем маленьком Сэме, про то, что он ждет операции.

Камеры работали, и в кадр вернулась Кили.

— Простите, сэр, — сказала она, — вы нужны нам для прослушивания.

— О, какая досада, — ответил принц, после чего снова повернулся к молодой матери: — Послушайте, мне нужно идти, чтоб оттянуться по полной программе, как говорят мои мальчики, но я попрошу кого-нибудь выяснить, куда вам следует обратиться за помощью. Скорее всего, в какой-нибудь ужасный комитет или к графоману из Государственной службы здравоохранения. Лично я считаю, что им стоит прекратить пересчитывать чайные ложки и начать нанимать больше медсестер. Но это всего лишь мое мнение, и я не думаю, что какой-нибудь политик прислушается к старому чудаку. Однако я, невзирая ни

на что, буду твердить об этом, это единственное, что мне остается. Кому захочется быть принцем, а? А пока что я обязательно попытаюсь найти кого-нибудь, к кому обратиться по поводу малыша Сэмюеля.

— Самсона.

— Правда? Как в Книге судей, в главах с тринадцатой по шестнадцатую?

— Нет, как во Всемирной федерации рестлинга.

— Боже мой! Какая прелесть.

— Снято! — сказала Челси. — Блядь, просто супер. В смысле… превосходно.

«Поп-школа»: Иона

Квазар прошел в следующий тур. Проститутка Сьюки тоже. Прошла и группа «Парень». Стэнли, отец-одиночка, который делал это ради ребенка, прошел. Прошла лесбиянка Табита, после того как снялась под ручку со своей гламурной подружкой на том же маковом поле, которое послужило фоном для романтического свидания Грэма и Миллисент. Прошла и «Четверка-Х», участники которой в полной мере воздали должное Господу Иисусу Христу за важнейшую роль, которую он сыграл в их успехе.

Принц Уэльский тоже прошел, после того как задушевно исполнил «The British Grenadiers», а затем умчался на открытие центра «Вся Земля» в Корнуолле, где произнес речь о важности преподавания истории в университете Эксетера. Новости об участии принца в шоу «Номер один» еще не просочились в народ, поскольку более ранние программы только предстояло пустить в эфир. Конфиденциальность договора, который подписали все участники, при всем желании не позволила бы новостям широко распространить-

ся, но так и так конкурсанты, которые обратили внимание на принца, по-прежнему продолжали верить в то, что он двойник. Даже молодая мать, которой он предложил попытаться помочь, не верила в его обещание.

— Он так долго играет эту роль, — уверила она Кили, — что, думаю, он уверен, что и правда чертов принц.

Разумеется, временной код этого комментария был надлежащим образом отмечен для включения в окончательный монтаж.

Когда принц поспешил удалиться вместе со своими детективами и помощником, Иону наконец пригласили на прослушивание.

Она выглядела очень мило и пела очень хорошо. Как опытный полупрофессионал, который прошел весь процесс прослушивания годом раньше, она исполняла песню в лучших традициях шоу.

— Я бы хотела спеть «A Woman's Heart», — объяснила она.

— Это хорошая песня, — сказал Родни почти инстинктивно. — «A Woman's Heart» — это отличный выбор.

Иона повернулась и какое-то время смотрела на Родни, но ничего не сказала. Вместо этого она

отвернулась от него и спела свою песню приятным, чистым голосом и, как казалось, искренне и с чувством.

Когда она допела, у Берилл на глазах снова показались слезы. Она не плакала, поскольку истратила все волосы из носа на Грэма, но была определенно тронута.

— Иона, — сказала она, — ты сделала эту песню.

— Спасибо, Берилл, — мило ответила Иона. — Услышать это из твоих уст много значит, потому что я знаю, что в прошлом ты во мне сомневалась.

— Только не сегодня, Иона. Только не сегодня, — твердо ответила Берилл. — Я женщина и мать, и я знаю все о боли женского сердца, особенно потому, что, насколько тебе известно, довольно долго мое женское сердце билось в мужском теле, а большей боли, чём эта, просто не бывает, и позволь сказать тебе, что ты была так эмоциональна, что делается страшно.

— Да, Иона, — согласился Кельвин, — мне показалось, что это было на самом деле очень хорошее выступление. Очевидно, как женщина, ты понимаешь боль сердца. Ты прошла через разрыв и разочарование и использовала их, чтобы расти.

Ты согласен, Родни?

Кельвин, Берилл и Иона как один повернулись к несчастному Родни. Последовала долгая пауза, прежде чем Родни повернулся к Кельвину и прошептал sotto voce:[7]

— Пожалуйста, Кельвин…

— Как ты считаешь, Родни? — твердо ответил Кельвин.

На лице Родни появилось выражение покорности. Казалось, он знал свои обязанности и готов был исполнить их, несмотря на мучительное смущение.

— Иона, я… я… не думаю, что ты выросла по сравнению с прошлым годом. — После этих слов у него на лбу появились капельки пота. — Ты знаешь, что в прошлом году ты и твоя группа мне очень нравились, и я на многое пошел, чтобы заявить об этом, но мне придется быть честным. Я не думаю, что ты выросла.

— Правда, Родни? — ответила Иона по-прежнему спокойно, хотя ее глаза метали молнии. — Это очень странно, учитывая, сколько «наставлений» я получила от тебя после окончания прошлого сезона. Насколько я помню, тогда ты очень ценил

---

[7] Примечания: 7
Вполголоса *(ит.).*

то, что я могла тебе предложить.

Кельвин широко улыбнулся, даже не пытаясь скрыть своей радости оттого, что Родни оказался в затруднительном положении.

— Иона, я говорю с точки зрения профессионала, — громко ответил Родни. — Ты мне нравишься, ты это знаешь, и я очень старался поддержать тебя после провала в прошлом году…

— «Поддержать», Родни? Так вот как это называется? Вообще-то, насколько я помню, это тебе требовалась поддержка, особенно после того, как ты перебрал лишнего и не смог оказаться, так сказать, на высоте положения.

У Родни отвалилась челюсть, Берилл жестоко захохотала, а Кельвин решил, что на этот раз хватит.

— Итак, — сказал он, — я говорю «да». Берилл?

— О, определенно. Я говорю «да».

— Родни?

Родни скорчился сильнее прежнего, сжавшись под яростным, твердым взглядом женщины, которую он использовал и теперь должен был предать.

— Пожалуйста, Кельвин, — проскулил он, — она и так прошла на ваших двух голосах.

— Родни, люди хотят знать твое мнение. Мне

нужен ответ, и я думаю, что ты его знаешь.

Выбора у Родни не было. Кельвин был боссом. Должность в шоу «Номер один» полностью изменила жизнь Родни, превратив его из безвестного середнячка в знаменитую телевизионную персону, человека, который регулярно получал приглашения на корпоративные поездки для игры в гольф. Он не мог отказаться от этого. Просто не мог. К тому же разве Иона могла унизить его еще сильнее?

— Прости, Иона. Я не думаю, что у тебя получится сыграть вживую.

Иона некоторое время стояла неподвижно, пристально глядя на Родни.

— Ну что ж, — сказала она, — значит, мне придется еще постараться, чтобы произвести на тебя впечатление. Верно, Родни?

«Все ко мне домой»: Грэм и Миллисент

Кельвин положил конец страданиям Миллисент во время последнего тура перед финалом. В части шоу под названием «все ко мне домой» каждый судья якобы забирал группу полуфиналистов в собственный дом на период интенсивной подготовки и «наставления». В реальности участники проводили в домах судей ровно столько времени, сколько требовалось им для того, чтобы спеть свою песню и услышать, прошли они в финал или нет.

Говоря по совести, изначально планировалось, что на этой стадии конкурса будет идти настоящая подготовка, но, когда в головах у судей прояснилось и они начали понимать, что придется на самом деле общаться с двенадцатью отчаявшимися, испытывающими благоговение перед знаменитостями незнакомцами у себя дома, они быстро передумали и решили не вносить столь большого вклада в создание шоу.

— Ты правда думаешь, — ахнула Берилл, говоря за всех троих (включая Кельвина, которому при-

надлежала эта идея), — что я позволю двенадцати отчаявшимся поганым ничтожествам, которые вылезли из-под какого-то замшелого английского пня, расхаживать по моему прекрасному дому и пользоваться моими унитазами? Я всю свою жизнь работала ради того, чтобы оставить этих людей в прошлом! Из-за них у моих ворот стоят охранники, прогоняющие их вон! Это те ублюдки, которые просят у меня автографы, пока я пытаюсь проскользнуть на прием к своему хирургу. Я ненавижу этих людей. Я поздороваюсь с ними у двери, но внутрь они не войдут. Можете провести их за домом, чтобы они спели у бассейна. Если им нужен туалет, пусть воспользуются туалетом для садовников. Они ни за что не войдут в дом, вы меня слышите?

Домом, в двери которого будет разрешено постучать группе конкурсантов, был особняк Берилл в Лос-Анджелесе. Кельвин не был готов пойти даже на это; он не согласился использовать ни один из домов, где он действительно жил. Его «группе обучающихся» было позволено поглазеть, застыв в завистливом ошеломлении, на его ранчо в Марокко, которое было куплено для вложения денег. Как и у Берилл, в дом никого не пускали.

— Они могут выступить на веранде, — сказал Кельвин, — а переоденутся пусть в тренажерном зале.

— А можно им быстренько окунуться в бассейн? — спросил Трент, отчаянно желавший снять достаточно кадров, чтобы поддержать легенду, будто судьи до определенной степени проявляют гостеприимство. — Берилл не разрешает.

— Хорошо, но пусть сначала обязательно примут душ. И пусть, мать твою, обязательно сдадут фотоаппараты и сотовые за милю до ворот.

Родни с радостью разместил бы свою группу у себя дома, но это не решало проблему Трента, потому что, увы, домом Родни являлась всего лишь ничем не примечательная квартира в Баттерси. Кили изо всех сил нахваливала его дом в своих сюжетах.

— А группа, которую будет обучать Родни, — в восторге кричала она, — сейчас отправится в его роскошный пентхаус в старом добром Лондоне с видом на романтичную Темзу!

Но, что бы она ни говорила, домом Родни не был ни голливудский особняк, ни ранчо в Марокко. Он был всего лишь квартирой в Баттерси.

На этой стадии конкурса самым сложным мо-

ментом для технологического отдела всегда были вопросы переезда и размещения. Отобранных конкурсантов следовало отвезти в один из домов, расселить поблизости в самом дешевом мотеле и снять на фоне различных достопримечательностей, чтобы доказать, что они туда прибыли («Я не могу в это поверить, я из Лидса, а стою на Сансет-бульваре!»), а потом как они бродят по роскошной территории вокруг домов Кельвина и Берилл, но не по квартире Родни («Я всегда верила в свою мечту, но после того, как я все это увидела, мне захотелось мечтать еще сильнее»).

Затем шли сами «прослушивания», что означало съемки двенадцати разных номеров в каждом из трех различных и проблематичных мест, где специалистам приходилось снимать обувь и применять «правило кляпа», прежде чем спросить разрешения поискать розетку. После чего все ехали обратно домой. Возвращения осложнялись к тому же необходимостью снимать отсеянных конкурсантов, которые с заплаканными лицами смотрят из окна самолета и размышляют о том, как сообщить своим погрязшим в нищете семьям, что им не видать мучительно вымечтанных славы и состояния.

Многочисленные издевательства, через кото-

рые Кельвин провел Грэма и Миллисент, наконец закончились у бассейна Кельвина. Они только что спели «Don't Go Breaking My Heart», старый хит Элтона Джона и Кики Ди. Как и раньше, Миллисент успешно выводила мелодию, а Грэм придерживался рок-приемов и сипел, чтобы скрыть свои недостатки. Как и раньше, Кельвин сделал черное белым без малейшего стыда.

— Миллисент, — сказал он, — то, как ты спела эту песню, разбило мое сердце.

Эта фраза висела в воздухе достаточно долго, и у Миллисент снова отвалилась челюсть, показав ее толстый, бледный, уже знакомый всем язык.

— Боюсь, игра окончена. Грэм больше не может тащить тебя, я больше не могу тащить тебя. Я дал тебе отличную возможность работать, учиться и расти…

— Но я работала, — выдавила Миллисент, на секунду обретая голос.

— Но ты не научилась и не выросла.

— Люди говорят, что я хорошо пою!

— Какие люди, Миллисент? Которые выпускают записи? Которые делают поп-шоу? Я так не думаю, дорогая. Правда в том, что ты ужасно поешь, и ты совершенно не должна была дойти до такой высокой ступени в таком серьезном шоу.

Мы все знаем, почему ты здесь. Ты здесь благодаря своему партнеру, святому и безгранично терпеливому Грэму. Мы хотели оставить его, поэтому оставили и тебя, но дальше это продолжаться не может. Повторяю, это серьезное шоу… Я очень серьезно отношусь к музыке. Музыка — это самое важное. Мне безразличны личности и пустые надежды и мечты людей. Меня интересует пение, не больше и не меньше, а ты, дорогая, не умеешь петь. Прости, но это факт. И поэтому я отправляю вас обоих домой. Грэм, Миллисент. До свидания.

Миллисент взяла Грэма за руку, и они вместе вышли, чтобы дать свое слезливое интервью после отсева.

Тем временем Кельвин велел Тренту снять, как он ходит у бассейна, раздираемый противоречиями и вконец запутавшийся.

— Раздираемый противоречиями и запутавшийся, босс? — повторил Трент.

— Да. Установи камеру с другой стороны бассейна, убери всех из кадра и сделай мой крупный план — меня раздирают противоречия, я запутался и растерялся под неподъемной ношей будущего поп-культуры.

— Понял, босс, — сказал Трент. — Это отлично.

Камеру установили, и Кельвин (который

взъерошил себе волосы в приступе мучительных раздумий) бродил по кадру, одинокий и романтический. Он вскидывал руки к небесам, словно призывая Господа подать ему знак, он сидел на лежаке, сжав голову руками, словно глубоко уйдя в мучительные раздумья. Он взял телефон и, даже не потрудившись набрать номер, разыграл душераздирающую беседу с таинственным советчиком.

— Я просто не знаю, — сказал он в молчащий телефон. — Я не могу отпустить мальчика, он слишком хорош! Но мы не можем дать ей еще один шанс. Девочка просто не сможет сыграть вживую… Она сама свила себе веревку… Думаю, у меня нет выбора.

Кельвин убрал телефон и крикнул:

— Снято!

Затем распорядился привести ему Грэма без Миллисент.

— Возьми бригаду, — добавил он. — Убедись, что снимут момент, когда ты скажешь, что я хочу увидеть одного Грэма.

— Я возьму две бригады, — с энтузиазмом предложила Челси. — Оставлю вторую снимать Миллисент, пока она будет ждать.

— Умница.

Итак, пантомима была создана. Грэм и Миллисент тихо сидели рядышком в автобусе, которому после последнего «прослушивания» предстояло отвезти всех участников в аэропорт. У автобуса разыгрывались сцены с рыданиями и воплями, более шумные отсеянные личности оплакивали свою участь. Правда, слышались смех и пение, те, кто прошел в следующий тур, шлепали друг друга по ладоням вытянутых вверх рук и трясли кулаками в воздухе. Только Грэм и Миллисент молчали. Они сидели рядом и не видели никого вокруг.

— Я счастлив, — сказал Грэм, наконец нарушив молчание. — Не думаю, что я смог бы пережить еще один тур и такое отношение судей к тебе.

— Да уж, они вели себя просто ужасно, — согласилась Миллисент.

— Но ведь причина очевидна, верно? Драма и все такое. Я не дурак, Милли, я изучаю музыку, я знаю, кто из нас лучший певец. Единственный певец, если уж на то пошло, — это ты. Мы оба это знаем. Я — инструменталист.

— Ты правда так думаешь? — умоляюще спросила Миллисент. — В смысле, я всегда думала, что хорошо пою, но, если честно, из-за них я потеряла веру в себя. В конце концов, это ведь сам Кельвин

Симмс.

— Милли, да ты что. Ты знаешь, что я не умею петь.

— Но у тебя настоящий музыкальный талант. Может быть, они заметили это. Может быть, они говорили именно об этом.

— Ну, этого нам никогда не узнать, верно? Потому что все кончено, и я рад, потому что на самом деле я хотел сказать тебе, Милли, и я ждал момента, когда нас отсеют, прежде чем сказать, что…

В этот момент в автобус ворвалась Челси со съемочной бригадой.

— Грэм, — сказала она, — Кельвин хочет видеть тебя… одного.

Грэм сжал руку Миллисент. Всем было понятно, что означало это приглашение, других вариантов здесь не было.

— Зачем? — спросил Грэм. — Он нас отсеял. Все кончено, верно?

— Он хочет видеть тебя.

Миллисент тоже сжала руку Грэма.

— Иди, — сказала она. — Узнай, чего он хочет.

Грэма вывели из автобуса и снова привели к Кельвину.

— Дружище, — сказал Кельвин, — дело вот в чем. Твое путешествие не должно заканчиваться

здесь. Оно должно только начинаться.

— Что вы хотите сказать? Я думал, оно уже закончилось.

— Грэм, я могу изменять правила в любое время, и я готов сделать это сейчас. Я пропущу тебя в финал, но только если ты будешь один. Ты должен бросить Миллисент.

— Но она поет гораздо лучше меня, — запротестовал Грэм. — Вы можете этого не знать, но для меня это очевидно.

— Грэм, поет она, может быть, и лучше, но это не делает ее великой певицей, и победитель шоу «Номер один» из нее тоже не получится. У тебя же настоящий музыкальный талант. Ты пишешь песни, я слышал, что ты хороший инструменталист. В финале ты сможешь сыграть. Нельзя упускать такую возможность.

Грэм боролся со своей совестью, а камеры тем временем подобрались еще ближе, впитывая его страдания.

— Она сказала, что, если бы вы решили разделить нас, она бы на это не пошла и что она никогда не оставит меня.

— А зачем ей оставлять тебя, Грэм? Ты талантлив.

Грэм явно не знал, что сказать.

— Знаешь, я ведь наблюдал за вами, — сказал Кельвин. — Вы очень нравитесь друг другу, верно?

— Да, да, очень.

— Тогда, дружище, я полагаю, она знает, насколько ты талантлив. И что будет просто преступлением, если такой талант никогда не увидит зритель. Ты действительно думаешь, что она захочет встать у тебя на пути?

Конечно, в конце концов Грэм согласился продолжать участие в конкурсе один, после чего вместе с Челси и съемочной бригадой снова отправился в автобус, чтобы сообщить эту новость Миллисент.

Кельвин воспользовался краткой передышкой в работе, чтобы позвонить Эмме и рассказать ей последние новости.

— Как ты собираешься скрыть тот факт, что Миллисент пела лучше? — спросила она.

— Куча танцоров и часть фонограммы, все как обычно. Но я не думаю, что он надолго задержится в финале. После того как мы избавились от Миллисент, сюжета как такового у него нет. Ты права: если бы он хорошо пел, все было бы по-другому.

«Все ко мне домой»: ЕКВ

А в Марокко в самом конце очереди на прослушивание перед встречей с Кельвином сидели его королевское высочество и Бри, молодая жертва домашнего насилия, которую Челси нашла в приюте для женщин.

Кельвин до этой минуты уделял Бри очень мало внимания, быстро проводя ее из тура в тур в массовке, но теперь пришло ее время сыграть свою роль.

Его королевское высочество вынужден был прибыть в дом Кельвина позже назначенного времени из-за приглашения выпить чаю с королевской семьей Марокко.

— Боюсь, я просто не могу находиться на марокканской земле и не засвидетельствовать своего почтения, — объяснял он многострадальному помощнику видеорежиссера, которому пришлось менять время прослушивания. — Это даже не вопрос этикета, это вопрос воспитания. А я всерьез думаю, что это важно. Вы согласны?

Когда принц все же прибыл, Кельвин велел посадить его в конец очереди рядом с Бри. Кель-

вин прекрасно знал, что, оказавшись в чьей-либо компании, принц невольно захочет узнать, кто с ним рядом и как у него дела. Всю свою жизнь общаясь с совершенно незнакомыми людьми, его королевское высочество просто не смог бы не обратить внимания на сидевшую рядом с ним женщину.

— Как поживаете? — начал он. — У вас все в порядке? Разве здесь не ужасно жарко? У меня в чемодане зонтик — не хотите взять его, чтобы спрятаться от солнца?

Бри отказалась от зонтика, сказав, что с радостью впитает как можно больше солнца, потому что в Бирмингеме его очень немного.

— Да, полагаю, вы правы, — согласился принц. — Но, умоляю, будьте очень осторожны. Знаете, канцерогенные свойства солнечного света только недавно были выявлены в полной мере. Особенно в связи с ужасной проблемой уменьшения озонового слоя, о котором я твержу много лет. Может быть, хотя бы намажете моим солнцезащитным кремом кончик носа? Моя жена настаивает, чтобы я его просто плюхал на нос.

Бри выдавила капельку крема из королевского тюбика и намазала нос.

— Вы не очень похожи на принца Уэльского, —

сказала она. — Думаю, все вам это говорят.

— Ну да, здесь об этом поговаривают, — согласился принц. — Обычно меня узнают, но здесь все, кажется, полагают, что я двойник. Забавно, если честно, потому что могу признаться, что за последние годы было множество случаев, когда я мечтал о том, чтобы действительно быть двойником.

Бри сочувственно улыбнулась, очевидно думая, что старичок немного не в себе.

— Если честно, я думаю, что он ничего, — сказала она.

— Кто?

— Принц Уэльский, — сказала Бри. — Однажды я участвовала в проекте «Аутворд баунд»,[8] организованном его трастом.

— Боже мой. Чудесно! — широко улыбнувшись, сказал принц. — Вам понравилось? Надеюсь, я прав, и это событие изменило жизни очень многих молодых людей. Знаете, я этим ужасно горжусь.

— Это было классно. Мы отлично повеселились. Я раньше никогда не была за городом.

— Но вы ведь чему-нибудь научились, верно?

---

[8] Примечания: 8

«Аутворд баунд» — экологическое движение.

Независимости? Уверенности в себе? Я серьезно думаю, что эти качества очень важны.

— Ну, — ответила Бри, — наверное, мне бы это удалось, но на самом деле я не думаю, что способна на это.

— Боже мой. Почему же? — спросил принц.

После недолгих уговоров Бри рассказала свою историю. День впереди был длинный, и заняться больше было нечем. Она рассказала, как связалась с агрессивным партнером, который избивал ее, и как время от времени она принимала его обратно, демонстрируя классический цикл домашнего насилия.

— Знаете старую поговорку, — сказала она. — Если он ударил один раз — его вина, если ты позволила ему это дважды — это твоя вина. Конечно, говорить легко.

Принц выслушал ее сочувственно, бормоча слова соболезнования, которые явно пришлись Бри по душе, а находившиеся на безопасном расстоянии камеры все записывали.

— Ну, знаете, я серьезно думаю, что это вопрос самоуважения, — наконец сказал принц. — Вы должны убедить себя в том, что не обязаны быть жертвой. Это не предопределено. У вас есть возможность изменить ситуацию, просто поверив,

что вы на это способны.

— Я знаю, — пожаловалась Бри. — Просто иногда так трудно постоять за себя.

— Мне ли этого не знать?! — воскликнул принц. — Но человек просто обязан попытаться. Какую песню вы выбрали на сегодня?

— «Stand By Your Man», — ответила Бри. — Мне нравится кантри.

— Господи! — воскликнул принц. — Я знаю эту песню. Ее иногда слушает кухарка. Боже мой, вы не должны петь ее! Это песня жертвы. Даже такому чудаку, как я, это понятно. Вам нужно что-то вдохновляющее и выражающее самоутверждение.

— Например?

— Ну, не знаю, что-то вроде «Man Of Harlech» или «The Battle Hymn Of The Republic».

— Я их не знаю.

— Ну а «Sisters Are Doing It For Themselves» группы «Eurythmics» вы знаете? Ужасно трогательная песня. Они пели ее на концерте, который мы организовывали. Я просто обожаю Дэвида и Анни, они столько лет помогали мне с благотворительностью.

— Вы действительно думаете, что мне нужно сменить песню?

— Несомненно. Если хотите начать меняться, почему бы не начать прямо сейчас. Мне это известно, и по этой причине я здесь. Слушайте, мы в самом конце очереди, у вас куча времени, чтобы порепетировать. Если хотите, я вам помогу. Я собирался написать письмо далай-ламе о природе веры, но, думаю, он подождет. Он такой спокойный парень. Такой уравновешенный.

«Hell Hath No Fury»[9]

После записи цикла «все ко мне домой» в расписании шоу «Номер один» настало затишье, которое давало время смонтировать материал, а также догнать готовые выпуски, которые уже шли в эфире.

Во время этой короткой передышки перед запаркой, когда еженедельные выпуски финалов идут десять раз подряд в прямом эфире, Родни вернулся в Лондон, и именно там, пока он убивал время, играя в гольф в своем офисе, его секретарша сообщила, что на линии снова Иона. В прошлом Родни неизменно избегал звонков Ионы, но это было до того, как новый сезон шоу «Номер один» пошел в эфир. Как только показали эпизод на прослушивании в Бирмингеме, его отношение к своей бывшей подружке серьезно изменилось.

Выступление Ионы с песней «You Raise Me Up», пренебрежительные отзывы Родни и взрывной

---

[9] Примечания: 9

Сокращенная цитата из пьесы «Невеста в трауре» английского драматурга У. Конгрива (1670–1729).

Полностью звучит так: «Hell hath no fury like a woman scorned» («Нет ничего страшнее отвергнутой женщины»).

ответ Ионы стали громкой новостью.

«Раньше я была достаточно хороша для тебя, верно? И на людях, и наедине».

Пресса мусолила этот скандал, а фраза «и на людях, и наедине» стала самым популярным выражением недели. Скандал Ионы и Родни пока что был главной историей сезона, поскольку Кельвин решил придержать принца Уэльского до последних региональных прослушиваний.

Истина заключалась в том, что Родни ужасно нравилась его внезапная слава, и он наслаждался вниманием, вызванным фразой Ионы. Впервые он был самым обсуждаемым судьей, и не потому, что его облили кофе, а потому, что он затащил в постель красивую и талантливую девушку, а затем при всех ее оскорбил. Определенно большая часть отзывов о нем в прессе (особенно журналисток) была негативной, но нельзя было отрицать, что Родни выглядел намного сексуальнее и намного круче, чем когда-либо раньше. Роль жестокого любовника нравилась ему куда больше роли зануды.

— Отлично, я отвечу, — важно сказал Родни. — Соедини по громкой связи, я хочу продолжать отрабатывать удары.

Родни был в восторге от звонка Ионы. Он соби-

рался позвонить ей и объявить, что в ближайшее время отправится в Шотландию по делам, и даже отказался участвовать в небольшом бесплатном мероприятии: открытии выставки лодок в Халле, чтобы в расписании появилось окошко. Родни вдруг захотелось встретиться с Ионой, она вновь привлекала его, и он находил очень сексуальным то, что газеты постоянно называли ее «сногсшибательной». Она перестала быть его прошлым, конкурсанткой прошлого года, бывшей девушкой; она стала «новостью». Сочетание их имен занимало куда больше газетного пространства, чем одно его имя, и Родни тешил себя мыслью о том, что вернет Иону. Они снова станут горячей парочкой, их фотографии будут красоваться на первых полосах. И потом, она и правда сногсшибательная девчонка, теперь, когда это признали средства массовой информации, он вспомнил об этом.

— Привет, Иона! — радостно крикнул он, красиво ударив по мячу. — Я вижу, мы с тобой снова вместе в газетах. Недурно, да? Говорят, плохой славы не бывает.

— Заткни пасть, самодовольный мелкий хорек, и слушай меня, — ответил знакомый голос.

Родни на секунду опешил. Он был настолько

всем доволен, что позволил себе забыть о том, как злобно и без причины унизил ее на национальном телевидении.

— Ну, ну, Иона, — сказал он. — Подожди. Да, я сказал, будто ты плохо поешь, но я сделал это, чтоб добавить драматизма. Шутки ради. Я знал, что Кельвин и Берилл проведут тебя в следующий тур, поэтому решил проголосовать против, вопреки всем ожиданиям, — знаешь, чтобы немного замутить. И посмотри, это сработало, верно? Мы стали новостью!

— Я сказала: слушай меня, кусок дерьма, — ответила Иона.

— Слушай, Иона, нельзя разговаривать со мной в таком тоне, — сказал Родни уже более твердым голосом. Если она хотела говорить гадости, ей вскоре предстоит узнать, что он может вести себя так же.

— Неужели! — рявкнула Иона. — Ну, может быть, мне тогда стоит поговорить в таком тоне с журналистами. И рассказать им свою историю.

— Какую историю? Все знают правду о нашем романе. Мы никогда этого не отрицали.

— Все знают правду, Родни, — ответила Иона, — но подожди, пока я начну рассказывать им сказки.

— Что ты имеешь в виду?

— Мэри в прошлом году была несовершеннолетней, ясно тебе, грязное животное?

Иона говорила о бас-гитаристке группы «Шетландский туман», которая во время прошлого сезона действительно еще была школьницей, что принесло группе некоторую известность.

— Что! — У Родни перехватило дыхание. Он даже пошатнулся. — Я никогда…

— Это мне известно, хотя я думаю, что тебе этого очень хотелось.

— Чепуха! Что ты хочешь сказать? Я послал ей пару подарков, и все…

— Ей было пятнадцать, Родни, ей пришлось получить специальное разрешение, чтобы участвовать в шоу. Представляешь, что начнется, если она заявит, что ты пытался ее облапать?

— Господи! Я не лапал ее! Ты не…

— Родни, ты знаешь, где я живу, хотя отказывался хоть раз приехать ко мне домой, когда мы были вместе. Мы ведь недостаточно хороши для тебя, верно? Ты никогда не видел моей семьи. Ну, сейчас ты с ними встретишься. Приезжай завтра, приезжай один и помни, что тебя обыщут на предмет записывающих устройств.

На этом разговор закончился, и Родни велел

секретарше заказать ему билет до Глазго на следующее утро. Она уже зарезервировала ему место для перелета в Шотландию. Родни надеялся, что поездка пройдет при более счастливых обстоятельствах.

Иона жила со своей семьей в часе езды от города в большом старом ветхом фермерском доме рядом с деревней Дамгойн. Приехав туда, Родни почувствовал себя ужасно неуютно, увидев, что здесь собралась целая толпа. Все хотели услышать, что именно хотела обсудить с ним Иона, и, когда он сел за большой обеденный стол напротив своей бывшей девушки, он увидел за ее спиной всех членов «Шетландского тумана», а также братьев, сестер и родителей Ионы. Ее отец, который работал на тракторе, держал в руке тяжелый гаечный ключ. Во время последней встречи Родни с участниками «Шетландского тумана» он был парнем Ионы и администратором группы; с тех пор он их бросил и полностью от них отгородился. Теперь он вернулся, и собравшиеся смотрели на него с плохо скрываемым презрением.

— Значит, Родни, дело вот в чем, — сказала Иона. — Ты предал меня как женщину и как человека, и пришло время заплатить за это.

— Что ты собираешься сделать?

— Я собираюсь объявить с экрана, что ты говорил мне, что любишь меня, и обещал жениться, и все это время пытался приставать к Мэри, а она поклянется, что все так и было, и все остальные тоже поклянутся, что она им тогда об этом говорила. Все поверят нам. Если начистоту, ты и так похож на извращенца.

— Иона! — крикнула ее мама. — Не стоит так выражаться.

— Ты этого не сделаешь, — заикаясь, произнес Родни.

— Сделаю. Если только…

— Если только что?

Иона дала ему время попотеть.

— Если только ты действительно не предложишь мне за тебя замуж. В прямом эфире.

— Что!

— Когда меня отсеют, ты скажешь, что хочешь кое-что сказать мне, и сделаешь предложение. Вот так вот. Мы поженимся. Ты будешь держаться от меня подальше три поганых года, а потом я разведусь с тобой и заберу половину твоего имущества.

Родни сидел прикусив губу. Было очевидно, у него в голове идет напряженная работа, он лихорадочно пытался взвесить все за и против.

— Если ты хочешь денег, зачем нам жениться? Разве не достаточно одного шантажа?

— Потому что ты пойдешь в полицию, а доказательством заговора будет мой банковский счет. Нет, Родни. Мы будем женаты законно, и я заберу твои деньги законно. Или соглашайся, или я спрошу Кельвина, можно ли мне привезти с собой на шоу бас-гитаристку, которой есть что рассказать. Зная Кельвина, я уверена, что он будет в восторге. Его, наверное, уже тошнит от тебя, а наша история даст ему превосходную возможность от тебя избавиться.

Королевский переворот

— Ну-у, Кельвин, — промурлыкала Дакота по телефону. — Я-а должна сказать, что когда увидела этим утром газеты, то мне стало почти что жаль тебя.

Дакота позвонила, чтобы позлорадствовать. Назвав принца Уэльского своим кандидатом, она и представить себе не могла лавины насмешек, которая обрушится на королевскую голову, когда известия о его участии выплывут на свет. В утро, когда первое прослушивание принца пошло в эфир (как только «КЕЛоник ТВ» официально заявила на весь мир, что данный человек — не двойник, а настоящий наследник престола), пресса устроила уничижительную оргию. От заголовка «Принц номер один!» в газете «Сан» до более обоснованного «Неблагоразумная склонность к популизму делает из принца посмешище» в газете «Телеграф» средства массовой информации были единодушны во мнении, что это последний вздох человека и института, который потерял всякую значимость в современном мире.

— Ну что ж, — ответил Кельвин, — посмотрим.

— Да-а, Кельвин. Посмотрим.

— Мы во всех утренних новостях, — сказал Кельвин.

— Я-а знаю. Разве это не прекрасно? И должна признать, я-а никогда не думала, что этот маленький шаг приведет к такому общественному резонансу. Полагаю, что это значительно увеличило цену моей собственности.

— Дорогая, она пока что не твоя, — ответил Кельвин. — За нее еще нужно побороться.

— Ха! — фыркнула Дакота. — Размечтался. Даже ты не сможешь выбраться из такой истории.

— Прости, — сказал Кельвин, — вторая линия. Мне пора.

С этими словами он резко оборвал разговор со своей женой, потому что увидел на второй линии Эмму, а он не мог позволить никаким делам помешать разговору с ней.

Если Дакота злорадствовала, то Эмма была ужасно расстроена.

— Они все обернули против нас, — пожаловалась Эмма. — Мне показалось, ты смонтировал принца на самом деле благожелательно, но ни к чему хорошему это не привело. Ни капли не смягчило удара. Все приняли решение в ту минуту, когда увидели его, и уже не важно, что он

говорит, это всем безразлично, они уничтожат его. Мне нужно было заставить тебя отсеять его.

— Еще рано говорить об этом, Эм, — успокоил ее Кельвин. — Не стоит пока что паниковать.

— Я думаю, тебе нужно переписать сценарий на следующую неделю и отсеять его, пока не стало еще хуже.

— Как же мы это сделаем? Мы оставили его до финала.

— Ой, Кельвин, да ладно тебе, ты ведь говоришь со мной. Просто покажи, как он поет строчку из своей песни, а потом вставь любой старый кадр, где вы трое говорите «нет», и дело сделано. Ты и раньше изменял свои решения при монтаже.

— Да, но я пообещал тебе, дорогая, и собираюсь сдержать обещание. Я не стану выбрасывать белый флаг после первого раунда. Я с самого начала знал, что будет трудно, и нисколько не удивлен.

— Ты действительно думаешь, что сможешь все исправить?

— Ну, я бы хотел попытаться… ради тебя.

— Кельвин, я знаю, что ты постарался изо всех сил, но не могу заставлять тебя идти дальше.

— Нет, Эмма, я серьезно. Я пообещал. Я делаю это ради тебя.

— Правда? Только ради меня?

— Только ради тебя.

Когда Эмма повесила трубку, Кельвин включил телевизор и нашел в «Скай плюс» заголовки новостей. Принц Уэльский по-прежнему был главной новостью. Представительница принца стояла перед его скромным городским домом.

— Его королевское высочество не имеет права комментировать свое участие на шоу «Номер один», поскольку он связан строгими правилами конкурса, которые запрещают участникам обсуждать какой-либо аспект процесса съемок. Однако он уполномочил меня сделать от его лица короткое заявление. Он гордится успехами, сделанными на шоу, и ему нравится трясти окороками и оттягиваться по полной.

Кельвин расхохотался. Молодец, так им и надо.

Трагедия и фарс

Как и в прошлые годы, шоу с самого начала оказалось очень успешным. Конечно, помогло участие принца, но не было сомнения, что Кельвин и так выбрал бы победителя. Как и раньше, вся нация восторгалась уморительной чередой «липучек», «выскочек» и «сморчков», каждую неделю проходивших перед их глазами. Точнее, наслаждались все, кроме самих «липучек», «выскочек» и «сморчков», которые после прослушиваний неизменно воображали, будто имеют представление о том, как будут выглядеть по телевизору. Как и многим их предшественникам, прошедшим монтаж, им предстояло узнать, что они ошибаются.

Говорят, что трагедия, повторившись второй раз, становится фарсом, и во многом это высказывание было справедливо по отношению к многочисленным отсеянным участникам шоу «Номер один». Во время съемок неудачная попытка прорваться во второй тур соревнования и жестокое уничтожение мечты было их личной трагедией. Теперь она повторялась как обще-

ственный фарс.

Они поверить не могли в то, какими их выставили идиотами. Это было значительное событие в их жизни, и, несмотря на неудачу, они гордились своими попытками и втайне ждали своего появления на телевидении. Конечно, они все смотрели шоу и видели, какому жестокому обращению подвергались безумные неудачники, участвовавшие в нем раньше, но никто не представлял себе, что такое может случиться с ним. Теперь, когда друзья и знакомые заходились от смеха, глядя на их жалкое позерство, отсеянные конкурсанты получали жестокий урок «реальности» реалити-ТВ. «Сморчки», лелеявшие воспоминания о полных сочувствия беседах, которые они вели с Кили после отсева, в ужасе наблюдали за тем, как их разговор сводился к десятисекундному клипу, во время которого они утверждали, что они круче Элвиса и лучше Джона Леннона. «Выскочки», помнившие момент, когда их хвалили за впечатляющую силу вокального таланта, были поражены, увидев только один позорный момент из всего своего выступления, где их поднимали на смех как крикунов. Девушка из Уэльса, которая пела в угрюмой манере, надеясь, что так она похожа на Бонни Тайлер, дала

длинное интервью в «Комнате гнева», говоря нормальным голосом, но в самом конце ее убедили мрачно произнести: «Я крутая рок-девица, а ты пошел на хер, Кельвин Симмс». В эфире показали этот, и только этот, момент.

Конечно, по словам Челси, таким очень даже повезло, ведь они все же попали на телевидение. И это было правдой, потому что на каждого, кто кричал в свой телевизор, что его великолепную песню урезали до одного слова и выставили их полными придурками, приходилась сотня других, кто говорил: «Поверить не могу, меня вообще не показали! А я болтался там целый день! Отборщик сказал, что я пел великолепно!»

К тому же были такие участники, как Вики и ее мама, или группа «Пероксид», или Миллисент из дуэта «Грэм и Миллисент», которым было уделено непропорционально большое количество эфирного времени. В таких случаях конкурсанты неизменно жалели, что их вообще заметили, потому что им пришлось узнать, что слава — это не всегда хорошо.

Вики и ее мама с нетерпением ждали показа. Несмотря на жестокость отсева, за прошедшие с того момента недели они убедили себя, что у них все получилось хорошо. В конце концов Вики спе-

ла свою песню целиком, и, по словам Кили, спела очень хорошо. К тому же и Вики и ее мама получили достаточно времени после прослушивания и доходчиво объяснили, почему, по их мнению, судьи были не только не правы, но и грубы.

— Мы отстояли себя, — гордо заявила мама, угощая печеньем большую группу друзей Вики, ее одноклассников и их родителей из школы актерского мастерства, собравшихся у них дома, чтобы посмотреть шоу. Все эти люди знали, что Вики отсеяли в первом туре, но были совершенно не готовы к жестокости, с которой команда шоу «Номер один» смонтировала ее заблуждения на свой счет.

Все радостно закричали, когда на экране появилась Вики, сидевшая в холле со своей мамой, но крики стихли, когда она начала хвастаться и говорить о своей мечте, демонстрируя брекеты и безжалостно подчеркнутые освещением прыщи. Раздались даже два неодобрительных щелчка языком, когда собравшиеся услышали, как мама Вики громко во всеуслышание заявляет, что Вики — лучшая в школе.

— Я никогда не говорила этого, — запротестовала мама Вики, хотя в этом случае камера не лгала.

Затем Вики внезапно оказалась в зале для прослушиваний, где убивала песню «Hit Me Baby One More Time», стоя перед судьями, которые ухмылялись, стонали, хихикали и сжимали головы руками, пока она пела всю песню. Друзья Вики в ошеломлении смотрели, как судьи высмеяли стоящее перед ними перепуганное, трясущееся создание с мокрыми глазами. Даже сочувственные слова Берилл, казалось, говорили только одно: «Да, она полное дерьмо, но ей всего шестнадцать лет».

Чашки остались на блюдечках, печенье застыло на полпути ко рту, пока гости Вики смотрели, как она плачет в объятиях Кили и самозабвенно бьется в истерике, которая завершилась в «Комнате гнева», когда ее мама крикнула, что у Вики, по крайней мере, хватило смелости мечтать свою мечту.

После этого, как только Вики и ее мама осмелились понадеяться, что кошмар окончен, они услышали слова Кили: «Смотрите в следующем выпуске: судьи спорят из-за громкого провала Вики».

Вики и ее мама понятия не имели о том, что полнейшая неадекватность Вики протянется отдельным сюжетом через все шоу и Берилл с Родни

будут жарко спорить о том, как именно следует отсеивать таких совершенно бездарных детей.

— Она хуже моего геморроя, — повторял Родни.

— Я знаю, что она хуже твоего геморроя, Родни, — яростно отвечала Берилл, — но ей ведь всего шестнадцать лет.

Разумеется, эти разговоры сопровождались бесконечными повторами клипов, где Вики убивала песню, и в конце программы Кили упомянула, что, если зрители хотят увидеть выступление Вики снова, им нужно всего лишь переключиться на кабельный канал и посмотреть программу «Маленький „Номер один“».

— Или почему бы не выйти на наш сайт и не скачать из архива «Прыщавую Вики»?

Джорджи из группы «Пероксид» повезло, что она не увидела своего на удивление раннего изгнания из шоу за то, что не сумела вырасти и выучить прошлогодние уроки. Впрочем, вряд ли это можно было назвать везением, ведь она пропустила просмотр, потому что лежала без сознания на больничной койке, после того как ей почти удалось довести себя до голодной смерти. Мишель, вторая участница группы, была покрепче и смотрела шоу в пабе с друзьями. Она жутко

напилась, и ее арестовали за то, что она швырнула бутылкой в экран телевизора. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло, потому что газеты подхватили эту новость и на следующей неделе несколько дешевых журналов о знаменитостях взяли у Мишель интервью, а на одной из обложек появилась сказанная ею фраза: «Я не лесбиянка, но я бы пообжималась с Мадонной, чтобы продвинуться в мире шоу-бизнеса».

Из многочисленных «историй», показанных в первых выпусках шоу, больше всех, возможно, пострадала Миллисент, потому что она была «ручейком» и появлялась в трех разных эпизодах: на первом прослушивании, в «поп-школе», а затем во время тура «все ко мне домой». Каждую неделю она переживала невероятное унижение, наблюдая, как из нее делали безнадежную, бездарную дуру, которая эгоистично тянет на дно невинного Грэма. Взгляды, гримасы и слезы, вмонтированные в паузы между замечаниями судей, выставляли ее помешанной на себе желчной особой, которая воспользовалась доверием и терпением Грэма. Всем было понятно, что ей следовало сразу уйти добровольно, а не пользоваться вынужденной добротой судей.

Прохожие на улице начали кричать ей в лицо

всякие гадости.

— Может, уже свалишь и позволишь Грэму идти дальше? — говорили они, не понимая, что эпизоды были записаны несколько недель назад, и Миллисент уже давно покинула программу.

— Не волнуйтесь, на следующей неделе я уйду, — слабым голосом отвечала она.

— Давно пора! — кричали ей в ответ. — Ты не даешь прорваться вперед этому слепому бедолаге.

Такое унижение усугублялось тем фактом, что к этому времени Миллисент окончательно влюбилась в Грэма, чью жизнь, по мнению общественности, она рушила, и не могла даже поговорить с ним. Грэм, как и остальные финалисты, полностью погрузился в жизнь шоу «Номер один» и жил в общежитии в Лондоне, репетируя первое выступление в прямом эфире.

Выходец из народа

Одним из тех, у кого была причина радоваться первым выпускам, был принц Уэльский. Сперва посрамленный, он за удивительно короткое время начал расти в глазах зрителей. Его дружба с пареньком Троем и бескорыстное стремление научить его читать определенно сыграли ему на руку, и такое развитие событий удивило больше всех само королевское высочество.

— Знаете, я понятия не имел, что всерьез учил этого мальчика читать, — озадаченно говорил он Кельвину.

— Неужели, сэр? — ответил Кельвин с намеком на удивление в голосе.

— Да. Правда. Однако, когда я смотрел кадры по телевизору, все определенно выглядело так, словно я учил его читать. Представляете, несколько выдающихся преподавателей даже написали мне и поздравили с удачным освещением проблемы безграмотности среди городских мальчишек.

— Ну разве это не здорово?

— Хм-м. Да. Вот только, вынужден повторить, я понятия не имел, что всерьез учил этого мальчи-

ка читать. На самом деле, я думаю, это неправда.

— А по-моему, ваш вклад скорее заключается в общей атмосфере, — ответил Кельвин. — Ваше присутствие — уже само по себе огромная поддержка для мальчика.

— Хм-м, — с сомнением пробормотал принц. — Должен сказать, после монтажа ситуация определенно выглядит так, словно я серьезно учил его читать.

— Правда?

— Да, правда. Постоянно повторяющиеся кадры, где мы с этим пареньком размышляем над «Гарри Поттером».

— Мне показалось, это выглядело очень мило. Трогательно.

— Знаете, мы его только один раз почитали.

— Правда?

— Но я заметил, что один и тот же кадр появился в двух разных программах.

— Не тот же кадр, сэр. Разные углы.

— А потом, эта молодая дама, Кили, твердила о том тоже.

— Она твердила?

— Ну, на прошлой неделе она прямо заявила, что я помогал Трою с чтением.

— Ну да, вы ведь ему помогали, сэр. Я точно

это помню.

— Одно слово, мистер Симмс. «Квиддич».

— Но, сэр, ведь все дело в примере и вдохновении. Разве не этим должен заниматься ваш траст? Не нужно кормить этих детей с ложечки. Единственное, что можно делать, — это подавать им пример.

Несмотря на сладкие речи Кельвина, принц по-прежнему сомневался.

— Мистер Симмс, вы ведь не мошенничаете, верно? Я хочу сказать, если я буду продвигаться в конкурсе, то только благодаря моим достоинствам. Если я не могу выиграть, тряся окороками и оттягиваясь по полной, то я совершенно точно не хочу выиграть благодаря манипуляциям и обману.

— Простите, сэр, — твердо ответил Кельвин, — но на шоу «Номер один» невозможно обманывать, потому что, как вы помните из бланка заявки, который вы подписали, продюсеры имеют право изменять правила конкурса в любое время. Мы не говорим о нарушении правил, мы их переписываем, а это совершенно другое дело и абсолютно законно.

— Я думаю, вы правы, — нерешительно ответил принц. — Но ведь есть еще эта молодая мама с

больным ребенком.

— Но вы ведь действительно велели своему помощнику написать в Государственную службу здравоохранения по поводу очереди мальчика на операцию, верно, сэр?

— Да, это так, но я совершенно не думал, что это выйдет в эфир. Я понятия не имел, что вы снимаете. Так же как и тот случай с бедной женщиной, над которой жестоко надругался ее гадкий партнер. Это были приватные разговоры.

— Пожалуйста, сэр, обязательно перечитайте подписанный вами бланк заявки. На шоу «Номер один» ничего приватного не бывает. Все, что вы говорите и делаете во время процесса съемок, принадлежит нам, и мы используем материал по своему усмотрению. Пожалуйста, подумайте об этом. Вы хотели, чтобы мы показали, какой вы на самом деле. В мире телевидения единственный путь показать правду иногда лежит через ложь. Вы ведь действительно тот человек, кому не безразлична проблема безграмотности, но я не могу заставить вас твердить об этом, верно?

— Господи, нет, конечно! Упаси Господь! Я уверен, это будет ужасно скучно.

— Вот именно. Поэтому для того, чтобы показать вас честно, но в лаконичных телевизионных

рамках, я должен монтировать смело. Я должен рассказывать историю. А заключается она в том, что вы совершенно случайно наткнулись на этого неграмотного ребенка, отчаявшуюся мать с больным сыном и избитую жену. Это чистая случайность. Что касается монтажа, я предлагаю вам оставить это мне и сосредоточиться на тексте песни «My Way».

Накануне финалов

Финалы шоу «Номер один» состояли из продолжительной серии выпусков, которые уже не были результатом тщательного монтажа, а шли вживую. Каждую неделю зрители голосовали за своих любимчиков, затем двое участников, получивших наименьшее количество голосов, должны были снова спеть свою песню. После этого судьи решали, которого из них отсеять. Это был мучительно медленный процесс, который многие (включая Кельвина) считали далеко не таким развлекательным, как первые выпуски шоу.

— Это ошибка общего построения, — постоянно ныл Кельвин. — Шоу хорошо смотрится только в начале сезона. Мы начинаем с сотен придурков, которые не умеют петь, танцевать и внятно выражаться, потом выбираем из них двенадцать ужасных певцов, которых можно услышать на любом лайнере или в вестибюле гостиницы. А после этого выбираем совершенное ничтожество, о котором все забудут через две недели! Это неправильно. Нам нужно найти способ проигрывать программу в обратном порядке! Начинать с

ничтожества, а уже потом мотаться по стране в поисках кучи придурков! Можно было бы устроить потрясающий финал на стадионе «Уэмбли», где тысячи идиотов пели бы «You Are The Wind Beneath My Wings».

Накануне первого финала Кельвин, Трент и Челси стояли перед графиком, составленным из фотографий и описаний двенадцати финалистов.

Табита: скучная джинсовая лесбиянка, но с сексуальной подружкой.

Сьюки: трагикомическая проститутка с огромными титьками и накачанными губами.

«Парень»: каменщики с гитарами. Полупрофессиональная клубная группа. Скучные, но достойные.

Грэм: слепой. Поет плохо.

Незабудка: толстая мамаша. Много смеется. «Просто уборщица». Хорошо поет.

«Четверка-Х»: прикольные. Христиане. Хорошая история о тяжелой судьбе. Хорошо поют.

Трой: неплохо поет. Не слишком хорошо читает.

Иона: хороший голос. Ее трахал Родни.

Стэнли: героический отец-одиночка. ПРИМЕЧАНИЕ. Дети не особенно симпатичные.

Латиффа: заносчивая негритянка.

Квазар: лучший «выскочка» за все время. Поет плохо, но ему на это наплевать и нам тоже.

Принц Уэльский: наследник престола.

— Итак, шеф, — спросил Трент, — как вы хотите сыграть их?

— Ну, для начала я хочу на несколько недель убрать акцент с ЕКВ. Мы сотворили чудо, создав для него привлекательный образ… и, кстати, Челси, отличная работа с этой избитой девчонкой. Высший пилотаж. Милая, уязвимая, а репетиция песни «Sisters Are Doing It For Themselves» вместе с принцем — переломный момент в истории телевидения.

— Спасибо, шеф, — ответила Челси, а Трент изо всех сил постарался не хмуриться.

— Но зрителям все быстро наскучивает, — продолжил Кельвин. — С точки зрения манипулирования зрителями мелочи важнее всего, и я думаю, на несколько недель нужно как можно глубже

затолкать принца в толпу и сосредоточиться на других историях.

— Вы хотите провести его в финал, босс? — спросил Трент, пытаясь неуклюже поддержать разговор, интересуясь очевидным, о чем он тут же пожалел.

— Нет, Трент, — сердито рявкнул Кельвин. — Зачем, ради всего святого, мне этого хотеть? Наследник престола в финале шоу «Номер один»? По-моему, это скучно, давайте его вышвырнем. КОНЕЧНО, Я ХОЧУ ВИДЕТЬ ЕГО В ФИНАЛЕ, ИДИОТ ЧЕРТОВ!!

— Да, точно, разумеется, босс, — выдавил Трент. — Я просто прорабатываю все в голове. Да, конечно, мы хотим видеть его в финале, но я думаю, что убрать с него акцент будет трудно. В смысле, он ведь, в конце концов, принц Уэльский, и он каждую неделю поет и танцует в прямом эфире на шоу талантов, как это можно скрыть?

— Как, Трент? Как? — ответил Кельвин. — Скажи-ка мне, сколько ты работаешь на этом шоу?

— Я просто хочу сказать, что…

— Мы его скроем, если настроим камеры на кого-то другого, вот как. Мы контролируем камеры, мы контролируем кадры, и мы контролируем видеорежиссуру. Ты забыл, что правила этого шоу

были специально разработаны с таким расчетом, чтобы ничего не оставлять на волю случая? Мы даем принцу короткие песни, во время его выступления первую половину времени показываем зрителей, а вторую — других участников, если нам захочется, будем показывать только его ноги, а самое главное — мы выставляем вперед другие истории.

— Надеюсь, вы правы, босс, — ответил Трент, отчаянно пытаясь вылезти из угла, в который он себя загнал, сохранив достоинство. Кельвин иногда бывал довольно беспощадным лидером, но он платил своим старшим помощникам не за смиренное раболепие. — Финалы — время хитрое, зрители выкидывают невероятные номера, а я бы очень не хотел потерять принца слишком рано.

Трент говорил не думая. К несчастью для него, Кельвин слушал и думал одновременно.

— Трент, — сказал он почти ласково, — прости, друг, но ты сейчас же поменяешься должностями с Челси.

— Что?! — вырвалось у Трента.

— Да, я серьезно, — настаивал Кельвин. — Если хочешь остаться на шоу, тебе нужно занять менее высокую должность. Я не могу позволить второму человеку в команде транжирить мое

время и нести какой-то бред, простительный неопытному новичку.

— Но…

— Трент. Подумай об этом. Одно дело заставить зрителей поверить в то, что, поскольку они каждую неделю голосуют за финалистов, судьи не могут контролировать ситуацию, но совсем другое дело — когда мой главный помощник глуп настолько же.

Трент повесил голову.

— Простите, шеф. Вы правы.

Он мрачно поднялся со своего места рядом с Кельвином и пересел на другой стул, освободив место для Челси.

— Спасибо, Трент, — сказала Челси, с профессиональной легкостью принимая новую должность. — Я уверена, что из нас выйдет отличная команда.

— Меня всегда поражает, — сказал Кельвин, словно стараясь сгладить смущение Трента, — что единственные подозрения зрителей сводятся к якобы смонтированному голосованию, тогда как голосование — единственная совершенно неподдельная часть процесса. Зачем мне стараться подделать голосование? Я никогда не стараюсь подделывать голосование. Мне совсем не нужно

подделывать голосование для того, чтобы контролировать процесс.

В этом заключался самый большой секрет Кельвина, хотя никакого секрета здесь не было, поскольку все доказательства лежали на поверхности и никто не делал ни малейшей попытки скрыть их. Кельвин был поражен наивностью Дакоты, которая не заметила этого при заключении сделки. Он был не менее удивлен и очарован, что этого не поняла Эмма, когда он предложил ей гарантировать победу принца. Обе женщины были очень хорошо знакомы с принципом работы шоу «Номер один» и непременно должны были понять, что был только один момент, когда Кельвин мог потерять над ним контроль, а именно в самом последнем выпуске. Правила гласили, что каждую неделю определялись двое наименее популярных участников шоу, а затем судьи решали, кому из них уйти. Это означало, что, пока Кельвин контролировал судей, а в этом сомнений не было, он всегда мог контролировать окончательный выбор и гарантировать, что не потеряет никого, кого не хотел потерять. По этой причине он обычно отдавал коллегам распоряжения оставить наименее популярного участника, потому что непопулярные участники

были гораздо интереснее, чем популярные, а на противоречиях строились отличные сюжеты.

— Они сидят дома, кричат в телевизор и недоумевают, почему мы оставили этого бездарного урода на шоу! Разве они не понимают, что именно поэтому мы его и оставили? Чем больше огорчены и рассержены зрители, тем популярнее становится шоу.

Его королевское высочество находился в совершенной безопасности до самого последнего выпуска. Именно тогда, единственный раз за все время, зрители действительно принимали решение, но принимали они его только на основании доказательств, представленных им Кельвином. До этого момента существовала опасность отказа Берилл или Родни следовать сценарию, но это было исключено, ведь они были ему обязаны абсолютно всем.

Для Кельвина трудность заключалась не в том, чтобы принц Уэльский попал в тройку финалистов, а в том, чтобы поспособствовать этому, не потеряв доверия и преданности зрителей шоу «Номер один». Заключив пари с Дакотой, он обязался сохранить популярность шоу, то есть ему было просто необходимо скрыть, что он манипулирует зрителями. Поэтому его задача

состояла в том, чтобы каждую неделю выбирать персонаж, которого можно было на полном основании слить, позволяя ЕКВ набрать голоса и попасть в финал.

Первая неделя

На производственном совещании Кельвин объявил, что первой покинет шоу лесбиянка Табита со своей гламурной подружкой. Он повернулся к Берилл, «наставнице» Табиты.

— Я хочу, чтобы ты велела ей спеть «Sexual Healing» Марвина Гея.

Берилл расхохоталась. Она почуяла, куда ветер дует.

— О да! В устах работающей лесбиянки! Прозвучит великолепно! Это будет так глупо.

— Вот именно, и мы все для этого сделаем, — ответил Кельвин и повернулся к режиссеру и видеорежиссеру: — Мы посадим ее подружку в первый ряд и снимем так, чтобы Табита пела непосредственно для нее.

— Отлично! — ответил режиссер. — Много крупных планов и долгие взгляды.

— Вот именно, — ответил Кельвин, — и хватание за промежность.

Кельвин повернулся к хореографу:

— Я хочу, чтобы вы вставили в танец покачивание бедрами и хватание за промежность, я хочу,

чтобы Табита хваталась за нее так, словно у нее цистит. Понятно?

— Как скажешь, Кельвин, — ответил хореограф. — Но я тебя предупреждаю, что танцовщица из Табиты никакая. Она сложена как кирпичный сортир, а ритм чувствует как течная сука.

— Думаешь, я этого не заметил? Это будет выглядеть ужасно.

— Это точно. Ты хочешь, чтобы она вращала языком?

Кельвин задумался.

— Можно, но особенно не напирай. Просто скажи, чтобы слегка облизала губы, я не хочу, чтобы они выпячивались, и, повторяю, убедись, что она будет тереть у себя между ног не хуже Майкла Джексона.

— Понятно.

Дальше Кельвин повернулся к костюмерам:

— Во что вы ее одели?

— В превосходный темный брючный костюм в серебряную полоску, — ответила костюмерша. — Он ее немного стройнит и скрывает ноги. Груди у нее в полном порядке, они единственное, с чем можно работать, поэтому мы расстегнем несколько пуговиц на рубашке и покажем их. Что касается аксессуаров, я подумывала о хом-

бурге и…

— Это не то, — перебил ее Кельвин, — не то, не то, не то. Дайте ей рабочий комбинезон и футболку с надписью «ВСЕ МУЖЧИНЫ — НАСИЛЬНИКИ».

— Вы думаете, она это наденет?

— Она наденет то, что мы ей скажем. Они все подписали контракт.

Челси и Тренту было поручено сообщить Табите, что они для нее придумали, и убедиться, что она шагнет в направлении своей гибели. Теоретически эту работу должна была выполнять Берилл, потому что по сюжету Табита была одной из ее «подопечных». В реальности трое судей уже давно отказались даже делать вид, что они хоть как-то связаны с участниками до их выступления. Отборщики и продюсеры проводили все переговоры, изредка посылали цветы и записки якобы от судей и не забывали напоминать участникам, чтобы те непременно поблагодарили судей в прямом эфире за маленькие знаки внимания.

Именно выдумка с «наставничеством» забавляла Берилл больше всего. Она ее обожала. Она делала ее неуязвимой, словно ей все могло сойти с рук.

— Люди действительно верят в это дерьмо! — говорила она своим друзьям в США, заливаясь

хохотом. — Они верят, что я каждый день прихожу в эти поганые комнаты для репетиций и держу моих поганых участников за руки! Это невероятно. Я с гордостью могу сказать, что не было ни одного кадра, где я бы общалась хоть с одним из этих идиотов, ни в обычной жизни, ни во время выступлений, ни во время их эмоциональных срывов, а люди по-прежнему думают, что я самая настоящая мать-наседка! Это превосходно. Невероятно. Когда-нибудь, клянусь, я повернусь к камере и скажу зрителям, что за говнистая кучка придурков эти конкурсанты. Но, разумеется, я их люблю. Это мои люди.

Независимо от любви или ненависти Берилл определенно не была готова работать с участниками шоу, и поэтому именно Челси и Трент вместе с группой младших отборщиков отправились в дом с гостиничным обслуживанием в Килберне, где проживали участники, чтобы сообщить Табите, что она должна сделать.

Уговаривать ее пришлось долго.

— «Все мужчины — насильники», — неуверенно сказала Табита. — Думаете, людям это понравится?

— Ну, не всем людям, — согласилась Челси, — но на этой стадии конкурса, где осталось еще

целых двенадцать участников, нужно найти свою нишу.

— Но «Sexual Healing»? Разве песня не слишком откровенная?

— Разумеется. Нет ничего лучше, чем немного откровенного сафизма. Поверь мне. Ты должна писать крупными мазками. У тебя будет всего пара минут, чтобы произвести впечатление. Теперь насчет ролика перед выступлением, что ты хочешь сказать?

Челси говорила о видеосюжете, который показывали перед выступлением каждого конкурсанта: в нем они стояли на черном фоне, с мрачными лицами и взъерошенными волосами и рассказывали о своих страхах и надеждах.

— Ну, — ответила Табита, — я думала о том, чтобы рассказать, что я ужасно нервничаю и очень много работала, потому что очень, очень хочу стать певицей.

Челси нахмурилась.

— Знаешь, я думаю, впечатление будет намного сильнее, если ты скажешь о том, как бы тебе хотелось, чтобы у тебя и у твоей подружки была дочь, которой ты хотела бы посвятить эту песню, и что ты веришь, что экстракорпоральное оплодотворение для лесбиянок должно осуществляться

бесплатно за счет Государственной системы здравоохранения и что нужно разрешить выбирать, с кем спать, и у тебя нет молодого человека, потому что…

— Все мужчины насильники? — спросила Табита.

— Вот именно. Людям понравятся твои принципы.

Табита сделала то, что ей сказали, и была награждена какофонией неодобрительных выкриков из аудитории. Перед началом съемок Бэри и Гэри четко дали понять зрителям, что при желании они могут очень громко выражать свое мнение и что свист и неодобрительные выкрики тоже допустимы.

Еще до подсчета телефонных голосов было очевидно, что Табита будет одной из двух кандидатов на вылет.

С легкой подачи Кили судьи ненадолго затеяли наигранную, словно сделанную из цельного куска дерева перепалку.

— Как ты могла дать ей эту песню?! — крикнул Родни.

— Это отличная песня, — ответила Берилл. — Это песня Марвина Гея.

— Да, и ее нужно было оставить самому Марви-

ну Гею. Песня слишком сложная для нее.

— Да, Табита, — согласилась Берилл своим воркующим, хриплым, сочувствующим голосом, — боюсь, что эта песня была слишком сложна для тебя.

Вместе с Табитой кандидатом на вылет оказалась Латиффа, но сомнений в том, кто из них отправится домой, не оставалось.

— Таби, детка, — сказала Кили, — ты хочешь что-нибудь сказать судьям?

— Ну, я была не особенно довольна выбором песни…

— Песня отличная, — перебил ее Кельвин. — Просто слишком сложна для тебя.

Табита хотела добавить, что выбором костюма она тоже не была довольна, но, увы, ее время уже вышло.

Вторая неделя

Избавившись от Табиты и обрушив на себя лавину ненависти, которую источала пресса в первую неделю, Кельвин наметил на следующую — Латиффу, мечтавшую быть похожей на Тину Тернер. Раньше Кельвин старательно монтировал сцены Латиффы, создавая положительный образ, выставляя ее самоуверенность привлекательной и сильной чертой, а ее веру в собственную сексуальность необоримой. Теперь он обратил против нее ее же орудие и при помощи выбора песни, костюма и интервью перед выступлением моментально превратил ее в шумную, раздражающую, громкоголосую, заблуждающуюся на свой счет выскочку. Он дал ей спеть песню «Simply The Best» и задал тональность самой Тины Тернер, слишком высокую для Латиффы. Ее одели в мини-юбку, которую носила Тина в восьмидесятых и для которой требовались ноги женщины, съевшей меньше кебабов, чем Латиффа, и убедили выставить себя высокомерной, корыстной занудой в интервью.

— На прошлой неделе я не показала даже поло-

вины того, на что способна… Теперь долой маску, зрители увидят, какая я на самом деле… Кельвин сказал, что я пару раз сфальшивила — это было так неуместно, мне было очень обидно… Неделя была трудная, но я сильная женщина и останусь сильной… Так что смотри внимательно, Кельвин, потому что девушка — «simply the best».[10]

Неудивительно, что высокомерие Латиффы плохо смотрелось на фоне ее наигранного, визгливого выступления. Кельвин был жесток.

— Я не думаю, что ты заслуживаешь участия в этом конкурсе, — сказал он, не сочтя нужным объяснить, почему в таком случае ее пропустили в финал.

Берилл осудила ее с помощью сомнительной похвалы:

— Латиффа, я тебя люблю, и ты это знаешь, но я думаю, что эта песня была слишком сложна для тебя.

Кельвин вбил последний гвоздь в крышку гроба Латиффы, приказав Родни выказать ей полную поддержку.

— Латиффа, — послушно сказал Родни, — ты спела сильно, мощно, ты сексуальная, бойкая, ты

---

[10] Примечания: 10
«Просто самая лучшая» *(англ.).*

спела лучше, чем Тина Тернер, и я верю, что ты можешь стать еще более яркой звездой, чем она.

Разумеется, Латиффа набрала меньшее количество голосов среди двух участников, Кельвин и Берилл проголосовали против нее, а Родни попрежнему утверждал, что у нее огромный талант и с ней нужно немедленно заключить контракт.

Еще одним сюжетом второй недели стал удивительный успех группы «Парень», ансамбля из неотесанных парней, которые, по их словам, «отработали положенное». Кельвин убедился, чтобы Берилл и Родни встретили их исполнение «I Still Haven't Found What I'm Looking For» так, словно ее исполнили сами Боно и «The Edge».

— Я люблю вас, мальчики, — сказал Родни. — Это было потрясающе, совершенно сногсшибательно. Вы заслуживаете огромного успеха. Клубы для вас вчерашний день. Отработка положенного — тоже. Вы будете такими же знаменитыми, как «U2».

— Я люблю-ю-ю вас, мальчики, — прохрипела Берилл, вложив в свои слова максимум сексуальности. — Вы такие горячие! Знаете что? Вы сделали эту сцену. Я старая рокерша, и я в восторге.

Даже Кельвин был благосклонен.

— Знаете что, ребята? — сказал он, напустив на лицо удивленное, но искреннее выражение. — Вы отлично выступили. Если честно, я не думал, что вы на такое способны. Но теперь я уверен, что вы сможете дойти до конца и победить.

Кельвин так относился к группе «Парень» потому, что знал по анализу телефонных звонков, что она совершенно не пользуется поддержкой зрительской аудитории и на первой неделе заняла третье место с конца.

— Нехорошо, когда отличные конкурсанты сдаются без боя, без драматизма, — выговаривал он своей команде. — Нельзя допустить, чтобы кто-нибудь из них как пришел, так и ушел дерьмом. Правила греческой трагедии! Если боги собираются уничтожить кого-то, сначала они его превозносят. А мы и есть эти самые боги.

Следуя своему плану, Кельвин держал принца как можно больше в тени. Его королевскому высочеству позволили самому выбирать костюмы, в результате чего он появлялся в твидовых пиджаках и дорогих тяжелых ботинках, что выглядело нелепо, но располагало к нему аудиторию. Ему давали безобидные, но приятные песни — «Raindrops Keep Falling On My Head» в первую неделю и «Mr. Cellophane» из «Чикаго»

во вторую, и интервью перед выступлениями у него были самые короткие, снятые у камина его городского дома.

— Я просто надеюсь, что не выставлю себя совершеннейшим чудаком, — сказал он в первую неделю. — Мои мальчишки постоянно надо мной подшучивают.

— Я ужасно польщен, что участвую в этом конкурсе, — добавил он во вторую неделю. — Не сомневаюсь, что я здесь наименее достойный певец из всех.

В итоге зрители быстро привыкли к участию принца в шоу, и, хотя многие комментаторы продолжали стонать по поводу ужасного вреда, который он наносит своей репутации, другие, в особенности желтая пресса, начали проявлять к нему благосклонность и даже заметили, что он первый участник шоу «Номер один», который допускает возможность не быть самым лучшим.

«Неужели желание остаться в тени — новый шик?» — спрашивали они.

Третья неделя

На третьей неделе Челси и Трент отправились в Килберн и сообщили группе «Парень», что им нужно исполнить попурри Элвиса: «Heartbreak Hotel», «All Shook Up», «American Trilogy», «In The Ghetto» и «Rock-A-Hula Baby».

— Это попурри, — объяснила Челси. — Пять песен.

— «American Trilogy» — это уже попурри, — неуверенно сказал один парень, — поэтому здесь семь песен.

— Вам виднее, — сказала Челси. — Я в музыке не профи.

— Семь песен за три минуты? — заметил другой участник. — Нам будет трудно раскрыть их суть.

— Все дело в диапазоне, ребята, — настаивал Трент, — нужно показать диапазон.

Вообще-то все дело было в гордыне, одном из самых любимых приемов Кельвина.

— Если хочешь настроить аудиторию против исполнителя, дай ему спеть Короля, — объяснял Кельвин, озвучивая свой план на совещании перед началом третьей недели. — Петь Короля — это

гордыня. Он самый важный, самый знаменитый, самый узнаваемый голос в рок-н-ролле, и любой, кто поет его песни, тут же зарабатывает сравнение не в свою пользу. На этой стадии конкурса участник физически не может подражать исполнению Элвиса, и я могу вам точно сказать, что кучке подносчиков раствора из Стокпорта это не удастся.

Поэтому группа «Парень» получила задание от своего «наставника» (Родни, в лице Челси и Трента) спеть семь разных отрывков из Элвиса в имевшиеся у них три минуты. И словно нелепая пародия на самого успешного и влиятельного солиста всех времен была недостаточно полной, незадачливым клубным певцам выдали спортивные костюмы «под Элвиса».

— Разве джинсы и черные рубашки не лучше? — спросил главный из группы «Парень». — Мы хорошо смотримся в джинсах и черных рубашках.

Челси уверила их, что продюсерам виднее и что они наденут спортивные костюмы.

В тот вечер появление группы на сцене сопровождалось громом приветствий. Гэри и Бэри приложили особые усилия во время рекламной паузы, и к тому моменту, как ребята вышли на

сцену, заведенную толпу вполне можно было убедить выбрать группу «Парень» в лидеры, за которыми она двинулась бы завоевывать Польшу.

— Я бы хотел представить вам очень хороших парней, — сказал Родни, играя свою роль «наставника». — Они отмотали срок, они отработали положенное и набили шишки. Теперь настал их момент. С огромной гордостью представляю вам будущую сенсацию, группу «Парень»!

Группа «Парень» появилась не сразу. Сначала зрители увидели их интервью, в котором они с торжественными и скорбными лицами говорили о своей долгой, долгой борьбе в мире рок-н-ролла.

— Мы отработали положенное, — сказал один.

— Мы отмотали срок, — сказал другой.

Они стояли все вместе на фоне мрачной стены, глядя в сторону вентилятора, словно воины, которые сейчас вытащат свои мечи, чтобы защищать свободу и слабых.

— Это наш шанс, — сказал один из них.

— Наш самый главный шанс, — сказал парень, сидевший рядом с ним.

— Это наш шанс, — повторил первый.

— Наш самый главный шанс, — снова сказал второй.

Челси смогла убедить только двух участников группы сказать эти слова, но Кельвин исправил дело, прогнав кадры два раза подряд.

— Мы заслуживаем этого. Победа будет за нами, и мы вцепимся в нее восемью руками, — сказали все участники группы. — Этот вечер принадлежит группе «Парень».

Неудивительно, что тщательно смонтированная, мучительная демонстрация самоуверенности еще сильнее охладила и без того совершенно неудовлетворенную публику. Причем эта похвальба выглядела особенно неприятно по сравнению с предшествовавшими ей привычными извинениями принца:

— Я полагаю, что снова спою просто ужасно, и мне стоит как следует врезать по уху, и, возможно, это единственное, чего я заслуживаю, и будет огромным для всех облегчением.

Группа «Парень» появилась на сцене в спортивных костюмах с искусственными бриллиантами на фоне отрепетированных приветствий, и исполнила попурри с чувством, но без харизмы, которую привносил в свои песни Элвис Пресли.

Когда, как и планировал Кельвин, они заняли последнее место (рядом со Сьюки), он был безжалостен.

— Да-а, ребята. Это было совершенно ужасно, отвратительно до судорог, — сказал он.

— Кельвин! — запротестовал Родни.

— Да, Родни, это так! — ответил Кельвин. — А правда, Родни, заключается в том, что в основном винить нужно тебя. Ребята и так не фонтан, но ты выставил их просто в ужасном свете…

— Я признаю, что эта песня была слишком сложна для них… — пробормотал Родни.

— Эта песня? — в ужасе переспросил Кельвин. — Здесь было семь песен, приятель, и все они были слишком сложными для них.

Берилл была согласна.

— Ребята, — прохрипела она голосом, за который, в этом она была глубоко уверена, ее обожала вся нация, — вы знаете, что я ужасно люблю вас, и вы такие сексуальные, что страшно делается, но эта песня была слишком сложной, эти песни были слишком сложными для вас. Нельзя переплюнуть Короля.

Наконец Кили дала слово Родни, судье-«наставнику».

— Ребята, мне показалось, что вы отлично спели. Вы настоящие звезды. Даже суперзвезды, и, что бы ни случилось здесь сегодня, у вас впереди большая карьера. Вы вчетвером можете стать

новой группой «U2».

Ну а дальше судьи отсеяли группу «Парень», и те сразу же канули в безвестность.

Эмма и Шайана

Поскольку Кельвин был очень занят еженедельной прокруткой шоу в прямом эфире, у Эммы оказалось много свободного времени. Конечно, у нее была работа и друзья, но по-настоящему она хотела быть только с Кельвином и в его отсутствие незаметно для себя начала думать о шоу. Особенно часто ее мысли возвращались к Шайане. Кельвин к этому времени уже совершенно забыл о девушке; она была просто одной из сотен разочарованных людей, которые мелькнули на шоу «Номер один», а затем навсегда исчезли. Но Эмма не могла забыть ее. Напротив, она все чаще и чаще вспоминала о ней.

Кельвину пришлось много работать над монтажом эпизода, где Шайану выгоняли из «поп-школы». Реакция оскорбленной девушки была слишком злой и страстной даже по меркам шоу «Номер один», и к тому же она использовала слово «блядский», которое было лингвистическим табу на телевидении. Эмма попросила показать ей весь сюжет и нашла его очень тревожным. Просмотрев его несколько раз, она не удивилась,

обнаружив, что не может выбросить из головы злобную, ядовитую вспышку девушки.

«Мне некуда идти. Я планировала свою жизнь только до этого момента».

Эмма явно ошиблась в первоначальной оценке Шайаны. Она отметила ее только как жертву, но теперь стало очевидно, что та способна быть и агрессором. Жертвенность придала ей сил.

«Разве вы не понимаете? Господь создал меня для этой цели, — повторяла Шайана на пленке. — Кто вы такие, чтобы спорить со словом Господа?»

Эмма знала достаточно о неуравновешенных личностях и в полной мере осознавала, что воля Господа — распространенная мотивация у убийц-лунатиков и что любой человек, утверждающий, будто он получает приказы непосредственно от Всемогущего, вызывает большие подозрения.

«Но мы еще встретимся, вонючий Кельвин Симмс».

Четвертая неделя

На четвертой неделе Кельвин обратил внимание на Стэнли, храброго отца-одиночку.

До этого момента судьи отзывались о Стэнли только с восхищением, возвеличивая его как нового Синатру или Дина Мартина. В первую неделю Стэнли спел «Ain't That A Kick In The Head», во вторую «Mack The Knife», а в третью «It Was A Very Good Year». На шоу «Номер один» существовала привычная политика давать всем участникам старше тридцати пяти лет песни пятидесятых и начала шестидесятых годов, а сварливым старушкам — песни эпохи короля Эдуарда.

Успех выступления Стэнли на третьей неделе по масштабу мог сравниться с провалом попурри Элвиса Пресли в исполнении группы «Парень». Костюмеры одели Стэнли в смокинг и небрежно повязали ему галстук-бабочку. Отдел музыкального сопровождения выделил ему толпу роскошных виолончелисток, которые все без исключения появились в маленьких черных платьях. Режиссер осветил сцену в романтически-грустных тонах (которые ярко

контрастировали с наглой постановкой группы «Парень» в стиле Вегаса), а видеорежиссер как можно чаще показывал Берилл, которая замерла от восторга, готовая расплакаться и броситься ему на шею. Все сработало превосходно, и, когда тридцативосьмилетний мужчина исполнял «It Was A Very Good Year», знаменитую песню о размышлениях зрелого человека, было почти невозможно не поверить, что он действительно прожил долгую и разнообразную жизнь, полную волнений и романтики, и бродил по волшебному миру Америки середины XX века.

К концу последнего куплета Стэнли сошел со сцены. Его дети были тщательным образом усажены в первом ряду, и он спел последнюю строчку своей младшей дочке, покачивая ее на коленях. Певец явно давал понять: не важно, сколько пыльных дорог прошел одинокий трубадур, ради детей это стоило сделать.

Студия взорвалась бешеными аплодисментами. Кили еле удалось призвать зрителей к порядку, чтобы перейти к серьезному делу — комментариям судей. Кельвин заявил, что он очарован, и сообщил Стэнли, что тот сделал эту песню. Родни согласился и добавил, что с профессиональной точки зрения Стэнли может запросто

стать самым лучшим эстрадным певцом в истории звукозаписи и что он в скором времени будет выступать в Ройял-Альберт-Холле.

Берилл вскочила со своего места и, присоединившись к Стэнли и его детям, обхватила его за шею руками и поцеловала.

— Как мама, — крикнула она, — как женщина и как старая рокерша я умею видеть настоящие чувства, и, Стэнли… ты настоящий! Ты мужик. Ты мужественный, Стэнли, и не позволяй никому утверждать обратное, потому что ты такой талантливый и сексуальный, что страшно делается.

Затем Берилл, как всегда, не сумев сдержать свою глубоко вульгарную натуру и полагая, что популярность делает ее неуязвимой, повернулась к камере и буквально заорала:

— Эй, ты видишь нас, бывшая жена Стэнли? Кто бы ты ни была, зараза! Каково это, знать, что ты потеряла такого героя? Этого супермужика? Ты просрала его, детка, и ты знаешь это, потому что теперь его хочет каждая женщина! Я знаю, что я хочу его. Я знаю, что хочу дать ему! Плевать на «очень хороший год», как насчет очень хорошего секса!

— Спасибо, Берилл! — быстро сказал Кельвин,

нажав на аварийную кнопку, которая подавала сигнал видеорежиссеру немедленно убрать с экрана того, кто в этот момент на нем был. Несмотря на то что этот прибор изредка использовался при других обстоятельствах, его называли «кнопкой Берилл». — Да. Большое тебе спасибо, Берилл, — продолжил Кельвин. — Не забывай, у нас семейное шоу.

— Кельвин, я говорю то, что чувствую, — сказала Берилл. — Именно так меня учили с детства. Именно этому я учу своих детей.

Наконец Берилл уговорили вернуться на место, и Стэнли по единогласному решению судей был провозглашен хитом шоу и реальным претендентом на победу.

На четвертой неделе ему велели спеть «Firestarter» группы «Prodigy». Его одели в ретропанковском пантомимном стиле и окружили ухмыляющимися полуобнаженными танцовщицами, которым велели во время танца при каждой возможности тереть себе промежность, таким образом серьезно подорвав имидж мудрой зрелости и отцовского опыта, который строился на протяжении предыдущих недель.

— Я планировал оставить его на долгосрочную перспективу, — объяснил Кельвин своей коман-

де во время еженедельного производственного совещания, — но мы ни за что не переплюнем прошлую неделю, поэтому лучшего момента, чтобы его отсеять, придумать нельзя. Сайт порвут в клочья. Нам нужно немного дополнительных противоречий, чтобы убрать акцент с ЕКВ. К тому же я не могу рисковать — вдруг Берилл снова поведет. Просить мужчину трахнуть ее перед его пятилетним ребенком, это нелепо.

— Особенно если учесть широко известный факт, что ей еще не доделали влагалище, — уточнила Челси.

На четвертой неделе вдобавок к совершенно неподходящей песне и безвкусной, излишне сексуальной постановке Стэнли опозорился еще и с видеороликом, в котором его уговорили как можно чаще упоминать о детях, что в результате сделало его выступление практически невыносимым даже для зрителей, которые, в общем, были нечувствительны к любому количеству переслащенных сантиментов.

— Я делаю это ради моих детей… для моей дочурки… и для моего сыночка… Мои сыночек и дочурка — это все, что у меня есть… поэтому я это делаю… для них, для своих сыночка и дочурки… Только они имеют для меня значение… Мое

счастье не так важно… Все дело в моей дочурке и сыночке.

После этого Стэнли исполнил свою песню, после чего Берилл, неверно оценив настрой зрителей, настояла на том, чтобы сорваться с места и со слезами на глазах обнять его.

— Это тебе от матери, как настоящему отцу, — сказала она. — Ты сделал эту песню, Стэнли. Я видела, что ты пел «Firestarter» для своих детей.

Берилл поступила так по собственной воле. Кельвин не сообщил ей о желании сыграть против Стэнли на этой неделе. Он был уверен, что стоит только упомянуть родительские чувства, и Берилл, не в состоянии удержаться от того, чтобы привлечь внимание к своему прославленному статусу матери, наплюет на все остальное и снова погрузится в болото крокодиловых слез и фальшивых сантиментов. Она его не подвела.

Исполнение «Firestarter» Стэнли в сочетании с попытками Берилл установить родительскую солидарность гарантировали, что он получит меньше всех голосов на этой неделе и его можно будет спокойно отсеять из конкурса.

— Стэнли, я ужасно люблю тебя, и ты знаешь это, — сказала Берилл. — Ты задал такого жару, что страшно делается. И, будучи мамой, я узнаю в

тебе папу… но прости, пора возвращаться домой.

Пятая неделя

На пятой неделе домой отправилась Сьюки, работница секс-индустрии с силиконовыми грудями. Кельвин знал, что она все равно уйдет в определенный период шоу, и спокойно ждал, пока ситуация не разрешится сама собой.

— Уже скоро, — предсказывал он, — появится какой-нибудь сутенер или клиент, и ее праздник закончится.

На это ушло куда больше времени, чем ожидал Кельвин, потому что Сьюки, которая каждую неделю выходила от парикмахера и гримера и пела песни кантри о многострадальных женщинах, совершенно не походила на ту Сьюки, которая недавно работала на окраинах Бирмингема. На самом деле, только когда она сама начала намекать на свое прошлое в своих все более исповедальных роликах перед выступлениями, до зрителей начала доходить правда. Когда все обо всем догадались, неприятные личности повалили одна за другой, готовые продать свои истории о секс-марафонах со знаменитой Сьюки.

Многие относились к сфере деятельности

Сьюки снисходительно, но шоу «Номер один» было традиционным семейным шоу, и общее настроение на сайтах и отзывы читателей газет обернулись против женщины, которая до этого представлялась «бывшей гламурной» девушкой и которая оказалась отнюдь не бывшей поставщицей минетов на обочинах. Кельвин окончательно определил участь Сьюки, отдав инструкции костюмерше, парикмахеру и гримеру.

— Я хочу, чтобы была видна настоящая Сьюки. В конце концов, мы шоу людей, шоу настоящих людей. А Сьюки — настоящая женщина. Женщина с потрепанными чувствами…

— Ну, конечно, ее ведь столько раз сдавали в аренду и обкатывали, — бормотали сотрудники разных отделов, тщательно уничтожая следы собственных длительных трудов.

Им не нравилась такая работа, она противоречила всем их инстинктам, но, когда на пятой неделе Сьюки появилась на сцене без прикрас и одетая в платье, которое в достаточной мере обнажило трагические последствия дешевой косметической хирургии, желание Кельвина исполнилось.

Ей дали песню «Je ne regrette rien», которая не только находилась далеко за пределами ее

музыкальных возможностей, но и звучала в ее устах как ложь или заблуждение на собственный счет, перешедшее в умственную нестабильность. Ее бугристые ботоксные губы и обвисшие, асимметричные силиконовые груди; шишковатые, костлявые ноги, которые выставила напоказ мини-юбка; ее искусственный загар, броские румяна на скулах и вытравленные перекисью волосы, а также караван уличных сутенеров, которые зарабатывали себе на пару доз, обсуждая ее работу («Автобусная остановка была ее борделем»), гарантировали, что Сьюки, в отличие от Эдит Пиаф, как раз предстоит о многом пожалеть.

Конечно, Кельвин мог бы обернуть все это в пользу Сьюки.

— Телевизионная правда — это картинка и монтаж, — говорил он в комнате для гостей после того, как по итогам голосования Сьюки покинула программу. — Я серьезно думал сделать из нее сильную, умную леди, которая использовала свое тело и мужскую сексуальность для усиления собственной позиции.

Однако, в конце концов, у Кельвина были дела поважнее.

Поиски Шайаны

Эмма больше не могла сидеть на месте. Она решила, что обязана найти Шайану. Ее друзья Том и Мэл уверяли ее, что она напрасно сходит с ума, а Кельвина, во время их редких встреч, совершенно не трогали ее страхи.

— Дорогая, я же говорил тебе, — сказал он, — придурки — это наш бизнес, ты ни в коем случае не должна позволять им нервировать тебя.

Эмма и сама понимала, что ее навязчивый страх ни на чем не основан, что ее состояние напоминает паранойю, потому что чем больше она думала об этом, тем большую тревогу испытывала, но страхи не исчезали. Она боялась Шайаны и просто ничего не могла с этим поделать.

— Я думала, что это она жертва, — говорила Эмма Кельвину, — но оказывается, что жертва — я. Я не могу выкинуть ее из головы. Я должна прекратить это.

— Ну, хорошо, — сказал Кельвин. — Иди и шпионь за ней, если нужно. Она работает где-нибудь в магазине. Они все оттуда.

Шайана утверждала, что ей некуда идти. Эмма

решила выяснить, что именно девушка хотела этим сказать, и встревожилась, обнаружив, что Шайана на самом деле ушла в никуда. Выбежав из «поп-школы» в слезах, она просто исчезла.

Эмма отправилась в офис «КЕЛоник ТВ» и попросила приятеля найти бланк заявки Шайаны. Через несколько минут она снова смотрела на четкий, детский почерк, который изначально привлек ее внимание во время этапа открывания конвертов.

«Я так сильно хочу этого. Я так сильно хочу этого… Я это я».

Шайана, как и требовалось, указала адрес и номер мобильного телефона. Сначала Эмма попыталась позвонить. Она представления не имела, что скажет, если Шайана возьмет трубку, но номер оказался недоступен. Городского телефона она не оставила, что само по себе не было подозрительным, многие друзья Эммы пользовались исключительно сотовыми телефонами.

Эмма решила, что должна поехать по адресу, который оставила Шайана, а именно в Южный Кенсингтон. Она не знала, что будет делать, когда встретится с Шайаной, но решила, что станет беспокоиться об этом тогда, когда найдет ее и если найдет.

Оказалось, что адрес принадлежит маленькой и довольно дорогой частной гостинице. Ее сотрудники вспомнили Шайану, которая останавливалась здесь на неделю несколькими месяцами раньше, но с тех пор они ее не видели.

— Вот только на шоу «Номер один», — сказала дама за стойкой регистрации. — Мы так удивились, когда она там появилась. Хотя можно было догадаться, она в комнате все время пела, и ночью ее приходилось просить замолчать. Вообще-то мне казалось, она неплохо поет. Кельвину не стоило ее отсеивать.

Шестая неделя

К началу шестой недели половина пути к финалу была пройдена, и у Кельвина появилась подходящая возможность подробно изучить стиль еженедельного зрительского голосования и узнать уровень популярности каждого из участников. В этом заключался великий элемент стратегии шоу «Номер один», который даже Челси, с ее инстинктивным пониманием темного искусства реалити-ТВ, понимала с трудом.

— Тайная правда всех этих шоу с голосованием, — радостно объяснял ей Кельвин, пока Трент пошел в «Старбакс» купить для всех кофе, — это даже не тайна. Как и абсолютно все остальные аспекты нашего процесса манипуляции, она видна каждому, кто хочет разгадать ее, но…

— Никто никогда этого не хочет, — перебила его Челси, цитируя одну из любимых максим босса.

— Вот именно.

— Потому что это испортит веселье.

— Пра-виль-но, милая. Но если бы кому-то захотелось испортить веселье, то он задумался бы о том, что продюсеры всех до единого шоу с

голосованием, от «Большого брата» до «Секса со звездами на тонком льду», видят и анализируют каждое голосование каждую неделю на протяжении всего сезона…

— И могут менять свое поведение!

— Конечно! — Кельвин чуть не запрыгал от радости. — Представь себе, что политические партии во время выборов могут заглядывать в головы каждого избирателя с интервалом в семь дней на протяжении всех трех месяцев кампании! Вот о чем они мечтают! Вот что отчаянно пытаются узнать исследователи, изучающие рынок и общественное мнение, но, разумеется, тщетно. Это ведь настоящее окно в голове у избирателя. Если бы лейбористы или консерваторы могли действительно оценить реакцию общества на каждый политический проект, на каждую речь и на каждую личность на протяжении своих кампаний, они могли бы соответственно вести себя, выдвигать идеи, которые воспринимаются хорошо, убирать на задний план людей, которых чурается избиратель.

— Конечно! И у нас есть эта информация. — Челси была так же взволнована, как и Кельвин.

Кельвин всегда держал полученные данные в строгом секрете, поэтому никто в команде не

мог даже представить себе, сколько власти давало ему это знание. Теперь он выкладывал свой козырь.

— Я просто обожаю, когда Кили зачитывает результаты голосования каждую неделю и говорит «не в определенном порядке». Потому что я сижу и думаю: «Я знаю порядок». Нация думает, что в забеге участвуют все, что любой может победить, но я с самого первого дня знаю, кто герой, а кто отстой.

— И потом ты это меняешь?

— Разумеется. Политик использовал бы эту информацию, чтобы внедрять популярные идеи, а я использую ее, чтобы сместить вектор популярности. Если кто-то становится популярен слишком быстро, я начинаю играть против него, чтобы снизить накал страстей, потому что последнее, что нам нужно, — это необузданный победитель. Разве мы не рискуем?

— Да. Спасибо, Трент.

Трент только что вернулся с кофейными стаканчиками.

— Да, спасибо, Трент, — рассеянно ответил Кельвин.

— Без проблем, босс. Я, — ответил Трент. — Я купил маффины.

Кельвин, увлеченный собственной гениальностью, не обратил внимания на предложенный пакет.

— А без риска, Челси, нет шоу.

За этим последовала обычная неразбериха со «Старбаксом», когда оказалось, что всем принесли не те напитки, и заказавшему обезжиренный карамельный латте приходится пить шоколадное фраппе со сливками.

— Трент, нужно просить их писать название на боку стаканов, — сказала Челси.

— Записал. — Если Тренту и не нравилось его нынешнее понижение, то он хорошо это скрывал.

— Отлично, — сказал Кельвин, наконец найдя свой двойной мокко со льдом и ванильным сиропом. — На этой неделе вылетит Незабудка.

— Слава богу, — воскликнула Челси. — Если бы мне опять пришлось слушать ее блядский смех..

— Ты не единственная, кого она раздражает, — сказал Кельвин. — Взгляни сюда.

С этими словами Кельвин показал двум старшим отборщикам информацию по голосованию, которая делала его жизнь столь легкой. Незабудка, как оказалось, никогда не поднималась в общественном мнении выше четвертого места

снизу из двенадцати. Зрителей удивила бы такая информация, потому что с первой по пятую неделю на экране ее представляли любимицей публики, неотразимой мамочкой с ее громким «заразительным» смехом, огромными габаритами и постоянно повторяющейся историей о том, что она «просто уборщица, которая пришла на шоу случайно».

— Поверить в это не могу! — восклицала Незабудка каждую неделю, сотрясаясь от смеха, когда Кили предлагала ей прокомментировать свои чувства. — Это просто безумие, но я наслаждаюсь им, я мечтаю, и я здесь, чтобы показать миру, что женщины внушительных размеров и в возрасте по-прежнему могут зажигать!

Незабудке было всего тридцать восемь, но, как и в случае со Стэнли, все, кому за тридцать, были представлены на шоу «Номер один» людьми солидными, и из Незабудки создали мощную фигуру зрелой матери в мире крошечных куколок. Ей давали песни Ареты Франклин и Ирмы Томас, словно она была стареющей примадонной.

— Я ЛЮБЛЮ тебя, Незабудка, — визжала Берилл каждую неделю. — Ты сильная женщина, и, будучи сильной женщиной, я узнаю сильную женщину, и я так тебя люблю, что страшно

делается. Ты большая, храбрая, сильная, и ты женщина! И, будучи тоже сильной женщиной, которая в прошлом втайне боролась с лишним весом, я так ЛЮБЛЮ тебя за то, что ты крупная женщина! Вперед, детка! Вперед!

— Незабудка, — соглашался Родни, нацепляя на себя знаменитую маску искрящегося очарования, — твой голос так же велик, как и твоя личность, и так же заразителен, как и твой чудесный смех. Я люблю тебя. Тебя все любят. Ты сильная крупная женщина и настоящая звезда. Просто слушай зрителей. Они ужасно тебя любят. Мы все ужасно тебя любим.

Но Кельвин, который каждую неделю читал результаты голосования, знал, что зрители не особенно любят Незабудку, а порой не любят вовсе. Поэтому отсеять ее на шестой неделе было легко.

— Особые указания будут, босс? — спросил Трент. — Может, дадим ей спеть панковскую рок-песню или нарядим в шорты?

— Зачем, Трент? — ответил Кельвин. — Просто скажи ей, чтобы продолжала смеяться.

Седьмая неделя

Кельвин и Челси смотрели на стену, где висели данные об оставшихся и отсеянных финалистах.

Табита: скучная джинсовая лесбиянка, но с сексуальной подружкой. *(зачеркнуто)*[11]

Сьюки: трагикомическая проститутка с огромными титьками и накачанными губами. *(зачеркнуто)*

«Парень»: каменщики с гитарами. Полупрофессиональная клубная группа. Скучные, но достойные. *(зачеркнуто)*

---

[11] Примечания: 11
В печатном издании строки с пометкой «зачеркнуто» перечеркнуты.

~~Табита: скучная джинсовая лесбиянка, но с сексуальной подружкой.~~

~~Сьюки: трагикомическая проститутка с огромными титьками и накачанными губами.~~

~~"Парень": каменщики с гитарами. Полупрофессиональная клубная группа. Скучные, но достойные.~~

Грэм: слепой. Поет плохо.

~~Незабудка: толстая мамаша. Много смеется. "Просто уборщица". Хорошо поет.~~

"Четверка-Х": прикольные. Христиане. Хорошая история о тяжелой судьбе. Хорошо поют.

Трой: неплохо поет. Не слишком хорошо читает.

Иона: хороший голос. Ее трахал Родни.

~~Стэнли: героический отец-одиночка. ПРИМЕЧАНИЕ. Дети не особенно симпатичные.~~

~~Латиффа: заносчивая негритянка.~~

Грэм: слепой. Поет плохо.

Незабудка: толстая мамаша. Много смеется. «Просто уборщица». Хорошо поет. *(зачеркнуто)*

«Четверка-Х»: прикольные. Христиане. Хорошая история о тяжелой судьбе. Хорошо поют.

Трой: неплохо поет. Не слишком хорошо читает.

Иона: хороший голос. Ее трахал Родни.

Стэнли: героический отец-одиночка. ПРИМЕЧАНИЕ. Дети не особенно симпатичные. *(зачеркнуто)*

Латиффа: заносчивая негритянка. *(зачеркнуто)*

Квазар: лучший «выскочка» за много лет. Поет плохо, но ему на это наплевать и нам тоже.

Принц Уэльский: наследник престола.

— Ну и кто следующий? — спросил Кельвин.

С каждым днем он все больше и больше доверял Челси. Он обсуждал с ней мысли, которыми хотел бы поделиться с Эммой, но которые не мог открыть ей, не оправдав самых ужасных ее подозрений: он один из тех, кому нельзя доверять.

— Начиная с этого момента нужно проявлять осторожность, — сказал Кельвин. Единственное, где я могу потерять контроль над процессом, — это финал, тот эпизод, где остаются только трое кандидатов.

— Ну да, — согласилась Челси, — но разве теперь это имеет значение? На этом этапе мы или хорошо выполнили работу и сняли хитовый сезон с финалом, который должен увидеть каждый, ведь это телевизионное событие недели, или нет. Нация либо прикипела к нам, или мы облажались. Кому интересно, кто победит? Ты всегда говорил нам, что в наши дни продажи альбомов не имеют значения. Единственное, что ты создашь, — Кристиан Эпплярд следующего года.

— Да, это правда, — согласился Кельвин. — Обычно мне наплевать, кто выиграет финал, и я счастлив, если битва идет честная и трое оставшихся конкурсантов используют свои сильные стороны. Но в этом году я сам наметил победителя.

— ЕКВ? — спросила Челси.

— Да, — с улыбкой сказал Кельвин. — Думаю, это очевидно.

Кельвин, разумеется, не собирался разглашать суть своей сделки с Дакотой или соглашения,

заключенного с Эммой, и его совершенно не тревожило то, что Челси знала о его планах. В конце концов, она была связана пунктом о неразглашении, как и все остальные сотрудники, а также конкурсанты, что ж до его мотивов, то, если наследник престола станет победителем в телевизионном шоу, это будет сенсацией даже в нашу эпоху, когда люди привыкли к тому, что знаменитости замешаны во всевозможных скандалах.

— Кто знает? — сказал Кельвин. — Может быть, я стану пэром.

— Боюсь, он больше титулов не раздает, — заметила Челси. — Их продает правительство.

— Ладно, я все равно хочу, чтобы он победил, — сказал Кельвин. — Спасибо, Трент.

Трент только что вошел со стопкой коробок из «Пиццы-экспресс».

— Ну и в чем же твой план, Кельвин? — спросила Челси, не утруждая себя тем, чтобы ввести Трента в курс дела. — Если это свободное голосование, при котором судьи не имеют права принимать окончательное решение, как ты можешь гарантировать, что твой человек пройдет?

— Да? Действительно, — сказал Трент, делая вид, будто понимает, о чем идет речь.

— Ну, чтобы гарантировать победу определенного кандидата в последнем эпизоде, — объяснил Кельвин, — нужно сделать двух остальных участников, дошедших до финала, менее популярными, чем он. Поэтому наша задача заключается в том, чтобы отсеять самых популярных кандидатов до того, как дело дойдет до этого. Если хочешь, чтобы в финале победил кто-то определенный, нужно начать манипулировать заранее.

— Черт! Булочки забыли положить, — сказал Трент, раскладывая пиццы и салаты. — Хотите, я еще раз сбегаю?

Кельвин не обратил на него внимания, и Трент беспомощно остановился в дверях.

— Благодаря данным о проценте телефонных звонков нам известно, кто представляет бо́льшую угрозу для ЕКВ. Это Трой, «Четверка-Х» и Грэм. Трой — хороший певец, и он молод, что, разумеется, привлекательно…

— И неграмотный, что тоже идет на ура, — добавила Челси.

— Да, — согласился Кельвин. — Я затеял этот сюжет с чтением, чтобы сделать акцент на принце, но это одновременно играет против нас, потому что на парня это тоже хорошо работает.

— «Четверка-Х» тоже очень популярна, вер-

но? — сказала Челси, изучая график голосований.

— Да, они действительно хороши, особенно солист, — признал Кельвин.

— И, разумеется, Грэм, на которого работает его слепота, — сказала Челси, — и, хоть поет он плохо, гитарист — отличный. Похоже, в финал вместе с ЕКВ нужно брать Иону и Квазара.

— Именно так я и думаю, — одобрительно сказал Кельвин.

— И я, — добавил от двери Трент.

— Ну и кого отсеем первым? — спросила Челси.

— А ты как думаешь? — спросил Кельвин.

— Мне кажется, босс… — резво начал Трент, но Кельвин на это не купился.

— Трент, — твердо сказал он, — я спрашиваю Челси.

— По графику видно, что «Четверка-Х» ушла в отрыв. Они определенно самый популярный номер и с каждой неделей набирают силу, а потому представляют наибольшую опасность для ЕКВ. Нужно решить сначала с ними. Таким образом, если мы не сможем убрать их за неделю, у нас по-прежнему останется на это время.

— Челси, — мягко сказал Кельвин, — мы всегда

сможем убрать их, если захотим.

Группа «Четверка-Х» была, несомненно, очень популярна, но в основном за счет ее лидера, Майкла Харли, который, несомненно, обладал музыкальным талантом и громадным личным обаянием. Майкл Харли был для «Четверки-Х» тем же, чем Лайонел Ричи — для группы «The Commodores».

— Единственное, что нам нужно, — это нарушить равновесие в группе, — сказал Кельвин.

Поэтому он отправил Трента сообщить группе, что повышенное внимание, направленное на Майкла, начало напрягать зрителей.

— Похоже на эгоизм, друг, как будто ты заграбастал всю славу, друг.

Майкл был сражен наповал. Он ужасно болел за общее дело, поэтому пришел в ужас оттого, что его обвинили в эгоизме.

— Что же мне делать? — спросил он.

— Уйди на второй план и позволь трем остальным попробовать силы. Особенно Джо-Джо, — сказал Трент, говоря о наименее популярном мальчишке в группе. — Родни любит его. Он убежден, что зрители хотят видеть его больше.

Члены «Четверки-Х» удивились, и в первую очередь сам Джо-Джо, который всегда считал

себя скорее везучим пассажиром. С другой стороны, если Родни, их «наставник», говорил, что Джо-Джо должен выйти на первый план, то для них этого было достаточно. Родни ведь эксперт в музыке, Свенгали мальчишеских групп, невероятно прославленный поп-мастер, о чем без устали говорила Кили в своих вступительных речах.

— Хорошо, — сказал Майкл, — как скажете. Какую песню, по-вашему, нам спеть?

— «Cop Killa» группы «Public Enemy», — ответил Трент.

Группа снова была немного ошарашена таким предложением. Они все были хорошими мальчиками и ходили в церковь, и музыкальный вкус у них был довольно строгий. Максимум развязности, которую они себе позволяли, — это соул, но они ни за что не решились бы петь хип-хоп или гангста-рэп. Однако Трент уверил их, что, по мнению Родни, «Четверке-Х» пришло время расширять репертуар, стать более современными.

— Он думает, вам нужно стать более черными, — объяснил Трент.

— Но мы всегда вроде как пытались быть группой для всех, — сказал Майкл. — Мы не верим в разделение людей по расовой принадлежности.

— А-а, вот в этом-то все и дело, — сказал

Трент. — Большая ошибка. Отнимает у вас голоса зрителей. У вас может быть огромная зрительская аудитория, но она пока не сформировалась.

— В смысле фанаты хип-хопа и гангста-рэпа?

— Вот именно.

— Но разве они не представлены не потому, что не смотрят эту программу?

— Но ведь в этом-то все и дело, верно? Если сможете их привлечь, то привлечете огромный слой зрителей.

Группа сомневалась, но у нее не было выхода, пришлось спеть выбранную для них песню. Зрители встретили их в тот вечер бурными аплодисментами, после чего молодые люди шокировали и отпугнули всех, исполнив гангста-рэп с Джо-Джо в качестве лидера, в то время как Майкл стоял в стороне и почти не участвовал. Зрителям это не понравилось. Послышалось даже несколько недовольных выкриков.

Затем последовала привычно разыгранная «ссора» между судьями, во время которой Родни заклеймили за то, что он так позорно провалил своих ребят.

— Родни, я поверить не могу, что ты позволил им спеть эту песню! — ухмыльнулся Кельвин. — Это было отвратительно, тебе следует голову

проверить.

— Ребята хотели стать более современными, — ответил Родни, послушно придерживаясь сценария.

— Ты хочешь сказать, что парни были довольны выбором песни?

— Да, конечно.

Камера не показала изумления, отразившегося в этот момент на лицах мальчишек.

— Кельвин, я верю в то, что нужно позволять нашим ученикам расти и делать ошибки, — продолжил Родни.

— Ну да, и одну большую ошибку они сегодня сделали.

Кельвин сделал все от него зависевшее, чтобы и другие участники на той неделе показали себя во всей красе. Зная, что «Четверка-Х» — самая большая угроза, он ничего не оставил на волю случая.

Квазар, чей живой оптимизм и бесстыдная вера в себя поначалу всех ужасно раздражали, постепенно стал довольно привлекательным. Одетый в обтягивающие шорты и ковбойские сапоги, он исполнил «I'm Too Sexy» группы «Right Said Fred», которую судьи объявили «безумно забавной».

— Квазар, — ахнул Родни, — это было велико-

лепно. Ты сделал эту песню, ты сделал эту сцену, зрителям ты очень понравился, ты заслуженно станешь большой, большой, большой звездой, и я знаю, что ты ею будешь.

— Квазар, — сказала Берилл, произнеся всего одно слово с такой флиртующей, хриплой, сюсюкающей, кошачьей сексуальностью, что Кельвин не дал ей продолжить, опасаясь, что она сейчас упомянет о своих уже почти готовых женских половых органах и объявит, что для Квазара путь к ним всегда открыт.

Иона, которая набирала вес с каждой неделей благодаря тому, что Родни (по настоянию Кельвина) продолжал оскорблять ее, спела «Amazing Grace». Она исполнила песню в сопровождении только флейты и акустической гитары. Это был старый трюк на шоу «Номер один», призванный произвести впечатление на публику, и он не подвел.

— Это было потрясающе храброе решение, Иона, — проворковала Берилл. — Ты обнажила суть этой песни, позволила своему голосу говорить за себя, и ты сделала ее. Ты спела так, как может спеть только женщина из Шотландии, и я говорю это, потому что люблю шотландцев и потому что я женщина.

Трой спел «Angels», песню, которую редко кому удавалось запороть. Несмотря на то что Трой мог спеть ее хоть задом наперед, поскольку пел ее тысячу раз, Кельвин предложил ему взять с собой листок с текстом. Кельвин заставила режиссера сказать Трою, что все углы съемки были изменены (в соответствии с правилами безопасности) и что Трою нужно смотреть на листок с текстом в конце каждой строчки, чтобы увидеть номер камеры, в которую он должен петь следующую строчку. В результате Трой всю песню таращился в листок, отчаянно пытаясь понять, в какую камеру ему смотреть.

— Дамы и господа, — торжественно объяснил Кельвин после его выступления. — Трой хотел спеть эту песню, но он не знал слов. Поэтому он решил совершить невероятно храбрый поступок и попытаться прочесть слова, несмотря на то, что не умеет читать. Трой, я снимаю перед тобой шляпу, потому что за одно это ты должен выиграть конкурс.

Следующим выступал Грэм, который исполнил «I Can See Clearly Now», отчего Берилл расплакалась.

— То, что слепой мальчик спел песню, в которой говорится, что «надо суметь увидеть», свидетель-

ствует о такой храбрости и отваге, что страшно делается, — прохрипела она. — Я снимаю перед тобой шляпу, детка. Ты сделал эту песню.

Наконец, принц Уэльский удивил всех тем, что спел «Do Ye Ken John Peel?».

— Я бы хотел посвятить эту песню всем лисам, которых пришлось усыпить с тех пор, как запрещена охота на них. Люди думают, что это песня о жестоком убийстве лис, но на самом деле она о любви к природе, и я всерьез думаю, что это важно, вы согласны?

Люди согласны не были. Это был первый мощный гол в свои ворота для принца Уэльского, в результате чего он оказался вторым с конца рядом с «Четверкой-Х». План Кельвина воплощался в жизнь. Он не хотел, чтобы процесс выделения принца в любимчики был слишком очевиден, и поэтому распорядился, чтобы исполнению «Do Ye Ken John Peel?» предшествовал видеоролик, симпатизирующий охоте, который вызовет достаточно отрицательных эмоций, чтобы на время поставить под сомнение быстро растущую популярность ЕКВ.

— Если я что-то и знаю о британских зрителях, — уверенно сказал Кельвин, — так это то, что они не любят жестокости к лисам. Они нена-

видят ее, презирают ее, они ее категорически не одобряют. Им безразлично ведерко с двадцатью кусочками цыпленка из «Кентакки фрайд чикен» и парой биг-маков в придачу, а также отличной большой сосиской из восстановленного мяса, и им все равно, что последнюю треску, выловленную в Западном полушарии, окунут в тесто и засунут во фритюрницу, но они приходят в ярость, когда сотня заносчивых снобов знатного происхождения преследует лису.

Принц встретился с «Четверкой-Х» в повторном выступлении в конце шоу. Джо-Джо снова сразился с «Cop Killa», а EKB спел «Do Ye Ken John Peel?», и большинство наблюдателей решили, что убийца лис вызвал слегка больше гневных выкриков, чем «Cop Killa». Однако решение оставалось за судьями, и во время последней рекламной паузы перед голосованием Кельвин отвел Берилл в комнату для гостей и велел ей голосовать за принца.

— Ты хочешь, чтобы я голосовала за чертова охотника на лис! — ответила она, бездумно высосав пару устриц и заев их двумя сосисками и йоркширским мини-пудингом с говядиной.

— Да, — ответил Кельвин. — Родни — наставник «Четверки-Х», поэтому он не может за него проголосовать, а я хочу, чтобы принц остался.

— Зачем? Он аристократ, сноб и лисий убийца! — ответила Берилл, вытаскивая хрящик из зуба. — Я мать, я человек из народа, я мать народа, черт побери! Я не могу голосовать за убийцу!

— Ну а я продюсер этого шоу, и я приказываю тебе голосовать за принца.

— Не буду! — крикнула Берилл, и кусочек недожеванной говядины прилип к пиджаку Кельвина. — Я не стану голосовать за паршивого убийцу. Я посол группы «Люди за этичное отношение к животным», черт возьми! Да и вообще, это просто абсурд, как можно выбирать между стареющим поганым педиком и четверкой роскошных парней?

— Которые только что спели «Cop Killa».

— Мне плевать. Я не буду этого делать. Я не буду голосовать за принца.

— Берилл, если ты не будешь делать того, что я тебе говорю, — твердо сказал Кельвин, — ты уйдешь из шоу до того, как пройдут титры.

— Ты этого не сделаешь. Я нужна тебе.

— Я это сделаю, и ты мне не нужна. Я не позволю ставить под сомнение свой авторитет в этой программе ни тебе, ни кому бы то ни было. Ты проголосуешь за того, за кого скажу я, или можешь идти на хер.

— А как же мой целостный образ?

— Берилл, дорогая, — спокойно сказал Кельвин, улыбнувшись широкой ледяной улыбкой, — шоу «Номер один» сделало из тебя настоящую звезду, превратило из новичка в «Бленхеймах» в настоящую знаменитость. Трижды «Национальная мамочка года». Ты действительно хочешь отказаться от этого ради целостности образа? Попытайся вспомнить, что у тебя нет никакой целостности.

Берилл кивнула.

— Ладно, мать твою, согласна, — сказала она.

В конце концов, выбор песни, которую Кельвин навязал группе мальчишек, дал Берилл совершенно убедительный повод проголосовать так, как было нужно.

— Слушайте, я не фанатка охоты на лис, — сказала она, — и людям это известно, но, мальчики, — ее глаза внезапно наполнились жалостью, — я ужасно люблю вас, люблю так, что страшно делается, и вы это знаете. Но как я могу голосовать за вас? Это будет голос против британской полиции, голос в защиту преступности, это будет пощечина всем вдовам и сиротам, потерявшим кормильца, погибшего при выполнении долга. Извините, ребята, но убийство полицейских — это непра-

вильно даже в мире поп-музыки.

И вот так «Четверка-Х» вдруг провалилась.

День, или два, или даже неделю после этого Майкл и его друзья верили, что, возможно, их мечте еще не пришел конец. Ведь сколько раз опытные судьи торжественно провозглашали их звездами, говорили, что у них впереди блестящая карьера, что они лучше, чем «The Commodores»! Новые «Jackson Five». Ну конечно же контракт на выпуск записей, о котором постоянно говорил Родни, теперь по праву должен принадлежать им? Ну конечно же все, что случилось, не было сплошным бредом?

Но это был сплошной бред. В мире было полно привлекательных мальчишек, которые хорошо пели, и они были просто очередной четверкой (или тройкой, если не считать Джо-Джо). Громкие обещания, которые были даны на шоу «Номер один», умерли, не успев прозвучать, и «Четверка-Х» вернулась к жизни, которую так надеялась оставить позади.

Восьмая и девятая недели

Трой вылетел на восьмой неделе после повторного выступления вместе с ЕКВ, который по-прежнему страдал оттого, что не встречает понимания в вопросе охоты. Кельвин вывел Троя из игры, повторив трюк с чтением текста. В первый раз зрителям это понравилось, но, когда Трой проделал то же самое снова, они отреагировали отрицательно, приняв это за неуклюжую попытку взять их на жалость.

Кельвин знал, что свалить Грэма окажется куда сложнее. Во время первых недель живых эфиров Грэм поднялся на уровень популярности, уступающий только «Четверке-Х», и, если позволить ему пробиться в финал, его будет трудно контролировать. Поэтому на девятой неделе Кельвину предстояло разделаться с ним.

— Нам нужно настроить зрителей против него, — объяснил он Челси и Тренту, — и лучший способ сделать это — запороть его ролик перед показом.

— Как насчет того, что он так легко бросил Миллисент? — спросила Челси.

— Умница! — сказал Кельвин. — Именно об этом я и думал. Нам нужно заставить его выглядеть эгоистичным, черствым и подлым.

— Думаете, можно так поступить со слепым парнем? — с сомнением спросил Трент.

— Конечно, можно, — ответил Кельвин. — Все негодяи в литературе были инвалидами, вспомни хотя бы Джона Сильвера.

Трента отправили в репетиционную со съемочной бригадой и велели ему заставить Грэма очернить себя. Однако он вернулся разочарованный.

— Девчонка ему действительно нравится, — объяснил Трент. — Он в нее влюблен, это точно. Более того, он знает, что певец из него никакой. Мне не удалось обмануть его.

— Давай взглянем на пленку.

Сидя в монтажной, Кельвин, Трент и Челси смотрели пленку с записанными интервью.

— Мне неприятно думать о том, что Миллисент сейчас не со мной, — говорил Грэм. — Если честно, я действительно считаю ее более сильной певицей и поэтому чувствую себя глупым, эгоистичным и бездарным существом, как будто мне нет дела ни до кого, кроме себя. Иногда я просто ненавижу себя и даже не хочу победы. Я люблю

Миллисент и намерен добиться ее. Она всегда была моим другом и уважала меня, не помыкала мной и не сюсюкала, потому что я слепой.

— Видите? — сказал Трент. — Парень отказывается играть.

— А по-моему, наоборот, — сказала Челси.

— Ты хочешь сказать, что можешь заставить его бросить свою подружку?

— Конечно, могу.

На секунду к Тренту вернулась его былая самоуверенность.

— Хорошо, детка, тогда иди и поговори с ним. Посмотрим, что у тебя получится.

— Мне не нужно говорить с ним, — сказала Челси, — ты уже это сделал.

— Ой, Челси, ладно тебе! Думаешь, из этого можно сделать «колбасную нарезку»?

Челси улыбнулась, взяла распечатку текста интервью Грэма и начала вычеркивать слова:

> «Мне неприятно думать о ***том, что*** *(зачеркнуто)* Миллисент ***сейчас не со мной. Если честно,*** *(зачеркнуто)* я действительно считаю ее ***более сильной певицей, и поэтому чувствую себя*** *(зачеркнуто)* глупым, эгоистичным и

бездарным существом, ***как будто*** *(зачеркнуто)* мне нет дела ни до кого, кроме себя. ***Иногда*** *(зачеркнуто)* я просто ***ненавижу себя и даже не*** *(зачеркнуто)* хочу победы. ***Я люблю Миллисент*** *(зачеркнуто)* и намерен добиться ее. ***Она всегда была моим другом и уважала меня, не помыкала мной и не сюсюкала,*** *(зачеркнуто)* потому что я слепой».[12]

Закончив, она показала результат Кельвину и Тренту.

— Ты просто молодец, — сказал Кельвин с ободряющей улыбкой.

Трент снова покорился неизбежному.

— Да, отлично, — согласился он. — Ты действительно думаешь, что сможешь смонтировать

---

[12] Примечания: 12

"Мне неприятно думать о ~~том, что~~ Миллисент ~~сейчас не со мной. Если честно~~, я действительно считаю ее ~~более сильной певицей, и поэтому чувствую себя~~ глупым, эгоистичным и бездарным существом, ~~как будто~~ мне нет дела ни до кого, кроме себя. ~~Иногда~~ я просто ~~ненавижу себя и даже не~~ хочу победы. ~~Я люблю Миллисент~~ и намерен добиться ее. ~~Она всегда была моим другом и уважала меня, не помыкала мной и не сюсюкала~~, потому что я слепой".

это гладко?

Челси не удостоила его ответом. Вместо этого она повернулась к монтажному столу и опытными пальцами начала резать интервью Грэма. В проверенном временем стиле «колбасная нарезка» шоу «Номер один» она использовала монтажные переходы и резкую смену кадров, а также разные углы камеры, подложила под интервью мрачную музыку и отдаленный шум дороги, чтобы скрыть швы. В окончательной редакции Грэм говорил убедительно, хотя и нервно, а изъятия придали интервью болезненную настойчивость.

Кельвин был под впечатлением.

— Да, Челси, — сказал он, — это классическая «колбасная нарезка». Я использую ее в своих семинарах. Смотри и учись, Трент.

— Уже учусь, шеф.

— Как насчет того, чтобы пригласить Миллисент поприсутствовать в зале? — предложила Челси.

— Потрясающе, — сказал Кельвин, — просто охереть. Трент…

— Уже звоню, босс, — сказал Трент, выхватывая телефон.

Миллисент была приглашена на живой эфир

девятой недели, и, разумеется, ее не предупредили о содержании жестоко смонтированного интервью Грэма. Камеры отобразили каждую секунду ее унижения.

«Мне неприятно думать о Миллисент, — говорил Грэм. — Я действительно считаю ее глупым, эгоистичным и бездарным существом. Мне нет дела ни до кого, кроме себя. Я просто хочу победы. И намерен добиться ее, потому что я слепой».

Миллисент уже плакала, когда Грэм появился на сцене (не подозревая о причиненной ей боли), и продолжала плакать на протяжении первой половины жизнерадостного и неуместного исполнения песни Кайли Миноуг «I Should Be So Lucky», после чего, не в состоянии больше слышать «lucky, lucky, lucky», с плачем выбежала из студии.

Грэм скатился на дно телефонных рейтингов, после чего судьи на полном основании, единогласно и при поддержке зала выгнали его.

Финал, часть первая

Эмма сопровождала Кельвина на торжественный финал и впервые ощутила, каково это, когда тебя видят рядом с самой крупной телевизионной звездой в мире. Они впервые признали свои отношения на публике. Эмма сначала не хотела идти, но Кельвин был настолько уверен в победе принца, что настоял на ее присутствии на этом главном вечере и даже держал ее за руку, когда они шли по красной дорожке в окружении вспышек множества фотоаппаратов.

Конечно, Кельвин не объяснил Эмме, почему он так уверен в победе принца. Весь смысл его обещания заключался в том, чтобы его выполнение казалось жертвой с его стороны, практически невыполнимой задачей, и он был готов сдержать слово, только чтобы доказать свою любовь, верность и надежность. Поэтому он не хотел, чтобы Эмма решила, что это будет легко.

— Пока что все шло хорошо, — произнес он серьезно и с достоинством, — но теперь наступает трудное время. Квазар и Иона ужасно популярны и пока намного опережают ЕКВ.

Это была неправда, на самом деле все было совершенно наоборот. Помимо случая с исполнением «Do Ye Ken John Peel?», принц всегда опережал двух оставшихся финалистов. Однако Кельвин не собирался говорить этого Эмме, чьи глаза все шире распахивались от обожания при виде твердости и уверенности, с какой Кельвин выполнял ее просьбу.

— Поверить не могу, что ты делаешь это ради меня, — сказала Эмма, когда они вместе вышли из лимузина.

— Только ради тебя, моя дорогая, — сказал Кельвин. — Если принц Уэльский победит сегодня и станет героем нового молодого электората, благодарить он за это должен тебя.

Кельвину удалось убедить в этом даже себя. Несмотря на то что он с самого начала собирался сделать принца победителем, задолго до того, как Эмма подняла этот вопрос, не было сомнений, что выиграть пари у Дакоты теперь было для него менее важно, чем удачно провести кампанию по завоеванию доверия и, соответственно, любви Эммы. Она превратилась в наваждение.

— Кельвин, я люблю тебя, — прошептала она ему на ухо, ослепительно улыбаясь и проходя по ковровой дорожке между вопящими фанатами.

Затем она увидела Шайану.

Эмма чуть не вскрикнула. Застывшее лицо девушки было словно маска, она не кричала, а просто молча ухмылялась, стоя среди шумной толпы. Шайане удалось встать в первом ряду, и она не обращала внимания на истерику и тьму рук, протягивающих ей ручки и обрывки бумаги.

Она стояла и смотрела.

Эмма поняла, что Шайана тоже ее увидела, и на мгновение их взгляды встретились. Выражение лица Шайаны совершенно не изменилось. Затем Эмма увидела, что Шайана смотрит мимо нее, на Кельвина и идущую за ним Берилл.

Затем Кельвин потянул Эмму за руку, и через секунду они оказались в здании телестудии, но от ее радостного настроения не осталось и следа.

— Кельвин, она там, — прошептала Эмма.

— Кто? Что такое? Тебе нехорошо?

— Мне нехорошо. Это она. Та девушка. Шайана.

Сначала Кельвин не понял, о ком она говорит.

— А-а, эта, — наконец сказал он. — Ну и что?

— Что значит — ну и что? Она здесь.

— Она пришла на финал, кому какое дело?

— Но… но…

— Но что? — спросил Кельвин, обнимая ее одной рукой, что вызвало еще один обстрел вспышками фотоаппаратов. — Думаешь, она собирается пристрелить меня?

— Может быть.

— Эмма. Я уже говорил тебе, единственное, чего я не собираюсь делать ни за что на свете, — это бояться фанатов или конкурсантов. «Слабеет мой рассудок. От этого легко сойти с ума!»[13] К черту ее. К черту всех их. К черту всех, кроме нас.

— А что, если она войдет сюда?

— Если она сейчас там, то сюда она не попадет. У всех проверили билеты и закрыли двери, и сегодня здесь присутствуем только мы и наши знаменитые гости. Ну же, это твой вечер. Это все делалось для тебя.

Позволив хотя бы отчасти успокоить себя, Эмма прошла с Кельвином в просторный зал, где проходил финал. Здесь было не протолкнуться среди тысяч фанатов, которых Гэри и Бэри уже целый час доводили до безумия. Атмосфера была опьяняющей, и, не знай Эмма правды, она могла бы поверить, что присутствует на финале настоящего конкурса.

---

[13] Примечания: 13

Шекспир У. Король Лир. Акт 3, сцена 4. *Перевод Б. Пастернака.*

Они прошли в ВИП-зону, где слышались крики Берилл, которая, как всегда, вела себя несносно. Здесь собралось все семейство Бленхейм, но Берилл и Присцилла снова поссорились, и Присцилла ушла в бар.

— Она должна быть здесь, чтобы поддержать меня! — раздраженно выговаривала Берилл своей жене, Сиринити. — Мы ведь семья, мы, черт возьми, должны поддерживать друг друга.

— Она здесь, дорогая, — бормотала Сиринити, шевеля огромными губами.

— Но не на глазах! Камеры ее не видят, — рявкнула Берилл. — Какой на хер толк от того, что она здесь, если ее здесь не видят. С таким же успехом ее могло бы не быть здесь.

— Пойду в бар и поищу ее, — угрюмо сказала Лиза Мари, — но я завязала с бухлом, и мой терапевт говорит, что я пока что вряд ли смогу контролировать себя в такой обстановке.

Бленхеймы были не единственным кланом, который пришел поддержать своего представителя. Семья Ионы тоже была здесь, а также остальные члены «Шетландского тумана».

— Обожаю эту девочку, — заметила Берилл, — она превращает жизнь Родни в абсолютный кошмар. Боже мой, смотрите, она собирается

поговорить с этим ублюдком.

Это была правда. Волна предвкушения пронеслась через все помещение, когда Иона направилась сквозь толпу туда, где стоял Родни со своей многострадальной секретаршей. «Междоусобица» между Ионой и Родни была одной из основных тем СМИ на протяжении всего сезона, и теперь бывшие любовники собирались поговорить впервые за десять недель финалов.

— Добрый вечер, Родни, — сказала Иона.

Секретарша Родни воспользовалась возможностью и исчезла.

— Привет, Иона, — ответил Родни. — Отлично выглядишь.

— Ты ведь ничего не забыл, верно?

— Нет. Нет, я не забыл.

— Надеюсь, это так, потому что малышка Мэри стоит вон там. Невинная и девственная с виду. Будет ужасно жалко, если ей придется испортить всем праздник.

Родни снова уверил Иону, что не забыл о своем обязательстве. Затем он подошел к Кельвину и потребовал, чтобы тот оставил на минутку Эмму и пошел с ним.

— Ну, в чем дело? — спросил Кельвин довольно нелюбезно.

— Кельвин, я должен кое-что сказать тебе, и я думаю, ты будешь доволен, — ответил Родни.

— Ну, валяй, — сказал Кельвин.

— Я бы хотел, чтобы сегодня мне выделили немного дополнительного времени…

— Слушай, Родни, — сварливо сказал Кельвин, даже не стараясь говорить вежливо. — Это чертово шоу не о тебе, понятно? К тому же ты остроумен, как пень, и, если честно, меня уже утомили твои постоянные попытки…

— Я собираюсь сделать предложение Ионе. Я бы хотел сделать его в прямом эфире.

Такое Кельвин не мог оставить без внимания.

— Ты серьезно? — спросил он.

— Очень серьезно, — сказал Родни, радуясь тому, что заткнул Кельвина. — Это ведь отличный сюжет, верно? Ты должен признать, это настоящая драма.

— Ну да, может получиться отлично, — согласился Кельвин. — А с чего это ты надумал, Родни? Она тебя шантажирует?

Улыбка моментально исчезла с лица Родни.

— Откуда ты знаешь? — выдохнул он.

— Я не знал, — ответил Кельвин. — Это была шутка. Но теперь знаю. Что происходит?

— Она хочет отомстить за то, что я бросил ее

в прошлом году. Она хочет, чтобы я сделал ей предложение в прямом эфире, женился на ней, а потом она сможет развестись со мной и забрать половину имущества.

— Молодец! Я всегда знал, что у девчонки есть наглость. И ты собираешься подыграть ей?

— Да, я собираюсь жениться на ней.

— Ух ты. Она серьезно тебя прижала, да?

— Ну, знаешь, правда заключается в том, что я вроде как действительно влюбился в нее…

— Ты влюбился в Иону?

— Да. Знаешь, она так хорошо выступала на шоу, и еще эти наши размолвки в прямом эфире каждую неделю, это так похоже на заигрывания, и к тому же она ведь просто красавица.

— Тебе виднее.

— Да, мне виднее. Я начинаю думать, что был дураком, когда позволил ей уйти. Так что я собираюсь сделать поворот на сто восемьдесят градусов. Она думает, что я ненавижу ее, но, как только шоу закончится и мы поженимся, я покажу ей, что я такое на самом деле.

— Ну а если она не даст тебе возможности?

— Ну, если она хочет денег, то ей придется играть по правилам. Ни один суд по бракоразводным делам не лишит меня денег за фиктивный

брак, поэтому ей придется вести себя как положено…

— Ах ты негодник, ты хочешь заключить брак.

— Ну да, но я имел в виду вести себя как положено во всех отношениях. Нам придется вместе жить в одном доме, и я думаю, когда она поймет, каково быть миссис Родни Рут, ей это понравится. Мы будем горячей парочкой. Она теперь финалистка шоу «Номер один», а не неудачница. Я большой человек в индустрии…

Кельвин в ответ на это расхохотался.

— В чем дело? — спросил Родни, тоже засмеявшись шутке, которой не понял.

— Это поразительно, — сказал Кельвин. — Ты так предсказуем. Она снова знаменита, и о ней пишут в газетах, поэтому она снова понравилась тебе. Это так нелепо.

— Нет! — воскликнул Родни. — Я просто вдруг…

— Родни, посмотри правде в глаза, ты влюблен в славу, которая объединяет вас. Ты вдвойне знаменит, когда твое имя связано с ее именем.

— Кельвин, я правда ее люблю.

— Я уверен, что ты в это веришь, друг, но на самом деле ты любишь себя. Ну, в любом случае удачи тебе, мне всегда нравились свадьбы, и ты

прав, предложение руки и сердца в прямом эфире — это отличный сюжет. Так что давай, валяй. А когда ее звезда погаснет и о вас перестанут писать в прессе, ты вдруг поймешь, как и в прошлый раз, что вовсе ее не любишь, и сможешь объявить о своем разводе в начале следующего сезона. Возможно, мы даже попросим Иону спеть «Р-А-З-В-О-Д».

Кельвин повернулся и пошел обратно к Эмме.

— И еще одно, Кельвин! — крикнул ему вслед Родни. — Ты будешь моим свидетелем?

Кельвин только улыбнулся, и через несколько секунд режиссер начал кричать, что всем пора занимать свои места.

Финал начинался через минуту.

В зале присутствовали все отсеянные финалисты, собранные здесь для того, чтоб вкусить последний глоток известности. Кили представляла их одного за другим: Латиффа, Сьюки, группа «Парень», Стэнли, Незабудка, «Четверка-Х», Табита, Трой и Грэм. Трою аплодировали, а Грэма зашикали. Унижение Миллисент вошло в программу «Ньюс оф зе уолд», и толпа изменила свое к ней отношение.

Кельвин был в восторге.

— Власть нашего шоу просто безгранична! —

кричал он Эмме сквозь шум. — Только шоу «Номер один» могло заставить толпу зашикать слепого парня.

— Пожалуйста, Кельвин, не нужно! — крикнула в ответ Эмма. — Ты мне только начал нравиться.

Эмма, опьяненная накалом страстей, снова наслаждалась вечером и даже стала находить неслыханную уверенность и небрежный цинизм Кельвина привлекательными.

Затем она увидела Шайану.

Та, как и раньше, неподвижно стояла среди толпы фанатов, которых пропустили к самой сцене, чтобы придать финалу вид живой рок-тусовки.

— Кельвин, она снова здесь, — почти взвизгнула Эмма.

Кельвин обернулся.

— Не смотри! Не смотри! Она увидит, что мы смотрим! — настаивала Эмма.

— Эм, успокойся, — сказал Кельвин. — Я говорил тебе, что эти люди меня не волнуют. И никогда не волновали. Должно быть, она хитростью добыла билет, только и всего. Они все хитрые, эти ненормальные фанаты.

— Она не фанатка, она бывшая участница, и она сказала, что вы еще встретитесь.

— И благодаря тебе, дорогая, мы встретились. В

противном случае я бы ее ни за что не заметил.

— Ну да, но возможно, это как с Джоном Ленноном. Может быть, я только что спасла тебе жизнь.

На секунду на лице Кельвина промелькнула тень озабоченности, но он почти сразу же взял себя в руки.

— Эмма, ради всего святого, можно поменьше загоняться по этому поводу? — сказал он.

— А что, если у нее пистолет?

— В наши дни на входе всех обыскивают. У нее нет пистолета.

— Ты говорил, что она не попадет внутрь, но она здесь.

— Хорошо, хорошо, я попрошу охрану присмотреть за ней. Ты не должна позволить этой женщине испортить нам вечер.

Эмма пообещала, что изо всех сил постарается не допустить этого, и вернулась в ложу для знаменитостей, называвшуюся так, несмотря на тот факт, что, по мнению Эммы, ни один из сидевших здесь таковой не являлся. Кельвин присоединился к Берилл и Родни за кулисами, чтобы они могли выйти на сцену, как императоры, спускающиеся на римскую площадь, чтобы вынести приговор рабам, и финал стартовал.

Квазар открыл шоу не слишком мелодичным, но на удивление забавным исполнением классического хита «Black Lace» группы «Agadoo». Квазар начал отходить от прошлого стриптизера и теперь считал себя артистом, развлекающим детей.

— Я не дурак, — сообщил он принцу Уэльскому за сценой. — Кобели приходят и уходят, да? Врубаешься? Но петь для детей — это вечная работа! Посмотри на «Krankees», чувак, они просто молодцы. Через двадцать лет никому не захочется смотреть на мою задницу, но я буду так же хорош для пантомимы! Зацени, чувак!

— Это звучит очень разумно, мистер Квазар, — ответил принц.

За Квазаром выступила Иона, которая так и придерживалась образа милой шотландской девушки и исполнила песню «The Skye Boat Song», которую приняли очень хорошо. После ее выступления Кельвин и Берилл, как обычно, начали ее нахваливать.

— Знаешь что? Ты сделала эту песню.

Затем Кили обратилась за комментарием к Родни. В этот момент послышался смех, крики и шиканье, потому что на шоу «Номер один» яростная ругня Родни в адрес Ионы стала ритуалом,

как и то, что двое его коллег хвалили ее. Однако сегодня он отбросил осторожность и пренебрег сценарием. Стараясь не смотреть на Кельвина, зная, что нарушает его приказ, он начал тщательно подготовленную речь.

— Иона, — сказал он, — я хочу кое-что сказать и знаю, что это удивит наших зрителей, но, надеюсь, не очень удивит тебя. Весь мир знает, что на протяжении всего сезона я был очень, очень груб с тобой, я говорил вещи, которые больно ранили тебя, и, возможно, ты думала, что не заслуживаешь их. Хочешь знать, почему я так поступал? Хочешь, Иона?

— Потому что ты идиот, Родни? — сказал Кельвин ледяным голосом, словно советуя ему быть очень осторожным.

— Я поступал так, потому что уважаю тебя, Иона. Я хотел испытать твой характер, проверить тебя, заставить тебя доказать всему миру, какой твердой ты можешь быть, какая ты хорошая артистка. Все знают, что в прошлом году я всем сердцем поддерживал тебя, поэтому, сделай я то же самое в этом году, никто бы не заметил, все бы подумали, что я делаю это из чувства вины, и моя похвала была бы бессмысленной. Но, обижая тебя все это время, я дал тебе возможность показать

миру, что ты абсолютно самодостаточная, сильная женщина. Это было отличное выступление, Иона. «The Skye Boat Song» — песня трудная, но ты ее сделала. Ты сделала каждую песню из тех, что когда-либо пела.

Студия замерла, пока он говорил, а когда закончил, зрители разразились аплодисментами.

— Иона, ты хочешь что-нибудь сказать Родни? — спросила Кили.

Казалось, в глазах Ионы стояли слезы.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо тебе, Родни.

За этим последовала рекламная пауза, во время которой Родни воспользовался возможностью извиниться перед Кельвином. Он был так напуган, что едва мог смотреть ему в глаза.

— Прости, друг, — сказал он. — Я не мог сегодня следовать сценарию, ведь ты знаешь, что мне предстоит сказать дальше.

— Родни, ты знаешь, что при обычных обстоятельствах я рассматриваю отклонение от сценария как повод для увольнения, — твердо сказал Кельвин.

— Я знаю, я знаю.

— Но должен заметить, что ты сделал на удивление умный ход. Я не думал, что ты на это

способен, но раз уж так случилось, то я рад, что ты начал поддерживать Иону сейчас, потому что не хочу, чтобы она победила, а самый быстрый способ убрать исполнителя из рейтинга — это заставить тебя поддержать его.

— Спасибо, Кельвин. Ты настоящий друг.

После рекламы выступал принц Уэльский.

Шоу проходило в субботу вечером перед поминальным воскресеньем, и в порыве вдохновения Кельвин распорядился, чтобы ЕКВ спел «Where Have All The Flowers Gone», посвятив ее «нашим храбрым солдатам, обычным парням и девчонкам, которые заплатили высокую цену за тщеславную недальновидность таких стариков, как я». Это был гениальный ход, и студия взорвалась аплодисментами.

— Ваше королевское высочество, — ахнула Берилл, — вы сделали эту песню до того отменно, что страшно становится, и это говорит вам мама.

— Ваше королевское высочество, — взвыл Родни, блестя влажными от слез глазами, — вы настоящая звезда и у вас впереди блестящая карьера.

— Ваше королевское высочество, — сказал Кельвин, натянув на лицо умную и честную маску, — когда вы пришли на наш конкурс, если

честно, я недооценил ваши шансы. Я ошибся. Вы много работали. Вы слушали замечания судей, вы учились, и вы выросли, и знаете что? Я думаю, вы можете пройти этот путь до конца.

— Ваше королевское высочество, — сказала Кили, — вы получили отличные отзывы от всех трех судей. Вы хотите что-нибудь сказать в ответ?

— Боже, Кили, они так добры, верно? — ответил принц. — Я уверен, что не заслуживаю ни одного из сказанных слов, но спасибо!

Во время следующей рекламной паузы Эмме удалось поговорить с Кельвином, который сумел вырваться из судейской команды.

— О, Кельвин, — сказала она, и в ее глазах стояли слезы, — это было великолепно. Просто идеально. Я знала, что ты делаешь нечто прекрасное и вдохновляющее. Что-то поразительное. Я хочу сказать, разве не невероятно, что единственная программа в Британии, которая на самом деле пытается показать следующего главу государства с уважением и в положительном свете, — это шоу «Номер один»? Это очень благородно. Ты должен гордиться собой.

— Я горжусь.

— И я тоже горжусь собой, потому что именно я заставила тебя так поступить.

— Да, именно ты, дорогая.

С этими словами он обнял ее и поцеловал на глазах у зрителей, что, разумеется, вызвало громкие приветственные крики.

— Полегче, тигр. Ты еще не победил, — сказала Эмма, но она была в восторге.

Поскольку конкурсантов осталось всего трое, каждый из них выступал дважды. Кельвин сделал так, чтобы второе выступление Квазара не добавило ему славы. Вся привлекательность бывшего стриптизера основывалась на его безудержном темпераменте и дружелюбной туповатости при отсутствии таланта, поэтому Кельвин предложил, чтобы он спел «Send In The Clowns», чувствительную и грустную песню группы «Sondheim», что было очевидной ошибкой. Конечно, Квазар это тоже видел.

— Чувак, эта песня скучная, — жаловался он Тренту, когда ему сообщили, что он должен спеть. Но, как и все остальные, он был связан недвусмысленными обязательствами, оговоренными в контракте, и вынужден был поступать так, как ему было велено.

Ионе повезло больше, несмотря на попытки Кельвина саботировать ее выступление. Она завоевала сердца нации в образе сладкоголо-

сой деревенской девушки, и поэтому Кельвин распорядился, чтобы последним номером ей дали «Anarchy In The UK» группы «Sex Pistols» в надежде, что это оттолкнет матерей-фанатов. Но она спела песню с иронией, доказав, что может зажигать, и ее приняли хорошо. Однако Кельвин был не слишком озабочен, потому что знал, что у него в рукаве есть козырь.

Когда Кили вывела принца Уэльского во второй раз, Кельвин объявил, что перед тем, как принц споет песню, он счел необходимым отдать должное отваге, которую наследник престола проявил, столкнувшись с критиками и вообще придя на шоу.

— И более того, ваше высочество, — сказал он, — я хочу поблагодарить вас за то, как вы заботились обо всех участниках и опекали их на протяжении всего шоу.

— Боже, какая ерунда, — пробормотал принц, явно весьма смутившись.

— Нет, это правда. Вы были для всех нас словно отец, и, хотя очень многое из того, что вами сделано, в соответствии с вашими пожеланиями должно остаться в тени, я обязан сообщить всем, что малышу Сэму назначили дату операции по пересадке костного мозга, и я уверен, что помог

им в этом совет, полученный матерью ребенка от ваших помощников, и для меня очевидно, что именно так должны поступать лидеры общества, хотя они делают это так редко…

Кельвину пришлось ненадолго прерваться из-за бури аплодисментов, которые Гэри и Бэри не пришлось выуживать из зрителей.

— Также я хочу сказать, — продолжил Кельвин, — что Бри, жертва домашнего насилия, которую зрители, возможно, видели беседующей с его королевским высочеством в начале шоу, теперь находится в безопасности и, будем надеяться, обрела мир в душе.

Сидящая в кабине режиссера Челси была поражена и пришла в восторг от наглости Кельвина.

— Он хочет сказать, что она вернулась в приют, где я ее нашла, — ахнула она.

А тем временем Кельвин пригласил на сцену Троя, выложив свой последний козырь.

— И наконец, — сказал Кельвин, — кажется, кое-кто хочет пожелать вам удачи.

Трой, который много репетировал и знал, что от него требуется, обнял принца, после чего объявил зрителям, что теперь он читает как восьмилетка! Толпа аплодировала и кричала, полагая, что это серьезный скачок для парня и результат общения

с принцем. Эмма тоже аплодировала и кричала, пока не осипла, ведь никто, кроме Кельвина и Челси, не подозревал, что Трой уже читал как восьмилетка, когда впервые попал на конкурс.

После этого принцу вообще вряд ли стоило петь, но его исполнение «The Greatest Love Of All» приятным легким баритоном было встречено бурей восторгов. Кили с трудом удалось успокоить зрителей, чтобы попросить комментариев у судей. Берилл говорила первой, и ей, вероятно, удалось преодолеть терзавшие ее ранее нравственные сомнения по поводу охоты.

— Знаете что, ваше королевское высочество? — сказала Берилл. — Вы такой сексуальный, чувствительный и роскошный, что страшно делается. Я обожаю мужчин постарше. Я бы хотела… я хочу… мне бы хотелось ооооооо… — Секунду Берилл не знала, что сказать, поэтому вместо этого высунула язык и повертела им. — Если бы я не была верной женой и работающей мамой, — сказала она, немного придя в себя, — то берегитесь, сэр! На самом деле, если вам захочется повеселиться втроем со мной и Сиринити, то очень просим вас в гости, потому что вы просто отпад. Вы сделали эту сцену. Вы сделали эту песню. Знаете что? Вы пришли и надрали мой мир.

Родни был не менее необуздан.

— Знаете что? — сказал он. — Вы пришли и сделали этот вечер. Зрители любят вас, вы прирожденный шоумен. Я думаю, что у вас впереди большая карьера в звукозаписи.

Кельвин, поняв, что его работа сделана, и не желая перегнуть палку, ограничился несколькими хвалебными словами, и Кили объявила, что линии для голосования по телефону уже открыты.

Затем в программе последовала получасовая пауза, во время которой шли новости и проводилось телефонное голосование. Кельвин и Эмма удалились в комнату для гостей, оставив Гэри и Бэри удерживать зрителей в состоянии лихорадочного ожидания. Пока они с Кельвином шли по главному залу, Эмма изо всех сил высматривала Шайану, но та затерялась в толпе.

— Забудь о ней, — сказал Кельвин. — Я же говорил, бояться этих людей — это болезнь. Ты не должна позволить ей одолеть тебя.

Комната для гостей, хотя и большая, была забита людьми и казалась неуютной. Здесь стоял ужасный шум, потому что каждая звезда реалити-ТВ и члены неудачливой мальчишеской группы толкали свои идеи одновременно. И самое главное, Берилл и Присцилла Бленхейм наконец

нашли друг друга и обе были не рады этому.

— Я не стану продавать через тебя свои аксессуары! — кричала Присцилла. — Это мои фаллоимитаторы, я разработала их..

— Ха! — рявкнула в ответ Берилл.

— В смысле, я хотя бы была там, когда их разрабатывали, и мне не насрать, на что ставить свое имя. В отличие от тебя, мама, ведь ты продаешь себя каждой поганой сети супермаркетов в Британии.

Сиринити пыталась вмешаться, но она была пьяна и не могла двигать губами достаточно ловко, чтобы ее поняли.

— Заткнись, Сиритини, ты пьяна, а для выздоравливающего алкоголика это не самое лучшее! — крикнула Берилл. — Ладно, Присцилла, ты на завтра обо всем договорилась?

— Да, мама! Сколько раз тебе повторять?

— И ты уверена, что парень хороший? Мы начинаем съемки «Бленхеймов» через неделю, и я не хочу красоваться на экране с черными кругами вокруг глаз и зудящим влагалищем.

— Мам, несколько уколов ботокса, пара швов вокруг глаз, пара складок под нижней губой — разве это сложно?

Финал, часть вторая

— На третьем месте, — сказала Кили, наслаждаясь длинной паузой, которая стала своего рода ее товарным знаком, — Квазар!

Квазар взял микрофон, завизжал, рывком выставил вперед промежность, сделал свой коронный поперечный шпагат, после чего начал благодарить Бога, Иисуса Христа, маму и папу, младенца Христа и всех детей в мире и поклялся посвятить жизнь своим идеалам и распространению счастья, особенно, как он надеялся, среди детей.

— Я объявлю исполнителя, которому публика отдала сегодня второе место, — сообщила Кили своим самым высокопарным тоном, а затем, после долгого молчания, добавила: — После рекламной паузы.

Это был старый трюк шоу «Номер один», призванный держать зрителей в напряжении, но судьи уже знали, кто занял второе место, и Родни больше других не мог дождаться, когда объявят ее имя. Во время ожидания он нервно ерзал на стуле, словно школьник. Рекламная пауза была

очень длинной: это был ключевой момент самого популярного телевизионного шоу, и спрос на размещение рекламы был огромный. Гэри и Бэри орали до хрипоты, пытаясь удержать толпу в зале в состоянии бешеного волнения.

Наконец программа продолжилась, и после очередной возмутительной серии пауз наконец настал ключевой момент.

— На втором месте… Иона!

В зале раздался гром аплодисментов. Камеры показали сидящих в первом ряду родственников Ионы, которые прыгали, кричали и плакали. Иона тоже заплакала и поблагодарила Господа, перед тем как отдать должное коллегам по группе, без которых ее победа не была бы возможна, и выразила надежду на то, что этот результат подведет черту под трудным опытом, который она пережила вместе с остальными членами группы «Шетландский туман» в прошлом году.

Когда Иона закончила свою речь, Кили снова вышла вперед:

— Что означает, что победителем шоу «Номер один» этого года становится…

— Одну минуту, Кили! — крикнул Родни со своего места. — Я хочу кое-что сказать.

— Прости, Родни, — ответила Кили, — но…

— Это важно! — настаивал Родни. — Кельвин, можно я скажу?

Взглянув на своего коллегу-судью, Кельвин дружелюбно кивнул.

— Покороче, дружище, — сказал он.

— Спасибо. Иона, — сказал Родни, поворачиваясь к ней и Кили.

— Да, Родни, — ответила она с сияющей улыбкой.

— Иона, во-первых, разреши поздравить тебя с этим поразительным достижением. Ты выступала прекрасно, ты стала второй, ты заслуживаешь этого, ты большая звезда, и ты продашь много записей.

— Это очень мило, Родни, — сказала Иона.

— Но жизнь не ограничивается поп-музыкой, и я хочу сказать кое-что личное. У нас с тобой в прошлом были свои взлеты и падения, но правда заключается в том, что я всегда любил тебя всем сердцем. Ты красива, ты талантлива, у тебя чудесная семья, и ты прелестная шотландка. Я бы хотел, чтобы ты оказала мне честь, согласившись стать моей женой. Что ты скажешь, дорогая? Как насчет того, чтобы попытаться вместе построить что-то новое?

Столь шокирующее развитие событий застави-

ло замолчать всех, кто находился в помещении. Кельвин нарушил молчание.

— Родни! — воскликнул он. — Ну, ты хитрец. Отличная работа, сын мой.

Послышался нервный смех. Все смотрели на Иону, ожидая ее ответа.

Кили, оставаясь профессионалом, сказала:

— Иона, я должна поторопить тебя. Мне нужен ответ.

Иона улыбнулась и послала Родни воздушный поцелуй.

— Леди и джентльмены, — сказала она, — Родни Рут просит моей руки, потому что я шантажом вынудила его сделать это.

Зрители ахнули. У Родни отвалилась челюсть.

— Вы все знаете, что у меня в прошлом году был с ним роман, о чем я очень жалею, потому что он отвратительный, ничтожный человек и не заслуживал меня…

Зрители снова ахнули, послышался жестокий смех Берилл. Родни повернулся к Кельвину, его лицо было искажено отчаянием.

— Кельвин! — умоляюще сказал он. — Давай дальше. Пожалуйста, давай дальше!

— Ни за что! — взвизгнула Берилл.

— Прости, Родни, — сказал Кельвин, отказы-

ваясь прервать один из лучших телевизионных моментов десятилетия. — Ты сказал, что хотел, чтобы и Ионе дали высказаться.

— Вы все только что слышали, как этот человек сказал, что любит меня, — продолжила Иона. — Он и тогда говорил, что любит меня, и обещал моей группе контракт на запись. Он так и не сделал нам контракта, а когда ему поднадоело меня трахать, он бросил меня и с того самого дня не отвечал на мои звонки…

— Кельвин, пожалуйста! — простонал Родни, но Кельвин только пожал плечами, показывая, что ситуация вышла из-под его контроля. Очевидно, он по-прежнему не собирался вмешиваться и портить одно из самых обсуждаемых событий всех времен на телевидении.

— В любом случае, как вам известно, я вернулась на шоу «Номер один» без своей группы, и с того самого дня Родни вел себя как свинья. Однако недавно я повернула ситуацию против него: я сказала, что наша бас-гитаристка, несовершеннолетняя девушка, готова поклясться, что он лапал ее, если он не предложит мне руку и сердце в прямом эфире. Я сказала, что хочу забрать половину его денег. Это был довольно подлый шаг, но он ведь и сам довольно подлый

парень, верно? Поэтому все случилось, как случилось, и вот тебе мой ответ, Родни: нет, нет и нет. Даже через миллиард лет. Связать себя с такой бесхребетной сволочью, как ты? Размечтался. Мне не нужны твои деньги, и никогда не были нужны. Я просто подставила тебя, чтобы унизить тебя перед народом так же, как ты унизил меня. Я закончила, Кили. Спасибо, что подождали, ваше королевское высочество, я очень ценю это.

Принц Уэльский болтался на заднем плане, ожидая объявления о своей победе.

— Все в порядке, — сказал он. — Не обращайте на меня внимания.

На протяжении неслыханной речи Ионы весь зал зловеще молчал. Теперь он гремел от невообразимых криков и воплей. Родни, у которого еще остался инстинкт самосохранения, подавил желание повернуться и убежать и вместо этого нацепил на лицо хитрую ухмылку, словно признавая, что остался в дураках и не имеет ничего против этого. Когда публика наконец затихла, он сказал:

— Пять баллов за честность, Иона. Я по-прежнему думаю, что у тебя огромный талант, что ты настоящая звезда и ты продашь много записей.

Попытка была неплохая, но Иона не собиралась

подыгрывать ему.

— Пошел на хер, Родни, — сказала она.

— Да вы что! — запротестовал принц. — Нет, прошу вас. Нас ведь смотрят дети.

Студия снова разразилась криками, а затем все больше и больше людей начали скандировать: «Пошел на хер, Родни!»

Кили воспользовалась возможностью.

— После того как Квазар и Иона покинули состязание, — сказала она, показав несгибаемый профессионализм, который гарантировал ей роль ведущей на British Awards в следующем году, — победителем шоу «Номер один» этого года становится его королевское высочество принц Уэльский!

После того как аплодисменты снова затихли, Кили поинтересовалась, не хочет ли принц сказать несколько слов.

— О, я не думаю, что кому-нибудь из присутствующих хочется слушать, как старый чудак снова о чем-то твердит, — ответил он.

Затем все остальные девять финалистов присоединились к принцу, Ионе и Квазару на сцене и вместе спели «We Are The World».

Эмма выбежала из ложи для знаменитостей и обняла Кельвина.

— Знаешь что? — сказала она. — Я тебя люблю. Ужасно люблю.

Она так сильно хотела этого

Сознание медленно возвращалось к Берилл, и через пару секунд она бы уже вспомнила, где она и кто она.

— Эй, мам? — спросил отдаленно знакомый голос. Знакомый, но приглушенный, едва слышный. — У тебя рука дергается. Ты проснулась?

Голос принадлежал Присцилле, ее дочери. А Берилл лежала на кровати.

— У этого парня на все ушло пять минут. Круто. Представляешь? — продолжил тихий голос. — И он взял восемь тысяч. Фунтов, мам, не долларов. Восемь тысяч фунтов. Лиза Мари сказала, что, надень мы тебе мешок на голову, вышло бы намного дешевле.

Теперь Берилл все вспомнила. Ну, конечно. Она перенесла операцию. Они отработали финал шоу, принц Уэльский победил, а затем она сразу поехала в клинику «Порчестер» на операцию.

— Боже мой, — сказала она.

— Что? — услышала она ответ Присциллы.

— Родни сделал предложение Ионе! Я только что вспомнила. Боже мой, черт возьми!

— Здорово вышло, да? Отменный сюжет. В смысле, это было просто потрясающе. Газеты сошли с ума, некоторые из них ставят эту новость выше победы принца Уэльского.

— Ничего удивительно. Ну, Родни всегда хотел больше внимания со стороны прессы, и теперь он его получил и, надеюсь, доволен.

— Все говорят, что Кельвину придется убрать его из судейского совета.

— Говори погромче. Тебя плохо слышно.

— Это потому, что у тебя голова замотана. Я сказала, что Кельвин уберет Родни из шоу.

— Аллилуйя! Можешь себе представить, каково мне было сидеть рядом с этим маленьким куском дерьма? Когда мне снимут повязки?

— Врач сказал, что после одиннадцати можно снимать. Сейчас десять тридцать.

— И вообще, где я, черт возьми?

— Дома.

— В Лос-Анджелесе?

— Нет, дурочка. В лондонском доме. Сейчас утро после финала шоу «Номер один». Ты что, не помнишь? Ты приехала в клинику сразу после шоу, и в шесть утра тебя прооперировали. Затем я забрала тебя и привезла сюда. Это все твоя идея, мама, попытаться впихнуть косметическую опе-

рацию до начала нового сезона.

— Ладно, ладно. Я все помню, и не называй маму дурочкой.

— Ну, тогда не говори как дурочка, и ты мне не мама.

— Я твоя мама, Присцилла, и я буду говорить, как захочу, поскольку я только что очнулась после анестезии.

— Кстати, как ты себя чувствуешь?

— Как в тумане… руки и ноги онемели.

— Да, он сказал, что так и будет. Тебе нужно отдохнуть.

— Это хорошо. Чувствую себя как выжатый лимон. Только что отпахала десять недель, чтобы мы могли продолжать вести наш образ жизни. Господи, с каждым годом это становится все труднее.

— Зато шоу отличное. Последний вечер был потрясающий. Вот только мне пришлось болтать с этой ненормальной девкой.

— Какой ненормальной девкой?

— Ну, знаешь, ненормальной девкой, которую отсеяли на «поп-школе».

— Дорогая, они все ненормальные. Думаешь, я могу всех упомнить?

— Ты была очень мила с ней, велела ей учиться

и расти.

— Присцилла, я со всеми мила, это моя роль. Я ведь мама.

— Та, со слезой. Ну, знаешь, ее показывали потом много недель подряд.

— А-а, эта. Шайана. Дура невменяемая.

— Это точно. От нее — мурашки по коже.

— Когда?

— Вчера. Я только что тебе сказала.

— Она была там?

— Да! Ты что, не слушаешь? Она подошла ко мне и заговорила.

— Ее не должно было быть там.

— Но она была, и ужасно зла на вас. Особенно на Кельвина.

— Господи, ненавижу, когда они начинают злиться и изображать праведный гнев. Кем, черт возьми, они себя возомнили? Как будто мир обязан кормить их. К черту их. Ну, есть у них мечта. У всех есть мечта. Чем они лучше остальных?

— Вы сказали ей, что она хорошо поет.

— Да, а потом мы сказали, что она поет плохо. Разве она не смотрела шоу? Мы всегда так поступаем.

— А она хорошо пела? Мне показалось, что хорошо.

— Присцилла, твою мать, да что ты знаешь? Конечно, она плохо пела.

Эмма медленно открыла глаза. В первый момент она не поняла, где находится. Однако уже через секунду на нее навалилось ни с чем не сравнимое ощущение счастья, когда она поняла, что лежит в постели Кельвина, с которым они всю ночь занимались любовью.

Она была одна, но слышала, что в душе льется вода. Эмма была даже рада, что у нее есть несколько секунд, чтобы прийти в себя, потянуться и расслабиться от осознания того, что она — это она. Чтобы взвизгнуть, зевнуть и потеряться в огромной кровати, лежа под самым легким, огромным покрывалом, какое она только видела.

Все получилось отлично. Он любит ее, он сказал, что любит ее, и доказал это. Он пытался завоевать ее доверие и победил. Она принадлежала ему, и ей хотелось принадлежать ему всегда.

Затем зазвонил телефон.

Кельвин не слышал звонка из-за шума льющейся воды. Он погрузился в воду и виноватые мысли. Он больше не любил ее. Нарыв был вскрыт, и он больше не любил Эмму. Он поверить не мог,

насколько быстро переменилось его отношение к ней. Накануне вечером он просто обожал ее, когда привел к себе в дом и лег с ней в постель. Он продолжал обожать ее по крайней мере половину ночи и искренне верил много часов подряд, что нашел свою половинку, идеальную милую девушку, которая так отличалась от всех, кого он знал раньше. Но затем, около четырех утра, когда она задремала, а он лежал и курил, он начал раздумывать о том, правда ли любит ее, а после того, как она проснулась и они снова занялись любовью, до него начало доходить, что нет. К тому времени, как он встал с постели и пошел в душ, он был в этом уверен. Нарыв был вскрыт, высота взята, и он больше не любил ее. Она была трудновыполнимой задачей, проектом. Он победил, и все было кончено.

Эмма не сняла трубку. Звонили Кельвину, и ее это не касалось, поэтому она ничего не делала, пока не раздался щелчок автоответчика.

— Доброе утро, мистер Симмс, — произнес мягкий, знакомый голос со старомодной интонацией. — Говорит принц Уэльский.

Свет становился ярче. Звук ножниц, разрезающих ткань, вдруг на удивление громко зазвучал в ушах Берилл.

— Как ты себя чувствуешь? — услышала она голос Присциллы.

— Глаза, кажется, в порядке, но я не могу пошевелить руками.

— Они привязаны, чтобы ты не хваталась за бинты во сне. Я сейчас развяжу.

Свет был очень яркий, несмотря даже на то, что глаза Берилл по-прежнему были закрыты. Он бил сквозь закрытые веки.

— Черт! — воскликнула Берилл. — Детка, приглуши свет.

Берилл почувствовала, что свет за веками гаснет, и снова попыталась открыть глаза.

— Знаешь, я серьезно думаю, что вы не должны были говорить ей, что она хорошо поет, если думали, что она поет плохо.

— Что?

— А если вы думали, что она хорошо поет, ее нужно было пропустить в следующий тур.

Повязки уже не закрывали уши Берилл, и она слышала все более четко. Голос ее дочери изменился.

— О чем ты говоришь? — сказала Берилл, вглядываясь в темноту, страстно, но тщетно мечтая потереть глаза, потому что ее руки были привязаны к кровати.

— О Шайане.
— О ком?
— Обо мне.

— Боже мой, поверить не могу, — сказал голос, — вы это сделали, и должен сказать, что это было ужасно забавно. Я признаю, что, когда вы впервые пришли ко мне много месяцев назад, я понятия не имел, насколько мне понравится все это, и, конечно, как вы и предсказывали, это очень сильно повысило уровень моей популярности, что просто ужасно приятно. Я понимаю, нельзя завоевать любовь зрителей, но все же приятно хоть раз убедиться в том, что тебя любят. Представляете, мне предложили вести свое чат-шоу, а также заключить контракт на запись, кто бы мог подумать. Просто невероятно, я чувствую себя Вэлом Дуниканом. Представители шоу «Большой брат» даже выдвинули предложение поставить скрытые камеры в Бак-Хаусе и немного последить за нами. Пришлось сказать им, что мне не кажется, что ее величеству особенно понравится такая мысль. В любом случае, снова благодарю вас за веру в меня и, что более важно, за оказанную поддержку древнему институту, олицетворять который я считаю для себя честью. Ладно, мне пора спешить, через стену лезут жур-

налисты и топчут мои петуньи. Так что всего вам наилучшего, и, как мы, поп-звезды, говорим, это было нечто.

Как только принц отключился, телефон зазвонил снова. Эмма лежала и ждала, когда включится автоответчик, и пыталась осознать то, что она только что услышала. Кельвин врал ей; он с самого начала знал, что принц будет участвовать в конкурсе. Он сам предложил ему участие. Но зачем? Если он и впрямь монархист, как сказал принц, зачем врать ей? Она и сама монархистка.

Ответа не пришлось ждать долго. Эмма услышала его в следующем сообщении.

— Ну-у, Кельвин, — сказал женский голос, источающий интонации Миссисипи, — кажется, ты победил. Должна признаться, я-а и представить себе не могла, что ты превратишь это скучное старое ископаемое в победителя своего шоу. Так что ты молодец. Может, ты и правда так хорош, как думаешь о себе. Насколько тебе известно, я-а женщина с юга, и я-а всегда была человеком слова. Но история научила нас, что современные красотки тоже должны быть практичными, поэтому я-а должна заявить, что считаю нашу сделку недействительной. Увидимся в суде по бракоразводным делам, Кельвин. Пока-пока.

Эмма лежала и слушала. Несмотря на толстое покрывало, ее пробирал озноб, и она думала о своем отце. Уйдя из семьи, он дал дочери урок: не доверять мужчинам. Оказалось, она снова забыла о нем. Она снова поверила мужчине.

Вот дура.

Она встала и быстро оделась. Несмотря на путающиеся мысли, у нее в голове нашлось место, чтобы испытать знакомое многим девушкам чувство неловкости, когда надеваешь смятое вечернее платье в холодном утреннем свете.

Эмма дошла до двери спальни, когда из ванной появился Кельвин. В первую секунду она подумала, что не нужно останавливаться, потому что она была полностью одета, а на нем было только полотенце. Он не смог бы удержать ее. Вместо этого она повернулась к нему.

— Звонил принц Уэльский, — сказала она, — и твоя жена. Оба оставили сообщения. Я их слышала.

Было понятно, что Кельвин сразу же понял, что это значит.

— А-а, — только и сказал он.

— Думаю, нужно сказать тебе спасибо, — сказала Эмма, безуспешно пытаясь улыбнуться горькой улыбкой. — Я искренне верю, что те-

перь навсегда избавилась от соблазна поверить мужчине.

В комнате по-прежнему было темно, но теперь Берилл видела, что стоявшая в ногах ее кровати девушка не была ее дочерью.

— Ты ведьма чертова, — крикнула Шайана, — ты сказала мне, что я хорошо пою, а потом сказала, что я пою плохо!

Теперь Берилл узнала этот голос. Она словно вынырнула из тумана, и до нее наконец дошло, что она окунулась в глубину самого страшного кошмара, которого больше всего боятся знаменитости: оказалась в плену у ненормальной фанатки.

— Где я? — пробормотала Берилл.

— Не важно, где ты, ведьма. Подумай лучше о том, что с тобой случится.

— Как ты…

— Как я привезла тебя сюда? Знаешь, может быть, я плохо пою, но из меня вышла неплохая актриса, правда, мама? — сказала Шайана, добавив в последние слова капризное калифорнийское нытье Присциллы Бленхейм.

— Черт! — воскликнула Берилл.

— Темные очки, угрюмая физиономия, огромные титьки, которые она себе сделала. В твоей

суперпривилегированной стервозной дочурке ведь нет ничего особенного, верно? Я засунула два футбольных мяча под джемпер, натянула розовый парик и забрала тебя из «Порчестера», не вызвав ни одного вопроса. Конечно, без этого было бы сложнее.

Шайана подошла к Берилл и помахала чем-то у нее перед носом. Теперь глаза Берилл лучше привыкли к свету, и она смогла различить водительские права, калифорнийские водительские права.

— Да, ты права, — злорадно сказала Шайана. — Документ с фотографией, водительские права — американские водительские права. Кому, по-твоему, они принадлежат?

— Нет! — ахнула Берилл.

— Да! Ты права. Присцилле. Твоей драгоценной падчерице.

Бросив водительские права на беспомощное тело Берилл, Шайана вытащила сотовый телефон, самый прекрасный и дорогой телефон на свете.

— Телефон просто отпад, — сказала Шайана. — Мне не один час пришлось разбираться, как им пользоваться. Здесь и диктофон есть. Вот, послушай.

Шайана нажала на кнопку, и Берилл ахнула

и чуть не задохнулась, услышав отчаянный и напуганный голос своей падчерицы.

«Мама, мама! Пожалуйста! — раздался голос из телефона. — Мне страшно, мама. Она схватила меня, она меня ударила, кажется, она мне что-то вколола… Меня связали… Я не знаю, где я. Мама, пожалуйста, дай ей то, что ей нужно. Делай то, что она говорит. Пожалуйста. Пожалуйста!»

Шайана выключила телефон.

— Я не собиралась бить ее, — сказала она, — по крайней мере, сначала не собиралась, но потом я подумала, как тебе будет плохо, если я ее ударю, и не смогла сдержаться.

— Шайана, немедленно прекрати это, — сказала Берилл, пытаясь говорить спокойно и с материнскими интонациями, — еще не поздно остановиться, а то ты навсегда разрушишь свою жизнь…

— Ты что, не слушала, Берилл? — ответила Шайана. — Ты не слышала, что я сказала тебе во время своего последнего прослушивания? Ты что, не слушала? Я сказала, что у меня нет планов после шоу. Я сказала, что, когда все будет окончено, у меня ничего не останется. Я сказала тебе это, Берилл. Так что не говори со мной о моей жизни, ее уже разрушили, ты уже разрушила ее. Ты сказала

мне мечтать мою мечту, а потом отняла ее…

— Не я, не я! — пробормотала Берилл. — Это сделал Кельвин.

— Нет, это сделала ты, Берилл, потому что Кельвин, по крайней мере, был честен со мной с самого начала.

— Ну, тогда Родни…

— Ой, Берилл, да ладно тебе! Даже я знаю, что всем насрать на Родни. Но ты… Ты дала мне надежду. Ты сказала мне мечтать свою мечту.

— Шайана, пожалуйста, послушай меня, мы всем это говорим! Разве ты не понимаешь? Ты принимаешь все слишком близко к сердцу. Шоу «Номер один» — это развлекательное шоу. Певцы здесь не важны. Талант не важен. Это шоу про людей, просто прикол…

— Да, и прикалываются в нем к нам. К мечтателям!

— Ну конечно это так, Шайана, а как же иначе? Мы главное развлекательное шоу, ты должна помнить это. Мы не серьезная программа. Если ты серьезно хочешь стать певицей, иди на прослушивание в Ливерпульский институт театральных искусств или другую театральную школу. Я могу написать директору, если хочешь.

— Ты велела мне мечтать мечту.

— Да, я сказала это, и мне жаль, Шайана, но шоу «Номер один» не занимается воплощением ваших мечтаний. Кельвину плевать на ваши мечты, ему совершенно наплевать на вас. Знаешь, как он вас называет? «Сморчками», «липучками» и «выскочками», вот как. Мы все вас так называем. Прости, но это правда. Я не знаю, хорошо ты поешь или плохо. И мне плевать. Ты поверила не тем людям, Шайана. Не верь нам, и не верь в нас. Отпусти меня, и я попытаюсь помочь тебе найти людей, которым ты сможешь поверить. Пожалуйста. — Берилл пыталась освободить от веревок привязанные к кровати руки. — Что ты сделала с Присциллой? — пробормотала она. — Ты ведь не обидела ее.

— Да какое тебе дело до Присциллы, алчная старая ведьма? — рявкнула Шайана. — Ты засрала ее жизнь так же, как и мою.

— Что?!

— Ты использовала ее! Ты использовала всю свою семью. Да ладно тебе. Кто стал главным персонажем «Бленхеймов», а? Ты. Ты, и только ты. Присцилла и Лиза Мари в нем выглядят как надутые, недовольные, тупые, охеревшие от славы идиотки, кем они и являются, а Сиринити похожа на себя саму, ущербную ненормальную

дуру! И ты рядом с ними! Старая добрая Берилл Бленхейм, рокерша, супермамочка!

— Я сделала Присциллу знаменитой.

— В чем знаменитой? Ни в чем. Она знаменита тем, что ругается? Что вечно ноет? Она явно недостаточно знаменита, чтобы продать хоть один альбом. Господи боже мой! Лиза Мари и я побывали в центре для наркоманов еще до того, как получили право голосовать на вонючих выборах! Я рассказывала «Нэшнл энквайер» о своей наркозависимости, пока ты продавала мою чертову жизнь на «Фокс-ТВ»!

Сначала Берилл не заметила.

— Чья это была дурацкая идея, мама?

Теперь она заметила.

— Мама?

— Не моя и не Лизы Мари, мы были детьми.

— О чем ты говоришь?

— И не моей настоящей матери, она так торчит, что не знает, какое сегодня число. Но в нашей семье всегда был только один нормально функционирующий мозг, верно? Одна ясная голова, наша старая добрая мама…

— Перестань! Перестань притворяться Присциллой. Я не твоя мать. Ты просто чокнутая дура. Ты никак не связана со мной или с Присцил-

лой…

Девушка прошлась по комнате и включила свет.

— Ой, мама, хватит тебе! — рявкнула она. — До тебя что, еще не дошло?

Берилл лежала и моргала в свете лампы.

— Что не дошло? Отпусти меня, сука чокнутая!

— Я Присцилла, твою мать.

— Это неправда! Ты ненормальная, и тебе нужна помощь. Где моя дочь?

— Я же сказала, перед тобой, мама.

— Перестань называть меня мамой!

— С радостью! Хорошо. Отлично. Это отличная новость. Ты все равно никогда не была моей мамой.

— И прекрати это безумие.

— Мама, ты не слушаешь. Ты не слушала, когда я была Шайаной, и теперь не слушаешь, когда я Присцилла.

— Ты не Присцилла. Ты Шайана!

— Да, я Шайана, и еще я Присцилла. Присцилла — это Шайана, а Шайана — это Присцилла. Черт возьми, мы — один и тот же человек. Это с самого начала была я.

Берилл открыла рот, чтобы снова закричать, но не смогла сказать ни слова. Наконец до нее

дошло.

— Хорошо, — сказала Присцилла. — Теперь поняла?

Присцилла дернула себя за волосы и стащила парик, скрывавший ее собственные розовые локоны.

— Этого не может быть, — пробормотала Берилл, но она уже поняла, что это правда.

— Конечно может, — ответила Присцилла. — Парик, немного макияжа. Я притворилась, что сделала себе нелепые огромные титьки. Кстати, я не пошла на операцию, это было частью плана сделать меня непохожей на Шайану. Сначала я собиралась наделить ее силиконовыми грудями, но подумала, что не смогу нормально двигаться на сцене. Я не знаю, зачем мне вообще нужно было заморачиваться с превращением, ты почти не смотрела на меня во время прослушивания. Ты бы не заметила меня даже через миллион лет. Единственный человек, на которого тебе не наплевать на этом шоу, — это ты сама!

— Я так чертовски зла на тебя, Присцилла! — в ярости крикнула Берилл.

— О нет! Как я это переживу? — хмыкнула в ответ Присцилла.

— Ты правда все это время была Шайаной?

— Да, я же говорю. Я придумала ее.

— Но зачем, ради всего святого? Ты Присцилла Бленхейм, зачем тебе идти на чертово шоу «Номер один»?

— Зачем? А ты как думаешь? Чтобы узнать, действительно ли ты думаешь, что я хорошо пою!

— Что?

— Я записала альбом, мама, и он с треском провалился. Но ты допустила это. Ты была моим менеджером. Старая добрая Берилл Бленхейм, давнишняя рокерша-богиня, думала, что со мной стоит заключить контракт. По крайней мере, ты верила в меня, я всегда опиралась на твою веру, но потом я задумалась. Может быть, я правда ничтожество и стала знаменитой просто потому, что моя мачеха ставит камеры в своей чертовой спальне и транслирует мою юность по кабельному телевидению…

— Присцилла, в наши дни у всех в спальнях стоят камеры! Жизнь каждого человека показывают по телевидению. Ну и что? Радуйся! Джессика Симпсон снимала свою свадьбу, Бритни — свою беременность, Томми Ли — образование, а Осборны — то, как они сидят на диване, ради всего святого, и они все равно целых три сезона были хитом! Вся нация стоит в очереди, чтобы участ-

вовать в «Большом брате» и светиться на экране двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю! Я дала тебе то, чего хотят все до единого…

— Я не говорю обо всех! Я не говорю об Осборнах, или Джессике Симпсон, или о вонючем Томми Ли. Может быть, им это нравилось, может быть, они этого хотели, но я говорю о себе!

— А тебе что, не нравилось? Вечеринки, лимузины? Мне казалось, что тебя все устраивало.

— Мама, всем нравятся вечеринки, но нельзя веселиться постоянно.

— Это еще почему?

— Я хотела делать что-то. Я хотела увидеть, могу ли я что-то делать. Поэтому и решила выяснить, что ты думаешь на самом деле. И теперь я знаю. Я вложила в эту песню всю душу. Я спела «Wind Beneath My Wings» так, словно была рождена для этой песни, и вы сказали, что это было ужасно! Мама, зачем ты позволила мне записать альбом, если думала, что у меня ужасный голос?

— Дорогая, я не думала, что у тебя ужасный голос, — попыталась объяснить Берилл. — Я думала, что это у Шайаны ужасный голос.

— Голос Шайаны это и мой голос тоже!

— Нет, это неправда! Прости, но вы разные. Я знаю, что ты была Шайаной, но это не делает вас

одинаковыми. Вы совершенно разные люди, все дело в различных сопутствующих моментах…

— Вот именно! Когда я Присцилла Бленхейм, всемирно известная звезда реалити-ТВ, я стою контракта. Но когда я — это просто я… просто голос, просто девушка, которая поет песню, я ничем не лучше последнего урода.

Берилл не знала, что ответить.

— Ты могла бы остановить меня, мама. Ты могла бы сказать: не записывай альбом, дорогая, у тебя нет музыкального таланта. Но нет. Ты позволила мне сделать это, ведь ты могла бы заработать на этом пару баксов. Ты поддержала меня. Тебе было мало украсть мою юность…

— Присцилла, подожди-ка.

— Украсть мою юность, мама! — повторила Присцилла. — Мне было четырнадцать. Это время, когда большинство подростков ставят замки у себя на двери, чтобы в одиночестве наслаждаться переходным возрастом. А ты пригласила ко мне весь этот чертов мир! Когда мы с Лизой Мари начинали взрослеть и пытались понять, кто мы такие, все вокруг уже решили, кто мы есть на самом деле. Мы никогда не скроемся от того, что ты сделала с нами, мама. Мы застряли навсегда. Ты несла ответственность за мое благополучие,

и ты заставила меня работать, словно в шахте или в печной трубе. А теперь выясняется, что ты даже никогда и не думала, что у меня есть чертов талант!

— Нет! Я говорила о Шайане.

— Шайана — это я, мама!

— Ты Присцилла.

— Я Шайана и Присцилла, и мы обе только что наказали тебя.

— Да, ну хорошо! Ты меня наказала! Ты ужасно напугала меня, спасибо тебе большое, и, кстати, не стоит в следующий раз бежать ко мне, чтобы я помогла найти адвоката или центр для наркоманов…

— Ты понятия не имеешь, как мы тебя наказали!

— Присцилла, перестань повторять это «мы», ты говоришь как та сумасшедшая сука, которую ты придумала.

— Я такая же сумасшедшая, как и она, мама. И повторяю, ты понятия не имеешь, как мы с Шайаной тебя наказали.

— О чем ты говоришь?

— Я говорю об операции, мама. О том, что ты любишь больше всего на свете. Ты пытаешься выглядеть моложе, пытаешься выглядеть лучше.

Это наваждение, болезнь. Клянусь, за последние годы ты провела больше времени со своим пластическим хирургом, чем со своей якобы обожаемой семьей.

— Это не…

— Это правда, мама, а теперь послушай меня. Ты знаешь, какого хирурга я для тебя нашла?

— Да. А что с ним?

— Ну, боюсь, он оказался не так хорош в своем деле, как я думала.

— О чем ты говоришь?

— Да. И, кстати, сейчас не утро после финала. На самом деле прошло две недели. Мы держали тебя без сознания две недели.

— Присцилла, о чем ты…

— Видишь ли, нам нужно было время. Мы постоянно работали над тобой, потому что этот парень постоянно делал одну ошибку за другой, и чем больше он пытался исправить то, что натворил, тем больше портачил. Иногда казалось, что он делает это едва ли не нарочно. Но зачем ему это делать, мама? Зачем кому-то пытаться изуродовать тебя?

— Присцилла, это самая мерзкая шутка, которую я только…

— Ты помнишь Дамиана, мама?

— Что?

— Дамиана с выступающими зубами и в очках. Он был одноразовым «сморчком».

— Нет, конечно, я его не помню. Как, черт возьми, я должна…

Дверь открылась, и в комнату вошел молодой человек. На нем был белый халат, весь забрызганный кровью. У него были выступающие зубы и очки на носу.

— Миссис Бленхейм, я студент-ветеринар, если вы забыли, — сказал Дамиан. — Поэтому, думаю, было ошибкой предположить, что я смогу выступить в роли пластического хирурга, но Шайана очень настаивала, а она умеет убеждать. Я много чего с вами сделал. Думаю, сейчас вы ничего не чувствуете, но это благодаря анестезину. Позже вы испытаете непереносимую боль.

Берилл с трудом набрала воздух, когда Присцилла взяла зеркало и поднесла его к ее лицу.

Затем она закричала. Ее полный ужаса вопль разорвал воздух. Из зеркала на нее смотрело изуродованное лицо, красное, окровавленное, исчерченное шрамами и швами и украшенное ужасными синяками и дырами.

— Повторяю, — продолжил Дамиан, — когда действие анестезии закончится, боль будет му-

чительной.

Крик замер, но Берилл судорожно вдыхала воздух, захлебывалась и икала от ужасного осознания того, что с ней сделали.

— Уродина, мама. Уродина! — крикнула Присцилла. — Подумай об этом. Ты уродина! И сейчас это стало очевидным. После того, как мой друг Дамиан закончил тебя резать. Уродина!

Берилл, казалось, сейчас стошнит.

— Толстая уродина! — взвизгнула Присцилла.

Такое уточнение было достаточно впечатляющим, чтобы на секунду упорядочить хаос в мыслях Берилл.

— Толстая? — с трудом выговорила она, по-прежнему не справляясь с дыханием.

— Да, толстая! — закричала Присцилла. — Самое ужасное на свете, верно? То, с чем ты боролась много лет! Ты провела половину жизни, отсасывая жир, отрезая его и выскребая! Ну, угадай, что случилось? Он вернулся! Дамиан вернул его тебе в полном объеме!

— Нет!

— Да! — победно вскричала Присцилла. — Обратная липосакция! Каково это, а, мама? Он сам придумал ее.

С этими словами Присцилла сорвала с Берилл

простыню, открыв дряблое, толстое и израненное тело, покрытое красными, фиолетовыми и желтыми пятнами от порезов, синяков и гноя.

— Думаю, эффект будет временный, — скромно сказал Дамиан. — Сомневаюсь, что новый жир и правда срастется с вашими тканями, я просто закачал его куда смог. Повторяю, когда действие анестезии прекратится, начнутся ужасные боли, но сомневаюсь, что это продлится долго, поскольку не представляю, как человеческий организм сможет пережить то, что я с ним сделал. Мы оставили вас в живых, только чтобы вы увидели, что с вами стало.

— Да, — сказала Присцилла, — как тебе такое, мама? Ты умрешь, умрешь ужасно уродливой и очень, очень жирной. Две вещи, которых ты всегда боялась больше всего. Это цена, которую ты платишь за то, что украла мою жизнь. Я за это украду твою. Больше никакого телевидения!

Берилл посмотрела на свое изуродованное тело. Затем перевела взгляд в зеркало на гротескную маску, которая раньше была ее лицом.

Она не могла вынести этого. Слов не было. Ее губа задрожала, ноздри раздулись, а глаза заволокла пленка. Веки сжались в мучительную гримасу и выдавили блестящую слезу.

— Это… это… — сказала она, но не смогла продолжить.

— Вообще-то это гимнастический костюм, — ответила Присцилла.

Берилл посмотрела на нее непонимающе.

— Это большой гимнастический костюм, мама. Я взяла его на Би-би-си из одного скетч-шоу. Мы с Дамианом нарисовали на нем раны и синяки.

— Что? — Казалось, Берилл по-прежнему ничего не понимает.

— А это — грим, — продолжила Присцилла, взяв пачку влажных салфеток, и начала грубо тереть лицо Берилл. Вскоре влажные салфетки покрылись красными, фиолетовыми и желтыми пятнами, и большая часть синяков и швов, которые изуродовали лицо Берилл, исчезли. — Мама, ничего мы с тобой не сделали. Мы просто напугали тебя. И без сознания ты была не две недели. Сегодня утро после финала шоу «Номер один», и с тобой все в порядке.

— Ты сука чертова! — закричала Берилл.

— Дамиан сыграл хорошо, верно? — улыбнулась Присцилла.

— Спасибо, Присцилла, — сказал Дамиан.

Берилл на секунду снова опустила голову на подушку.

— Развяжите меня, — сказала она.

Присцилла и Дамиан послушно развязали веревки, которые удерживали Берилл.

— Это правда костюм? — сказала она. — Вы уверены?

— Да, молния на спине.

— И вы ничего со мной не сделали?

— Конечно нет.

Берилл снова задумалась.

— Ты чертова сука, — сказала она.

— Яблоко от яблони, мама.

— Поверить не могу, что ты так поступила!

— Я не могу поверить ни во что, что делаешь ты.

— Дьявол.

— Ага.

Берилл снова полежала молча.

— Ну, хорошо, это ведь рок-н-ролл, верно?

— Да, наверное.

— Все хорошо, что хорошо кончается, да? Присцилла, я тебя прощаю.

— Спасибо. Хотя, мама, еще ничего не закончилось.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты еще не наказана. Ты еще не заплатила сполна.

— Ради всего святого. Что теперь, твою мать?

— Помнишь, ты хотела перенести съемки первого эпизода нового сезона? Чтобы ты успела сделать операцию на глазах? И еще одну на влагалище?

— Да. Но операций не было, верно?

— Да, и шоу я тоже не перенесла.

— Что ты хочешь сказать?

— Я перенесла его обратно. Смотри!

Присцилла подвинула лампу так, чтобы она больше не светила прямо в глаза Берилл. Она тут же увидела, что в углу комнаты на штативе стоит маленькая телевизионная камера.

— Привет, мама, — сказала стоявшая за камерой Лиза Мари Бленхейм.

— Что ты тут делаешь, черт возьми? — потребовала ответа Берилл.

— Помогаю Присцилле, — ответила Лиза Мари. — Мы семья, не забывай.

— И мы только что сняли первый эпизод нового сезона, — крикнула Присцилла. — Ты, я и Лиза Мари. Мачеха со своими дочками.

— Этого не может быть!

— Может! Впервые в истории телевидения мы добавим «реальность» в реалити-ТВ, и тебя увидят такой, какая ты на самом деле.

Лиза Мари ввела временной код и повернула видеомонитор к Берилл.

«Шайана, пожалуйста, послушай меня… — услышала Берилл свой голос. — Шоу „Номер один“ — это развлекательное шоу… Талант не важен… Это просто прикол… Кельвину плевать на ваши мечты. Знаешь, как он вас называет? „Сморчками“, „липучками“ и „выскочками“, вот как. Мы все вас так называем… Ты поверила не тем людям, Шайана. Не верь нам, и не верь в нас».

Лиза Мари выключила монитор.

— Не думаю, что Кельвин очень обрадуется, когда этот небольшой кусочек реальности покажут целиком, верно? — сказала Присцилла. — И я не думаю, что нация будет особо высокого мнения о своей любимой мамочке, которую унизила ее падчерица в отместку за свою уничтоженную жизнь.

— И мою, — сказала Лиза Мари.

— Но именно это они увидят в первом и последнем эпизоде этого сезона, мама.

— Присцилла, — сказала Берилл. — Ты не можешь показывать это. Я ведь без макияжа. Я категорически против!

Смотрите в следующем выпуске

Благодаря участию в последней серии «Бленхеймов» Дамиану предложили реалити-проект для кабельного телевидения о косметической зубной хирургии под названием «Нет выпирающим зубам!».

Мишель из группы «Пероксид» работает стриптизершей. Она чувствует, что эта работа помогает ей раскрыть себя как женщину, и надеется снять реалити-фильм на эту тему.

Латиффа появилась в двенадцатой серии шоу «Я звезда, вытащите меня отсюда!» и опубликовала автобиографию под названием «Каково быть мной».

Джорджи наконец удалось набрать нормальный для молодой женщины вес, но только после переезда в Беверли-Хиллз. Она продолжает страдать серьезным нарушением пищеварения и является объектом зависти всех своих новых друзей.

Миллисент и Грэм не смогли возродить свою любовь после трагедии на шоу «Номер один» и пошли каждый своей дорогой. Бирмингемская

радиостанция предложила им неизвестную сумму за то, чтобы они поженились в прямом эфире.

Табита появилась вместе с Латиффой в шоу «Я звезда, вытащите меня отсюда!», где они обнимались в гамаке. Позднее Латиффа объяснила журналу «Хит», что она не лесбиянка, но ее карьере требовалось ускорение в виде лесбийского поцелуя.

Девушка Табиты организовала собственное реалити-шоу; она жила на необитаемом острове с несколькими бедолагами мужчинами, которым было дано задание попытаться завести ее. Шоу называлось «Раскрути лесбиянку».

Вики и ее мама винят друг друга за ужасный опыт на шоу «Номер один» и постоянно ругаются в различных скандальных шоу в стиле Джерри Спрингера.

Сьюки получила долгожданную новую пару силиконовых грудей и снова раскрыла себя как женщина. Удаление старых имплантатов показали в реалити-шоу под названием «Сьюки. Титьки наружу для парней». Она написала автобиографию «По-прежнему расту».

Группа «Парень» создала реалити-шоу о своем бурном существовании после шоу «Номер один» под названием «„Парень“ мечтает мечту». Группу

можно заказать на вечеринку через ее интернет-сайт.

Майкл из группы «Четверка-Х» появился в восемнадцатой серии шоу «Знаменитый Большой брат», в котором он, министр иностранных дел и епископы Бата и Уэлса получили задание надеть мини-юбки и выступить в стиле группы «Бананарама».

Стэнли, отец-одиночка, выпустил диск «The Greatest Love Of All», который поднялся до шестого места в рейтинге. Процесс записи песни снимался на реалити-шоу под названием «Самый лучший папа».

Незабудка выпустила телевизионный реалити-сериал на канале «Пристрастие и излечение» под названием «Как жить с заразительным смехом» и написала автобиографию под названием «Громкая женщина».

Группа «Шетландский туман» получила огромную поддержку после того, как Иона заняла второе место на шоу «Номер один». Теперь они ужасно популярны в шотландских народных рок-кругах и были приглашены на реалити-шоу под названием «Слава на Гебридах».

Дакота получила сто миллионов фунтов после развода с Кельвином и на следующий день вы-

шла замуж за триллионера и торговца оружием, в которого «ужа-асно влюбилась». С тех пор она прошла через брак с нефтяным шейхом и инсайдерским дельцом, а сейчас ее можно встретить на крупнейших благотворительных сборищах, где она пытается наткнуться на Билла Гейтса.

Телевизионная карьера Берилл пережила саботаж Присциллы и ее показывали на телевидении во всевозможных ролях, от ведущей программы новостей до роли Элизабет Беннетт в новой звездной версии «Гордости и предубеждения». Каждый новый виток жизни Берилл описывается в ее собственном отдельном документальном сериале, и не бывает минуты, когда Берилл Бленхейм не показывают по телевидению.

Присцилла стала Шайаной и пользуется популярностью как певица в дискотечных тусовках людей нетрадиционной сексуальной ориентации.

Принц Уэльский так и не унаследовал трон, потому что должность главы государства загнали какому-то парню из России, чтоб поднять заработки пиарщикам.

Эмма одинока и всем довольна.

Кельвин женился на Челси. Шоу «Номер один» осталось хитом, а «КЕЛоник ТВ» продолжает

расти. С учетом нынешнего развития событий считается, что к 2050 году все в мире будут либо поп-звездами, либо участниками собственных телевизионных реалити-шоу.